ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 1 (35)

2018

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 1 (35)

2018

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/ ECONOMICS / LAW

ISSN 2072-2087

№1(35) 2018
Научный рецензируемый журнал
Март

ВЕСТНИК
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №1 (35) 2018: исторические науки и археология/экономические науки/юридические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2018. 272с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович **-** ректор, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.
Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна **-** доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.
Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович **-** кандидат биологических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук,ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Институ́т исто́рии материа́льной культу́ры Российской Академии наук,Санкт-Петербург,Россия;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Глушак Николай Владимирович - доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Гриненко Александр Викторович - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алфёрова И.В., Фишер Е.С.
«ПРИНЯТЬ», «ОРГАНИЗОВАТЬ», «УСТРОИТЬ»…:
БЕЖЕНЦЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИЮЛЬ-АВГУСТ 1915 Г.) 9

Бондарева Д.К.
ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В. 19

Горащук И.В.
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ КАМЕННЫЕ НОЖИ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ 28

Ермаков А.А., Морозов В.М.
«ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА» ИЗРАИЛЯ ПРОТИВ ХАМАС 38

Исмаилова З.А.
КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТАМИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
В 1948-1953 ГГ. И РОЛЬ В НЕЙ М.В. НЕЧКИНОЙ 43

Кирсанов Е.В.
ГОРОД РУСИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 55

Колмаков М. А.
КРАХ «КОМПАНИИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ»
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ РОБЕРТА УОЛПОЛА. 69

Комаров С.С.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЫБОРА ВИЗАНТИЙСКОЙ МОДЕЛИ
ХРИСТИАНСТВА ДРЕВНЕРУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ 79

Крупенкин Е.Н.
КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ 87

Куненков Б. А.
СЛУЖАЩИЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА И «ВОРОВСТВО»:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕДОМСТВА 94

Литвинова Е.В.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ
В ИЗРАИЛЕ: ПРИНЦИПЫ И НОВЫЕ МОМЕНТЫ 98

Лошкарёв И.Д.
РАЗВИТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭТНОСА ОРОМО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В ЭФИОПИИ (XVII-XX ВВ.) 105

Маслова Е.А., Ушакова Н.В.
СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ (НАЧАЛО) 111

Морозов В.М., Литвинова Е.В.
БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ: ИЗРАИЛЬСКИЙ ОПЫТ 117

Пестич С.С.
ПОЛИТИКА СССР ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА СЕНТЯБРЯ 1970 г. В ИОРДАНИИ 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по группе научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология.

криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Гудименко Галина Валерьевна - доктор экономических наук, профессор Орловского государственного университета экономики и торговли, Орел, Россия;

Донцова Людмила Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры Финансового контроля, анализа и аудита Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

Дорошков Владимир Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Енуков Владимир Васильевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курск, Россия;

Иосифуру Цутия – профессор Нихонского университета, кафедра Исторических наук, Токио, Япония;

Кащенко Сергей Григорьевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Марковичева Елена Викторовна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства «Российский государственный университет правосудия», Москва, Россия;

Мельников Олег Николаевич - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Патрушева Наталья Генриховна **-** доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия;

Попов Стоян Йорданов **-** доктор исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Пловдивский университет «Паисий Хилендарски», Болгария;

Рогова Елена Моисеевна – доктор экономических наук, профессор департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;

Столяров Е.В., Петров Ю.Ю
НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ И АМУНИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – НАЧАЛА XV ВВ. С АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА У Д. МАЛАЯ СТРЕКАЛОВКА 131

Федосов А. В., Шинаков Е. А.
«НАЧАЛО ГОСУДАРСТВА» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ (СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ) АНТРОПО-ЛОГИИ 136

Федосова Н.А.
ЭДГАР ЮЛИУС ЮНГ. БИОГРАФИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА 149

Ходынская-Голенищева М.С., Сапронова М.А.
СВЕТСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СИРИИ ДО «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» (2000-2011 ГГ.) 157

Шендыгаев Д.И.
ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ КАРДУЭЛЛА И ОТМЕНА ПАТЕНТОВ В БРИТАНСКОЙ АРМИИ 164

Шинаков Е.А., Чубур А.А., Гурьянов В.Н.
СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ОКОЛЬНОГО ГРАДА ЛЕТОПИСНОГО ВЩИЖА ПО МАТЕРИАЛАМ ОХРАННЫХ РАСКОПОК 2005-2014 ГГ. 172

Шуминов Н.З.
ВЛИЯНИЕ США НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ВПК ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЯ 178

Шуткова Н.П.
ИЗРАЗЦОВЫЕ ПЕЧИ ЗАМКА В СТАРОМ БЫХОВЕ ПО ПЛАНУ 1781 г. 189

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Глушак Н.В., Глушак О.В.
КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ СФЕРЫ 199

Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышева Д.А.
БИОАДЕКВАТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕОРИИ ФРАКТАЛОВ 208

Гудеменко Г.В.
ФАКТОРЫ НЕЦЕНОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА 215

Игольникова И.В
ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА 219

Мандрон В.В., Зверев А.В., Мишина М.Ю.
ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 226

Мельгуй А.Э., Ермакова Л.В., Ковалева Н.Н., Ковалев А.Ф.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕТА ЗАТРАТ 235

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонов А.Н.
К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ НОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД. 243

Горбачев А.Н.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ: ОПЫТ ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ ГВИНЕИ 249

Родина Т.Ю.
ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 256

Черноперов Василий Львович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Россия;

Шинаков Евгений Александрович - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика. И. Г. Петровского, Брянск, Россия.

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований. Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов. Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Шувалова М.А.
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР 260

Шушканов П.А.
О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ) ПРАВООТНОШЕНИЙ 266

ISSN 2072-2087

Vol.1 – No.35

Scientific peer-reviewed journal

March

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational «Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald. № 1 (35) 2018: historical sciences and archaeology/ economics / law. Bryansk: RISO BSU, 2018. 272p.

Chairman of editorial board:
Antyukhov Andrey Viktorovich - Rector, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.
Chief editor:
Stepchenko Tatyana Alexandrovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice rector for research activity and international relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.
Executive secretary:
Melnikov Igor Vladimirovich - Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, chief of publishing department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Editorial board:

Artamoshin Sergei Viktorovich – Doctor of historical sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Beletsky Sergey Vasilyevich - Doctor of historical sciences, leading researcher of the Department of Slavic and Finnish archaeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of historical sciences, Professor, Head of the World History, International Relations and International Law Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Chernoperov Vasily Lvovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the World History and International Relations Department, Ivanovo State University, Russia;

Glushak Nikolai Vladimirovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Customs and Marketing Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Grinenko Aleksander Viktorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Alfyorova I.V., Fisher E.S.
"ACCEPT", "ORGANIZE", " ARRANGE»…:
REFUGEES IN OREL PROVINCE (JULY-AUGUST 1915) 9

Bondareva D. K.
NATURE PROTECTION ACTIVITIES IN THE YENISEI PROVINCE
IN THE LATE XIX CENTURY – EARLY XX CENTURY 19

Goraschuk I.V
SPECIALIZED STONE KNIVES OF ELSHANSKY CULTURE 28

Ermakov A.A., Morozov V.M.
ISRAEL'S «UNDERGROUND WAR» AGAINST HAMAS 38

Ismailova Z.A.
THE CAMPAIGN ON STRUGGLE AGAINST COSMOPOLITANS
IN HISTORICAL SCIENCE IN 1949-1953 AND THE ROLE
OF M.V. NECHKINA IN IT 43

Kirsanov E.V.
THE CITY RUSIA IN THE DOMESTIC HISTORY 55

Kolmakov M.A.
THE "SOUTH SEA COMPANY" COLLAPSE AND ROBERT WALPOLE'S
POLITICAL BREAKTHROUGH 69

Komarov S.S.
POLITICAL COMPONENT OF THE CHOICE OF THE BYZANTINE MODEL
OF CHRISTIANITY BY THE OLD RUSSIAN STATE 79

Krupenkin Y.N.
THE FRONTIER CONCEPT IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE:
HEURISTIC POSSIBILITIES AND APPLICATION LIMITS 87

Kunenkov B.A.
EMPLOYEES OF THE AMBASSADORIAL PRIKA AND "THEFT»:
ENSURING PERSONNEL SECURITY OFFICE 94

Litvinova E.V.
LEGISLATIVE REGULATION OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM
IN ISRAEL: PRINCIPLES AND NEW MOMENTS 98

Loshkariov I.D.
THE DEVELOPMENT OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE OROMO PEOPLE
AND THE POLITICAL PROCESSES IN ETHIOPIA IN XVII-XX CENTURIES 105

Maslova E.A., Ushakova N.V.
THE ITALIAN POLICY IN THE MEDITERRANEAN (1ST PART) 111

Morozov V.M., Litvinova E.V.
STRUGGLE AGAINST TERRORISM: ISRAELI EXPERIENCE 117

Pestich S.S.
THE POLICY OF THE USSR DURING THE SEPTEMBER CRISIS
OF 1970 IN JORDAN 124

Gudimenko Galina Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russia;

Dontsova Ludmila Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Financial Control, Analysis and Audit, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;

Doroshkov Vladimir Vasilyevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Dubrovskii Aleksandr Mikhailovich - Doctor of historical sciences, Professor, Professor of the World History, International Relations and International Law, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Enukov Vladimir Vasilyevich - doctor of historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Kursk State University, Director of the Institute of archeology of the Southeast of Russia, Kursk, Russia;

Iosifuru Tsutia – Professor of Nihon University, Department of Historic sciences, Tokyo, Japan;

Kashchenko Sergey Grigoryevich – Doctor of historical sciences, Professor, Head of Source Studies of Russian History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

Markovicheva Elena Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Principal Research Scientist of Criminal Justice Issues Department, Russian State University of Justice, Moscow, Russia;

Melnikov Oleg Nikolaevich – Doctor of Economics, Professor of the Department of management, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia;

Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Patrusheva Natalya Genrikhovna - Doctor of historical Sciences, Head of the rare books Department of the Russian national library, St. Petersburg, Russia;

Popov Stoyan Yordanov - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department History and Archeology, Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria

Rogova Elena Moiseevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Finance, National research University "Higher school of Economics", Saint-Petersburg, Russia;

Shinakov Evgeniy Aleksandrovich - Doctor of historical sciences, Professor of the Russian History Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Stolarov E.V., PetrovYu.Yu.
FINDS OF WEAPONS ANDACCOUTREMENTS
IN THE SECOND HALF OF XIV – EARLY XV CENTURIES
FROM ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AT D. SMALL STREKALOVKA 131

Fedosov A.V., Shinakov E.A.
THE BEGINNING OF STATEHOOD" IN WESTERN EUROPEAN, AMERICAN
AND RUSSIAN POLITICAL (SOCIOCULTURAL) ANTHROPOLOGY 136

Fedosova N.A.
EDGAR JULIUS JUNG. BIOGRAPHY OF THE CONSERVATIVE
REVOLUTIONARY 149

Khodynskaya-Golenishcheva M.S., Sapronova M.A.
SECULAR AND ETHNOCONFECTIONAL ASPECTS OF THE SYRIAN
POLITICAL SYSTEM BEFORE THE ARAB SPRING (2000-2011) 157

Shendygaev D.I.
THE CARDWELL REFORMS AND ABOLITION OF PURCHASE
IN BRITISH ARMY 164

Shinakov E.A., Chubur A.A., Guryanov V.N.
THE GLASS PRODUCTS FROM THE ROUNDABOUT TOWN
OF THE CHRONICLES VSHCHIZH ON THE MATERIALS
OF RESCONDUCTORS EXCAVATIONS 2005-2014. 172

Shuminov N.Z.
THE INFLUENCE OF US ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF ISRAEL 178

Shutkova N.P.
THE TILED STOVES OF THE CASTLE IN OLD BYKHOV ACCORDING
TO THE PLAN OF 1781 189

ECONOMICS

Glushak N.V., Glushak O.V.
A COGNITIVE MODEL OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE
INNOVATION-INVESTMENT PROCESS HIGH-TECH SECTOR 199

Gorbov N.M., Gorbova T.M., Pogonisheva D.A.
BIOADEKVATNOE MANAGEMENT OF SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC
SYSTEMS USING THEORY OF FRACTALS 208

Gudimenko G.V.
FACTORS OF NON-SECENNE COMPETITION AS A METHOD
FOR FORMINGTHE IMAGE OF THE COMMERCIAL BANK 215

Igolnikova I.V.
THE LABOR POTENTIAL REPRODUCTION OF THE AGRICULTURE
IN THE BRYAN REGION AS A FACTOR OF IMPROVING THE EFFICIENCY
OF THE REGION ECONOMY 219

Mandron V.V., Zverev A.V., Mishina M.Y.
FINANCIAL MARKETS IN MODERN RUSSIA: PECULIARITIES
OF REGULATION AND DEVELOPMENT TRENDS 226

Melgui A.E., Ermakova L.V., Kovaleva N.N.
TOPICAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL COST ACCOUNTING 235

LAW

Artamonov A.N.
TO THE QUESTION OF RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL CARRYING
OF THE STATE AWARDS 243

Gorbachev A.N.
LEGAL REGULATION OF THE USE OF FORESTS:
EXPERIENCE OF EQUATORIAL GUINEA 249

Rodina T.Y.
PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE EVALUATION
OF THE EFFECTIVENESS OF THE USE OF INFORMATION SYSTEMS
IN INVESTIGATIVE ACTIVITIES 256

Shuvalova M.A.
HISTORICAL DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF PROTECTION
OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MINORS: THE ESTABLISHMENT
OF THE LEGISLATION OF THE RSFSR..... 260

Shushkanov P.A.
ABOUT PROSPECTS OF PERFECTION OF LEGAL REGULATION
OF ECONOMIC (BUSINESS) RELATIONS 266

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students. Materials of articles are printed in author's edition.

Index 40705 of general catalog
«Press of Russia»

УДК 94(100)“1914-1918”:316.75

Алфёрова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).
Фишер Е.С., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

«ПРИНЯТЬ», «ОРГАНИЗОВАТЬ», «УСТРОИТЬ»…: БЕЖЕНЦЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИЮЛЬ-АВГУСТ 1915 Г.)[1]

Первая мировая война принесла неисчислимые бедствия населению Российской империи, среди них – движение беженцев из прилегающих к фронту губерний в тыловые районы страны. Массовая эвакуация переселенцев началась в июне 1915 г., однако Главное управление по устройству беженцев было создано только 24 июля 1915 г. Закон об обеспечении нужд беженцев был принят 30 августа 1915 г., а для руководства и объединения деятельности государственных и общественных организаций в этой области образовано Особое совещание по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел. До этого времени руководству губерний, которые оказались местом сосредоточения беженцев, приходилось рассчитывать на собственные силы и финансирование. В статье рассматриваются первые дни и месяцы пребывания беженцев во внутренних российских губерниях, а именно – Орловской. Продемонстрирована роль различных органов российского и местного самоуправления, в том числе Орловского областного комитета Всероссийского союза городов, общественных организаций, населения в оказании помощи беженцам на местах, выявлены различные, порой непреодолимые сложности, с которыми сталкивались массы людей, оказавшихся заложниками военных реалий, непродуманных решений военного командования, нерасторопности общероссийских и местных властей. Происходившее показано авторами статьи как «история снизу», т.е. от лица непосредственных свидетелей событий. С этой целью были привлечены не только делопроизводственные документы органов местного самоуправления, которым приходилось в экстремальной ситуации массовой эвакуации переселенцев достаточно быстро принимать решения, не всегда успевая документально их оформить, но и местная периодическая печать, сочетающая в себе и детальную информативность, и репрезентативный срез общественных настроений того времени.
Ключевые слова: Первая мировая война, Орловская губерния, беженцы, органы местного самоуправления, Орловский комитет Всероссийского союза городов, благотворительность.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-9-18

В феврале 1917 г. орловский губернатор предложил уездным земским комитетам составить краткий очерк, который бы включал в себя описание мероприятий по оказанию помощи беженцам, оказавшимся на территории губернии в годы Первой мировой войны. Для составления очерка была разработана специальная программа, которая предусматривала немалое количество обязательной информации. Так, в очерке необходимо было указать время прибытия первых партий беженцев в губернию, пункты, на которые прибывали беженцы, описать их внешний вид, санитарное состояние, показать как была организована встреча прибывающих людей. Кроме этого, губернские власти хотели получить сведения относительно правительственных организаций, принимавших участие в приеме беженцев, а также в их дальнейшем устройстве. «Если прибытие больших партий беженцев вызывало <…> сооружение каких-либо особых построек или приспособления существующих помещений, то указать число их с подразделением согласно назначению» [1, л. 11], – предписывалось в программе. Более того, требовалось: «Описать наиболее крупные из таковых сооружений, указать их местонахождение, назначение, примерную стоимость их сооружения, приспособления и оборудования, приложить планы и фотографические снимки» [1, л. 11]. Присутствовали в программе и пункты, освещающие качество и размеры вещевой, продовольственной, квартирной, врачебно-санитарной, трудовой помощи, оказанной беженцам, а также

[1] Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915 – 1917 гг.)» № 17-21-01010 а(м).

пункты, касающийся удовлетворения их «религиозных» и «духовных нужд».

В Государственном архиве Орловской области сохранилось несколько очерков, составленных в соответствии с пожеланием губернатора, в том числе от уполномоченного Ковенского отделения Западно-русского общества по устройству беженцев в Орловской губернии, который отчитывался о пребывании беженцев русской национальности из Ковенской губернии. Имеется в наличие и очерк, представленный Брянским комитетом по беженцам, который представлял картину помощи переселенцам на территории Брянского уезда в независимости от их национальности и начального пункта отправки.

Так, согласно указанным документам, все беженцы в пути следования в Орловскую губернию находились под опекой организации Северопомощь; беженцы же Ковенской губернии русской национальности – под опекой Ковенского отделения Западно-русского общества [1, л. 29 об.].

Беженцы пребывали в Брянск по шоссе от Смоленска, Киева и Гомеля, а также по железным и проселочным дорогам. Организации, опекавшие беженцев в пути: Всероссийский союз городов (ВСР), Всероссийский земский союз (ВЗС), Северопомощь и Городской комитет помощи беженцам. В июне же беженцев стали размещать в прилегающих в селах уезда, близ Брянского завода и Мальцевских заводов, в специально возведенных бараках. Кроме того, беженцы размещались Управлением железных дорог в железнодорожных бараках, а городским комитетом – в бараках комитета [1, л. 34].

В представленных очерках указывалось также, что вышеперечисленные организации принимали участие «в питании проезжающих беженцев, приискании помещений и выдачи продовольствия…, а также выдачи одежды и обуви и так далее» [1, л. 34], перечислялись помещения, имевшиеся в их распоряжении для оказания помощи бедствующим и приводились количественные показатели беженцев, оставшихся на территории Орловской губернии на начало 1917 г. Так, согласно Ковенского отделения Западно-русского общества общее число русских беженцев в Орловской губернии составило 28593 человека, из которых в Орле и Орловском уезде оставалось 4463 человека, в Ельце и его уезде – 8056 человек, в Мценске и его уезде – 1661 человек, в Ливнах и его уезде – 4416 человек, в Карачеве и его уезде – 2469 человек, в Кромах и его уезде – 308 человек, в Болхове и его уезде – 59 человек, в Дмитровске и его уезде – 212 человек, в Севске и его уезде – 1178 человек, в Брянске и его уезде – 3412 человек, в Трубчевске и его уезде 1129 человек, Малоархангельске и его уезде – 2230 человек [1, л. 30].

Согласно данным Брянского комитета беженцев, по регистрационным книгам к первому марта 1917 года в городе и уезде оставалось 6262 человека [1, л. 34].

Однако необходимо иметь в виду, что представленные документы отражали только общую картину происходившего, не передавали всех нюансов события, исключали промежуточные этапы процесса адаптации беженцев на новых местах. Более того, можно предположить, что отчеты с мест задним числом корректировали, подправляли, а порой и улучшали показатели административной составляющей этой помощи, что в целом не позволяет всесторонне реконструировать явление, которое явилось одним из масштабных и трагичных по своим последствиям в годы Первой мировой войны.

На настоящий момент имеется несколько монографий и статей, авторы которых на общероссийских и региональных материалах разбираются в причинно-следственных связях явления массового беженства в годы Первой мировой войны [2, 3, 4, 5, 6]. Ряд из них рассматривает экономические, организационные и общественные проблемы беженства на материалах Орловской губернии [7, 8]. В представленной статье хотелось бы остановиться на первых днях и месяцах пребывания беженцев во внутренних российских губерниях, а именно – Орловской. Показать роль различных органов российского и местного самоуправления и общественных организаций в оказании помощи беженцам на местах, продемонстрировать различные, порой непреодолимые сложности, с которыми сталкивались массы людей, оказавшихся заложниками как неумолимой стихии войны, так и непродуманных, а зачастую и преступных решений военного командования, то есть предложить видение происхо-

дившего как «историю снизу» от лица непосредственных свидетелей событий.

С этой целью в статье привлечены не столько делопроизводственные документы органов местного самоуправления, которым приходилось достаточно быстро принимать решения, не всегда успевая документально их оформить, сколько местную периодическую печать, сочетающую в себе и детальную информативность, и репрезентативный срез общественных настроений того времени.

Первые упоминания о беженцах появляются на страницах орловских газет в середине июля 1915 г. Так, «Орловский вестник» за 11 июля сообщал, что «Орловским областным комитетом союза городов в настоящее время собираются сведения о числе и положении беженцев и выселенных в Орел. Работа эта вызвана запросом, поступившим на имя председателя комитета от заместителя главноуполномоченного городского Союза Кишкина» [9, № 167, 11 июля]. На запрос центрального комитета местный сообщал: «…беженцев и выселенцев в Орле большое количество, а о других городах сведений нет, и что помощь им не организована» [9, № 167, 11 июля].

Действительно, число проходившего через Орел беженцев в июле 1915 г. исчислялось тысячами: 18 июля через Орел проследовало на Курск и Тулу до 3,5 тысяч беженцев; 21 июля – до 10 тысяч беженцев, 23 июля – около 2 тысяч; 25 июля – около 2,5 тысяч человек, преимущественно немцев-колонистов, 5 августа – 10 тыс. и т. д.

Предполагалось, что при остановках поездов в Орле беженцы будут питаться на сборном пункте и получат здесь чай и горячую пищу. Питание беженцев в пути организовывали, как уже отмечалось ВСГ и ВЗС. Однако помощь оказывалась явно в недостаточном количестве. Председатель Орловского областного комитета ВСГ И.Н. Севастьянов вынужден был в связи с этим по телеграфу уведомить Главный комитет, о том, что «помощь им совершенно не организована, нет санитарного надзора, нет питания» [9, № 175, 21 июля]. Он же указывал в телеграмме на необходимость выработки общего плана эвакуации беженцев.

В то же время на станции Брянск, как следовало из заметки, размещенной в журнале «Еврейская жизнь», «в крайнем раздражении обрушились на евреев, которые пришли отдать питательную помощь одному из поездов с беженцами. Им заявили, что они взвинчивают цены на хлеб. Поэтому в городе ощущается недостаток в печеном хлебе, и вообще их "махинации" известны» [10, с. 41]. Здесь же был арестован киевский уполномоченный еврейского комитета, который сопровождал евреев-поселенцев в Нижний Новгород. В пути с билетом второго класса он пересел к беженцам в вагон-теплушку 4-го класса. Жандармская часть и кондуктора усмотрели в этом подозрительное явление, несмотря на то, что он представил рекомендательные письма от Земского союза и князя Урусова [10, с. 41].

Сборный пункт на станции «Орел» был какое-то время и местом, где сосредотачивались беженцы, оседавшие в Орловской губернии. Так как в губернии в этот период недоставало рабочих рук, помещики, «пользуясь случаем», именно здесь искали рабочую силу. Здесь же представителям Брянского завода удалось нанять 200 человек в качестве чернорабочих. Некоторые из беженцев, которые искали места приказчиков с окладом 30-40 рублей, обращались к услугам «рекомендательной конторы Кожевниковой».

Орловская уездная земская управа также приняла на себя посредничество по устройству беженцев на работу в сельское хозяйству и по ремесленному делу [9, № 170, 15 июля]. На вокзале по этому поводу было повешено объявление, которое сообщало, что «За всякими справками по этому поводу можно обращаться к Каз. Мих. Оленскому, принимающему ежедневно, не исключая и праздников, от 4 до 5 час.» [9, № 167, 11 июля].

Однако на призыв уездной земской управы откликнулось всего три беженца. Один из них – маслодел был направлен управой к одному из помещиков. Обращение в управу двух других, народного учителя и сестры милосердия, оказались безрезультатными. В то же время представители «интеллигентных» профессий почти не обращались с просьбами по устройству, надеясь, что ВЗС найдет для них работу в госпиталях.

Не стремились устроиться на работу и представители так называемой «серой», по определению «Орловского вестника», массы

беженцев, что было удивительно при высоком спросе в городе, например, на женскую прислугу. Газета объясняла этот факт отсутствием у беженцев видов на жительство и, вообще, каких бы то ни было документов.

«А таких "бездокументных" оказывается достаточно много, – делался вывод на страницах издания, – и положение их тем ужаснее, что при всем желании работать на определенном месте – "служить" – они не могут сделать это» [9, № 179, 26 июля].

В воскресенье 19 июля, под председательством председателя губернской земской управы С.Н. Маслова, с участием представителя ВСГ И.Н. Севастьянова, товарища председателя местного отделения Татьянинского комитета[1] К.М. Оленского и коменданта станции «Орел» Барщова состоялось совещание по организации помощи прибывающим в Орел беженцам. Так как среди них сразу были обнаружены инфекционные больные, было решено установить за ними санитарное наблюдение [9, № 176, 22 июля].

Совещание посчитало непосильным для одного человека (имея в виду К.М. Оленского) заниматься трудоустройством беженцев и признало необходимым организовать для этой цели особое бюро, которое должно было заботиться поиском для них как временного приюта, так и постоянных квартир.

Беженцев, которые пытались найти работу было решено размещать в гусарских казармах, а, если это окажется невозможным, выстроить для них барак вблизи вокзала. Для временного размещения беженцев был предназначен дом Пессониуса на Малой Мещанской улице и дом-башня на Левашовской горе. Для беженцев, не имевших никаких средств, было решено сохранить бесплатный отпуск чая и обедов. Руководство деятельностью вновь созданного бюро было возложено на местное отделение Татьянинского комитета и лично на К.М. Оленского.

Уже в 20-х числах июля 1915 г. Орловский соборный пункт потребовался военному ведомству и беженцы стали переселяться в отведенные для них дома: Евтюхова (на Пушкарной улице), Покорской (на Полесской площади) и в помещение, в котором находился ранее приют для алкоголиков. Помимо трех домов, а точнее говоря, голых стен и соломы для подстилки на полу, управой было отпущено беженцам некоторое количество дров. Однако они оказывались практически невостребованными, т. к. готовить пищу им было не из чего и не в чем. При этом городская управа не озаботилась и устройством какого-либо освещения в отведенных беженцам домах, что заставило газетчиков бить тревогу, «так как пользование спичками и огарками в помещении, полном соломы», могло «привести к самым нежелательным последствиям» [9, № 179, 26 июля].

По просьбе санитарного врача, который обращался в управу с предложением выделить хоть какие-то деньги на питание беженцам, на три дома, в которых проживало уже 300 человек, было выделено 30 руб.

Журналист «Орловского вестника», посетивший дома беженцев 24 июля, из увиденного, которое он охарактеризовал возгласами: «Ужас, ужас, ужас!», вынес следующее заключение: «Если не будут устроены (хотя бы летнего типа) бараки или не будут отведены помещения, приспособленные для общежития, и в этих помещениях не будут устроены кубы для кипячения воды и котлы для варки пищи, причем пища должна выдаваться беженцам бесплатно, и если не будут в помещениях особые смотрители, то среди беженцев появятся заболевания, а занятые ими теперь помещения превратятся в очаги заразы» [9, № 178, 25 июля]. «Проснитесь, "отцы города"! – взывал далее журналист. – Вы не предприняли и не принимаете мер против наплыва беженцев, так извольте заботиться о них, ибо забота о них – есть охрана здоровья коренных горожан» [9, № 178, 25 июля].

Необходимо отметить, что упреки журналиста к городским властям были не совсем справедливы. Совет министров издал постановление о создании института главноуполномоченных по устройству беженцев только 24 июля 1915 г. [11, с. 245]. Тогда же было объяв-

[1] «Татьянинский комитет» (14. 09. 1914 – 02. 1917) создан по инициативе Великой княжны Татьяны Николаевны и находился под ее руководством. Занимался оказанием единовременной материальной помощи пострадавшим, содействовал воссоединению семей и отправлению беженцев на место постоянного жительства, приисканием занятий для трудоспособных, помещением нетрудоспособных в больницы, богадельни и приюты, устройством детей в учебные заведения, организацией собственных приютов.

лено о создании Главного управления и местных комитетов по устройству беженцев в губерниях и стал вырабатываться общий план эвакуации. Закон об обеспечении нужд беженцев был принят 30 августа 1915 г. и для руководства и объединения деятельности государственных и общественных организаций в этой области образовано Особое совещание по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел [12, с. 1-6].

Местным органам самоуправления, таким образом, приходилось до определенного времени рассчитывать на свои силы в решении проблем беженцев, которые, как было отмечено, уже с 11 июля стали стихийно оседать в Орле и рассредоточиваться по уездам губернии.

Ситуация, изображающая начальный этап процесса беженства, была описана в воспоминаниях Ф. Кудринского, заставшего первые волны переселенцы в одном из городов Могилевской губернии. Однако, как представляется, ее можно экстраполировать и на реалии Орловской губернии: «Вдруг телеграмма: встретить и принять 1000 прибывших выселенцев, организовать подводное, санитарное и питательное дело. И все это безотлагательно. А главное – ни слова о средствах. "Принять", "организовать", "устроить"… А из каких, спрашивается, сумм? Из пальца организации не высосешь <…> Ну, положим, санитарную сторону еще куда ни шло. Это можно. Написал врачу <…> Взяли две-три сестры милосердия, и дело готово. Но как организовать, питание?» [13, с. 89].

Изначально не подготовленным к наплыву беженцев оказалось и местное отделение Татьянинского комитета (товарищ председателя – К.М. Оленский). Открытое в Орле 25 февраля 1915 г. оно существовало на деньги благотворителей и к моменту появления в городе беженцев имело в кассе 130 руб. [9, № 190, 11 августа]. Уже 11 июля на его попечении числилось более 200 беженцев, которым нужно было изыскивать средства на наем квартир и питание. Отделение на своем заседании в начале 20-х чисел июля признало необходимым организовать бюро по регистрации беженцев и постановило ходатайствовать перед главным комитетом об отпуске 5000 рублей на оказание помощи жертвам войны [9, № 178, 25 июля].

Собрание городского комитета ВСГ также ходатайствовало перед своим Главным комитетом об отпуске 5000 руб. Были составлены и отправлены в Главный комитет планы на постройку для беженцев 3-х бараков на 300 человек, двух навесов для столовых – каждый на 350 человек, кухни и конторы на сумму около 30 тыс. руб. Одновременно комитет просил ассигновать 200 руб. в месяц на содержание бюро труда, 300 руб. в месяц на организацию санитарного надзора за беженцами и 25 коп. на питание в сутки на одного человека из расчета, что придется кормить примерно 1000 чел в сутки.

Орловской городской управой уже 28 июля было сделано распоряжение о снабжении помещений, занимаемых беженцами, лампами, туда же из богоугодного заведения стали доставлять «койки-топчаки», которые должны были заменить солому.

Немалую лепту в оказание помощи прибывающим вынужденным переселенцам на начальном этапе движения беженцев внесло местное население.

Пожертвования в пользу беженцев стали поступать в контору «Орловского вестника» 25 июля 1915 г. Первыми внесли свои взносы Годелюк – 5 руб, городской санитарный врач В.В. Хряпин – 10 руб. Инициативные жители города публиковали такого рода объявления на страницах газет: «Откликнитесь же, орловцы, и помогите, кто чем может, этим жертвам войны. Прилагая при сем в пользу беженцев 10 рублей (эти деньги вошли в список пожертвований), хочу верить, что орловцы не останутся глухи к страданиям людей, ждущих от нас помощи к их горю» [9, № 179, 26 июля]; «Просьба. Не забудьте сегодня опустить в кружку сборщика ваше пожертвование в пользу беженцев» [9, № 186, 5 августа].

И, действительно, денежные средства от населения поступали ежедневно, о чем неизменно сообщалось в газете. Например, к 26 июля в пользу беженцев поступили денежные взносы «от Нади и Вовы Быковых детям беженцев 3 руб. 10 коп.; от детей неизвестных 26 коп.; от С.С. Мартемьяновой 5 руб.; от протоиерея Васильева 5 руб.; через него же от разных лиц 10 руб.; от Трипольской и Ивановой 5 руб. 40 коп.; от Кузнецовой 5 руб.; от В.К. Чирикова 100 руб.; от инспектора епархиального женского училища Соколова 3 руб.; от

Неизвестного 10 руб.; от Зика 10 руб.; от служащих губ. по земским и городским делам присутствия 4 руб. 50 коп.; от Матвеева 5 руб.; от Неизвестной 6 руб. 50 коп. Всего с поступлений – 205 руб. 76 коп. [9, № 179, 26 июля].

Орловский дамский комитет 4 августа 1915 г. объявил о кружечном сборе[1] в пользу «бесприютных, беспризорных, выбитых из колеи людей» Всего было использовано для сбора 200 кружек. Сбор составил 2124 руб. 41 коп. Так, «в кружках № 117 Т.С. Андреевской оказалось – 303 руб., в кружке № 59 М.В. Галаховой – 95 руб. 76 коп., в кружке г-жи Жигалкиной – 54 руб., в кружке № 34 г-жи Пуюко – 42 руб.» [9, № 186, 5 августа].

С предложениями по оказанию содействия переселенцам выступили и учащиеся Орла, обратившись с этой целью во вновь образованное бюро по оказанию помощи беженцам Татьянинского комитета. Сначала между ними возникли некие «недоразумения», которые были связаны как с отсутствием средств, так и с «непрозрачной» отчетностью комитета. «Орловский вестник» описывал ситуацию следующим образом: «а) группу студентов "сразу же снабдили не только книгами и плакатами, но <…> и председателем"; б) работать группе пришлось по своему усмотрению и за счет сумм, могущих быть полученными неизвестно откуда; в) участие и содействие своей работе пришлось чуть ли не вымаливать, "а управские гривенники –выклянчивать" и д.) в последний день работы послали г.г. студентов за деньгами для беженцев (пресловутые гривенники) из городской управы к К.М. Оленскому, где они также денег не получили» [9, № 185, 4 августа].

Однако по мере того, как стали поступать пожертвования от частных лиц, бюро по оказанию помощи беженцам активизировало свою деятельность. Так, с 25 июля по 1 августа было собрано пожертвований: 275 руб., 10 фунтов сахара, 1 фунт чая, одежда. Бюро зарегистрировало 479 беженцев, нуждавшихся в помощи, из которых 286-ти было предоставлено, благодаря помощи студентов, помещения для проживания, а 45-ти найдены квартиры. Беженцам, которые сами находили жилье, были выделены пособия на сумму в 205 руб.; им же были розданы сахар и чай. Работа была предоставлена 18 беженцам [9, № 185, 4 августа].

В то же время скопление беженцев в Орле и Брянске явилось полной неожиданностью для Главного управления по устройству беженцев, представитель которого 4 августа прибыл в Орел. Согласно плана, выработанного при Министерстве внутренних дел, Орел и Брянск были намечены, в качестве эвакуационных пунктов для продвижения беженцев в губернии, расположенные восточнее. Совещание при начальнике губернии, руководствуясь этим, постановило всячески содействовать выселению их за пределы губернии. Исключение было решено сделать для переселенцев, чьи дети устраивались в местные учебные заведения и для больных. Остальных же решено было предупредить, что рассчитывать на помощь местных организаций они могут только до момента нового наплыва людей. Беженцам, которые устроились на квартирах в городе, с 6-го августа должна была быть прекращена бесплатная выдача пищевого довольствия [9, № 186, 4 августа].

Тем не менее, независимо от принятых решений, местное бюро помощи беженцам при поддержки населения продолжало свою работу. Так, на заседании 5 августа с участием представителей города и делегатов от учащихся было принято решение питание беженцев, проезжавших через Орел, предоставить ВЗС, питание беженцев, поселившихся в Орле – ВСГ. Орловское городское самоуправление взяло на себя оказание медицинской помощи и снабжение дровами помещений для беженцев. Татьянинский комитет обязался продолжить поиск жилья и работы для переселенцев. Студентам было предложено обходить вагоны приходящих с беженцами поездов для определения состояния здоровья переезжающих, а также выяснения, нет ли среди них желающих устроиться на работу.

Независимо от предполагаемого выселения беженцев, было решено в их домах бесплатно установить кипятильники и исправить, где необходимо, очаги, организовать пункты питания, доставлять два ведра молока для детей-беженцев. Городские власти обязались снабжать беженцев водой, а также

[1] Сбор денег при помощи кружек. Традиция брала начало, по-видимому, в практике пожертвования прихожан в церквях в церковные кружки.

предоставить им небольшое количество дров по заготовительной цене (43 руб. за сажень, или 15 коп. за пуд) [9, № 167, 6 августа].

Курировать дома беженцев вызвались студенты, которые обо всех заболевших должны были докладывать санитарному врачу. Кроме того, на совещании было признано желательным устройство приюта-яслей для детей беженцев. Решено также было выйти с предложением к владельцам бань относительно возможности их использования переселенцами.

Местный «Электро-театр» объявил о благотворительных сеансах в пользу беженцев. Пожарное общество устроило в городском саду гулянье в их же пользу, что дало сбор в сумме 700 руб. Директор музыкальных классов И.Р.М.О. предложил устроить симфонический концерт в пользу беженцев и просил «всех г.г. музыкантов профессионалов и любителей принять в нем участие» [9, № 199, 22 августа].

В августе в орловские организации, занимавшейся оказанием помощи беженцам стали поступать денежные средства из центра. Они были меньше запрашиваемых сумм, тем не менее, предполагали хоть какое-то улучшение положения переселенцев. Так, председатель местного областного комитета ВСГ И.Н. Севастьянов получил 1000 руб. [9, № 184, 3 августа]. «Татьянинский комитет» к этому времени располагал капиталом в 4500 руб., и мог выдавать небольшие ссуды отъезжающим из Орла беженцам [9, № 195, 18 августа].

Областной комитет ВСГ уже 19 августа постановил построить в течение 2-х недель барак для питательного пункта для беженцев с пекарней, кухней, ночлежкой и др. службами, стоимостью 7-8 тыс. руб. [9, № 199, 22 августа].

К этому времени он состоял из вокзальной, эвакуационной и хозяйственной комиссий. Вокзальная комиссия с ж. д. агентом и врачом принимала прибывающие поезда (иногда их было 10-15 в сутки), снимала с поездов больных, а также тех из переселенцев, кто находил работу, подбирала вагоны для составов. При вокзальной комиссии находилось трудовое бюро, осуществлявшее трудоустройство беженцев и к 20-м числам августа устроившее около 5 тыс. человек на работу.

Эвакуационная комиссия занималась жилищным устройством осевших в Орле беженцев: здоровые направлялись в бесплатные дома, больные – в богоугодное заведение. Эвакуационная комиссия подыскивала и частные квартиры для беженцев, она же распределяла вылечившихся беженцев и отставших на проходящие поезда. Наконец, хозяйственная комиссия ведала питанием, санитарным надзором и прочими нуждами как беженцев, распределенных в бесплатные дома, так и снимающих жилье в разных частях города. К этому времени в Орле было четыре дома, где беженцы селились бесплатно. В двух домах были организованы кухни, доставлялось бесплатное молоко. Медицинская помощь оказывалась городскими санитарными врачами Хряпиным и Хаймонским [9, № 199, 22 августа]. К концу августа 1915 г., казалось бы, все забыли, что Орел и уезды губернии не предназначались для постоянного проживания переселенцев.

Был образован Орловский епархиальный комитет по призрению беженцев под председательством преосвященного Григория. Комитет поручил благочинным немедленно собирать сведения, где и сколько можно поместить беженцев духовного звания в церковных домах, занимаемых духовенством. Было решено разослать подписные листы для записи пожертвований и предложить им произвести по приходам до 20 сентября сбор в пользу беженцев «натурой и деньгами» [9, № 199, 22 августа], к 20-му сентября – сбор в храмах. При станциях ж.д. в Орле, Брянске, Ельце, Ливнах и Карачеве предполагалось устройство дежурства духовенства (священника и псаломщика) для удовлетворения религиозных нужд беженцев.

Заведующим церковными школами Орловской епархии было разрешено принимать в школы детей беженцев не только православного, но и других исповеданий [9, № 199, 22 августа]. Казенная женская гимназия из г. Ловича получила разрешение попечителя Варшавского учебного округа на начало занятий в Орле. Гимназия разместилась в здании реального училища Томашевских, с 9 сентября объявив приемные экзамены. В объявлении указывалось, что «в число учениц принимаются и не беженки (вакансии есть во всех 7 классах). Плата – 50 руб. в год». [9, № 204, 28 августа].

Из Главного управления ВСГ было переведено в Орел 10000 руб. на постройку бараков и питание беженцев [9, № 204, 28 августа].

Представляется, что заметка, помещенная 27 августа в «Орловском вестнике», отчасти объясняет изменившиеся планы в отношении переселенцев. Речь в ней шла об евреях-беженцах, которых к этому времени проследовало через Орел около 10000 человек. Однако ввиду того, что места, в которые направлялось еврейское население, оказались переполненными, было решено в дальнейшем размещать их в пределах Орловской губернии. Местный комитет, который занимался призрением еврейского эвакуированного населения, занялся поиском для них жилья в уездных городах губернии [9, № 203, 27 августа]. Можно предположить, что подобные проблемы возникали и в отношении других групп переселяемых. Внутренние губернии Российской империи не в состоянии были принять многомиллионный поток беженцев из прифронтовых западных территорий, поэтому часть его пришлось переориентировать, исходя из сложившейся ситуации.

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 26 августа 1915 г. направлять беженцев, независимо от первоначального плана назначения, в Орел, Брянск, Сухиничи, с целью разгрузить основную дорогу к Москве, которая была загружена, т. е. использовать имеющиеся обходные железнодорожные пути. Губернаторы ряда губерний, в том числе и Орловский, были предупреждены об устройстве дополнительных распределительных пунктов, о подготовке врачебного и питательного оборудования [14, с. 21].

Таким образом, беженство на протяжении военных лет стало неотъемлемой частью экономической и социально-культурной истории Орловской губернии. К концу декабря 1915 г. переселенцев на территории губернии, согласно справке Губернского областного управления оказалось по неполным данным 52145 человек [15, л. 26].

Список литературы

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 5384.

2. Алферова И.В. Дорога на восток (проблема беженцев как один из факторов повседневности в годы первой мировой войны) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3(33). С. 16-23.

3. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. М., 2014. 432 с.

4. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

5. Корнелюк В.Г. Беженцы войны в белорусских губерниях и первый опыт государственной и общественной помощи беженцам (1914 – первая половина 1915 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 1(51). С. 51-66.

6. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4(49). С. 95-105.

7. Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 246-252

8. Букалова С.В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I мировой войны // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №3 (11). С. 61-79.

9. Орловский вестник. 1915.

10. Еврейская жизнь. 1915. № 10-11.

11. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. (Уложенные С.М. Левиным). Пг., 1916.

12. Закон и положение об обеспечении нужд беженцев (СУ. 1915. № 242. 1 сент. Ст. 1842) // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1.

13. Кудринский Ф. Людские волны // Нёман. 1997. № 6. С. 79-193.

14. Алферова И.В. Дорога на восток // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 16-23.

15. ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245.

"ACCEPT", "ORGANIZE", " ARRANGE»…: REFUGEES IN OREL PROVINCE (JULY-AUGUST 1915)*

The First World War brought countless disasters to the population of the Russian Empire. The movement of refugees from the provinces adjacent to the front in the rear areas of the country is among them. A mass displacement began in June 1915, however, the Head Office on the arrangements for refugee relief was created only on 24 July 1915. The Law on refugees was adopted on August 30, 1915. To guide and unite the activities of governmental and public organizations in this field the Special Council for Refugees was founded. It was chaired by the Minster of the Interior. Until that time the local authorities of the provinces which turned out to be a place of concentration of refugees had to rely on their own resources and funding. The article deals with the first days and months of refugees ' stay in the internal Russian provinces, in Oryol province in particular. The role of various bodies of Russian and local self-government, including the Orel regional Committee of the all-Russian Union of cities, public organizations and the population in providing assistance to refugees is demonstrated. Various, sometimes insurmountable difficulties faced by masses of people who were hostages of military realities, ill-considered decisions of military command, sluggishness of all-Russian and local authorities were revealed. All events happened are shown by the authors of the article as "history from the inside", i.e. on behalf of direct witnesses of the events. For this purpose not only office documents of local authorities, who had to make decisions in an extreme situation of mass displacement fast enough, who did not have enough time to document, but local periodicals, which combined detailed, informative and representative public moods of that time were used.
Keywords: World War I, Orel province, refugees, local authorities, Orel Committee of the all-Russian Union of cities, charity.

References

1. Gosudarstvennyiy arhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [The State Oryol Region Archive (SORA)]. F. 4. Op. 1. Ed. hr. 5384.

2. Alferova I.V. the road to the East (the problem of refugees as one of the factors of everyday life during the first world war) // Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 3 (33). C. 16-23.

3. Belova I.B. Forced migrants: refugees and prisoners of war of the first world war in Russia. 1914 – 1925, M., 2014. 432 p.

4. Kurtz, A.N. The refugees of the First world war in Russia (1914 – 1918) // Questions of history. 1999. No. 8. C. 98-113.

5. Kornelyuk V.G. Refugees of war in the Belarusian provinces and the first experience of the state and public help to refugees (1914 – the first half of 1915) // New historical Bulletin. 2017. No. 1 (51). C. 51-66.

6. Mikhalev N.A. Pyankov S.A. Refugees of the first world war in the Russian Empire: number, location, composition // Ural historical Bulletin. 2015. No. 4 (49). C. 95-105.

7. Bukalova S.V. Policy of attracting refugees to agricultural work during the First world war // Yearbook on agrarian history of Eastern Europe. 2014. No. 1. C. 246-252

8. Bukalova S.V. the Role of local government in the organization of assistance to refugees during the first world war // St. Petersburg historical journal: research on Russian and world history. 2016. No. 3 (11). C. 61-79.

9. Orel Herald. 1915.

10. Jewish life. 1915. No. 10-11.

11. The most important laws, decrees and orders of wartime. (Laid S.M. Levin). Pg., 1916.

12. Law and regulation on ensuring the needs of refugees (SU. 1915. No. 242. 1 Sep. St. 1842) // Refugee Laws and regulations. M., 1916. Vol. 1.

13. Kudrinsky F. Human waves // Neman. 1997. No. 6. C. 79-193.

14. Alferova I.V. The road to the East // Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 3 (33). C. 16-23.

15. GAOO. F. 4. Op. 1. E. h. 5245.

Об авторах

Алфёрова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории, политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Фишер Екатерина Сергевна – аспирант, кафедра отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fisher.keit@yandex.ru

Alfyorova Irina Viktorovna – Doctor of History, Professor of department of philosophy, history, political science, Bryansk Academician I.G. Petrovsky State University (Russia), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Fisher Ekaterina Sergeevna – a postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: fisher.keit@yandex.ru

УДК 502.3 (075.8)

Бондарева Д.К., аспирант, Братский государственный университет (Россия)

ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.

Раскрывается деятельность по охране природы в Енисейской губернии в конце XIX в.-начале XX в., анализируются особенности деятельности на данном этапе. Рассматривается процесс создания и развития природоохранных зон Енисейской губернии: заказников, земель с относительным изъятием, егерских участков и лесничеств. Изучается история термина «заказник», анализируются отличия в его определениях в разные исторические периоды. Раскрываются основные проблемы природоохранной деятельности в регионе на начальном этапе в конце XIX в.-начале XX в. Анализируется Положение от 15 февраля 1894 г. «Об местном заведовании лесами в Иркутском генерал-губернаторстве», рассматривается влияние данного нормативно-правового акта на кадровое устройство, процесс образования и дальнейшего развития заказников. Образование природоохранных территорий рассматривается с разных сторон, затрагиваются вопросы изъятия территории из пользования местным населением, ограничения лесопользования. Изучается влияние на природоохранную деятельность внешних факторов: развитие промышленного сектора, увеличение населения, железнодорожного строительства. Уделяется внимание рейдовым мероприятиям по проверке выполнения нормативно-правовых актов в Енисейской губернии. Рассматривается процесс образования заказных территорий и условия выведения территорий из пользования местным населением.

Ключевые слова: Енисейская губерния, заказник, Положение от 15 февраля 1894 г. «Об местном заведовании лесами в Иркутском генерал-губернаторстве», Корпус Лесничих, ревизия, ревизор лесоустройства, Иркутское генерал-губернаторство, лесные пожары.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-19-27

Природоохранная деятельность в современном понимании на территории Енисейской губернии началась с учреждения заповедника «Столбы». О природной значимости и ценности «Столбов» говорили ещё в конце XIX в. [1], но официально заповедник оформился лишь в 1925 г., положив начало природоохранной деятельности в регионе. Несмотря на то, что заповедник стал первой природоохранной зоной региона, которая ставила своей целью сохранение природы ради культурного, научного и исторического достояния, попытки изъять участки земли из обывательского пользования предпринимались и ранее. Чаще всего это находило отражение в ограниченном пользовании лесами. Самой распространенной формой ограничения и сохранения лесных территорий являлись заказники.

Изучению прироохранной деятельность в регионе конце XIX в.-начале XX в. уделено пока ещё недостаточное внимание. Одним из первых в конце XIX в. природоохранное законотворчество Российской Империи с применением их к Енисейской губернии рассматривал управляющий государственными имуществами Енисейской губернии А.Ф. Духович [2, Л. 3 об.]. Из современных исследователей следует выделить Ю.А. Зуляра, который, давая характеристику Байкальского региона, отметил, что «хронологически первым сибирским заповедником был Саянский, начавший свою деятельность в 1915 г.» [3, с. 288]. Он также отмечает, что указ, запрещавший «жечь леса в Сибирской губернии, где производится соболиный лов» был издан ещё в 1744 г. Заказники же Ю.А. Зуляр рассматривает как специальные резерваты. Изучением вопроса лесоохранительного законотворчества и регулирования в Иркутской губернии занималась И.В. Курышова, описавшая не только природоохранное законодательство в регионе, но и давшая характеристику первым заказникам и лесничествам на территории нынешней Иркутской области [4, с. 124-126].

Большое количество материала, касающегося природоохранной деятельности в Енисейской губернии конца XIX в.-начала XX в., находится в Государственном архиве Красноярского края. Часть информации находится в фонде Вице-инспектора корпуса лесничих при Иркутском Военном Генерал-губернаторе. Материалы фонда позволяют сделать вывод о целях и состоянии природоохранной деятельности. Часть материала находится в фонде Управления земледелием и государственных имуществ и позволяют более полно представить картину природоохранного законотворчества.

На протяжении XVIII-XIX вв. термин «заказник» претерпел значительные изменения. Во времена Екатерины II «заказники» определяли как: «5-ую часть леса, наипаче-же вдоль судоходных рек и близь рек, впадающих в большие судоходные реки и по берегу морскому или же по близости морских пристаней, оделить, окопать рвами и беречь на Государственное знатное и важное кораблестроение и сию 5-ую часть леса назвать заказными рощами» [5, с. 562].

При Павле I изменилась формулировка термина, содержание осталось прежним: «отделенные и впредь отделяемые по силе означенного проекта от казенных селений, заводов и фабрик на пятую часть леса… почитать заказными рощами для Государственного кораблестроения сохраняемыми» [6, с. 135].

При Александре I термин «заказные рощи» имел следующее трактование: «как все казенные дубовые и лиственничные леса назначаются для кораблестроения, то сверх того полагается из других родов строевых лесов выделять пятыя части в Государственную собственность в ближних портам губерниях для флотов, а в прочих для других казенных надобностей и вспоможения в нужных случаях самим поселянам…». Стоит отметить, что данное трактование термина не изменялось вплоть до 1832 г. С 1832 г. под «заказниками» стали понимать «участки крестьянских лесов, вырубленные и оставленные под зарощение».

В течении XIX в. под «заказниками» понимали лесные территории, ценные, в первую очередь, для кораблестроения. Однако к концу этого столетия под «заказником» стали понимать «наиболее ценные по сортиментам и породам участки леса, выделившиеся для специальных государственных нужд в целях исключительного охранения, а затем также участки, оставляемые под зарощение» [2, Л. 3 об.]. С 1888 г. леса, отделенные с целью исключительной охраны, стали называть «защитными». Согласно Положению 1894 г. «генерал-губернатору предписано заботиться об отделении «лучших и важнейших лесов, с объявлением сих лесов заказными», очевидно, в предположении уже извлекать из них доход» [2, Л. 3 об.].

Таким образом, исходя из вышесказанного, видно, что природоохранная деятельность вплоть до конца XIX в.-начала XX в. преследовала исключительно экономические цели. Подчеркивалась роль заказников, как специально отведенных по каким-либо ценным характеристикам территорий для дальнейшего использования их государством или допущения к использованию частной промышленности или обывателей за отельную плату.

Заказники в современном понимании имеют другое определение и преследуют цели сохранения природы ради экологической, а не экономической ценности: «Государственные природные заказники – особая форма природоохранных территорий, на которых устанавливаются постоянные или временные ограничения хозяйственного использования природных комплексов и их компонентов в целях их сохранения и воспроизводства. Режим заказников предусматривает ограниченное природопользование только в определенные сезоны, в определенные сроки и лишь в той мере, в какой это не наносит ущерба охраняемым объектам» [7, с. 3].

Представляется интересным рассмотреть период природоохранной деятельности, предшествующий созданию первого заповедника в регионе. Это объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, Енисейская губерния, входившая в состав Иркутского генерал-губернаторства, являлась периферийной слабозаселённой территорий, располагавшей промышленным комплексом: Троицкий солеваренный завод, чугунолитейный завод, Абаканский завод, строительство железнодорожных магистралей и золотопромышленные предприятия. Бурное развитие промышленности и формирование многоукладного характера экономики в 90-е гг. XIX в.- начале XX в. увеличили потребность промышленности в лесных ресурсах. Нуждалось в них и местное население. Во-вторых, природоохранное законотворчество на данном этапе было практически не развито. Профессор Г.А. Кожевников отмечал, что в Российской Империи к 1914 г. не существовало не только закона, регламентирующего природоохранную деятельность, но и деятельности в широком ее понимании [8]. В качестве примеров для сравнения Кожевников Г.А. приводил американский, английский и прусский опыт заповедного дела.

Процесс создания лесоохранных территорий в Иркутской губернии активизировался после принятия Положения от 15 февраля 1894 г. «Об местном заведовании лесами в Иркутском генерал-губернаторстве», по которому «для выделения лучших казенных лесов в заказные дачи были учреждены должности вице-инспектора Корпуса Лесничих, ревизоров и кондукторов Лесоустройства. Ревизорами Лесоустройства проводились исследования выделяемых площадей, составлялись описания, отчеты» [4]. Так как в состав Иркутского генерал-губернаторства входила и Енисейская губерния, то Положение 1894 г. распространялся и на ее территорию.

Одной из первых форм природоохранных объектов на территории Восточной Сибири стали лесничества и егерские участки. С февраля 1894 г., после создания Корпуса лесничих, надзор за государственными землями и имуществом стали осуществлять вице-инспекторы и ревизоры лесоустройства. Именно после принятия этого Положения начался процесс активизации природоохранной деятельности, контролируемый Министерством землепользования и государственных имуществ. Создание ряда государственных казенных заказников на территории Енисейской губернии часто инициировались вице-инспекторами или ревизорами Корпуса Лесничих. В Енисейской губернии создание заказников связано с именем ревизора Лесоустройства Шатца.

Создание охраняемых территорий началось со времени издания Положения, когда было подписано Обязательное постановление Иркутского Генерал-Губернатора, в котором рассматривался вопрос о статусе Анашенского бора с возможностью переведения его в государственный заказник [9, Л. 4]. Дело о переводе бора в заказник тянулось несколько лет и было завершено только в 1896 г. Согласно плану лесоустроительных работ от 1896 г., в первую очередь была отмечена необходимость изъятия земель Анашенского бора [10, Л. 16 об.].

Государственные заказники были не единственной «заповедной» формой землеустройства. В письме от 8 августа 1895 г. Иркутскому Генерал-Губернатору от ревизора лесоустройства упоминаются иные по форме изъятия земли: относительное изъятие из пользования коснулось лесов Енисейской губернии по рекам Мана, Базаиха, Сисим [11, Л. 28]. Относительное изъятие предполагало собой начальный этап образования заказника: на территории допускалась частичная эксплуатация ласа населением близлежащих деревень. 15 апреля 1895 г. министру землепользования и государственных имуществ было передано подтвержденное предложение об «изъятии из свободного пользования обывателями около миллиона десятин по правому берегу Енисея» [12, Л. 1] - Красноярского заказника. Отмечалось, что территория будет изъята в 70 верстах выше Красноярска и нуждается в образовании нового лесничества для соблюдения заповедного режима.

Процесс образования заказников включал в себя инспекцию предполагаемых под заказник территорий, которая могла проходить уже после создания заказника. По итогам инспекции составлялось описание лесов и их свойств, которое передавалось в Министерство землепользования и государственных имуществ. 28 января 1896 г. на имя Вице-инспектора Иркутской канцелярии было направлено описание Красноярского заказника с планом хозяйственных работ на его территории. Была уточнена площадь заказника – 1 148 578 десятин. Земли, отводимые под заказник, не были полностью изъяты из пользования и не были изолированы от местного населения. Отмечалось, что на территории располагаются казачьи земли, деревня Овсянка, а также церковные земли [13, Л. 16]. В документе также указывалось на необходимость произвести съемку Красноярского и исследование лесов Минусинского заказника для составления планов изъятых территорий [10, Л. 16 об.].

Этим же числом датировано создание Усть-Кебежских и Ермаковских заказных земель [14, Л. 4]. Помимо описания образованных уже заказников, в 1896 г. был также составлен план и описание земель в бассейнах рек Базаиха, Мана, Дербина и Сисим. Предполагалось выделить зоны не только в Красноярском уезде, но и участки в Чулымском и Ачинском округах. Некоторые территории отводились исходя из близости участков к промышленным зонам или трактам. Важным составляющим в определении расположения и размера территорий Ачинского заказника

сыграла Среднесибирская железная дорога (магистраль) и Московско-Иркутский тракт. К концу 1895 г. ряд земель были изъяты из свободного пользования, к заповедным землям был присоединен участок на 35 верст в ширину вдоль Средне-Сибирской железной дороги [14, Л.10]. 26 августа 1895 г. было подписано Обязательное постановление Иркутского Генерал-Губернатора об утверждение изъятия земель под Чулымский заказник [11, Л. 28].

Так как под заказники отводились обширные территории в разных округах, лесоохранительная деятельность Енисейской губернии столкнулась с рядом проблем. Остро встал вопрос об их охране. 19 марта 1896 г. Енисейскому Губернатору было направлено постановление, предписывавшее разослать инструкции по пользованию лесами на заповедных территориях по округам [12, Л. 4]. Эти меры носили превентивный характер. Были установлены и размеры штрафных выплат в случаи нарушения режима казенных заказников. В заказниках применялись штрафные санкции, определённые по Положению от 15 февраля 1894 г., а размер штрафа зависел не только от количества кубов вырубленного леса, но и от вырубленных пород, а также от количества верст: чем глубже в заповедную зону проникал нарушитель, тем больше штраф.

Отдельное внимание акцентировалось на проблеме нехватки кадров, с учетом планов предполагаемых заказников. Так, на территориях заказников работало всего от 7 до 10 лесничих, количества которых не хватало для обеспечения заказного режима [13, Л. 18].

К примеру, к концу 1898 г. по Ачинскому округу предлагалось добавить в штат еще трех лесничих, в составе округа должны были действовать следующие лесничества: Ачинское – 346 600 десятин; Подсосенское – 207 200 десятин; Даурское – 396 695 десятин. В Красноярском округе: Красноярское – 182 160 десятин; Манское – 752 440 десятин. В Канском округе: Канское – 446 780 десятин; Тинское – 355 200 десятин. В минусинском округе: Сисимское – 393 533 десятин; Казырское – 1 962 600 десятин; Минусинское – 633 046 десятин; Енисейско-Абаканское – 717 597 десятин [12, Л. 16].

Разрабатывались проекты не только отдельных, но и смежных заказников, что должно было снизить кадровую потребность. Осенью 1896 г. ревизором лесоустройства Шатцом было предложено образовать заказник под г. Красноярском, который бы граничил с Ачинским – от устья Енисея до р. Огур. В качестве разделяющей зоны предлагалось отделить от Ачинского заказника 500 десятин и разграничить казенный территории столбами [11, Л. 18]. Заказник стоило считать Вторым Красноярским, в Описании которого от января 1896 г. говорилось, что заказник является, по сути, частью Ачинского. Площадь этого участка была ровна 194 800 десятинам, причем 20 000 десятин располагались на территории Ачинского округа, образую смежный заказник [13, Л. 22].

Резкое увеличение количества казенных заказников и их проектов произошло в 1897 г. В июне этого года вышло Обязательное постановление Иркутского Генерал-Губернатора, в котором объявлялись или подтверждались заказниками: в Минусинском округе - Анашенский бор, ограниченный реками Енисей, Красный Камень и Анокчуль; в Канском округе – Поименский, Бережской, Агульский [15, Л. 19]. В декабре 1897 г. Иркутскому Генерал-Губернатору было направлено предложение от Управления государственными имуществами Енисейской губернии об изъятии из свободного пользования населения нижеследующих лесных пространств[12, Л. 8]: при образование Минусинского Таежного и Красноярского заказников - правобережную полосу р. Мана от её верховий до так называемой Шаманской дороги. Стоит отметить, что предлагалось изъять земли общей площадью 294 000 десятин; территории, покрытые лесами, в юго-западной части Ачинского округа в верховьях р. Чулыма, в размере 20 000 десятин [12, Л. 9]; территории в пределах Минусинского округа, в Усинском пограничном краю, к югу по течению р. Енисей [12, Л. 11].

Затянутыми оказались дела не только по изъятию Анашенского бора, тянувшееся с 1984 г.: в период 1896-1897 гг. решались вопросы об изъятии из свободного пользования ряда земель. К концу 1897 г. были образованы Тинский, Тагульский и Решетский заказники.

Волокиту в делах можно объяснить необходимостью урегулирования вопросов лесопользования с местным населением. В итоге населению близлежащих сел и деревень предписывалось проводить необходимую бытовую рубку леса в соседних лесах, не затрагивая территорию заказников [16, Л. 14-26.].

Проблемы с лесопользованием для населения на изъятых территориях возникали на других участках. В декабре 1897 г. Иркутским Генерал-Губернатором были объявлены заказниками Северные Нижне-Пойменские, Туманшетские земли [16, Л. 11]. На территориях действовал Лесной устав 1893 г., предполагавший взимание штрафов за самовольную порубку. Однако, не смотря на запрет рубки и пользование лесом для населения, в том числе для жителей деревень, попавших в границы заказников, Генерал-Губернатор разрешал «безвозмездное пользование лесом для нужд золотопромышленности…» [16, Л. 12].

В начале 1898 г. постановлением Иркутского Военного Генерал-Губернатора был образован Ирдейский заказник [17, Л. 2]. В этот период заказниками были объявлены Северные, Левобережные, Южные Убейские и Убейские земли [18, Л. 1]. 26 ноября 1898 г. был объявлен заказником Комаровский участок Енисейской губернии [19, Л. 10].

Площади изъятых территорий увеличивались, что требовало усиления государственного надзора, основной формой которого являлись ревизии. В 1898 г. состоялась ревизия лесных хозяйств Енисейской губернии. На имя Иркутского Военного Генерал-Губернатора был составлен отчет о состоянии казенных земель и заказников. Так, снова отмечалась проблема нехватки лесничеств и предлагалось только по Енисейскому округу увеличить их с 11 до 13 [12, Л. 14]. Увеличение количества лесничеств было достигнуто. К 1907 г. на территории Енисейской губернии имелось минимум 21 лесничество [20, Л. 25 об.]. Обращалось внимание и на причины создания лесных заказников на территории Енисейской губернии в принципе. Так среди причин изъятия лесов главной называются экономические, такие как обеспечение промышленного сектора древесиной в качестве топлива и сырья, выделяются и внутриполитические. Отмечается, что рубка леса резко увеличилась в связи с «переселением населения из Европейской России» [20, Л. 15]. В природоохранных мероприятиях большой акцент делался на строительство Трансиба, которое требовало эксплуатации большого количества лесных массивов. Отмечалось и развитие пароходства по Енисею, которое также нуждалось в топливе. В связи ростом промышленного производства в регионе и сокращения лесных массивов в Красноярском округе, предлагалось увеличить площадь лесничеств и их штат [20, Л. 15 об.].

Особого внимания заслуживает Докладная записка от управляющего государственными имуществами Енисейской губернии А.Ф. Духовича на имя директора Лесного департамента министерства земледелия и государственных имуществ Ф.П. Никитина, составленная в 1898 г. В записке отмечалась острая необходимость пересмотра статей Лесного устава, касающихся свободного пользования лесом всех жителей Восточной Сибири. Это объяснялось увеличивающимися объемами лесоистребления в регионе. Кроме того, А.Ф. Духович поднял важный для природоохранного законотворчества вопрос о правовом и юридическом статусе лесов Сибири и процесса выделения их в заказники [2, Л. 2 об.].

Рассматривается и характеристика «заказников» в целом. Так, согласно «Инструкции от 4 мая 1897 г. для устройства, охранения и эксплуатации лесов в Иркутском генерал-губернаторстве» в заказники следовало отводить следующие категории лесов:

1. Леса близь степных заселенных местностей, хотя бы эти леса вовсе не имели строевых ценных деревьев.
2. Нужные для удовлетворения потребностей строящихся железных дорог.
3. Имеющие полный сбыт.
4. Кедровники.
5. Строевые ценные породы хорошего качества, доступные для доставки гужем или сплавом.
6. Нужные для обеспечения топливом и строительным материалом пароходство и золотопромышленность.

Однако, несмотря на строгое изъятие лесов из свободного пользования, А. Ф. Духович допускал возможность отпуска леса

лишь «в крайне ограниченных размерах и исключительно за деньги» [2, Л. 12 об.].

В целом, данные меры по ограничению пользования на ряде территорий не решали ситуацию в целом. Так, в сентябре 1899 г. были подведены результаты проверки казенных имуществ, в ходе которой было выявлено сильное истощение лесного массива, представляющего потенциальную ценность для государства [15, Л. 37]. На территориях, где было обнаружено истощение лесных запасов, в качестве превентивных мер планировалось создать заказники: Дементьевский бор, Белокопытовский, Пискуновский, Шипкинский, Заливный и Посольненский. Кроме того, в Послании Господину Вице-Инспектору корпуса лесничих при Военном Генерл-Губернаторе отмечалась острая необходимость полного изъятия земель в Ангаро-Енисейском заказнике [15, Л. 40 об.]. Так же, к перечисленным выше проектируемым заказникам можно добавить Шаверо-Луговский и Кимбирко-Весненский.

Изъятие земель продолжилось в 1899-1900 гг. В указанный период велись дела об изъятия из свободного пользования лесных участков и образовании Усть-Баргинского, Кучердаевского, Тырбышенского и Анжинского заказников [21, Л. 13]. В Ачинском уезде в данный период велись дела об образовании заказника Лодочная падь, Левобережно-Чумского, Кандатского и Сучковского [22, Л. 18]. 6 ноября 1900 г. Обязательным постановлением Иркутского Военного Генерал-Губернатора было объявлено об образовании Подъеминского заказника.

С увеличением площади изъятых земель снова остро встал вопрос нехватки кадров. В ходе проверки казенных имуществ 1899-1900 гг. на территориях 10 из новообразованных заказников Канского и Енисейского уездов были выявлены нарушения режимов [23, Л. 1]. Контроль за соблюдением режимов заказников был отяжелен не только из-за нехватки человеческих ресурсов, но и из-за большого количества лесных пожаров 1901 г. В весенне-летний период 1901 г. было зафиксировано и доложено более чем о 10 крупных пожарах на территории Енисейской губернии. Причины возникновений пожаров были самыми разными: очистка территории для выпаса, очистка посевных площадей. Упоминаются и бытовые причины возникновения лесных пожаров.

Самым тяжелым стал пожар в июле 1901 г., в ходе которого пострадало более 35 верст и был нанесен ущерб на 2000 рублей [24, Л. 9]. Для тушения и ликвидации очагов возгорания привлекались не только лесничие, но и жители близлежащих деревень. В качестве превентивных мер было предложено делать публикации в газете «Енисей», которые должны были содержать основную информацию о лесных пожарах и мерах их предотвращения [24, Л. 10]. В случаях, когда была установлена вина конкретных лиц, в зависимости от выгоревших площадей предполагалась уплата штрафов. Так на имя Иркутского Военного Генерал-Губернатора от 12 мая 1901 г. была составлена докладная, в которой говорилось, что на крестьянина, ставшего виновником пожара, возлагался штраф в размере 12 рублей и 50 копеек за 8 верст выгоревшей лесной территории [24, Л. 1].

Лесные пожары не остановили проектную деятельность по созданию заказников. В декабре 1902 г. Иркутский Военный Генерал-Губернатор объявил об образовании заказников «Карасево» и «Разлог» [17, Л. 3], а в октябре было предложено образование крупного Июсо-Урюпкинского заказника площадью 616 000 десятин [25, Л. 1], созданного в январе 1903 г. [25, Л. 6].

В 1903 г. ревизор лесоустройства И. Разночинцев провел проверку и составил план-описание ряда крупных заказников. В письме Иркутскому генерал-губернатору от 27 октября 1903 г. он отметил ряд проблем, которые были выявлены в ходе проверки. Так, среди основных причин нарушения режима заказников, помимо пожаров и незаконных рубок, он назвал распространившиеся золотые прииски, требовавшие использование лесоматериалов. Ревизор также дал краткую характеристику и описал три заказника: Кузьминский бор, Маклаковский и Ангаро-Рыбинский, общая площадь которых – 59 162 десятины [26, Л. 43-46].

Таким образом, к началу XX в. в Енисейской губернии заказники являлись единственной формой природоохранной деятельности. Несмотря на то, что лесные террито-

рии ограничивались из экономического и ресурсного потенциала конкретного лесного участка, подобные ограничение сохранили ряд территорий от неконтролируемого лесоистребления промышленностью и местным населением.

В Енисейской губернии процесс образования природоохранных территорий был наиболее активным и затрагивал большие площади. Только за период 1894-1903 гг. было образовано 30 заказников. После принятия Положения от 15 февраля 1894 г., к примеру, на территории Иркутской губернии в период 1895-1912 гг. были образованы следующие заказники: Хайтинский, Аршанский, Яндинский [4]. Развивались и лесничества. В Иркутской губернии в 1898 г. было образовано 7 лесничеств, в 1906 г. их насчитывалось уже 13, в 1914 г. на территории губернии функционировало 16 лесничеств. На территории же Енисейской губернии в 1907 г. имелось минимум 21. Это можно объяснить не только большей площадью губернии, но и большим количество заказников. Большинство из них располагались в непосредственной близости от городов, деревень и промышленных предприятий. Использование лесов в частных целях, как бытовая вырубка местным населением, было чревато штрафами. Однако допускался отпуск леса промышленности и населению строго за плату.

Частный промышленный сектор, а также приоритетные направления промышленности, такие как золотопромышленность и железнодорожное строительство, имел льготы при пользовании лесами. Так, лес в заказниках мог использоваться безвозмездно для обеспечения нужд золотых приисков. То же касалось и железнодорожного строительства: для постройки Среднесибирской магистрали для изготовления шпал использовался лесоматериал близлежащий заказников. В отдельных случаях, близость магистрали влияла на площадь и размещения заказника. Так, изъятая площадь Ачинского заказника, была увеличена на 35 верст благодаря проходящему через заказник полотну Среднесибирской магистрали.

Вместе с тем, лесные заказники конца XIX – начал XX вв. не являлись природоохранными территориями в современном понимании данного определения. Однако в указанный период они сыграли важную роль в сохранении от неконтролируемого истребления значительные лесные площади с ценными породами деревьев. Кроме того, благодаря особому казенному статусу на территориях заказников велась активная противопожарная работа, что также способствовало сохранению больших лесоплощадей.

Так же стоит отметить, что терминологическое понятие «заказник» претерпело серьезные изменения. На сегодняшний день заказники в большей степени преследуют целью сохранение природы и видового разнообразия в определенном регионе.

Список литературы

1. Столбы – как место для горных прогулок // Енисей. – 1897. - №96.
2. ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф. 401 (Управление земледелием и государственных имуществ). Оп. 1. Д. 9.
3. Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. Ун-та, 2002. 496 с.
4. Курышова И. В. Проблемы рационального природопользования в Байкальском регионе на рубеже XIX-XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2002.
5. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1. Том 22. 1784 – 1788 СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1168 с. + приложения + список погрешностей.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Том 25. 1798-1799. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1168 с. + приложения + список погрешностей.
7. Шалыбков А.М., Сторчевой К.В. Природные заказники: Справочник. М.: Агропромиздт, 1985. 208 с.
8. Охрана памятников природы / проф. Д. Н. Анучин. Международная охрана природы /

проф. Г. А. Кожевников: с 29 рис. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 59 с.: ил.

9. ГАКК. Ф. 417 (Вице-инспектора корпуса лесничих при Иркутском Военном Генерал-губернаторе). Оп. 1. Д. 27.
10. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 20.
11. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 11.
12. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 21.
14. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 23.
15. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6.
16. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 25.
17. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 107.
18. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 19.
19. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 61.
20. ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 207.
21. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 62.
22. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 63.
23. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 82.
24. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 93.
25. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 108.
26. ГАКК. Ф. 417. Оп. 1. Д. 110.

NATURE PROTECTION ACTIVITIES IN THE YENISEI PROVINCE IN THE LATE XIX CENTURY – EARLY XX CENTURY

Environmental activities in the territory of the Yenisei province in the late XIX century-early XX century is considered and features of the activity at this stage are analyzed. The process of creation and development of nature protection zones of the Yenisei Gubernia - reserves, lands with relative confiscation, jaeger sites and forestries - is considered. The history of the term «forests» is studied, the differences in its definitions are analyzed in different historical periods. The main problems of nature protection activity in the region at the initial stage at the late XIX century-early XX century are revealed. The Statute of February 15, 1894 "On local management of forests in the Irkutsk Governorate General" is analyzed, the influence of this normative legal act on the personnel structure, the process of formation and further development of the reserves are considered. The formation of nature protection territories is considered from different sides, the issues of seizure of the territory from the use of local population, limitation of forest use are touched upon. The influence on external environmental factors is studied: development of the industrial sector, population growth, railway construction. Attention is paid to raid activities to verify the implementation of regulatory legal acts in the Yenisei province. The process of formation of customized territories and the conditions for the withdrawal of territories from the use of the local population are considered.
Keywords: Yenisei province, forest, Regulation of February 15, 1894 «On local management of forests in the Irkutsk Governorate General», Forestry Corps, audit, forest inventory inspector, Irkutsk general-governorship, forest fires.

References

1. Stolby – kak mesto dlya gornyh progulok [«The Pillars» - as a place for mountain walks] // Yenisei. – 1897. - №96.
2. GAKK (Gos. arh. Krasnoyarskogo kraya). F. 401 (Upravlenie zemledeliem i gosudarstvennyh imushchestv) [Management of Agriculture and Public Property]. Op. 1. D. 9.
3. Zulyar Yu.A. (2002). Ocherki istorii prirodopol'zovaniya v Baikal'skom regione v XX veke [Essays on the history of nature management in the Baikal region in the 20th century]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. Gos. Un-ta, 496 s.
4. Kuryshova I. V. (2002). Problemy ratsional'nogo prirodopol'zovaniya v Baikal'skom regione na rubezhe XIX-XX vv. [Problems of rational nature management in the Baikal region at the turn of the XIX-XX centuries.] // Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. 2002.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie 1. Том 22. 1784 – 1788 (1830). [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649 y. Volume 22. 1784 - 1788] SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kanzhelyarii. — 1168 s. + prilozheniya + spisok pogreshnostei.

6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1. Том 25. 1798-1799 (1830). [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649 y. Volume 25. 1798 - 1799] SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kanzhelyarii. — 1168 s. + prilozheniya + spisok pogreshnostei.

7. Shalybkov A.M., Storchevoi K.V. (1985)/ Prirodnye zakazniki: Spravochnik. [Nature reserves] M.: Agroprom-izdt. 208 s.

8. Ohrana pamyatnikov prirody [Protection of natural monuments] / prof. D. N. Anuchin. Mezhdunarodnaya ohrana prirody [International nature conservation] / prof. G. A. Kozhevnikov. (1914). S. 29 ris. M.: Tipo-lit. т-va I.H. Kushnerev i K°. 59 s.: il.

9. GAKK. F. 417 (Vitse-inspektora korpusa lesnichih pri Irkutskom Voennom General-gubernatore) [Vice-inspector of the forest rangers' corps under the Irkutsk Military Governor-General]. Op. 1. D. 27.

10. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 20.
11. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 11.
12. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 2.
13. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 21.
14. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 23.
15. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 6.
16. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 25.
17. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 107.
18. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 19.
19. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 61.
20. GAKK. F. 401. Op. 1. D. 207.
21. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 62.
22. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 63.
23. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 82.
24. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 93.
25. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 108.
26. GAKK. F. 417. Op. 1. D. 110.

Об авторе

Бондарева Дарья Константиновна – аспирант Братского государственного университета (Россия), E-mail: rimava.9191@inbox.ru

Bondareva Daria Konstantinovna – graduate student of Bratsk State University (Russia), E-mail: rimava.9191@inbox.ru

УДК 903.211.8

Горащук И. В., кандидат исторических наук, начальник группы археологии, АО ВолгоНИИгипрозем (Россия).

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ КАМЕННЫЕ НОЖИ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются артефакты, обнаруженные на ранненеолитических стоянках елшанской культуры. По характерным следам износа, с помощью экспериментально-трасологического метода устанавливается их функция. Далее с помощью сравнительно-исторического метода эти инструменты сопоставляются с аналогичными орудиями других регионов.

Ключевые слова: аккомодационная часть, мясные ножи, трасология, ножи типа "уло", ножи типа буи -ко, ножи - скребла.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-28-37

Появление елшанской культуры в Среднем Поволжье знаменует собой начало эпохи неолита. Хозяйственные изменения, произошедшие в это время не могли не отразиться на облике каменных орудий. Одной из наиболее яркой категории орудий – ножам и посвящена эта статья. Одним из памятников елшанской культуры является Ильинская стоянка, расположенная на дюне р. Сок у с. Ильинка в Красноярском районе Самарской области исследована А.Е. Мамоновым, артефакты стоянки описаны и введены в научный оборот в 1988 г. [7, с. 92-105]. В 1986 – 87 гг вскрыта площадь в 240 кв. м [7, с.92]. Каменные орудия исследованы автором этих строк.

Методы исследования предусматривали несколько процедур. Первая из них - основана на формально - типологическом подходе. С помощью него из массы материала было выделено несколько ножей и скребел. Второй метод, экспериментально-трасологический. Трасологический метод определения функций каменных орудий был предложен С.А Семеновым. Его принципы были изложены в монографиях «Первобытная техника» [12] и «Развитие техники в каменном веке» [13]. Этот метод продолжал развиваться, в связи с чем понадобилась специальная работа, закрепившая новшества в сфере трасологии. Такой работой стала монография Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинского «Методика микро-макроанализа древних орудий труда» [6]. В 2007 г. вышла работа Г.Н. Поплевко «Методика комплексного исследования каменных индустрий» [10], где постулируется необходимость объединения технологического и трасологического изучения камня в рамках единого исследования – комплексного.

Процедура микроанализа орудий труда производилась согласно 10 принципам, изложенным в работе Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинским [6, с.31-32]. Фиксация следов износа осуществлялась по шестиблочной схеме фиксации следов износа на орудии, предложенной Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинским. Первый блок следов износа – выкрошенность, второй – характеристика кромки орудия, третий – заполировка, четвертый – объемные следы, пятый – следы от обушковой части, шестой – псевдоследы.

Этот метод позволил установить функциональное назначение орудий и провести типологическую классификацию на качественно новом уровне.

Именно к вышеназванным типам орудий удалось добавить экземпляры, сходные по морфологии и углу заострения лезвия и с аналогичными функциями.

Пользуясь сравнительно историческим методом удалось найти аналогии этим инструментам в широком культурно-историческом контексте.

Интереснейшей категорией орудий, предназначенной в том числе и для обработки кожи являются выделенные в материалах памятника ножи – скребла (Рис.1. 1-5). Показателен износ этих орудий. Кроме износа, характерного для скребковых орудий – скругленной в профиле кромки с узкой полоской заполировки и линейных следов здесь обнаружено присутствие еще двух кинематических операций. Опишем их. Следы от второй кинематической операции можно описать следующим образом.

Мясная заполировка кроме кромочной линии, заходит далеко на боковые стороны лезвий, в особенности на его тыльную сторону. Длина этих полос иногда составляет 1.5

– 2 см. Следует отметить, что заполировка эта ярко – сальная. Бликующая. По боковым краям этих линий, на тыльной стороне, активно контактировавшей с материалом, не редко встречаются плоские микрофасетки выкрошенности. Такой износ мог образоваться от строгальных ножей или стамесок, но не от скребков.

Третьей операцией этих орудий была резка, о чем красноречиво свидетельствуют подтреугольные разнонаправленные микрофасетки выкрошенности, присутствующие на естественных зубцах орудия, образованных ретушью. А так же короткие риски линейных следов, расположенных на выпуклых участках и направленных под разными углами к кромке.

Создается впечатление, что кинематика орудия была различной. И включала движения к себе, от себя и в боковые стороны. Сходная кинематика, и, как следствие, аналогичный износ, описаны В.Е. Щелинским для скребел мустьерских стоянок [14, с.110]. В.Е. Щелинскому удалось и смоделировать подобный износ [14, с. 125-128]. По его мнению такие следы оставляет операция срезания слегка подсушенной мездры, жира и остатков мяса со шкуры. Другими словами, операция по первичной выделки шкуры.

Но елшанские орудия – не прямые аналоги мустьерских инструментов. Дело в том, что судя по следам на аккомодационной части эти орудия имели рукоять, т.е. были составными. Об этом четко свидетельствует черешок, намеченный отсеченными отщепами или подобранной естественной конфигурацией, присутствующий на аккомодационной части 4х орудий (Рис.1. 2-5). Он может быть расположен в центре аккомодационной части орудия или слегка смещен к одному из краев (соответственно Рис.1. 3-5 и 8.2). Интересно, что по наличию – отсутствию черешка на аккомодационной части можно выделить своеобразную типологическую цепочку. Крайней отправной точкой здесь будут орудия с подтреугольным черешком, представленные тремя экземплярами (Рис.1.3-5). Вторая форма – с косо срезанными концами аккомодационной части, но без ярко выраженного подтреугольного черешка. Центр аккомодационной части слегка приподнят в плане относительно углов лезвия (Рис.1.2). У одного орудия косо срезан только один угол, аккомодационная часть приподнята только с одного конца, она уплощена (Рис.1.1). Эти различные модификации удержания составного лезвия в рукояти не должны вызывать какого – то удивления. Вспомним, что в оформлении аккомодационной части скребков также существуют существенные различия. Тем более, что схема закрепления этих ножей едина. Судя по следам от аккомодационной части, такое орудие вставлялось в надпиленную по бокам трубчатую кость и заклинивалось со стороны плоскостей деревянными клинышками. Во всяком случае сильная потертость от кости по бокам изделия совмещается с менее яркой заполировкой на плоских гранях.

Такое орудие является точной копией женского эскимосского ножа типа «уло». Женский кожевенный нож в форме полумесяца с короткой рукоятью, изготовленный из камня или металла был в ходу еще в начале – середине 20 в. Тому есть множество свидетельств. Кнуд Расмуссен в 1923 – 24 г.г. видел подобные ножи из камня у эскимосов долины Пели, ведущих комплексное хозяйство – от охоты на тюленей до охоты на карибу и мускусных быков, а так же ловли форели [11, с.112]. Разделку тюленя таким ножом, изготовленным из металла, у эскимосов Гренландии запечатлел на картине в книге «Саламина» Рокуэлл Кент [4, вклейка между с. 160-161]. Судя по рисунку, женщина снимает шкуру, используя ту же технику работы, какую описал В.Е. Щелинский – оттягивает края руками, а потом либо подрубает, либо перерезает прослойку жира и мездры (Рис. 2. 1-2).

В.Г. Богораз зафиксировал позднюю традицию использования этих орудий у чукоч. Береговые чукчи пользовались такими ножами для разделки туш китов и нарезания ворвани [1, с.150-152 рис.140-141]. Он свидетельствует: «У приморских чукоч и эскимосов женщины употребляют «мясные ножи» по форме своей одинаковые с такими же ножами американских эскимосов, имеющими вид полумесяца. В настоящее время он делается из железа, а прежде делались из сланца и обсидиана. Образцы таких ножей можно найти на местах древних жилищ» (Рис.2 3 a,b, 4 a,b).

Однако вернемся к описанию материала. Итак, трасологические и, следовательно, функциональные критерии выделения этого

типа инструментов ясны. Перед нами ножи для первичной обработки кожи. У северных народов это женские кожевенные ножи. Характер использованных заготовок различен в 3х случаях это отщеп (Рис.1.1,2,4), и по одному плитка и технологический скол (соответственно 1.3 и 1.5). В четырех случаях лезвие орудия сформировано ретушью в одном – подобрана естественная конфигурация. В двух случаях ретушь формирования двоякая – сначала вентральная подтеска, потом мелкофасеточная полукрутая ретушь (Рис.1.2.3). В двух случаях, там, где угол заострения был оптимальным – мелкая полукрутая ретушь (Рис.1.1,4). Форма лезвия в 4х случаях дугообразная, в одном – с выпуклым участком (Рис.1.2).Форма аккомодационной части может быть либо подтреугольной, либо слегка приподнятой.

В дальнейшем этот тип орудий выделен и на других елшанских стоянках (Рис.3)

Мир устроен так, что там, где существуют женские ножи, обязательно отыщутся мужские. На роль последних претендует небольшая серия в 7 экземпляров ножей с изогнутым лезвием. Трасологически орудия демонстрируют типичный износ, характерный для разделочных ножей. Впервые такие орудия выделены на среднеазиатских материалах Г.Ф. Коробковой. Она описала их отличительные особенности следующим образом: «… заполированность распространяется не только на выступающие части лезвий, но и заходит глубоко на поверхность фасеток, оформляющих рабочий край» [4, С.15]. Характерная особенность елшанских орудий – слегка отогнутый верхний угол (Рис.1: 6.8.9.12). Именно на него приходится основная функциональная нагрузка. В ряде случаев он обломлен или явно переделан ретушированием (Рис.1: 7-12). Это не случайность. Дело в том, что максимум функциональной нагрузки приходился именно на него . В трасологии такие орудия обычно называют рыбными ножами. Но в данном случае у меня есть все основания говорить, как минимум о его комплексном использовании – как разделочного, так и рыбного.

В трех случаях орудия изготовлены на удлиненных сколах с относительно правильной огранкой (Рис.1: 6-8). В одном случае орудие изготовлено из торцевого нуклеуса на отщепе (Рис.1.10); в одном случае – на отщепе (Рис.1: 9). По одному случаю в качестве заготовок представлены морозобойная плитка (Рис.1: 11) и аморфный скол (Рис.1: 12). У всех орудий присутствует выделенная аккомодационная часть. У орудия из аморфного скола аккомодационная часть массивнее, чем само лезвие. Судя по следам на аккомодационной части, орудие заклинивалось в трубчатую кость, именно этим закреплением вызвано снятие резцового скола с угла аккомодационного утолщения. Однако каменный нож заклинивался не прочно, поскольку на боковых сторонах и спинке присутствуют следы от удержания в руках. Из чего можно заключить, что каменное лезвие выпадало из рукояти, и использовалось без нее. Отметим, что кромка орудия подновлена мелкой полукрутой ретушью. Отогнутый конец слегка скруглен.

По тому же принципу – в трубчатой кости заклинивалось лезвие ножа на торцевом нуклеусе. Любопытно, что ретушь переделки видна и здесь. Причем, в тех же самых местах – на дуге лезвия и его кончике.

Наиболее долгая жизнь была у ножа на морозобоиной плитке. Оно залощено так, что матовый блеск боковых сторон различим невооруженным глазом. Его лезвие сформировано отжимной уплощающей ретушью. При этом можно с уверенностью утверждать, что лезвие неоднократно подновлялось. Заполировка от работы менее блестящая, чем на боковых сторонах, от контакта с материалом. Орудие так же имеет аккомодационную часть. Со стороны лезвия имеется четкая разделительная фасетка, фиксирующая длины лезвийной и аккомодационной частей. Со стороны спинки имеется выступ – упор. Все это – следы от закрепления. Каменное лезвие вставлялось в рукоять, у которой был прорезан горизонтальный паз снизу. Там оно фиксировалось с помощью кожаных ремней – стяжек, следы от которых фиксируются в разделительной фасетке.

Похожая схема закрепления фиксируется на ноже из пластинчатого скола (Рис.1.6). У него уплощающей ретушью отмечен только переход к аккомодационной части со стороны спинки ножа. Судя по имеющимся следам, его закрепляли в горизонтальный паз – пропил в верхней части рукояти,

после чего стягивалось ремешком.

Эти четыре орудия можно выделить в первую модификацию – ножи, чья аккомодационная часть расположена под углом к лезвию. У трех других ножей – она является продолжением лезвийной части. Это и служит критерием выделения второй модификации. Отметим, что на всех трех орудиях черешок отсутствует. Однако, аккомодационная часть четко фиксируется в виде фасеток выкрошенности от стягивания лезвия и рукояти. Все эти орудия вставлялись в вертикальный паз пропил и фиксировались стяжками. У всех трех экземпляров сильно сработан отогнутый кончик. Из индивидуальных особенностей следует отметить отжимную притупливающую ретушь на спинке одного экземпляра (Рис.1.7).

Отметим некоторые особенности. В данном случае мы столкнулись с деликатными инструментами. Об этом свидетельствует сам характер подработки ножей. Ретушь на них всегда наносилась отжимом, что является более трудоемким приемом исполнения, нежели ударная. Об этом свидетельствуют и аккомодационные части изделий. Орудия очень тщательно закреплялись в рукоятях, кроме, пожалуй, единственного неудачного экземпляра.

В качестве объективного критерия здесь также проведены промеры углов схождения. При этом учтены некоторые особенности данного типа инструментов. Как мы видели, дуга и кончик лезвия подвергались постоянным переделкам. Поэтому объективный угол схождения – от точки, где заканчивается ретушь, до пересечения с основной линией спинки.

Такие ножи находят прямые аналогии среди орудий т.н. циркумполярной зоны. От лапландцев до айнов и чукчей. И это, видимо, не случайно. Близость регионов может заключаться только в том, что обильные водные ресурсы позволяют вести комплексное охотничье – рыболовное хозяйство. Для народов циркумполярной зоны таких этнографических свидетельств масса. Для елшанской культуры такие свидетельства тоже имеют место. А.Е. Мамонов пишет, что видовой состав охотничей добычи елшанцев весьма разнообразен – от сайги и тура, до выдры и черепахи [9, с.159]. Кроме того, в одной из хозяйственных ям на стоянке Чекалино обнаружена чешуя рыб; здесь же есть выкладки из створок пресноводных моллюсков – т.е. прямые свидетельства ведения комплексного хозяйства, основанного на эксплуатации животных и водных ресурсов региона [8, 6-7].

Из чего можно предполагать, что сходные условия ведения хозяйства порождали сходные типы орудий. Обратимся к этнографическим параллелям. Вот что пишет Р. Боси: «В два годика мальчики получают право на буи – ко – нож старого лапландского образца со слегка отогнутым лезвием» [2, с.72]. На этой же странице на рис.22 приведены аналогичные ножи алеутов и айнов. Интересно, что эти орудия используются так же при резьбе по дереву и рогу (Рис. 4.1). Думается, что это весьма поздняя функция ножа, причем железного ножа. Тонкий кончик кремневого инструмента просто не способен выдержать подобных нагрузок.

У В.Г. Богораза мы встречаем изогнутые ножи у чукчей. В.Г. Богораз сообщает, что подобные орудия чукчи употребляют для повседневных работ [1, с.146- 147; рис 132]. Автор так же свидетельствует, что такие ножи употребляются для резьбы по кости, впрочем, он пишет, что специальных инструментов для резьбы по кости у чукчей нет [1, с. 146-147].

Классификация орудий елшанской культуры по функционально-морфологическому признаку, учитывающая наличие ножей - скребел и ножей с изогнутым лезвием неоднократно обсуждалась на конференциях различного уровня. Наиболее полно она была представлена в 2010 году [3, с. 168-183]. Критики данной классификации высказано не было.

В настоящей статье характеристика типов ножей описана более полно и приведена с учетом сравнительно исторического метода.

Итак, в материалах елшанской культуры присутствуют специализированные ножи. Они свидетельствуют о ведении их изготовителями комплексного рыболовно-охотничьего хозяйства. Широкие исторические аналогии позволяют предположительно говорить о том, что ножи могли делится на "мужские" и "женские".

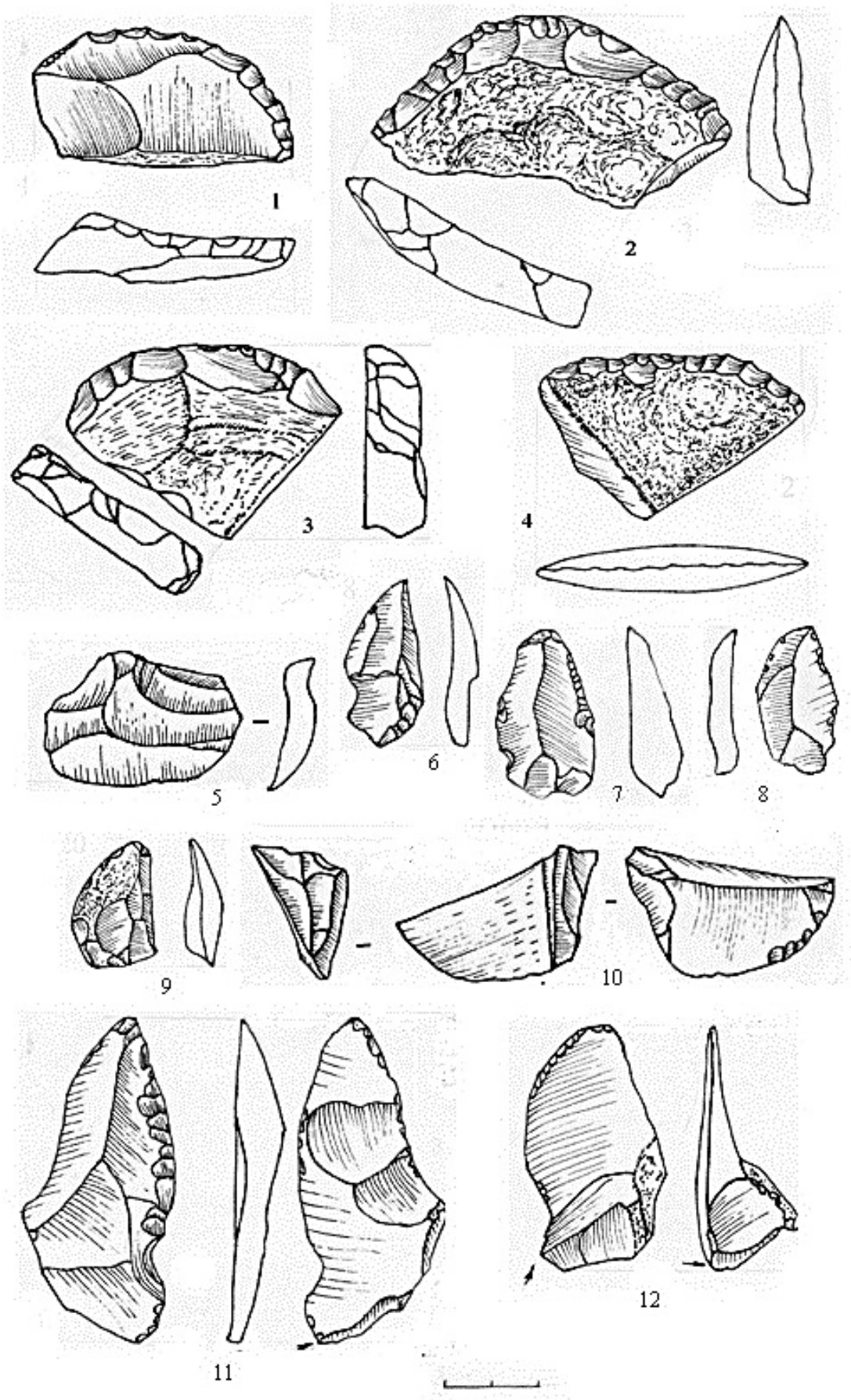
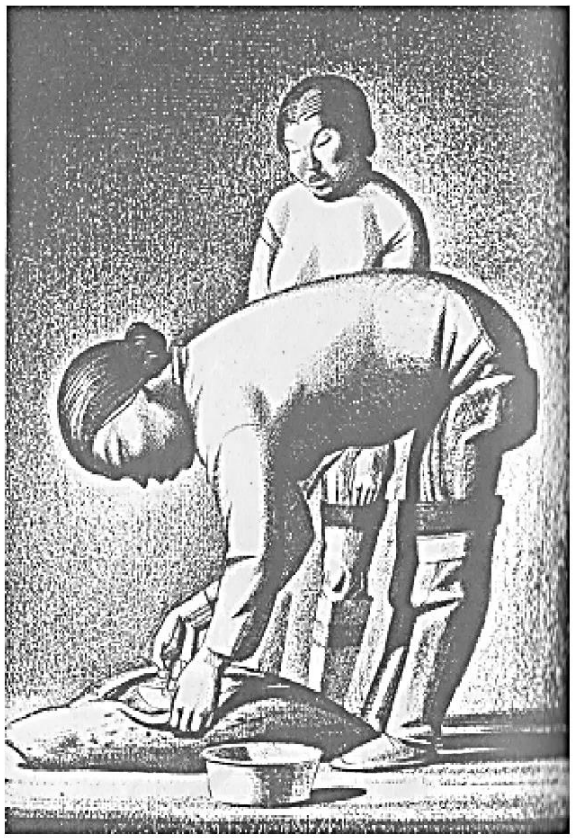
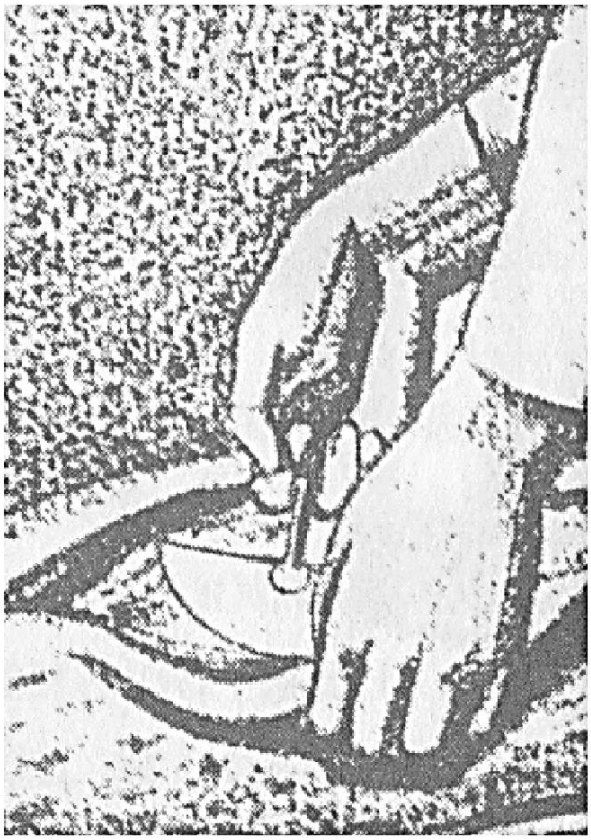


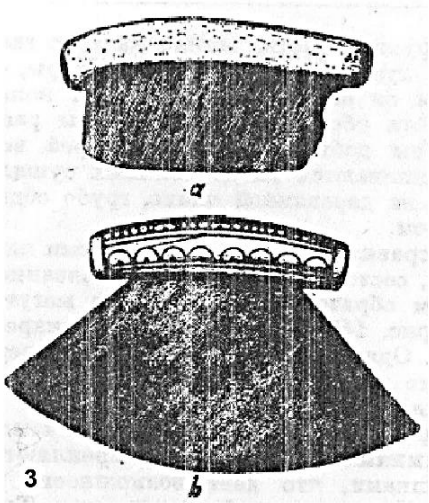
Рис 1. Каменные ножи стоянки Ильинка



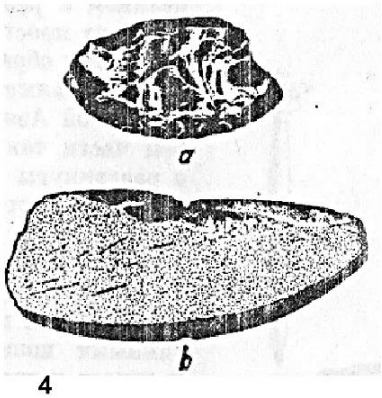
1



2



3



4

Рис. 2. Ножи уло и их использование.

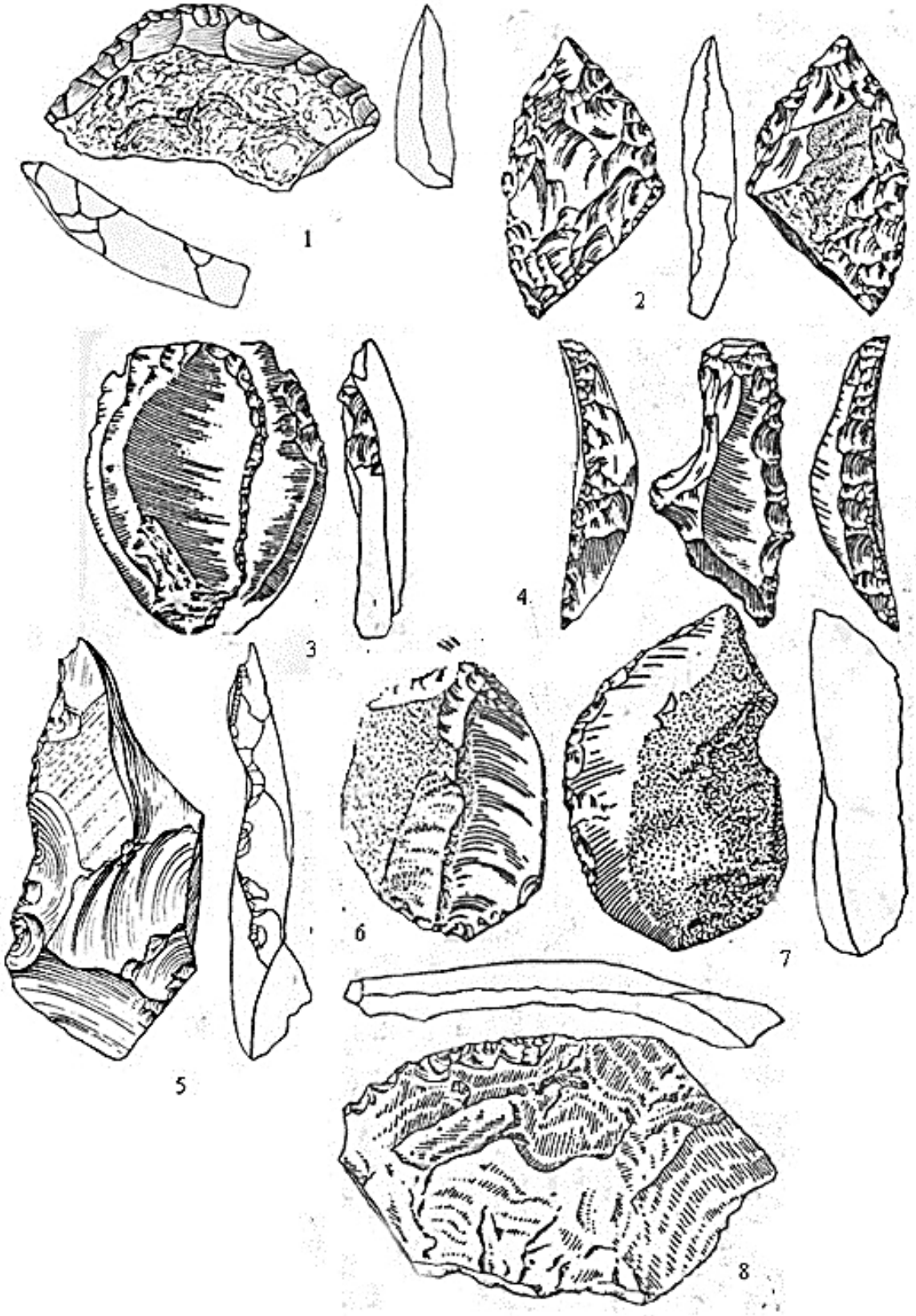


Рис 3. Каменные ножи елшанской культуры

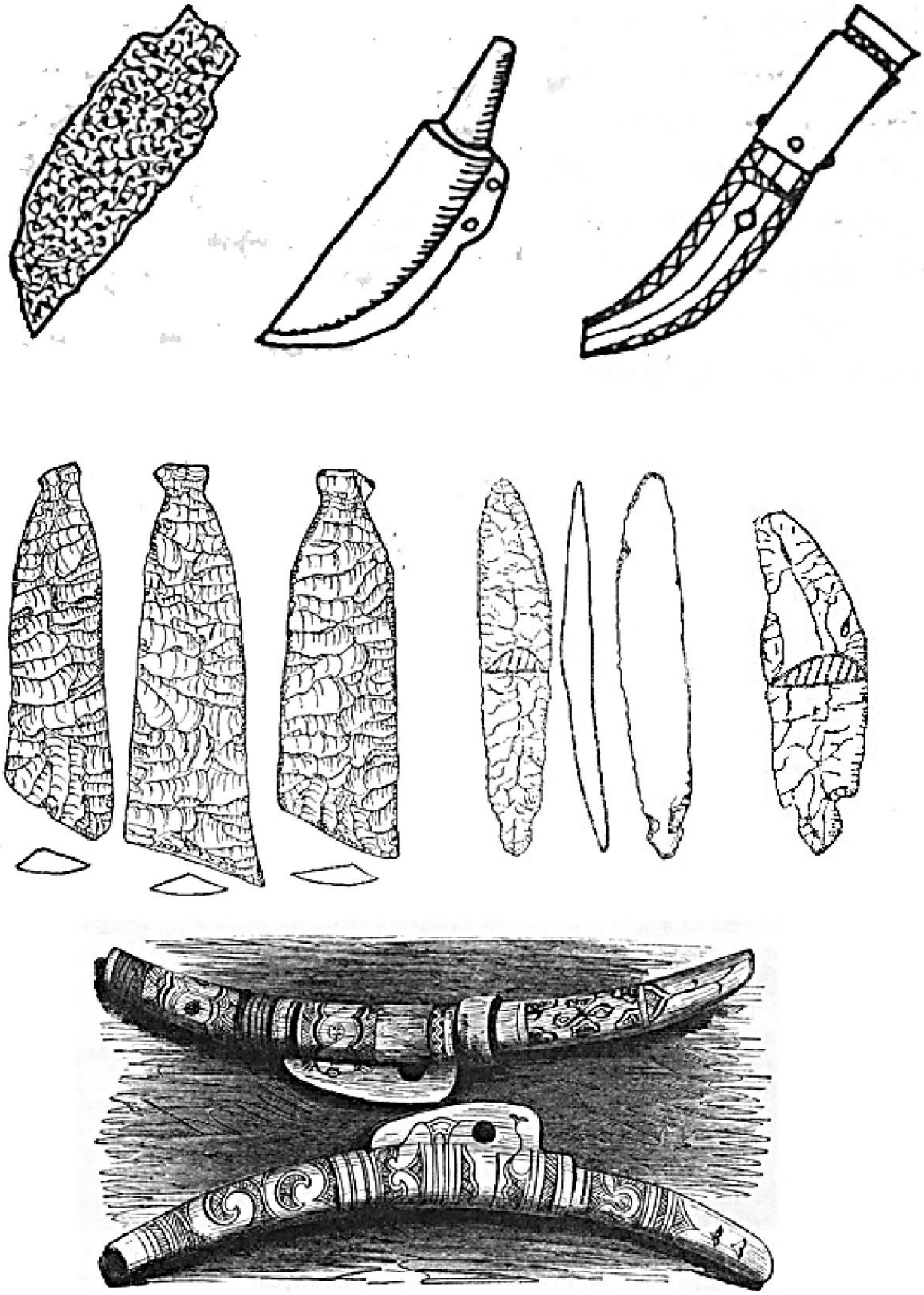


Рис 4. Ножи с искривленным лезвием

Список литературы

1. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука 1991. – 224 с.
2. Боси Р. Лапландцы. Охотники за северными оленями. – М.: Центрополиграф, 2004. – 175 с.
3. Горащук И.В. Классификация каменных орудий елшанской культуры // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки № 15. – Самара: Офорт, 2010. С.168-183.
4. Кент Р. Саламина. – М.: Мысль, 1970. – 383 с.
5. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии / МИА, Вып.158. – Л.: Наука, 1969. – 200 с.
6.Коробкова Г. Ф. , Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. – СПБ. 1996. – 80с.
7.Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения неолита лесной полосы евромейской части СССР. – Ижевск, 1988. С.92-105.
8.Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV//Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара.: Изд.Сам ГПУ, 1995. С.3-24.
9.Мамонов А.Е. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: Издательство Самарского научного центра РАН. 2000. С.147-176.
10. Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 388с.
11. Расмуссен К. Великий санный путь. – Иркутск.: Вост.-Сиб. кн. Издательство, 1987. – 208с.
12. Семенов С. А. Первобытная техника / МИА. Вып. 54. – М. –Л.: АН СССР. 1957. – 240с.
13. Семенов С. А.. Развитие техники в каменном веке. – Л., 1968. – 362с.
14. Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Отв. ред. А.Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1983. С. 72-133.

SPECIALIZED STONE KNIVES OF ELSHANSKY CULTURE

The article examines artifacts discovered in the Early Neolithic sites of the Elshan culture. By characteristic traces of wear, using their experimental tracological method, their function is established. Further, with the help of a comparatively historical method, these tools are compared with similar tools of other regions.
Keywords: accommodative part, meat knives, trasology, knives of "Ulo" type, knives of buoy -ko type, knives - scraper.

Reference

1. Bogoraz V.G. Materialnaya kultura chukchey. – M.: Nauka 1991. – 224 s.
2. Bosi R. Laplandtsy. Okhotniki za severnymi olenyami. – M.: Tsentropoligraf. 2004. – 175 s.
3. Gorashchuk I.V. Klassifikatsiya kamennykh orudiy elshanskoy kultury // 40 let Srednevolzhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. – Samara: Ofort. 2010. S.168-183.
4. Kent R. Salamina. – M.: Mysl. 1970. – 383 s.
5. Korobkova G.F. Orudiya truda i khozyaystvo neoliticheskikh plemen Sredney Azii / MIA. Vyp.158. – L.: Nauka. 1969. – 200 s.
6.Korobkova G.F., Shchelinskiy V.E. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda. – SPB. 1996. – 80s.
7.Mamonov A.E. Ilinskaya stoyanka i nekotoryye problemy neolita lesostepnogo Zavolzhia // Problemy izucheniya neolita lesnoy polosy evromeyskoy chasti SSSR. – Izhevsk. 1988. S.92-105.
8.Mamonov A.E. Elshanskiy kompleks stoyanki Chekalino IV//Drevniye kultury lesostepnogo Povolzhia. – Samara.: Izd.Sam GPU. 1995. S.3-24.
9.Mamonov A.E. Ranniy neolit. Elshanskaya kultura // Istoriya Samarskogo Povolzhia s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Kamennyy vek. – Samara: Izdatelstvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2000. S.147-176.

10. Poplevko G.N. Metodika kompleksnogo issledovaniya kamennykh industriy. – SPb.: Dmitriy Bulanin. 2007. – 388s.
11. Rasmussen K. Velikiy sannyy put. – Irkutsk.: Vost.-Sib. kn. Izdatelstvo. 1987. – 208s.
12. Semenov S. A. Pervobytnaya tekhnika / MIA. Vyp. 54. – M. –L.: AN SSSR. 1957. – 240s.
13. Semenov S. A.. Razvitiye tekhniki v kamennom veke. – L.. 1968. 362 s.
14. Shchelinskiy V.E. K izucheniyu tekhniki. tekhnologii izgotovleniya i funktsiy orudiy mustyerskoy epokhi // Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita. Otv. red. A.N. Rogachev. L.: Nauka. 1983. S. 72-133.

Об авторе

Горащук И. В. – кандидат исторических наук, начальник группы археологии АО ВолгоНИИгипрозем (Россия). E-mail: goraschuk@mail.ru

Goraschuk I.V. – candidate of historic sciences, head of archeology group of VolNIIIgiprozem JSC (Russia). E-mail: goraschuk@mail.ru

УДК 355.4:323(569.4)

Ермаков А.А., кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)
Морозов В.М., кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

«ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА» ИЗРАИЛЯ ПРОТИВ ХАМАС

В рамках данной статьи авторы обращаются к конфликту вокруг сектора Газа. В центре внимания находятся тоннельная угроза и ответные действия Израиля. Создание израильской стороной подземного заграждения на границе с палестинским анклавом авторы рассматривают в связи с событиями крупномасштабной военной операции «Нерушимая скала». Строительство израильтянами этого объекта является серьёзным вызовом для движения ХАМАС.
Ключевые слова: Государство Израиль, сектор Газа, ХАМАС, тоннели, борьба с подземной инфраструктурой
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-38-42

В последние годы обстановка в зоне палестино-израильского конфликта продолжает оставаться насыщенной событийно, с сохранением перманентной напряжённости. Но происходящее не идёт в сравнение с тем, что было в 2014 г., когда Тель-Авив провёл операции на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа – «Возвращайтесь, братья» и «Нерушимая скала», которым предшествовала эскалация противостояния между израильтянами и радикальной организацией «Исламский джихад». Сегодня затянувшийся конфликт характеризуется относительным затишьем у южных границ Государства Израиль, которое обусловлено целым рядом факторов. Сохранение режима тишины у южных границ Израиля является, прежде всего, результатом политики сдерживания, проводящейся Тель-Авивом в отношении радикалов сектора Газа после операции «Нерушимая скала». Эта политика нашла отражение в словах премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху: «У нас нет возможности формировать стратегическое окружение, в котором мы живём, но мы можем сдерживать наших врагов и, в случае необходимости, серьёзно подрывать инфраструктуру терроризма. Наша политика заключается в том, чтобы решительно реагировать на любое, даже самое маленькое, нарушение спокойствия, чтобы тем, с кем нам приходится иметь дело, стало ясно, что правила игры изменились. Если у нас будет спокойно, то и в Газе будет царить спокойствие. Удар по нам приведёт к разрушению и краху ХАМАС, «Исламского джихада» и любого, кто попытается напасть на нас с той стороны забора. Наш ответный удар на любую попытку напасть на наши населённые пункты и навредить нашим гражданам будет мощным» [1].Сдерживание радикалов Газы дополняется активными действиями сил безопасности Израиля на Западном берегу Иордана. Среди акций последнего времени заметными были проведённые в январе и июле 2017 г., в ходе которых удар пришёлся на функционеров движения ХАМАС. В январе за несколько суток израильтянами были задержаны десятки активистов этой организации [2]. Действия подобного размаха повторились в июле. На этот раз в числе задержанных деятелей ХАМАС оказались высокопоставленные фигуры [3]. Подобные акции заключают в себе потенциал эскалации конфликта, но он не идёт в сравнение с тем, что несут действия противоборствующих сторон в районе границы сектора Газа.

Угрожаемая территория

Среди этих действий – создание радикалами трансграничных тоннелей в рамках реализации стратегии ведения «подземной войны» против Израиля, а также предпринимаемые Тель-Авивом контрмеры. Серьёзным испытанием для израильского сдерживания стала вспышка напряжённости, вызванная подрывом трансграничного тоннеля палестинцев в октябре 2017 г. [4].

В связи с произошедшим один из лидеров ХАМАС Муса Абу Марзук заявил следующее: «Последняя «израильская» агрессия унесла жизни двенадцати бойцов Сопротивления ... Да, Египет прилагал усилия для деэскалации напряжённости в секторе Газа. И мы высоко ценим их, но «израильскую» оккупацию нельзя сдержать иначе, кроме как

вооружённым сопротивлением. Если нам снова навяжут войну, мы не будем бездействовать. Мы встретимся с врагом на поле боя и проявим всё своё мужество, потому что у нас есть воля, сила и арсенал, чтобы победить его, по Воле Всевышнего» [5].

До этих событий израильтянам пришлось активно противостоять угрозе трансграничных тоннелей в 2014 г., когда действия сухопутных сил Армии обороны Израиля (АОИ или ЦАХАЛ) в рамках операции «Нерушимая скала» были сфокусированы на созданной радикалами системе подземных коммуникаций [6].

Несмотря на приложенные тогда усилия, приграничные палестинскому анклаву районы остались угрожаемой территорией в плане угрозы атак из-под земли, т.к. палестинцы не утратили способность прокладывать трансграничные тоннели. Некоторые из таких объектов могли «пережить» операцию, оставшись нетронутыми. Имели шанс уцелеть и подземные коммуникации, создававшиеся как трансграничные, но не успевшие пересечь израильскую границу. Их достройка могла вестись уже после «Нерушимой скалы». При этом ключевым фактором возрастания «тоннельной угрозы» стало сохранение режима тишины, предоставившее радикалам Газы время для прокладывания трансграничных тоннелей в Израиль.

В случае с атаками из-под земли размер угрожаемой территории определяется не только расстоянием, на которое тоннели пролегают вглубь Израиля. Другим важным обстоятельством является способность выбравшихся на поверхность боевиков быстро перемещаться, что связано с отсутствием или наличием у них транспортных средств.

Такой сценарий, как проникновение через тоннели на израильскую территорию боевиков, снабжённых транспортными средствами, не является чем-то фантастическим. Он уже отрабатывался израильтянами [7], для чего у них имелись достаточные основания. Во время операции «Нерушимая скала» военнослужащие АОИ столкнулись с трансграничным тоннелем таких размеров, что по нему можно было ездить, используя находившиеся в нём мотоциклы [8].

Предпринятые израильской стороной в 2014 г. действия против подземных коммуникаций радикалов оказались сопряжены с большими трудностями. Процесс их уничтожения требовал выработки особого для каждого тоннеля профессионального плана. Тоннельные шахты располагались по всему сектору: среди фруктовых садов, в пригородных зонах, на застроенных территориях, в т.ч. – внутри жилых строений [9]. Полученный опыт свидетельствовал о необходимости «перерезания» подземных коммуникаций в районе границы.

Таковым шагом стало строительство «подземного забора» на границе между палестинским анклавом и Израилем – важного компонента потенциала борьбы с подземной инфраструктурой. Заметим, что ранее израильтяне рассматривали возможность локального использования подземного заграждения. После «Нерушимой скалы» жители одного из населённых пунктов на границе с Газой получили обещание о возведении подземных преград, не позволяющих радикалам проложить тоннели на его территорию [10].

Однако принятие израильтянами масштабных мер в ответ на угрозу атак из-под земли было запоздавшим, ведь с «тоннельной угрозой» на своей южной границе Тель-Авив столкнулся задолго до событий 2014 г. Достаточно сказать, что ещё в декабре 2005 г. на границе сектора был выявлен тоннель, с помощью которого боевики хотели проникнуть в Израиль [11].

Для полноты картины укажем, что действия израильтян в районе границы палестинского анклава являются лишь частью мер по борьбе с угрозой подземных коммуникаций на южном направлении. Другой их составляющей выступает поиск тоннелей на границе с Египтом [12]. Для израильской стороны развитие потенциала борьбы с подземной инфраструктурой обусловлено также способностью палестинцев Западного берега реки Иордан создавать тоннели, о чём свидетельствует их обнаружение в данном регионе [13].

Чем ответит хамас?

В ситуации с возведением «подземного забора» ключевым фактором потенциала эскалации конфликта, как и в случае с противостоянием вокруг сектора Газа вообще, является временной фактор, обусловленный тем,

что строительство этого заградительного сооружения началось спустя значительное время после завершения операции «Нерушимая скала». Если бы его возведение стартовало по завершении крупномасштабных боевых действий, то израильтянам, скорее всего, грозила лишь встреча с тоннелями, которые могли уцелеть в ходе операции.

Для движения ХАМАС трансграничные тоннели – военный актив, на создание которого были затрачены большие ресурсы. Они являются многофункциональными сооружениями, а не просто ходами сообщения. Об этом свидетельствуют обнаруженные в 2014 г. тоннели, имевшие несколько ответвлений, предназначенных для перемещения боевиков, а также хранения взрывчатых веществ [9].

Наряду с ракетами подземные коммуникации не исчерпали своего потенциала в качестве военного инструмента. Кроме того, палестинцам доступен ограниченный арсенал действенных средств вооружённого противоборства, и они стремятся к его расширению [14, с. 127]. От того, удастся ли им это, напрямую зависят их успехи или неудачи во время боевых действий.

В сложившейся ситуации утрата таких объектов военной инфраструктуры, как подземные коммуникации, является для них болезненным ударом. Между тем, создание «подземного забора» вдоль границы с Газой обернётся не только неполным разрушением, по меньшей мере, части трансграничных тоннелей. Оно также способно привести к сокращению арсенала действенных средств вооружённого противоборства, которым обладают палестинцы [15, с. 149]. Поэтому реализация израильской стороной данного проекта стала серьёзным вызовом для организации ХАМАС.

Однако, это не означает, что из-за строительства «подземного забора» палестинское движение решится на эскалацию конфликта с Тель-Авивом. Руководство ХАМАС отдаёт себе отчёт в том, что цена неполного разрушения подземных объектов окажется гораздо меньше цены крупномасштабного вооруженного противостояния. К тому же, сохранение режима тишины предоставляет время для того, чтобы дать ответы на вызовы, ставшие результатом действий израильской стороны. Но если эскалация всё-таки случится, есть вероятность начала качественно нового этапа в противостоянии между Израилем и радикалами.

Дело в том, что за прошедшие годы имела место трансформация конфликта между Тель-Авивом и радикальными организациями. В основе этого процесса лежали рост военной мощи радикалов, а также события, связанные с происходящем в Сирии. В результате израильтяне столкнулись с новыми вызовами, среди которых – рост военной угрозы со стороны радикальной ливанской организации «Хезболла» («Партия Аллаха»).

Министр обороны Израиля Авигдор Либерман так высказался о положении дел у северной границы своей страны: «Мы должны быть готовы к любым сценариям, и новая реальность ставит перед нами совершенно новые задачи. Раньше мы говорили о «районе ливанской границы». Сегодня этот термин нерелевантен. Нужно говорить о северном районе. В случае конфронтации это будет единый район и единый фронт. Сирия и Ливан вместе, «Хезболла» и армия Асада вместе с союзниками режима Асада» [16].

Положение дел на севере не могло не сказаться на планах израильтян относительно возможных действий на южном направлении, которое представлено сектором Газа. По словам Авигдора Либермана, «где бы не начались военные действия – на севере или на юге – кампания будет развиваться одновременно на двух фронтах. Это наша исходная предпосылка, к этому мы готовим армию» [16].

События 2014 – 2017 гг. наглядно продемонстрировали широту спектра угроз, с которыми израильтяне сталкиваются на палестинской арене в настоящее время. Для борьбы с некоторыми Тель-Авив использовал значительные ресурсы. Одной из них является рассмотренная выше «тоннельная угроза». Эти действия были связаны с тем, что для Израиля необходимость борьбы с подземной инфраструктурой наиболее остро стоит в рамках конфликта с палестинскими радикалами. От того, смогут ли последние дать ответы на вызовы, ставшие результатом принятия израильской стороной контрмер, напрямую зависят не только перспективы ведения ими «подземной войны» против Израиля, но и состояние палестино-израильского конфликта в целом.

Список литературы

1. СМИ: жители Сдерота не согласны с оценкой Нетаниягу двух «самых спокойных лет». http://newsru.co.il/israel/28jul2016/sderot_008.html (accessed 16.11.2017)

2. Масштабные операции в Иудее и Самарии, за двое суток задержаны десятки активистов ХАМАС. http://newsru.co.il/mideast/04jan2017/oper_103.html (accessed 16.11.2017)

3. Палестино-израильский конфликт: хронология событий, 23 июля. - http://newsru.co.il/mideast/23jul2017/palis.html (accessed 16.11.2017)

4. ЦАХАЛ объявил территорию, прилегающую к границе с Газой, закрытой военной зоной. - http://newsru.co.il/israel/08nov2017/gaza_110.html (accessed 16.11.2017)

5. Муса Абу Марзук: «Оккупация понимает только язык вооруженного сопротивления!». (Mousa Abu Marzouk: «The Occupation understands only the language of armed resistance!») (In Russ.) // - https://russian.palinfo.com/news/2017/11/7/

6. Новости террора и израильско-палестинского конфликта (26 августа – 2 сентября 2014 г.). Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма - http://www.terrorism-info.org.il//Data/articles/Art_20709/R_154_14_1095653739.pdf (accessed 16.11.2017)

7. СМИ: ЦАХАЛ отрабатывает сценарий проникновения из Газы мотоподразделения ХАМАС. (Media: IDF works on the scenario of a HAMAS motobrigade penetration from Gaza) (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/06dec2016/gaza_003.html (accessed 16.11.2017)

8. Операция «Несокрушимая скала» – отчет № 18 (4 августа, 12:00 ч.). - http://www.terrorisminfo.org.il//Data/articles/Art_20694/R_137_14_494860250.pdf (accessed 16.11.2017)

9. Операция «Несокрушимая скала» – отчет № 13 (27 июля, 12:00 ч.). - http://www.terrorism-info.org.il//Data/articles/Art_20686/R_127_14_111010165.pdf (accessed 16.11.2017)

10. Жители кибуцев на границе с Газой жалуются на туннели под своими домами. - http://www.newsru.co.il/israel/28jan2016/tunnel_009.html (accessed 16.11.2017)

11. Новости палестино-израильского конфликта (1-14 декабря 2005 года). - http://www.terrorism-info.org.il/Data/pdf/PDF_19149_6.pdf (accessed 16.11.2017)

12. Израильские военные начали работы по обнаружению туннелей на границе с Египтом. (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/04aug2017/tunnels_104.html (accessed 16.11.2017)

13. Бойцы ЦАХАЛа обнаружили десятки туннелей под Хевроном. (The soldiers of the IDF has discovered dozens of tunnels under Hebron) (In Russ.) - http://www.newsru.co.il/mideast/22jun2014/tunnels_009.html (accessed 16.11.2017)

14. Морозов В.М., Звягельская И.Д., Косач Г.Г. Ракеты как военный инструмент палестинцев в наши дни // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6.

15. Морозов В.М., Носенко Т.В., Крылов А.В. Динамика конфликта между Израилем и организацией ХАМАС в период 2014-2016 гг. // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 7.

16. Либерман: «Ливанская армия стала частью «Хизбаллы». (Lieberman: «The Lebanese army has become part of «Hezbollah») (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/10oct2017/liberman_707.html (accessed 16.11.2017)

ISRAEL'S «UNDERGROUND WAR» AGAINST HAMAS

In this article the authors refer to the conflict around the Gaza Strip. The focus is on the tunnel threat and Israeli retaliation. The creation by the Israelis of the underground barrier on the border with the Palestinian enclave is seen by the authors consider in connection with the events of large-scale military operation «Protective Edge». The construction by the Israelis of this object is a serious challenge to HAMAS.

Keywords: the State of Israel, the Gaza Strip, HAMAS, tunnels, struggle against underground infrastructure

References

1.Media: the residents of Sderot do not agree with Netanyahu's two «the most quiet years») (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/28jul2016/sderot_008.html (accessed 16.11.2017)

2. Large-scale operations in Judea and Samaria, dozens of HAMAS activists have been detained for two days) (In Russ.) - http://newsru.co.il/mideast/04jan2017/oper_103.html (accessed 16.11.2017)

3. The Palestinian-Israeli conflict: a chronology of events, July 23) (In Russ.) - http://newsru.co.il/mideast/23jul2017/palis.html (accessed 16.11.2017)

4. The IDF declared the area adjacent to the border with Gaza, a closed military zone) (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/08nov2017/gaza_110.html (accessed 16.11.2017)

5. Mousa Abu Marzouk: «The Occupation understands only the language of armed resistance!») (In Russ.) - https://russian.palinfo.com/news/2017/11/7/

6.News of terrorism and the Israeli-Palestinian conflict (August 26 – September 2, 2014) (In Russ.) // http://www.terrorism-info.org.il//Data/articles/Art_20709/R_154_14_1095653739.pdf (accessed 16.11.2017)

7.Media: IDF works on the scenario of a HAMAS motobrigade penetration from Gaza) (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/06dec2016/gaza_003.html (accessed 16.11.2017)

8. Operation «Protective Edge» – report No. 18 (August 4, 12:00 am) (In Russ.) //- http://www.terrorism-info.org.il//Data/articles/Art_20694/R_137_14_494860250.pdf (accessed 16.11.2017)

9.Operation «Protective Edge» – report No. 13 (July 27, 12:00 am) (In Russ.) // - http://www.terrorism-info.org.il//Data/articles/Art_20686/R_127_14_111010165.pdf (accessed 16.11.2017)

10. The residents of the kibbutzim on border with Gaza are complaining about tunnels under their houses) (In Russ.) - http://www.newsru.co.il/israel/28jan2016/tunnel_009.html (accessed 16.11.2017)

11. (News of the Palestinian-Israeli conflict (1-14 December 2005) (In Russ.) - http://www.terrorism-info.org.il/Data/pdf/PDF_19149_6.pdf (accessed 16.11.2017)

12. The Israeli military began work on the detection of tunnels on border with Egypt) (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/04aug2017/tunnels_104.html (accessed 16.11.2017)

13. The soldiers of the IDF has discovered dozens of tunnels under Hebron) (In Russ.) - http://www.newsru.co.il/mideast/22jun2014/tunnels_009.html (accessed 16.11.2017)

14. Morozov V.M., Zviagelskaya I.D., Kosach G.G. 2017. The rockets as military tool of the Palestinians today // Etnosocium and interethnic culture.2017 № 6) (In Russ.)

15.Morozov V.M., Nosenko T.V., Krylov A.V. 2017. Dynamics of the conflict between Israel and Hamas organization in 2014-2016 // Etnosocium and interethnic culture. № 7) (In Russ.)

16. Lieberman: «The Lebanese army has become part of «Hezbollah») (In Russ.) - http://newsru.co.il/israel/10oct2017/liberman_707.html (accessed 16.11.2017)

Об авторах

Ермаков Андрей Александрович – кандидат исторических наук Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: ermakov1989@mail.ru

Морозов Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: frosti_fddf@mail.ru

Ermakov Andrey Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (Russia), E-mail: ermakov1989@mail.ru

Morozov Vladimir Mikhailovich – Candidate of historical sciences, vice-rector for personnel policy Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (Russia), E-mail frosti_fddf@mail.ru

УДК 323.121 + 947.086

Исмаилова З.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТАМИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1948-1953 ГГ. И РОЛЬ В НЕЙ М.В. НЕЧКИНОЙ

В статье впервые в научно-исторической литературе освещена роль ученого-историка М.В. Нечкиной (1899-1985) в период кампании по борьбе с космополитами в исторической науке в 1948-1953 гг. Показано, что поведение историка на разных этапах кампании было различно и выявлены мотивы этого поведения. Хронологически кампания разделена на два этапа – самый острый 1948-1949 гг. и нисходящий, угасающий этап 1950-1953 гг. Также рассказано об изменении взгляда М.В. Нечкиной на дискуссионный вопрос о значении присоединения нерусских народов к России, об оценке движения мюридизма и Шамиля. Дискуссия разгорелась в отечественной исторической науке в 1947-1953 гг.; в 1950 г. в нее была вовлечена М.В. Нечкина, в следующем 1951 г. она публично выступила с собственной оценкой дискутируемого вопроса. В статье рассматривается не только изменение позиции ученого в ходе дискуссии, но и выявляются побудительные мотивы этого. Под действием политических и идеологических обстоятельств в 1950-1953 гг. исследовательница отказалась от прежнего взгляда на вопрос и выработала новый. В заключение выявляются итоги кампании в судьбе М.В. Нечкиной – они затронули как личное ее поведение, так и научно-исторические взгляды.

Ключевые слова: космополитизм, дискуссия, учебник, критика, мюридизм, Шамиль, народы Кавказа, царизм, русский народ.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-43-54

Биография ученого-историка Милицы Васильевны Нечкиной (1899-1985) малоизучена. Полной научной ее биографии нет, а работы ей посвященные, за немногими исключениями, являются юбилейными статьями или краткими очерками, в которых дается только канва биографии ученого [1]. В 1987 г. Академией наук СССР была издана биобиблиография М.В. Нечкиной[2]. С 1986 г. изучаются отдельные стороны научного творчества историка[3]. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. казанская исследовательница А.Н. Гребенкина изучала ранний период жизни и деятельности М.В. Нечкиной. Ее исследование – первый научный труд, в котором было предпринято глубокое научно-документальное изучение ранней биографии ученого[4].

Настоящая статья посвящена одному эпизоду из жизни М.В. Нечкиной, а именно ее роли во время кампании по борьбе с космополитами в исторической науке в 1948-1953 гг. Многочисленные статьи и материалы, а также воспоминания ученых-историков, посвященные этой кампании, не только не раскрывают участие в ней М.В. Нечкиной, - даже имени ее нет на этих страницах. У читателя складывается впечатление, что ученый-историк М.В. Нечкина не принимала никакого участия в кампании, никак не реагировала на ее ход, не высказала и слова в защиту или осуждение кого-либо, иными словами, - полностью отстранилась от кампании. Однако, это не так. Внимательное изучение биографии ученого говорит о другом, – о том, что М. Нечкина не только участвовала в кампании, но и ее роль на разных ее этапах была разной. Вникнем в неспокойное историческое время 1948-1953 гг. и постараемся определить в нем место и роль М.В. Нечкиной.

В середине 1940-х гг. в СССР началось новое идеологическое наступление на науку и культуру. Особенно широкий и громкий характер приняла кампания борьбы с космополитами[5]. В 1948 и 1949 гг. удар был нанесен по исторической науке, и первым, кто испытал на себе всю тяжесть «неумеренно суровой критики», был историограф Н.Л. Рубинштейн. В 1948 г. его книга «Русская историография» стала главным объектом обличения. Автора обвинили в «принижении роли русского народа и русской культуры в мировой истории, низкопоклонстве перед буржуазной культурой Запада, перед реакционной буржуазной историографией». «Принизив русскую историческую науку, Н.Л. Рубинштейн поднял на пьедестал зарубежную буржуазную науку и ее представителей, подвизавшихся в России, главным образом, немцев» [6, с. 7, 10].

Книга «Русская историография» была написана автором в конце 1930-х гг. и опубликована в 1941 г. Она получила высокую оценку специалистов. М.В. Нечкина отмечала: «Это,

прежде всего, авторская, исследовательская работа с самостоятельным замыслом и выполнением, лишенная элементов компилятивности и основанная на личном изучении первоисточников». Работу Н. Рубинштейна высоко оценили и другие историки – А. Панкратова, Ю. Готье. Они отмечали, что «исследования такого широко тематического и хронологического охвата еще не было в отечественной науке» [7, с. 666]. Однако, когда в 1948 г. автор «Русской историографии» был подвергнут критике, никто из столичных ученых не заступился за него. Их прежняя восторженность сменилась полной немотой. Рубинштейн был исключен из партии и вынужден был уйти из Московского университета, а вскоре и из Исторического музея.

В следующем 1949 г. в космополитизме были уличены историки С.С. Дмитриев и М.Н. Тихомиров. Их хрестоматия по истории СССР была осыпана упреками «в объективизме, забвении принципа партийности в науке, отступлении от марксистской идеологии, примирительном отношении к либерализму». В условиях того времени подобные обвинения грозили большой опасностью тому, против кого были направлены. Исследовательница Р.Г. Эймонтова отмечает: «Появление грубо обличительных рецензий… производило тогда сильное впечатление и безусловно настораживало, критикуемых же повергало в состоянии нервного напряжения и ожидания еще больших неприятностей» [8, с. 168]. Подвергнутый критике ученик М.В. Нечкиной историк С.С. Дмитриев, преподаватель исторического факультета МГУ, писал в дневнике в 1949 г.: «15 марта. На факультете страсти очень накалены. Вчера вывешена новая стенгазета. Студенты и преподаватели весь день густой толпой теснились у нее. Газета призывает до конца искоренить космополитов в исторической науке – Минца, Разгона, Городецкого, Верховеня и др.». «Тяжелая туча нависла над историками, - горько замечал С.С. Дмитриев, - многих не досчитаются, когда она минует» [8, с. 147-148].

Туча тем временем все чернела. 11, 14 и 16 марта проходило расширенное заседание историков в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б). Участник заседания историк Ю.А. Поляков вспоминал, что «выступавшие без устали разоблачали враждебную сущность таких пробравшихся в историческую науку деятелей, как О.Л. Вайнштейн, А.М. Деборин, Л.И. Зубок, В. Лан, И.И. Минц, И.М. Разгон, Н.Л. Рубинштейн. Наиболее активными критиками были М.П. Ким, А.Л. Сидоров, Д.А. Чугаев. Наряду с маститыми профессорами большую ретивость выказали аспиранты – их выступило более 10». [9, с. 313]. Атмосфера проработок и чисток тяжело сказывалась на ученых. Многие из них сильно изменились внешне. Историк Е.Н. Городецкий «страшно похудел», Н.Л. Рубинштейн – «похудел и осунулся». Студенты также испытали на себе тяжесть времени. 21 марта 1950 г. С.С. Дмитриев отмечал в дневнике: «В университете участились случаи убийств и самоубийств. <…> Так несчастную молодежь пичкают и накачивают официальной идеологией, что у людей оскомина набита, и челюсти от зевоты сводит». Над страной нависла мрачная тень подозрительности и страха. «В Учпедгизе все продолжают пребывать в страхе и ужасе, - замечал С.С. Дмитриев. - Трясутся над каждым словом». «Таковы наши дела и дни», - заключал ученый.

Под давлением разносной критики – «Дубинка вместо критики» - историки признавали «у себя отдельные космополитические ошибки» или полностью отказывались от своих взглядов. Идеологическое наступление на историческую науку подтачивало силы ученых, сказывалось на их здоровье и эмоционально-психологическом состоянии. Историки получали «волчьи паспорта и отстранялись от научной и педагогической работы» [8, с. 149-150]. «Февральско-мартовская резня космополитов» 1949 г., по определению С.С. Дмитриева, вывела из строя многих талантливых исследователей, некоторые из них ушли из жизни. 3 марта 1950 г. скоропостижно и преждевременно скончался историк К.В. Базилевич. Ему было 58 лет. За ним ушел и его учитель – 68-летний С.В. Бахрушин, скончавшийся 8 марта 1950 г. «Ученик увел за собою учителя». Оба скончались далеко не в преклонном возрасте, смерть их «ускорила кампания интриганства» [8, с. 157-158].

«Очищение от космополитов» воспринималось учеными-историками по-разному. Одни из них спешили отмежеваться от «космополитов» в исторической науке (например,

Е.Н. Городецкий), но вскоре сами оказывались под обстрелом критики. Другие, их большинство – А.Л. Сидоров, М.П. Ким, Е.С. Ерусалимский, Е.А. Косминский, А.В. Арциховский, Б.Ф. Поршнев – критиковали ошибки и «порочные взгляды» своих коллег и вынужденно – свои собственные [10, с. 155-157]. Много лет спустя, в апреле 1966 г. историк Л.В. Черепнин вспоминал, что заседания, на которых критиковали его коллег, «превращались в собрания, где не было истинных споров, столкновения мнений, а одни обвиняли других. Бывало и так, что обвинители через некоторое время сами становились обвиняемыми, и их также не убеждали, не разъясняли им характера их заблуждений, а просто предъявляли счет в "ошибках", в "антимарксистских, антинаучных извращениях"» [11, с. 209]. Политическая кампания определяла вектор выступлений ученых, страх и нервозная обстановка толкали их на участие в ней. Не понимая до конца происходящего, ученые стремились отвести от себя неминуемую угрозу и поступались собственными взглядами. Однако, не все из них поддались такому настроению.

Историк Н.М. Дружинин «стремился преодолеть общее давление и сдерживал "крови жаждущих"». «Позиция примиренческая!», - замечал С.С. Дмитриев. Другие историки смело заявляли свой протест против необоснованной и разгульной критики, раздававшейся в адрес их коллег. В Иванове преподавательница педагогического института Нина Разумовская на заседании ученого совета института, где обсуждался вопрос о космополитах в исторической науке, заступилась за Рубинштейна, историографию которого «громили». «Тогда ее так «проработали» всем собранием (в институте), - замечает в дневнике С.С. Дмитриев, - что, придя домой, она перекинула через двери ремешок, сделала петлю и повесилась. Это была молодая (25 лет) красивая девушка, она имела хорошие способности к научной работе» [8, с. 149].

М.В. Нечкина в те годы преподавала на историческом факультете Московского университета. Она видела и слышала всё происходящее. Подвергались критике и изгонялись из науки ее коллеги и ученики. Как же реагировала на это Милица Васильевна? Ее дневник молчит. Но отдельные пометы в дневнике другого историка, ученика М.В Нечкиной – С.С. Дмитриева помогают нам осветить роль Нечкиной в первый период кампании по борьбе с космополитами, на ее самом остром этапе в 1948 и 1949 гг.

Ученый не шел в одной колонне с теми, кто яростно набрасывался на историков и критиковал их мнимые и действительные ошибки. Нечкина никогда не способствовала развязыванию и накалу кампании. Но также никогда и не заступалась за своих коллег, подвернутых критике – ученика С.С. Дмитриева, младшего коллегу Е.Н. Городецкого. Более того – участвовала в критике их работ. В разгар кампании, чтобы отвести от себя подозрение, Нечкина высказала мнение: «Либерализм никогда не был прогрессивен в условиях России» [8, с. 148]. Это утверждение – палка о двух концах. Одним из них оно било по «либеральным концепциям» зарубежных буржуазных историков, другим – еще раз ударяло по выявленным «космополитам» в отечественной исторической науке – Е.Н. Городецкому, Н.Л. Рубинштейну, И.И. Минцу, С.С. Дмитриеву, М.Н. Тихомирову. А это – коллеги Нечкиной, те, кто ежедневно плечом к плечу с ней работал. В марте 1949 г. М.В. Нечкина приняла участие в критике учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева «История СССР», изданного в 1948 г. На вечернем заседании педагогического совета в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ она высказала ряд критических замечаний по поводу освещения в учебнике роли А.Н. Радищева. В тот день – 10 марта – вернувшись с заседания, С.С. Дмитриев записал в дневнике: «Обсуждение в ЦКШ прошло для меня весьма печально. Все выступавшие очень резко критиковали мои ошибки. <…> Как видно, предстоят для меня трудные годы” [8, с. 146, 148].

Подводя итог, можно сказать, что в 1948-1949 гг., в самый разгар кампании по борьбе с космополитами, Нечкина не участвовала напрямую в этой кампании, но, стараясь отвести от себя подозрение, решилась на умеренную критику трудов своих коллег. Итог этого компромисса с властью – испорченные личные отношения с некоторыми учеными-историками. Впрочем, надо сказать, что отношения испортились не навсегда. Коллеги М.В. Нечкиной историки Н.М.

Дружинин, Е.Н. Городецкий, М.Н. Тихомиров и др. в дальнейшем будут поддерживать с Милицей Васильевной деловые и дружеские контакты, их взаимные отношения наполнятся совместным продуктивным трудом и общими усилиями в решении новых исследовательских задах отечественной исторической науки.

«События 1949 г., - замечает историк Ю.А. Поляков, - были отражением падения нравов, поощряемого властями» и вели к «разложению самого общества» [9, с. 326]. Ему вторит историк С.С. Дмитриев, который 7 июня 1949 г. записал в дневнике такие слова: «Живу последние месяцы в состоянии какой-то апатии ко всему… Омерзела политическая трескотня и блудословие. Омерзели жалкие и подлые люди кругом. Одичание народа просто поразительное. Растление личности достигло едва ли не до предела в нашем обществе, вызывающем одно презрение» [8, с. 152]. Кампания по борьбе с «космополитами» не остановилась в 1949 г., она продолжилась, и в следующем 1950 г. непосредственно вовлекла в свой крутой круговорот ученого, который до поры до времени принимал в ней весьма скромное участие.

1950 год принёс исторической науке новую дискуссию – о сущности мюридизма и движения Шамиля. В июле в журнале «Большевик» (№ 13) появилась статья первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля». «Не вдаваясь в подробный анализ движения горцев» Кавказа, Багиров обрушился с резкой критикой на «ошибочную концепцию о якобы прогрессивном, освободительном характере движения мюридизма и Шамиля в первой половине XIX века». Такую концепцию крупный партийный функционер объявил «антимарксистской». Он писал, что Шамиль – ставленник и агент турецких завоевателей и британских колонизаторов, проповедник воинствующего, фанатично-клерикального учения мюридизма. Кроме того, Шамиль препятствовал прогрессивному процессу присоединения горцев Кавказа к России, который сыграл благотворную роль в их жизни. «Шамиль был орудием в руках иностранных государств», «в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть», «никакого освободительного характера его движение носить не могло», - заключал Багиров. На заключительной странице статьи перо партийного чиновника выводило риторический вопрос: «Как в свете всего сказанного понять позиции ответственных работников Института истории Академии наук СССР, авторов и редакторов учебников по истории СССР тт. Дружинина, Панкратовой, Заходера, Нечкиной, Закс и других, идеализирующих мюридизм и извращающих историческую истину, превозносящих инспирированный соперниками России – Турцией и Англией мюридизм и его вождя – Шамиля?» [12, с. 21, 25-28, 35, 37].

Таким образом, в статье М.Д. Багирова, появившейся в печати в июле 1950 г., впервые было упомянуто имя М. Нечкиной в негативном контексте. Она наряду с другими историками обвинялась в неверном освещении в учебной литературе движения мюридизма и Шамиля. Вскоре вопрос о Шамиле перерос в дискуссию о значении присоединения нерусских народов к России. Она продолжалась до 1953 г. и стала рубежом в понимании учеными-историками вопроса о вхождении в состав России нерусских областей и краев.

Появление статьи М.Д. Багирова стало для М.В. Нечкиной оглушительной новостью. Она была растеряна и не понимала мотивов и сути происходящего. Ведь еще недавно – в 1947 г. в Институте истории состоялась дискуссия о характере движения Шамиля, в которой приняли участие как специалисты по отечественной истории, так и востоковеды, столичные ученые и их коллеги из национальных республик. В ходе дискуссии большинство историков, среди них и М.В. Нечкина, пришли к убеждению – «движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля являлось освободительным и прогрессивным» [13, с. 589]. Как же теперь, после статьи М.Д. Багирова оценивать его? Летом 1950 г. М.В. Нечкина еще испытывала колебания, она не знала точного ответа на вопрос. В то же время исследовательница чутко отреагировала на критику Д.М. Багирова. В августе 1950 г. в письме к Н.М. Чернышевской она писала: «Спешу выслать Вам учебник, он уже полностью разошелся, только хочу предупредить, что весь текст о Шамиле надо считать вычеркнутым, -

после статьи тов. Багирова в № 13 "Большевика" этим текстом нельзя пользоваться. По этой причине я даже не решилась надписать посылаемую книгу» [14, с. 814-815].

В сентябре 1950 г. президент АН СССР С.И. Вавилов и главный ученый секретарь Президиума Академии А.В. Топчиев составили докладную записку. Она предназначалась для секретаря ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова и содержала такую информацию: «Президиум АН СССР на своем заседании 22 сент. с.г., рассмотрев вопрос об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников АН СССР, установил, что» авторы и редакторы учебников по истории СССР (тт. Н.М. Дружинин, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, А.Б. Закс) допустили «грубые политические ошибки», и оказались, по существу, на поводу у английских и турецких реакционных авторов, которые сознательно приукрашали и превозносили характер движения мюридизма и Шамиля, представляя их как якобы прогрессивные национально-освободительные и демократические явления» [15, с. 35]. Другой документ, в котором упоминается имя М. Нечкиной в связи с разгоревшейся дискуссией, относится к декабрю 1950 г. и адресован секретарю ЦК М.А. Суслову. В нем говорится, что программа курса истории СССР, составленная на кафедре отечественной истории МГУ на основе учебников по истории СССР под редакцией Б.Д. Грекова и М.В. Нечкиной «*не ориентирует* историков на изучение истории… с точки зрения ленинско- сталинской исторической концепции. <…> Такое неблагополучие, - заключали авторы записки, - результат того, что учебники составляются людьми из бывших кадетов, националистов и в прошлом связанных с антимарксистской школой Покровского…» [5, с. 614]. Тучи над головой ученого сгущались. Критика Нечкиной, начавшись в июле 1950 г. на страницах журнала «Большевик», в сентябре-декабре стала известна высшему партийному руководству страны, и грозила теперь неминуемыми последствиями. В феврале 1951 г. в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) была направлена резолюция Ученого совета Института истории АН СССР, в которой, в частности, еще раз фигурировало имя М.В. Нечкиной. В резолюции было отмечено, что «буржуазно-националистические извращения истории казахского народа… нашли отражение… в учебнике по истории для средней школы (редактор А.М. Панкратова) и в учебнике для высшей школы (редактор М.В. Нечкина)» [15, с. 35].

Необходимо было действовать. М.В. Нечкина не растерялась, она знала, что и как делать – за ее плечами был чем-то подобный настоящему опыт 1930-х гг. Она написала и отправила в редакцию «Вопросов истории» письмо, в котором изложила собственный взгляд на дискуссионный вопрос. Ученый писал: «Задача историков – обрисовать историческую перспективу единения и борьбы трудовых людей разных народов под руководством старшего брата – русского народа, в дальнейшем под гегемонией его пролетариата, под руководством партии Ленина – Сталина во имя победы над всеми и всяческими эксплуататорами. Только на основе глубокого изучения этой стороны процесса возможно дать объективную оценку результатов присоединения того или иного народа к России…». М. Нечкина указывала на «благотворность, прогрессивность присоединения нерусских народов к России» и в то же время подчеркивала «реакционность колонизаторской политики царизма». «При оценке результатов включения народов в состав царской России, - подчеркивала она, - историки должны обращать особое внимание на факты общения народов, на то новое и положительное, что вопреки царизму вносил в хозяйственную и культурную жизнь народов великий русский народ». Нечкина неоднократно подчеркивала роль русского народа в истории России, в его борьбе с царизмом: «Царизм был тюрьмой народов… В этой тюрьме томился и старший брат народов нашей страны – великий русский народ. <…> Его огромные силы, опыт борьбы, передовая культура, созданная им, - всё служило общему делу освободительной борьбы, укрепляло братство народов в этой великой борьбе» [16, с. 45]. Две основные идеи – прогрессивность присоединения нерусских народов к России, «братство народов» и реакционная роль царизма в этом процессе – отличали взгляд ученого, изложенный в письме. Оно было опубликовано в апреле 1951 г.

Письмо М. Нечкиной в редакцию «Вопросов истории» привлекло только дополнительное внимание к творчеству ученого и педагога. Через три месяца после его опубликования в июле 1951 г. в журнале «Большевик» была напечатана рецензия на второй том вузовского учебника по истории СССР, главным редактором которого являлась М.В. Нечкина.

Учебник был коллективным трудом советских ученых-историков, научных сотрудников Академии наук СССР и Московского университета и представлял собой объемную книгу в 870 страниц. Работа над ним проходила в 1947-1948 гг. и завершилась изданием в 1949 г. В 1951 г., как отмечено выше, в журнале «Большевик» появилась рецензия на учебник. Ее автор историк Л.М. Иванов, оперируя цитатами из работ Сталина, указывал, что в учебнике «и теперь еще имеются серьезные недостатки и упущения, неверные формулировки и ошибочные оценки ряда исторических явлений и событий». Так, «главы об экономическом развитии России явно нуждаются в серьезной переработке», допущены ошибки в оценке «национальных движений в тех конкретно-исторических условиях, которые их породили», ряд вопросов из «истории русской общественной мысли и революционного движения» рассматривается авторами «с объективистских позиций. Особенно это сказывается при освещении истории народничества». Наконец, «особо следует обратить внимание на ошибочную трактовку, которую получили в учебнике некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года». В центре критики Л.М. Иванова стоял Шамиль, его оценка в учебнике. Рецензент писал: «Шамиль, ставленник Турции и агент английских колонизаторов, представлявший интересы военно-феодальной верхушки горцев, изображается как народный герой, борец за национальное освобождение». В заключение Л.М. Иванов отметил: «Подготовка учебников, прежде всего учебников по отечественной истории, является важной государственной задачей. <…> Нужен решительный поворот в деле создания полноценных марксистских учебников по истории, отвечающих высоким запросам советского народа» [17, с. 27-28].

Итак, в 1951 г. Нечкина теперь сама оказалась в роли критикуемой. Роли переменились. Прав был историк С.С. Дмитриев, когда писал в дневнике в 1949 г., что «все ценности продолжают переоцениваться, всё смещается и сдвигается, грозя оставить пустое место в итоге такого хаотического мыслетрясения и людетрясения» [8, с. 146]. Эпоха была грозной и лицемерной.

1 и 2 октября 1951 г. на объединенном заседании ученого совета Института истории АН СССР и кафедры истории СССР МГУ под руководством А.М. Панкратовой состоялось обсуждение рецензии Л.М. Иванова. В дневнике М.В. Нечкиной в записи за 1 октября мы можем прочесть такие строки: «Сейчас же после обеда – к 4 часам в Институт истории. Началось заседание по обсуждению рецензии Иванова… За 40 минут (!!) до заседания мне позвонил Новосельский (историк – И.З.) и предупредил, что я должна выступать после Панкратовой, открывающей заседание, а Иванов (новость!) доклада делать не будет» [18, с. 665].

Первой выступила А.М. Панкратова, открывшая обсуждение. Она сказала: «Товарищам, которые создавали этот учебник в качестве авторов и редакторов, предстоит подготовить в ближайшее время новое, третье издание учебника. Поэтому особенно своевременны и необходимы сделанные в критической статье замечания методологического и методического характера, учитывая которые можно и должно подготовить более полноценное новое издание учебника. Задача подготовки такого учебника, более выдержанного с принципиальной стороны и более богатого по содержанию, является для нас, советских историков, делом чести, тем более, что мы имеем такой непревзойденный образец учебника как «Краткий курс истории ВКП (б)», следовать которому мы обязаны, независимо от того, какой исторической эпохе посвящен тот или иной наш новый учебник» [18, с. 665].

Второй после А.М. Панкратовой выступила М.В. Нечкина, по мнению «очень многих», «удачно» [18, с. 372]. Она отметила: «Второе издание вышло в самом начале 1950 г., т.е. уже почти два года тому назад. Сейчас коллектив трудится над третьим изданием и работает уже полтора года над его подготовкой. <…> Я не могу не сожалеть о том, что наше теперешнее обсуждение сконцентрировано не на этой новой рукописи, которая явилась результатом

трудов авторского коллектива за последние полтора года, а на пройденном уже этапе, которым является для авторского коллектива второе издание, этот серый том».

Попытка Нечкиной отвести внимание обсуждающих от старого учебника и сосредоточить его на новом, подготавливаемом к печати, не удалась. Историк А.В. Пясковский вновь заговорил о старом учебнике: «Одним из недостатков учебника является, несомненно, то, что авторы совершенно обходят роль США – этого достойного партнера Англии по грабежам и насилиям. <…> Крупные ошибки и недостатки содержат главы, посвященные истории отдельных народов, в частности, национальным движениям. <…> Странно, если не сказать больше, выглядят разделы учебника, посвященные народным движениям в Среднем Поволжье. Вместо того, чтобы показать действительно прогрессивные движения среди народов Среднего Поволжья в XIX в., их борьбу против царского гнета и гнета местных эксплоататоров, автор раздела (профессор Л.В. Черепнин) описывает, и притом достаточно подробно, одни лишь реакционные движения, укреплявшие всевозможные изуверские секты и старинные религиозные культы. <…> Главы, посвященные общественному и революционному движению 60 – 80-х гг. XIX в. (написанные к.и.н. Ш.М. Левиным), заключают целый ряд существенных недостатков, способных лишь запутать учащегося. <…> Таких оголтелых в будущем ренегатов, как Утин, Чайковский, Л. Тихомиров и др., автор безудержно идеализирует в учебнике, ни словом не обмолвившись об их действительном, настоящем лице» [18, с. 665].

Выступление А.В. Пясковского М.В. Нечкина назвала «странным». Почему в учебнике нельзя говорить об Н.А. Утине, революционере 1860-х гг., члене ЦК первой «Земли и Воли», одном из организаторов и руководителей Русской секции 1-го Интернационала? – спрашивала она. «Утин подавал на высочайшее имя», - отвечал Пясковский. Нечкина, однако, была убеждена, что «самый факт обращения к царю» не снимает «вопроса о революционности деятеля» [19, с. 357]. В целом дискуссию об учебнике она оценила так: «Очень интересно, ценно, хотя немало и спорного» [18, с. 372]. Стоит, однако, заметить, что начавшаяся дискуссия не могла быть ценной, т.к. проходила в обстановке односторонней критики, и Нечкина даже в этих условиях смогла выявить ее положительные моменты.

На следующий день, 2 октября, состоялось заседание комиссии «по выработке резолюции об учебнике». В состав комиссии входили Л.М. Иванов, И.А. Федосов, М.В. Нечкина и А.В. Пясковский. Заседание было назначено на 17 ч. 30 мин. Милица Васильевна приехала в Институт истории и явилась на заседание комиссии в 17 час. 28 мин., когда «все уже явно заседают», хотя «нет Пясковского» - одного из членов комиссии. Нечкина попросила показать ей проект резолюции – его «печатают в соседней комнате, надо ждать. <…> Все ждут, ничего не делают, время идет». Наконец, Иванов, дождавшись Пясковского, «вынимает из кармана смятый и тысячу раз всеми читанный проект». В это время Пясковский «выдает их конспирацию вопросом: «Это тот же текст, что и вчера?». Нечкина возмущена: «я член комиссии – ничего не знала! Мне дают познакомиться в последние 10 минут». «Читаю – проект (резолюции – И.З.) буквально обливает учебник грязью и просто лжет». Нечкина «заявляет решительный протест». С.С. Дмитриев, член авторского коллектива учебника, «смущенно пытается выправить некоторые особо лживые места. Зайончковский торопит с началом заседания. Ничего не приняв, идем заседать» [18, с. 372].

Идет заседание. Выступления участников – «в большинстве толковые, интересные, иногда неверные… иногда спорные», но «тон хороший, искренний, исследовательский». «Особенно интересными» Нечкина назвала выступления историков М.Я. Гефтера и Б.П. Козьмина – в первой части его речи [18, с. 372]. М.Я. Гефтер в своем выступлении отметил вопрос о «понятии базиса и надстройки», который, по его мнению, не нашел отражения в учебнике. «Речь идет о научной, творческой разработке указаний, данных в последних работах тов. Сталина, - говорил Гефтер, - о взаимодействии базиса и надстройки». По его мнению, эта проблема – «проблема взаимодействия социально-экономических процессов с процессами политическими, проблема обратного воздействия надстройки на ход основных социально-экономических процессов… поставлена в учебнике

очень слабо, поверхностно, а в некоторых случаях, как мне представляется, просто неправильно» [18, с. 666-667].

Б.П. Козьмин в своей речи еще раз указал на ошибки в учебнике, допущенные в главах, написанных Нечкиной и Левиным. Он критиковал главы 16-ю и 17-ю – «Начало революционной ситуации 1859-61 гг.» и «Конец революционной ситуации 1859-61 гг.». «Получается так, - говорил Козьмин, - есть начало и конец, а самой революционной ситуации нет». Историк отметил «недооценку» авторами учебниками «Герцена эпохи 40-х гг.» и «переоценку революционности разночинцев». Далее он указал на ошибку в главе Ш.М. Левина, под которой «кроется неправильная концепция революционного движения 60-х гг. Речь идет о тайной революционной организации «Земля и Воля». Говорится, что Герцен и Огарев были членами ее ЦК. Я не понимаю, - говорил Б.П. Козьмин, - как такой компетентный человек, как Шнеер Менделевич, мог написать такую несообразную вещь. <…> В ЦК Герцен и Огарев никогда не входили, а в Совет общества они входили. Нельзя сливать две эти организации, чтобы преувеличивать роль Герцена и Огарева в революционном движении той эпохи» [18, с. 666-667] .

Предпоследним взял слово Л.М. Иванов. Он сказал, что «вчерашнее выступление» Нечкиной «неудовлетворительно», так как она «хотела "заменить" обсуждение рецензии «Большевика» (автором которой был Иванов – И.З.) обсуждением уже подготовленной за этот год работы авторов». Тон выступления Иванова Нечкина оценила как «обиженный, резкий». В заключительном слове она говорила «около часа – по основным принципиальным вопросам». Поблагодарив собрание и редакцию «Большевика», Милица Васильевна «мимоходом» отметила, что «не понимает резкого и обиженного тона Иванова». «Смотрите вчерашнюю стенограмму, - заявила она, - я предлагала не заменить, а соединить обсуждение рецензии в «Большевике» с материалом, который авторы уже написали!». После этих слов ученого раздался «гул подтверждения в зале, подтверждающие возгласы, в частности, что я так и говорила вчера. Даже в конце аплодировали». В завершение заседания была принята резолюция по учебнику, из которой по настоянию М.В. Нечкиной было «вычеркнуто всё ложное» [18, с. 372-373].

«Страшно взволнованная и возмущенная», по собственному признанию, Нечкина поздно вечером вернулась домой. Все произошедшее в тот тяжелый для нее день она оценила как «дикость». Чувства «возмущения, горечи и обиды» не покидали ученого. Но овладев собой, Нечкина смогла отстоять учебное пособие под своей редакцией.

Подведем итоги. Обсуждение 2-го тома учебника «История СССР» под редакцией Нечкиной проходило в Институте истории АН СССР в начале октября 1951 г. – в момент, когда кампания по борьбе с космополитами в советской печати уже пошла на убыль. «Явно, что в руководстве (Института истории – И.З.) переориентация, - отмечала Нечкина в дневнике, - осознали неблаговидную линию Иванова или догадались о ней. Наконец, мне определили в заседании хоть какую-то функцию!» [18, с. 372]. Накал политической кампании спал, газеты приумолкли, обстановка изменилась. «Слово "космополитизм" из сегодняшнего словаря убрано», - замечал в дневнике 27 марта 1951 г. С.С. Дмитриев [8, № 4, с. 115]. «Тяжелая туча, нависшая над историками» в самой середине столетия, миновала. Но, несмотря на это, некоторые ученые-историки старались использовать результаты кампании в корыстных целях. Критикуя своих коллег, они сводили с ними личные счеты. Так, Б.П. Козьмин, обрушившись 2 октября 1951 г. с критикой на М.В. Нечкину и Ш.М. Левина, стремился ниспровергнуть своих оппонентов в научном споре политическими методами, дискредитируя их авторитет как авторов учебного текста для высшей школы.

Таким образом, резкая критика учебника под редакцией М. Нечкиной, проходившая в 1950-1951 гг. под знаком угасавшей кампании борьбы с космополитами, завершилась для ученого без особых последствий. Энергичные действия М. Нечкиной свели эти последствия к самому минимуму. При этом нельзя сказать, чтобы события 1950 и 1951 г. прошли бесследно в жизни ученого.

М.В. Нечкина, оказавшись в трудной ситуации, грозившей тяжелыми для нее последствиями, смогла достойно ответить своим обвинителям и отвести от себя и своих коллег неминуемую угрозу. В ее сознании свершился

непростой процесс переоценки собственных поступков в 1948 и 1949 гг. Учёный осознал простую истину – молчать, когда несправедливо критикуют твоих коллег и друзей и возводят на них гонение, нельзя. Участвовать в этом деле, пусть даже и совсем неприметно, скромно, из побуждений личной безопасности, - тоже нехорошо. Изменилось не только сознание, но и поступки ученого. В конце 1951 г., когда остракизму был подвергнут историк Е.В. Тарле и его книга «Нашествие Наполеона на Россию» была объявлена «антипатриотичной», Нечкина заступилась за ученого. Критику известного историка С. Кожухову она ответила открыто, без боязни и мужественно отпарировав его беспочвенные обвинения. На заседании в Институте истории АН СССР М. Нечкина была единственной, кто выступил против обвинений С. Кожухова и в защиту Е.В. Тарле [20, с. 486]. Так изменились настроение и настрой ученого – молчание в 1948 и 1949 гг. сменилось смелостью и открытостью выступления в 1951 г. Стоит только заметить, что для таких изменений потребовалось, чтобы сама М. Нечкина оказалась в 1950 и 1951 гг. на месте критикуемой и обвиняемой и на собственной опыте прочувствовала, что это значит. Грозная обстановка эпохи, как видим, способствовала медленному, но неуклонному пробуждению лучших качеств и чувств человеческой личности.

Дискуссия о значении присоединения нерусских народов к России продолжилась в 1952 и 1953 гг. В этот период на XIX съезде партии, а затем в статье М.Д. Багирова, опубликованной в феврале 1953 г. в журнале «Коммунист», историкам была дана ясная директива в освещении дискуссионного вопроса. Присоединение нерусских народов к России оценивалось как «абсолютное благо», обращалось внимание на те «колоссальные положительные последствия», которые имело присоединение отсталых азиатских народов к передовой стране – России. Союз с Россией, включение того или иного народа в ее состав были, по словам Багирова, предметом «чаяний широких народных масс» [21, с. 64-88].

М.В. Нечкина пыталась приспособиться к новым реалиям. Процесс изменения ее взглядов начался в 1950 г., и к ноябрю исследовательница уже выработала новую точку зрения. Об этом говорит ее письмо, адресованное географу В.А. Обручеву и помеченное 21 ноября 1950 г. В письме М.В. Нечкина, отвечая на вопрос В.А. Обручева, «было ли движение "сибирских сепаратистов" (в 60-х гг. XIX века – И.З.) прогрессивным или нет», отмечала: «Сибирский сепаратизм предложил глубоко ошибочное решение той исторической задачи, которая перед ним стояла». Нечкина подчеркнула, что «именно в нераздробленном русском народе, в рамках его государственного единства выросла сила, которая не только повела за собою на борьбу всю массу трудового русского народа, но и массы трудовых людей других национальностей, в частности – национальностей Сибири» [22, с. 606]. Из этого можно заключить, что уже в ноябре 1950 г. Нечкина оценивала любые национально-сепаратистские движения внутри России как реакционные.

В 1951-1953 гг. М.В. Нечкина окончательно сформировала новый взгляд. В письме в редакцию «Вопросов истории» (апрель 1951 г.) она привела примеры культурного и хозяйственного общения народов Российской империи и сделала вывод, что формула о «наименьшем зле» не всегда отражает историческую реальность. В общении народов было много «положительных моментов» и их нельзя «упускать из виду», - подчеркивала Нечкина. 1953 год положил предел дискуссии о «наименьшем зле». Теперь в статьях и выступлениях Д.М. Багирова включение в состав России азиатских и восточноевропейских народов оценивалось как «абсолютное благо». М.В. Нечкина неоднократно подчеркивала свою приверженность точке зрения Д.М. Багирова. В письме А.М. Панкратовой от 1 марта 1953 г. она отмечала: «Самое тщательное сопоставление содержания моего письма (в редакцию «Вопросов истории», 1951 г. – И.З.) со статьей тов. Багирова в «Коммунисте» дает совпадение основных положений». Нечкина настаивала: «Пускай создадут самую строгую и внимательную комиссию, и путь она сопоставит положения моего письма с основными положениями статьи т. Багирова. Они совпадают» [7, с. 661-662].

7 октября 1953 г. в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б) М.В. Нечкина прочла лекцию «Прогрессивное значение

присоединения нерусских народов к России». В ней исследовательница обличала «школу Покровского», которая «пыталась рассматривать присоединение народов к России как абсолютное зло». Лектор по-разному оценил роль русского народа и царизма в процессе вхождения нерусских народов в состав России. Царизм Нечкина по-прежнему считала реакционным явлением, который явился колонизатором для народов, входящих в состав России; русский же народ способствовал приобщению отсталых азиатских народностей к своей передовой культуре, сыграл положительную роль в их жизни [13, с. 598]. В четком и настойчивом разделении ролей царизма и русского народа, в подчеркивании колонизационного, «грабительского» существа царизма Нечкина пыталась сохранить осколок прежних представлений, восходивших к идеям М.Н. Покровского. В этом стремлении проявилась тень независимости ее ученого мнения – той малой степени независимости, которую Нечкина сохранила в последние в годы сталинского режима. В общем же исследовательница поступилась собственными прежними выводами, содержащимися в учебнике по истории СССР (1949 г.) под ее редакцией, и в угоду политическим веяниям положительно оценила то явление, которое ранее оценивала как реакционное. Таковы были итоги кампании по борьбе с космополитами в судьбе отдельного ученого.

Список литературы

1. Черепнин Л.В. Академик Милица Васильевна Нечкина (Творческий путь)// Проблемы истории общественного движения и историографии (К 70-летию академика М.В. Нечкиной). М. 1971. Миронова И.А., Юхт А.И. О деятельности М.В. Нечкиной в области археографии и источниковедения// Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 248-263; Городецкий Е.Н., Рудницкая Е.Л. 75-летие академика М.В. Нечкиной// Вопросы истории. 1976. № 2. Бромлей Ю.В. Хромов С.С., Вандалковская М.Г. Выдающийся ученый, организатор и педагог Милица Васильевна Нечкина // История СССР. 1980. № 6. Федоров В.А. Милица Васильевна Нечкина // Историки России XVIII – XIX веков. Выпуск 2-й. М. 1995. С. 136–143. Вандалковская М.Г. Высокое служение богине истории. К 100-летию со дня рождения академика М.В. Нечкиной // Вестник РАН. 2001. Том 71. № 2.

2. Милица Васильевна Нечкина: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1987.

3. Федоров В.А. Академик М.В. Нечкина (1901–1985) – историк движения декабристов// Вестник МГУ. Серия 8. История. 1986. № 3. Вандалковская М.Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. Поляков Ю.А. Серебряное стило М. Нечкиной (О литературном мастерстве историка)// Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999.

4. Гребенкина А.Н. Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 20-х годов (Казанский период)/ Автореферат канд. дисс. Казань. 1992.

5. Сталин и космополитизм. 1945-1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС. М., 2005.

6. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2.

7. Переписка М.В. Нечкиной с А.М. Панкратовой/ Публ., коммент. и вступ. ст. Л.В. Борисовой/ В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина. М., 2011.

8. Из дневников С.С. Дмитриева/ Публ. подг. Р.Г. Эймонтова// Отечественная история. 1999. № 3, 4. В тексте, где не указан номер журнала – он везде третий.

9. Поляков Ю.А. Это называлось борьбой с космополитизмом (1949) /В кн.: Поляков Ю.А. Историческая наука. Люди и проблемы. М., 1999.

10. Стишов М. На историческом факультете МГУ // Вопросы истории. 1949. № 2.

11. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. – М., 1997.

12. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля// Большевик. 1950. № 13.

13. Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск. 2005.

14. Переписка М.В. Нечкиной с Н.М. Чернышевской/ В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина.

15. «Что интересного в Академии общественных наук?». Письма бывших аспирантов к М.В. Нечкиной. 1949-1971// Исторический архив. 2006. № 3.

16. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло». Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1951. № 4.

17. Иванов Л. Об учебнике истории СССР // Большевик. 1951. № 14.

18. «…И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной/ под ред. Е.Р. Кураповой. М., 2013.

19. Нечкина М.В. А.П. Щапов в годы революционной ситуации // Нечкина М.В. Встреча двух поколений. М., 1980. С. 357.

20. Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. «Навеки в памяти народной» // Тарле Е.В. 1812 год. Избранные произведения. М., 1994. С. 486.

21. Багиров Д.М. Старший брат в семье советских народов // Коммунист. 1953. № 3.

22. Переписка М.В. Нечкиной с В.А. Обручевым/ В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина. М., 2011.

THE CAMPAIGN ON STRUGGLE AGAINST COSMOPOLITANS IN HISTORICAL SCIENCE IN 1949-1953 AND THE ROLE OF M.V. NECHKINA IN IT

This is the first article among historical works to highlight the role of scholar and historian M.V. Nechkina (1899-1985) during the campaing on struggle against cosmopolitans in historical science in 1948-1953. It shows that the behavior of the historian was unlike in different stages of the campaing, and it reveals the motives of that behavior. Campaing on struggle cosmopolitans divided on two stage – the very keen in 1948-1949, and die away in 1950-1953. The change of Nechkina′s mind on the disputable issue about significance of joining of non-Russian nations to Russia is also reported on, about movement of muridizm and Shamil. The disputable developed in native historical science in 1947-1953; in 1950 in it entered M.V. Nechkina; she public come forward with own estimation of questionable question next yeas. In 1950-1953 under ideological circumstances the researcher rejected her previous opinion about the issue and worked out a new one.
Keywords: cosmopolitism, textbook, discussion, criticism, muridizm, Shamil, nationalities of Caucasus, tsarizm, Russian people.

References

1. Cherepnin L.V. (1971). Academik M.V. Nechkina (Tvorcheskiy put') [Academician M.V. Nechkina (Way of creation)]// Problemy istorii obshchestvenogo dvigeniya i istoriographii (K 70-letiyu academika M.V. Nechkinoy). M., Nauka. Mironova I.A., Yuht A.I. O deyatel'nosti M.V. Nechkinoy v oblasti istoriographii i istochnikovedeniya [About activity of M.V. Nechkina into sphere history of history and study of sources]// Arheographicheskiy ezhegodnik za 1971 god. M., 1972. S. 248-263; Gorodezkiy E.N., Rudnickaya E.L. 75-letie academika M.V. Nechkinoy [75 age of Academician M.V. Nechkina]// Voprosy istorii. 1976. № 2. Bromley Y.V., Hromov S.S., Vandalkovskaya M.G. Vydayushchiysya uchenyuy, organizator nauki i pedagog M.V. Nechkina [Outstanding scientist, organizer of science and teacher M.V. Nechkina] // Istoriya SSSR. 1980. № 6. Vandalkovskaya M.G. Vysokoe sluzhenie bogine Istorii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya academika M.V. Nechkinoy [High work God of history. By age 100 of Academician M.V. Nechkina]// Vestnik RAN. 2001. Tom 71. № 2. S. 155-167.

2. Milica Vasil'evna Nechkina: materialy k biobibliograghii uchenyh SSSR. [Milica Vasilevna Nechkina: material's for history of biography of scientist of SSSR]. M., 1987.

3. Fedorov V.A. Academik M.V. Nechkina (1901-1985) – istorik dvizheniya dekabristov [Academician M.V. Nechkina – historian of movement of Decembrist's]// Vestnik MGU [Herald of MGU]. Seriya 8. Istoriya. 1986. № 3. Vandalkovskaya M.G. Istoriya istoricheskoy nauki v tvorchestve M.V. Nechkinoy [The history of history at the creation of M.V. Nechkina]// Istoriya i istoriki. Istoriograghicheskiy vestnik [History and Historians. History of history's Herald]. M., 2001. Polyakov Y.A. Serebryanoe stilo M. Nechkinoy (O literaturnom masterstve istorika) [Silver pen of M.V. Nechkina (About literary skill of historian)]/ Polyakov Y.A. Istoricheskaya nauka: ludi i problem [Historical science: People and problems]. M., 1999.

4. Grebenkina A.N. Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' M.V. Nechkinoy v nachale 20-h godov (Kazanskiy period) [Scientific and pedagogical activity of M.V. Nechkina in the beginning

twelfth years]/ Avtoreferat kand. diss. Kazan'. 1992.

5. Stalin i cosmopolitism. 1945-1953. Dokumenty Agitpropa CK KPSS. [Stalin and Cosmopolitism. 1945-1953. Documents of Agitprop CK KPSS]. M., 2005.

6. O zadachah sovetskih istorikov v bor'be s proyavleniyami burzhuaznoy ideologii [About problems of Soviet historian in struggle with manifestations of bourgeois ideology]// Voprosy istorii [Question of History]. 1949. № 2.

7. Perepiska M.V. Nechkinoy s A.M. Pankratovoy [The letters of M.V. Nechkina with A.M. Pankratova]/ Publ., komment. i vstup. st. L.V. Borisovoy/ V kn.: Istoriya v cheloveke. Academik M.V. Nechkina [The History into a person. Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.

8. Iz dnevnikov S.S. Dmitrieva [Of diaries of S.S. Dmitriev]/ Publ. podg. R.G. Uhymontova/ Otechestvenaya istoria. [Native History]. 1999. № 3, 4.

9. Polyakov Y.A. Uhto nazyvalos' bor'boy s cosmopolitizmom [This is called a struggle with Cosmopolitism]/ Polyakov Y.A. Istoricheskaya nauka: ludi i problemy. M., 1999.

10. Stishov M. Na istoricheskom fakul'tete MGU [At historical faculty of MGU]// Voprosy istorii. [Question of History]. 1949. № 2.

11. Sidorova L.A. Ottepel' v istoricheskoy nauke. Sovetskaya istoriograghiya pervogo poslestalinskogo desyatiletiya. [The thaw in historical science. Soviet history of history of first post Stalin ten years]. M., 1997.

12. Bagirov M.D. K voprosu o haraktere dvizgeniya muridizma i Shamilya [For question about the character of movement muridizm and Shamil]// Bol'shevik [Bolshevik]. 1950. № 13.

13. Dubrovskiy A.M. Istorik i vlast'. Istoricheskaya nauka v SSSR i koncepciya istorii gheodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.) [The Historian and a power. Historical science in SSSR and the conception of history of Russian feudalism at context of a politics and an ideology. 1930-1950]. Bryansk. 2005.

14. Perepiska M.V. Nechkinoy s N.M. Chernyshevskoy [The letters of M.V. Nechkina with N.M. Chernyshevskaya]/ V kn.: Istoriya v cheloveke. Academik M.V. Nechkina [The History into a person. Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.

15. «Chto interesnogo v Akademii obshchestvennyh nauk?». Pis'ma byvshih aspirantov k M.V. Nechkinoy. 1949-1971[What is interesting at Academia of social sciences? Letters of late post-graduates to M.V. Nechkina]// Istoricheskiy arhiv [Historian archive]. 2006. № 3.

16. Nechkina M.V. K voprosu o formule «naimen'shee zlo» [For question about formula «the small harm»]// Voprosy istorii [Question of History]. 1951 № 4.

17. Ivanov L.Ob uchebnike istorii SSSR [About textbook of history of SSSR]// Bol'shevik [Bolshevik].1951. № 14.

18. «…I muchilas' i rabotala neveroyatno». Dnevniki M.V. Nechkinoy [«…And worry and work incredible». Diaries of M.V. Nechkina]/ Pod red. E.R. Kurapovoy. M., 2013.

19. Nechkina M.V. A.P. Shchapov v gody revolucionnoy situacii [A.P. Shchapov in years or revolutionary situation]/ Nechkina M.V. Vstrecha dvuh pokoleniy [The meeting of two generation]. M., 1980.

20. Dunaevskiy V.A., Chapkevich E.I. «Naveki v pamyati narodnoy» [«For ever at people's memory»]// Tarle E.V. 1812 god [Tarle E.V. 1812]. M. 1994.

21. Bagirov M.D. Starshiy brat v sem'e sovetskih narodov [Older brother into the family Soviet peoples]// Kommunist [Communist]. 1953. № 3.

22. Perepiska M.V. Nechkinoy s V.A. Obruchevym [The letters of M.V. Nechkina with V.A. Obruchev]/ V kn.: Istoriya v cheloveke. Academik M.V. Nechkina [The History into a person. Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.

Об авторе

Исмаилова Зулейха Адил-кызы – аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – postgraduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

УДК 93/94

Кирсанов Е.В., аспирант, Государственный гуманитарно-технологический университет (ГГТУ), Россия.

ГОРОД РУССИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье произведен анализ работ историков, посвященных исследованию города Росия/Русия, описанному в ряде восточных источников. По вопросу временной и пространственной локализации города Русия позиции историков можно разделить на два направления. Представители первого направления полагают город Русию фантомом – контаминацией данных информаторов о разных городах или же просто обозначением некоего другого города, арабским авторам плохо известного. Исследователи второго направления полагают город Русия реально существовавшим и задаются вопросом его локализации. Ко второму направлению относится сравнительно много работ. Большую часть позиций историков по вопросу географической локализации Русии можно отнести к одной из двух групп. Историки первой группы размещают Русию на Таманском полуострове – как правило, соотнося с городищем Голубицкая-1. Вторая позиция заключается в локализации города в устье Дона. Большинство авторов не приводит конкретной локализации, ряд историков связывает Русию со средневековым городом Орн (Орнас, Орнач), описанным в ряде европейских источников и русских летописях, и оба города отождествляет со станицей Старочеркасская, третьи – соотносят Русию с городищем Казачий Ерик. Последняя локализация выглядит наиболее убедительно.

Ключевые слова: Древняя Русь, Нижнее Подонье, Приазовье, Черное море, город Русия, река Русия, Голубицкая-1, Казачий Ерик, Орнач.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-55-68

Одним из важнейших вопросов историографии Древней Руси является вопрос о древнерусском городе Росия/Русия, находившемся по сообщениям арабских авторов в Приазовье или в Северном Причерноморье. Впервые сообщение о городе Русия встречается у ал-Идриси, который помещает город Русия на западном берегу одноименной реки. Впоследствии город Русия упоминается ибн-Саидом ал-Магриби и Шамс-ад-дином Димашки. В первую очередь вопрос о локализации города, который, как будет показано ниже, в процессе исследования вылился в вопрос, собственно, о его существовании, важен для выявления присутствия русов в Приазовье и Северо-Восточном Причерноморье в XII-XIII вв., а, следовательно, о сохранении у Древней Руси выхода в Черное Море по «донскому пути».

Исследование выполнено в предметной области интеллектуальной истории.

В процессе изучения сообщений о городе Русия внимание историков было привлечено к ряду фактов. Например, как отмечает И.В. Волков в [16], Росия упомянута Константином Багрянородным в названии 42 главы трактата «Об управлении империей» [3, с. 170-171]. В источнике Росия помещена где-то между Саркелом и Некропилами (совр. Каркинитский залив). Информации для локализации источник не добавляет, зато позволяет расширить временные границы существования города. Помимо этого новую информацию по интересующему нас вопросу мы можем почерпнуть в Истории гази-Бараджа [6]. Этот источник, являющийся частью свода История Джагфара, впервые опубликованный в 1993 г., пока не введен в научный оборот, более того, подлинность его до настоящего времени остается дискуссионной: диаметральные позиции представлены в [83] и [54; 53], однако его исследование в настоящее время представляется весьма перспективным. В Истории гази-Бараджа сообщается, что в 745 году новгородцы заселяют Нижний Дон, где при содействии хазарского кагана строят город Урус. И.В. Волков [16, с.115] отмечает, что город Русия упоминается в хрисовуле 1169 г. императора Мануила I Комнина с генуэзцами [88], подтвержденном императором Исааком II Ангелом в 1192 г. [89; 47, с. 132; 14; 58, с. 60; 23, с.29; 24, с.154]. В.Н. Чхаидзе [82] указывает, что название города Русия присутствует на двух свинцовых буллах архонтиссы Феофано Музалон [90, 748 р.]. Следует заметить, что отождествление Росии моливдовулов с городом Росия, в общем, не общепринято, однако с ним соглашается ряд историков, например, Д.Л. Талис [78]. Ряд авторов в целях доказательства существования города Русия анализирует византийские источники и обнаруживает упо-

минание города Русия в специальных документах. В уставе императора Льва Философа «О чине митрополичьих церквей, подлежащих патриарху Константинопольскому» упомянуты архиепископии Росии и Таматархи [13, с. 254]. В числе присутствовавших на соборе 1067 г. упомянуты архиепископы Росии [31, с. 94]. Этот факт может быть истолкован неоднозначно, например Д.Л. Талис [78] полагает его аргументом для отождествления Росии с Керчью: на соборе 1066 г. присутствовали архиепископы Готии и Боспора, а на соборе 1067 г. - архиепископы Русии и Готии, что, по мнению исследователя, означает, что архиепископ Русии и есть архиепископ Боспора. Существование епископии Росии подтверждается данными Нотиции начала XII в. Также Росия значится в Нотиции середины X в. наряду с архиепископиями Херсона, Боспора, Готии, Сугдеи и Фулл [48, с. 174; 59, с. 53; 46, с. 203, табл. 1; 55, с. 144). Иеромонах Никон (Лысенко) [27, с. 50] подчеркивает, что епископия Русии могла быть основана не позже 867 года.

По вопросу временной и пространственной локализации города Русия позиции историков можно разделить на два направления. Представители первого направления полагают город Русию фантомом – контаминацией данных информаторов о разных городах или же просто обозначением некоего другого города, арабским авторам плохо известного. Исследователи второго направления полагают город Русия реально существовавшим и задаются вопросом его локализации.

Рассмотрим подробнее представителей обоих названных направлений.

Первое направление.

Ж.Т. Рено [86, p. 320] отождествлял город Русию с Азовом, однако эта локализация вызвала сомнения у И.Г. Коноваловой [40]. Она отмечает, опираясь на В.В. Бартольда [4], что Азов впервые упоминается не ранее XIV в. В.В. Бартольд [5, с. 107-108], исходя из отсутствия данных о русском городе при устье Дона в XIII в., сопоставил город *Русийу* с городом Олешье в устье Днепра. Большинство из отнесенных нами к первой группе исследователей предлагает отождествление города Русия с Боспором-Корчевым (Историографическая справка дана по [82]): [10, с.121-122, 199; 11, с.130; 47, с. 132–133; 33, с. 67-68; 72, с.19, 24, рис.14; 69, с.17; 71, с.876; 58, с.60; 60, с.107; 79, с.229, ссылка 6; 78, с.88, сноски 6,7; 8, с. 212; 37, с. 37-39; 35, с. 95, 97, 164; 38, с. 133-135; 50, с. 290].

И.Г. Коновалова исследованию города Русийа посвятила ряд специальных статей, например, [38, с. 128-140; 39, с. 102-106], и упоминает его еще в ряде работ: [40, с. 93-104; 36]. По мнению И.Г. Коноваловой [40, с. 93-104] сообщение ал-Магриби о городе *Русийа* является интерпретацией сведений ал-Идриси. Ал-Идриси размещает город *Русийа* на западном берегу реки *Русийа,* а, как отмечает исследователь, этот гидроним – конструкция самого ал-Идриси. Ал-Идриси опирался на информацию средневековых мореплавателей, которые полагали Азовское море лиманом Дона и поэтому устьем Дона полагали Керченский пролив (О «Русской реке» см.: [42; 34, с. 180-199; 21, с. 207-240]). Ему же устье реки *Русийа* соответствует у ал-Идриси. Ал-Магриби же знал об Азовском море, а также об одном из его названий — «Русское». Соответственно, зная, где расположено устье реки Русийа, ал-Магриби помещает одноименный город на его побережье. По мнению И.Г. Коноваловой, ал-Магриби сделал вывод о принадлежности города русам только исходя из названия города и информации о «Русском» море. Утверждение о том, что *Русийа* – главный город русов, принадлежит самому ал-Магриби и объясняется традицией арабской географии, которая помещала русов в Северном Причерноморье и Приазовье (Об этой традиции подробнее см.: [38; 41]), а также распространенными в Крыму и Приазовье топонимами с корнем *рос,* известными ал-Магриби от мореплавателей. Они зафиксированы на итальянских картах конца XIII-XV вв. [79, с. 229-234; 81, с. 8]. Один из них – портовый город *Casale de Rossi,* который согласно итальянской лоции Черного и Азовского морей находился в 60 милях к северо-западу от Таны [87, p. 136]. Гильом де Рубрук располагает его на восточном берегу Дона [68, с. 107].

Ростовские исследователи Е.И. Дулимов и В.К. Цечоев [22] продвигают идею о распространении славян на Нижнем Дону, по меньшей мере, с VIII в. однако они отвергают существование центра славян Нижнего Подонья в виде города. По их мнению, центром славян

была некая агломерация ряда славянских поселений. Здесь они обобщают целый ряд археологических трудов [57; 61; 73].

Исследователи второго направления ищут реально существовавший русский город, носивший, по меньшей мере, в период с X по XIII в. имя Русия. Прежде чем приступить к анализу позиций историков этого направления, следует ввести еще несколько аргументов в пользу реальности этого географического объекта, даваемых в Истории гази-Бараджа [6] и других источниках из Истории Джагфара [7]. Во-первых, источник сообщает, что в 745 году новгородцы заселяют Нижний Дон, где при содействии хазарского кагана строят город Урус. Во-вторых, в третьем томе свода [7] в книге Кул Гали "Хон китабы" (1242 г.) сообщается о городе Шир-Дан в устье Дона. Здесь, вероятно, уместным был бы перевод «Русский Дон» или «Русская река», из чего можно попробовать сделать вывод, что Шир-Дан, а вовсе не Шир, как об этом пишет гази-Барадж, полное название реки Дон. То, что булгары заимствовали древнерусский корень Дън, который по мнению Б.А. Рыбакова [70], означает «река», «русло», вполне вероятно. Полное же название «Русский Дон» или «Русская река» подтверждается сведениями восточных географов, которые, вероятно, свою информацию согласовывали с булгарской трактовкой гидронима. Эти новые сообщения позволяют вновь открыть вопрос о существовании русского города (У)рус на западном берегу в устье Дона. Соответственно, вновь вспомним обо всех авторах, подтверждавших его существование.

Известный археолог начала XX в. А.А. Спицын считал, что указываемый арабами город Россия располагается при устье Дона [77, с. 1]. К его мнению присоединился И.Ф. Быкадоров [12]. В.Т. Пашуто [60] полагал существование русского города в устье Дона доказанным фактом, однако, отмечал, что власть над ним была утеряна к началу XII в. Опираясь на археологические данные, а также на ряд косвенных данных, историки ищут славянский центр, располагавшийся в Нижнем Подонье-Приазовье [51]. Этим центром ряд авторов полагает торговую факторию Руси «Росию» [29, с. 286; 72, с. 18].

Историк казачества Е.П. Савельев [74; 75] указывает, что в период с X по XII вв. в правобережье дельты Дона существовал «третий Танаис», называемый «русским городом». Далее, опираясь на сообщение П. Карпини [62], рассказывает о городе Орне в низовьях Дона, который, согласно источнику, был взят Батыем только после затопления. Здесь Е.П. Савельев вполне резонно замечает, что таким образом город мог быть затоплен, только если он находился на низком, то есть правом берегу. При этом исследователь использует расположение города Орн (Орнач, Орнас) на Дону, как единственно правильное, при том, что ряд историков отождествляет его с Ургенчем. С позицией, подобной позиции Е. Савельева, за сто лет до него выступает историк А.Г. Попов [67]. Идея размещения Орна на Дону восходит еще к В.Н. Татищеву [80, с. 74-75] и Н.М. Карамзину [32, с.180, прим.4]. Вопроса локализации Орна в статье [1] попутно касается уфимский историк И.В.Антонов. При этом он указывает на следующий факт: Ургенч был взят еще до Батыя, а, следовательно, Батый брал какой-то другой город, то есть отождествление Орна с Ургенчем исключается и «донская» версия локализации Орна остается единственной. В контексте историографии Орна-Орнача представляется необходимым указать другие упоминания Орнача в источниках. Во-первых, это текст пространной редакции Задонщины [76]: «*Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.*». Во-вторых, упоминание в русской Воскресенской летописи от 1346 года: "*Того же лета казнь была от Бога на люди под восточною страной на город Орнач и на Хазторо-кань* (Астрахань)*, и на Сараи, и на Бездеж* (город в Золотой Орде, обычно отождествляемый с Водянским городищем, расположенным на правом берегу Волги, в 2 км севернее г. Дубовка Волгоградской области) *и на прочие грады во странах их…*» [66] При этом автор перевода Задонщины Л.А. Дмитриев в примечании уверенно называет Орнач городом в устье Дона. Во втором фрагменте указываются города, расположенные рядом друг с другом, и в этом списке Ургенч был бы явно лишним. Если принимать за основную версию «донскую» локализацию Орна, требуется атрибутировать города Бархим и Ианкинт, расположенные выше Орна на той

же реке. Страна бисерминов – как это принято считать, Кумания, или половецкая степь. Река, соответственно, Дон, или, если быть более точным, водный путь по Волге: Белая-Нижняя Кама-Средняя Волга-Нижний Дон, в данном случае Средняя Волга до волго-донской переволоки – Нижний Дон. Очевидно, Бархим – это Ибрагим, Ибрагим-Болгар или Бряхимов русских летописей, то есть Болгар Великий. Как известно, Болгар был взят в 1236 г. Литературы, описывающей оборонительные сооружения Болгара, довольно много, в частности, исследования подытожены в [45]. В системе оборонительных сооружений Болгара оборонительные рвы и включенные в систему Иерусалимский овраг и обрыв к Волге действительно занимали важное место. Далее, Ианкинт, как представляется наиболее логичным, можно связать с Белой Вежей – ближайшим к «Орну» крупным городом на Дону. В современной исторической науке распространено мнение, что город Белая Вежа уже не существовал к этому времени, основанное на летописном сообщении о переселении беловежцев на Русь. Это не подтверждается археологическими данными [2; 63]. Археологи в истории города выделяют третий период, в который вместо характерного для двух предыдущих периодов соседства разных культур наблюдается некая синтетическая русско-половецкая культура, для которой характерны азиатские строительные традиции и русская культура быта. Эта культура практически тождественна культуре, характерной в это время для других городов Нижнего Подонья [65; 64] и ее принято (см. например, [2]) отождествлять с культурой бродников. Гарнизон Белой Вежи к приходу Бату состоял преимущественно из тюрок. Они, согласно Истории гази-Бараджа [6], называли Белую вежу Хином. Согласно русским источникам, удельного князя Белой Вежи Власия Юрьевича, они называли Плоскиня, то есть Влас из Хина, что подтверждает сведения гази-Бараджа. Здесь следует заметить, что князь Власий Юрьевич в русских источниках не упоминается. Гази-Барадж в [6] под именем Абласа или Аблас-Хина упоминает сына князя Юрия Андреевича (Боголюбского). Учитывая традицию «переводить» русские имена, прослеживающуюся на всем протяжении источника, следует полагать возможным восстановление русского имени князя. Святой Власий входил в число самых почитаемых в Древней Руси святых – как принято считать, Власий унаследовал культ языческого бога Велеса [26] - а, следовательно, имя Власий (по крайней мере, христианское) или Влас для князя вполне ожидаемо, особенно, если учитывать большую религиозность отца – Юрия Андреевича, подчеркнутую в грузинских источниках, а также то, что культ святого Власия по большей части распространен на севере Древней Руси, и в частности в Новгороде, где Юрий Андреевич провел большую часть жизни. Гази-Барадж приводит также имя Бадретдин или Бадри, но его он называет мусульманским именем князя и использует, соответственно, для подтверждения мусульманского вероисповедания как Юрия Андреевича и его сына – соответственно, имя, судя по всему, им просто придумано. Ианкинт, таким образом, искажение от Джан Хин, или Ханский Хин. Следует подчеркнуть, что названия Белой Вежи у хазар – «Саркел» и у булгар (одно из названий) «Бекташ» переводятся как Царская крепость (Царский щит) и Княжеское укрепление соответственно. По нашему предположению «Ханский Хин» это своеобразный перевод одного из этих названий (и хазары, и булгары, и печенеги говорили на разных наречиях тюркской группы), напомним, что и «Белая Вежа» - неточный перевод слова «Саркел», где слово «Сар» переведено как «сары», то есть, белый, южный, «кел» же переведено правильно (вежа – сторожевая крепость). Далее, рассмотрим, что говорится в Истории гази-Бараджа о взятии Белой Вежи: «*Бадри* (Власий Юрьевич) *отстаивал Хин до последней возможности, а потом поджег город и ушел в Буртас.*» и у Плано Карпини: «*Люди же из некоего города, по имени Ианкинт, услышав это, вышли им навстречу и добровольно предались в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми.*». С одной стороны, описания немного разные, с другой – если гази-Барадж взятию одной из крупнейших крепостей региона, некогда заметно озадачившей Святослава Игоревича, посвящает меньше одного предложения, видимо, бой, если и был, то не очень горячий. Кроме того, как известно, Плоскиня (Власий Юрьевич) в дальнейшем был союзником монголов. Таким образом, нам ничто не мешает

предполагать, что «взятие» Белой Вежи было именно таким, каким описывает Плано Карпини взятие Иankинта.

К вышесказанному следует добавить, что в письме Юлиана Венгерского о втором путешествии [28] также сообщается о городе Орнах, отождествляемом С.А. Аннинским с Орнасом П. Карпини [62] и Орначем русских летописей [66, IV, 57; V, 125; VII, 210 и др.]. Интересно, что предшествующий исследователь венгерского памятника Л. Бендефи [84; 85] отождествлял Орнах с Таной, также находившейся в устье Дона.

Продолжая мысль, мы встаем перед необходимостью выявить связь названий Орн и Русия. Наиболее вероятным представляется происхождение слова Орн от русского Русхань. Русский остров Рюген в Балтийском море в Европе называли «Рюген», а в Руси – «Руян» или лучше на тюркский манер «Руджан». Оба названия происходят от русского «Русхань». «Орн» действительно очень напоминает искажение от «Руян». Возможно, в летопись в виде «Орнач» название попало через европейские источники: сначала европейский автор исказил имя «Руян» до «Орн», затем записал его на латинский манер «Орнас». После этого название возвращается в русские источники, будучи прочитано, как «Орнач». В данном контексте следует вспомнить, что, согласно Истории гази-Бараджа, тюрки (булгары) называли остров Рюген Артаном. От этого названия они образовывали название Балтийского моря – Артан Дингезе. Эта информация может добавить один шаг в нашу эволюционную цепочку: тюрки исказили слово «Ру(с)» до «Ар», то есть в данном случае эволюция протекала так: Русхань – Руджан – Артан. Плано Карпини, вероятно, также получил информацию о Русхани от тюрок в виде «Арджан» или «Арьян» и уже сам понял ойконим, как «Орн». Артан в Ортан мог перейти еще в тюркском произношении, вообще вариация а-о в тюркских языках распространена, например, общетюркское имя Айбек (серебряный князь, лунный князь) в узбекском языке превращается в Ойбек. Кроме того, гази-Барадж со слов Якуба аль-Булгари под концом IX в. сообщает о городе Ак-Артан в устье Печоры. То есть, вероятнее всего, город этот был основан новгородскими колонистами, экспансия которых в разных направлениях в этот период достигала локального пика – соответственно, он также назывался Русхань. Таким образом, если нам стало известно два одинаковых ойконима вместо одного, то вероятность обнаружения еще одного такого резко возрастает.

По поводу нашего ряда ойконимов хочется сделать еще одно замечание. Части слов «-хань» и «-тархань» должны нас относить не к городу, а к области – уделу или княжеству. По-видимому, изначально и Ак-артан, и донская «Русхань», и Тмуторокань, и Астрахань были названиями областей, а позже наследовались центральными городами областей. Соответственно, не развивая мысль по другим направлениям, по поводу нашей области мы можем предположить, что центральный город области назывался не «Русхань», а Рус. По аналогии с другим (у)русом Абдаллаха аль-Хазари – Рус(с)ой можно предположить название Руса и для центрального города области Русхань. Такое название идеально подходит и для (У)руса аль-Хазари, и для Русийи Идриси и ибн-Саида, и даже для Шир-Дана кул Гали. Соответственно, под Русханью мы и будем понимать ту агломерацию, на которую указывают Е.И. Дулимов и В.К. Цечоев.

В заключение исследования вопроса существования города Русия приведем версии его точной локализации.

Среди версий локализации Русии было отождествление с Керчью, размещение в Южном Приазовье, на Нижнем Дону. Обзор подходов к локализации приведен в [43]. Одна из них – версия локализации Орна-Русы в районе станицы Старочеркасской, принадлежащая упомянутому выше историку Е.П. Савельеву. Он вместе с рядом историков утверждает, что на территории станицы имеются культурные слои и отложения, соответствующие началу XIII в. или более раннему времени [43].

Позиции современных историков по вопросу локализации Русии-Росии условно можно разделить на две группы. Первые – локализовали Русию на Таманском полуострове и соотносили с городищем Голубицкая-1, другая позиция предлагает все-таки учитывать сообщения восточных авторов о расположении города в устье Дона на правом берегу и локализовать город в городище «Казачий Ерик».

Версия локализации Русии на Таманском полуострове (городище Голубицкая-1) принадлежит Ю.М. Десятчикову [20]. Близких позиций придерживается еще ряд ученых, например, О.В. Богословский [9], В.А. Захаров [25, с.216; 23, с.29; 24, с.154], В.Н. Чхаидзе [82].

Другая версия локализации города Русия представлена в работе И.В. Волкова «Поселения Приазовья в XII-XIII веках.» [16]. Историография размещения Русии в устье Дона без более точной локализации достаточно богата: [17, с. 43, 44; 15, с.380; 13, с. 265; 49, с. 52; 44, с.125], но в названной работе исследователь как раз стремится дать точную локализацию – этому посвящена большая часть статьи. Используя данные о расстояниях ал-Идриси и делая поправку на неточность измерения расстояний (кратно увеличив расстояния, подобрав коэффициент, исходя из расстояний, доподлинно известных) И.В. Волков приходит к локализации Русии в устье Дона. Относительно сочинения ад-Димашки исследователь замечает, что в отличие от Идриси Димашки знает о существовании Азовского моря и помещает Русию именно на его северном берегу. Из Абу-л-Фиды Волков извлекает только данные «книги долгот», до нас не дошедшей – координаты. При этом, отмечая заметную неточность в координатах, исследователь предлагает из того, что Русия и Азак имеют равную широту, сделать вывод, что они действительно располагались друг напротив друга. Далее исследователь добавляет еще ряд аргументов, базирующихся на анализе европейских источников. В целом, аргументация Волкова весьма убедительна. Из своих построений он делает вывод о наибольшей предпочтительности локализации Русии в устье Дона. Конкретную локализацию Русии И.В. Волков связывает с древнерусским городищем Казачий Ерик. Маркеров, позволяющих более точно определить этническую принадлежность жителей города (раскопками которого И.В. Волков руководил в 1996-1997 гг.) пока не обнаружено. Единственный момент: исследователь отмечает, что «Казачий Ерик» имел планировку улиц, которые мостились бревнами, в поселке была дренажная система. По этим признакам можно соотнести город с Новгородом того же времени, в котором наблюдались те же признаки. Если учесть отмеченное рядом исследователей преобладание новгородского населения в Керчи, Тмутаракани и Белой Веже с начала XII в. [56, с. 72.; 52], можно сделать аналогичное предположение и про «Казачий Ерик», то есть предположить, что город Русия был очередной торговой факторией Новгорода. Временные рамки существования «Казачьего Ерика» очерчены пока на уровне 30-х – 50-х годов XII в. по византийскому импорту (амфорам), аналогичному обнаруженному в Новгороде. Этот факт может свидетельствовать не только возраст городища, но и принадлежность его к одному из древнерусских (новгородских) торговых путей (ВВП и/или путь Ока-Дон).

Относительно двух вышеупомянутых версий можно сделать следующее замечание. Соотнесение города с городищем Голубицкая-1 в большей степени соответствует периоду существования города Русия. Например, историки О.В. Богословский и Ю.М. Десятчиков отмечают, что крепость на этом месте существовала со времен античности, её верхние слои представляют собой детинец древнерусского города, а поселение, окружающее крепость, его посадом. По этому поводу И.В. Волков [16] замечает, что детинцем города Ю.М. Десятчиков называет Суворовский редут, возведенный в конце XVIII в. При этом датировки Голубицкой-1 по меньшей мере XII в. И.В. Волков не отрицает. В.Н. Чхаидзе [82] подтверждает датировку Голубицкой-1 X в., выполненную по обнаруженной керамике. При всем этом соотнесение Русии с городищем Казачий Ерик в значительно большей степени соответствует данным поздних восточных авторов (XII в. и далее), однако, археологических данных, подтверждающих существование здесь населенного пункта до XII в., пока нет. В статье С.В. Гуркина - В.А. Ларенок 2013 г. [18] Казачий ерик включен в список городов, появившихся в последней трети X в. после завоевания Святослава – если такая временная локализация верна, то противоречие Казачий ерик – Голубицкая-1 может быть снято. С тем допущением, что древнерусский город был основан на месте ранее существовавшего населенного пункта, а, по оценке С.М. Ильяшенко [30], городище на этом месте существовало с V в. до н.э., с Казачим Ериком можно связать город Русия с

любой его временной локализацией, даже самой ранней – с середины VIII в.Это противоречие археолог Л.А. Гурченко [19] предлагает разрешить предположением о существовании в Приазовье в разное время двух разных Руссий – первая – в устье Дона, а вторая – на Таманском полуострове (Голубицкая-1).

В процессе эволюции взглядов историков на вопрос существования и локализации города Руссия сформировалась некая общая позиция: большинство историков полагает город Русия реально существовавшим, а относительно его локализации – мнения разделяются: одни историки локализуют Русию на Таманском полуострове, другие – в устье Дона. Последняя гипотеза в большей степени соответствует данным восточных географов. Среди версий локализации Русии в устье Дона наиболее убедительно выглядит отождествление Русии с городищем Казачий Ерик.

Список литературы

1. Антонов И.В. Гуюк в Великом западном походе.// Вестник Челябинского университета. 2014, №22. С. 26-33.

2. Артамонов М.И. Саркел–Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. МИА № 62. М.-Л. 1958. с.7-84.

3. Багрянородный К. Об управлении империей. М.: Наука. 1989. 501 с.

4. Бартольд В.В. Азак // Бартольд В.В. Соч. М., 1965. Т. III. С. 313.

5. Бартольд В.В. География Ибн Са'ида // Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. VIII.

6. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Т. 1. Оренбург: Болгария, 1993. 400 с.

7. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Т. 3. Оренбург: Болгар иле. 1997. 182 с.

8. Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель//Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М. 1984. С. 212.

9. Богословский О.В. Из истории христианства на Таманском полуострове // Тамань археологическая. (II раздел). Сб. 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань. 1998.

10. Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч.I. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879. 277 с.

11. Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч.II. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879-1880. 408 с.

12. Быкадоров И.Ф. Донское Войско в борьбе за выход к морю. Париж: Алимов, 1937. 119 с.

13. Васильев А.А. Готы в Крыму //Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. V. Л. 1927. 481 с.

14. Васильевский В.Г. Введение в житіе св. Стефана Сурожскаго//Тр. В.Г. Васильевскаго. Т. III. – С.-Пб. 1915.

15. Васильевский В.Г. Житіе Іоанна Готскаго//Тр. В.Г. Васильевскаго. Т. II. С.-Пб. 1912.

16. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII-XIII веках.// Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. 2003. С. 108-130.

17. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М. 1901. 968 с.

18. Гуркин С.В., Ларенок В.А. Печенежско-половецкий период //Археология Нижнего Дона. Ростов-н/Д.: Южный федеральный университет. 2013.

19. Гурченко Л.А. Славяно-русские древности в «Слове о полке Игореве» и «небесное» государство Платона. М.: Алгоритм. 2015. 464 с.

20. Десятчиков Ю.М. Ст. Голубицкая // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. 1996.

21. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Русская река: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур. Знак. 2007. 360 с.

22. Дулимов Е.И., Цечоев В.К. Славяне средневекового Дона. Ростов-н/Д.: Ростиздат. 2001. 320 с.

23. Захаров В.А. Где находился город "Росия" // Заметки о Тмутараканском княжестве. Походная библиотека казака. Вып.4. М. 1998. С.29.

24. Захаров В.А. Где находился город “Росия”? // Сб. РИО, №1 (149). М. 1999. С. 154.

25. Захаров В.А. Тмутаракань и “Слово о полку Игореве” // “Слово о полку Игореве”.

Комплексные исследования. М. 1988. с.216.

26. Иванов В.В. Топоров В.Н. Велес // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. С.120.

27. Иеромонах Никон (Лысенко) Начало христианства на Руси // Вопросы истории. 1990. №6. С. 36-53.

28. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив, Т. III. М.-Л. 1940. С.71-112.

29. Иловайский Д.И. Размышления о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Изд. М-ва нар. прос. 1882.

30. Ильяшенко С.М. Поселения раннего железного века // Археология Нижнего Дона. Ростов-н/Д.: Южный федеральный университет. 2013.

31. Каждан А.Л. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Вост. лит. 1963. С. 93-101.

32. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука. 1991. т.4.

33. Козловский И.П. Тмутаракань и Таматарха - Матарха - Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2. Симферополь. 1928. С.67-68.

34. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Вост. лит. 2006. 329 с.

35. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М. 1999. 254 с.

36. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв. М.: Вост. лит. 2009. 226 с.

37. Коновалова И.Г. Где находился город Русийа арабских источников? // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. М. 1993. С. 37-39.

38. Коновалова И.Г. Город Росия/Русийа в XII в. // Византийские очерки. Труды российских ученых к XX международному конгрессу византинистов. С.-Пб. 2001. С. 128-140.

39. Коновалова И.Г. Город Русийа в арабской географии XII-XIV вв.// Древнейшие государства на территории Восточной Европы. М. 2005. С. 102-106.

40. Коновалова И.Г. Северное Причерноморье в арабской географической литературе XIII-XIV вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 93-104.

41. Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X-XII вв. // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. М. 2001. С. 169-189.

42. Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М. 2001. С. 192-219.

43. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак. 2007. 239 с.

44. Королев В.Н. К вопросу о славянско-русском населении на Дону в XIII-XVI веках //Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов н/Д. 1989. С. 125.

45. Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. М. 1987. С. 99-123.

46. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // Советская археология. 1958. Т. XXVIII.

47. Кулаковский Ю. А. К истории Боспора – Керчи в XI–XII вв. // Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. М. 1902. Т. 2. С. 132-133.

48. Кулаковский Ю.А. К истории готской епархии (в Крыму) в VIII веке. // Журн. М-ва нар. прос. 1898, № 2, отд. 2, с. 173-202.

49. Левченко М.В. Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке ("Записка греческого топарха") // Византийский Временник. Т. IV. М. 1951.

50. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX - начало XII вв.). С.-Пб.: Алетейя, 2000. 418 с.

51. Лунин Б.В. Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы. // Археологические раскопки на Дону. Ростов-н/Д.: Ростоблиздат. 1962. С. 5-21.

52. Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи, Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. МИА № 75. М.-Л. 1959. с. 326-330.

53. Львова З.А. Гази-Барадж тарихы (1229–1246 гг.). Вопрос о подлинности летописи. [Электронный ресурс]. URL: http://zlatalvova.narod.ru/Bolgaria/11/Gazi-Baradzh.htm (дата обращения: 28.12.2017)

54. Львова З.А. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246) и её данные о древних булгарах // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж. 2001.

55. Майко В.В. О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике// Православные древности Таврики. Киев: Стилос. 2002. С. 133-145.

56. Макарова Т.И. Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV-XIII века. М.: Наука, 2003. С. 68-73.

57. Марков С.М. Археологические раскопки на Дону в послевоенный период. // Археологические раскопки на Дону. Ростов-н/Д.: Ростоблиздат. 1962. С. 22-26.

58. Монгайт А.Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Вост. лит. 1963. С. 54-61.

59. Мошин В.А. Николай, епископъ Тмутороканскій // Seminarium Kondacovianum. V. Prague. 1932. С. 47-62.

60. Новосельцев А.П., Пашуто Н.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР, №3. М. 1967. С.107.

61. Перевозчиков В.И. Гончарный комплекс XIV в. в котловане под Домом Быта «Юбилейный». // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Вып. 11. – Азов: Азовский Краеведческий музей. 1993. С. 160-224.

62. Плано Карпини Дж. дель История Монгаловъ. // История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. Путешествие в восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. – М.: Мысль. 1997. 464 с.

63. Плетнёва С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. МИА № 75. М.-Л. 1959. С. 212-272.

64. Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—XIII века). Институт археологии АН РФ. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 2003. 248 с.

65. Плетнева С.А. Таматарха-Тмутаракань.//Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.: Наука. 2003. С. 171-178.

66. Полное собрание русских летописей. С.-Пб. 1856-59.

67. Попов А. История о Донском войске. Харьков: Университетская тип. 1814. 195 с.

68. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны // История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. Путешествие в восточные страны /Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. М.: Мысль. 1997. 464 с.

69. Рыбаков Б.А. Древняя Тмутаракань и проблема славянской колонизации Приазовья // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М. 1954. С.17.

70. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука. 1982. 599 с.

71. Рыбаков Б.А. Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III-IX вв. М.: Изд. АН СССР. 1958. С.876.

72. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. 1952. С. 18.

73. Рязанов С.В. Славянское поселение близ города Таганрога. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Дон и Северный Кавказ. Азов: Азовский Краеведческий музей. 1991. С. 114.

74. Савельев Е.П. Где на Дону был древний город Ахас. // Донские ведомости 16.06.1911 г. № 124. С.2.

75. Савельев Е.П. Древняя история казачества. Новочеркасск: Тип. "Донской печатник". 1913—1918.

76. Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука. 1982. 662с.

77. Спицын А.А. Тмутараканский камень//Записки отд. русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Пг., 1915. Т. 11.

78. Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА №3. - М. 1974. С. 88.

79. Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем "рос" // Античная древность и средние века. Свердловск. 1973. С. 229-234.

80. Татищев В.Н. История российская: в 7 т. М.- Л.: АН СССР, 1964, т.4

81. Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М.: Меж-дународный фонд славянской письменности и культуры. 1993. 68 с.

82. Чхаидзе В.Н. Голубицкое городище (к вопросу об исторической интерпретации) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир. 2004. С. 234-244.

83. Шамилоглу Ю. «Джагфар тарихы»: как изобреталось булгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 275-287.

84. Archivum Europae Centro-Orientalis (t. III, fasc. 1 — 3. Budapest, 1937, pp. 1 — 52).

85. Bendefy L. Az ismerelten Julianusz. Az elzo magyar azsiakutato eletrajza es kritikai meltatasa. Budapest, 1936.

86. Geographie d'Aboulfeda / Traduite de l'arabe en francais et accompagnee de notes et d'eclaircissements par M. Reinaud. P., 1848. T. II. Premiere partie.

87. II Compasso da navigare: Opera italiana della meta del secolo XIII / Prefazione a testo del codice Hamilton 396 a cura di B. R. Motzo. Cagliari, 1947.

88. Jus Graeco-Romanum / ed. C. E. Zachariae von Lingenthal, Lipsiae, 1857. Pars. 3: Novellae constitutiones.. P. 493-497 (496).

89. Miklosich F., Muller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonnae. Bd. 3. 1865.

90. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantine. Paris, 1884. 748 p.

THE CITY RUSSIA IN THE DEMESTIC HISTORY

The article analyzes the research of the works of historians devoted to the research of the city Rosia / Rusia, described in a number of eastern sources. On the issue of temporal and spatial localization of the city Rusia, the positions of historians can be divided into two directions. Representatives of the first direction believe the city of Rusia is a phantom - a contamination of informants about different cities or simply a designation of some other city, the Arab authors are not well known. Researchers of the second direction believe that the city Rusia really existed and is asked about its localization. To the second direction there are relatively many works. Most of the positions of historians on the geographic location of Rusia can be attributed to one of two groups. Historians of the first group place Rusia on the Taman peninsula - as a rule, correlating with the settlement Golubitskaya-1. The second position is to localize the city at the mouth of the Don. Most authors do not give a specific localization, a number of historians associate Rusia with the medieval city Orn (Ornaz, Ornach), described in a number of European sources and Russian chronicles, and both identify with the village Starocherkasskaya, and the third relate Rusia to the settlement Kazachy Erik. The last localization seems most convincing.
Keywords: Ancient Rus, Lower Don, Priazovye, Black Sea, the city of Rusia, the river Rusia, Golubitskaya-1, Kazachy Erik, Ornach.

References

1. Antonov, I.V. (2014). Guyuk v Velikom zapadnom pohode [Guyuk in the Great Western campaign]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*[*Herald of Chelyabinsk University*]. №22.

2. Artamonov, M.I. (1958) Sarkel–Belaya Vezha. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoj ehkspedicii*[*Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition*]. T. I. MIA № 62. M.-L.

3. Bagryanorodnyj, K. (1989). Ob upravlenii imperiej [On the management of the empire]. M.: Nauka.

4. Bartol'd, V.V. (1965). Azak. Bartol'd V. V. Soch. M. Vol. III.

5. Bartol'd, V.V. (1973). Geografiya Ibn Sa'ida [Geography of Ibn Sa'id]. Bartol'd V. V. Soch. M. Vol. VIII.

6. Bahshi Iman. (1993). Dzhagfar Tarihy. Vol. 1. Orenburg: Bolgariya.

7. Bahshi Iman. (1997). Dzhagfar Tarihy. Vol. 3. Orenburg: Bolgar ile.

8. Bejlis, V.M. (1984). Al-Idrisi o Vostochnom Prichernomor'e i yugo-vostochnoj okraine russkih zemel' [Al-Idrisi about the Eastern Black Sea coast and the south-eastern outskirts of Russian lands]. *Drevnejshie gosudarstva* [*The most ancient states*]. 1982 g. M.

9. Bogoslovskij, O.V. (1998). Iz istorii hristianstva na Tamanskom poluostrove [From the history of Christianity on the Taman peninsula]. Taman' arheologicheskaya. (II razdel). *20 let muzeyu Lermontova v Tamani* [*20 years to the museum Lermontov in Taman*]. Taman.

10. Brun, F.K. (1879). Chernomor'e [The Black Sea coast]. Pt. I. Odessa: tip. G. Ul'riha.

11. Brun, F.K. (1879-1880). Chernomor'e [The Black Sea coast]. Pt. II. Odessa: tip. G. Ulriha.

12. Bykadorov, I.F. (1937). Donskoe Vojsko v bor'be za vyhod k moryu [The Don Army in the struggle for access to the sea]. Parizh: Alimov.

13. Vasil'ev, A.A. (1927). Goty v Krymu [Goths in the Crimea]. *Izvestiya Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury* [*News of the State Academy of the History of Material Culture*]. Vol. V. L.

14. Vasil'evskij, V.G. (1915). Vvedenie v zhitie Stefana Surozhskago [Introduction to the hagiography of Stefan Surozhskij]. Trudy V.G. Vasil'evskago. Vol. III. S.-Pb.

15. Vasil'evskij, V.G. (1912). Zhitie Ioanna Gotskago [Hagiography of Ioann Gotskij]. Trudy V.G. Vasil'evskago. Vol. II. S.-Pb.

16. Volkov, I.V. (2003). Poseleniya Priazov'ya v XII-XIII vekah [Settlements of the Azov Sea in the XII-XIII cent.]. *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* [*Russia in the XIII century: Antiquities of the Dark Age*]. M.: Nauka.

17. Golubinskij, E.E. (1901). Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church]. M.

18. Gurkin, S.V., Larenok, V.A. (2013). Pechenezhsko-poloveckij period [The Pecheneg-Polovets Period]. *Arheologiya Nizhnego Dona* [*Archeology of the Lower Don*]. Rostov-n/D.: Yuzhnyj federal'nyj universitet.

19. Gurchenko, L.A. (2015). Slavyano-russkie drevnosti v «Slove o polku Igoreve» i «nebesnoe» gosudarstvo Platona [Slavic-Russian antiquities in the " The word about Igor's regiment" and "heavenly" state of Plato]. M.: Algoritm.

20. Desyatchikov, Yu.M. (1996). St. Golubickaya. 20 let muzeyu Lermontova v Tamani.

21. Dzhakson, T.N. and others (2007). Russkaya reka: Rechnye puti Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geografii [Russian River: River routes of Eastern Europe in ancient and medieval geography]. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur. Znak.

22. Dulimov, E.I., Cechoev, V.K. (2001). Slavyane srednevekovogo Dona [Slavs of the medieval Don]. Rostov-n/D.: Rostizdat.

23. Zaharov, V.A. (1998). Gde nahodilsya gorod "Rosiya" [Where was the city Rosia]. Zametki o Tmutarakanskom knyazhestve. Pohodnaya biblioteka kazaka. M.

24. Zaharov, V.A. (1999). Gde nahodilsya gorod “Rosiya” [Where was the city Rosia]? Sb. RIO, №1 (149). M.

25. Zaharov, V.A. (1988). Tmutarakan' I “Slovo o polku Igoreve” [Tmutarakan and «The word about Igor's regiment»]. *Slovo o polku Igoreve* [*The word about Igor's regiment*]. M.

26. Ivanov, V.V. Toporov V.N. (1990). Veles. Mifologicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya.

27. Ieromonah Nikon (1990). Nachalo hristianstva na Rusi [The Beginning of Christianity in Russia]. Voprosy istorii. №6.

28. Izvestiya vengerskih missionerov XIII-XIV vv. o tatarah i Vostochnoj Evrope [News of Hungarian missionaries XIII-XIV cent. about Tatars and Eastern Europe]. Istoricheskij arhiv. M.-L. 1940.

29. Ilovajskij, D.I. (1882). Razmyshleniya o nachale Rusi [Reflections on the beginning of Russia]. M.: Izd. M-va nar. pros.

30. Il'yashenko, S.M. (2013). Poseleniya rannego zheleznogo veka [Settlements of the Early Iron Age]. *Arheologiya Nizhnego Dona* [*Archeology of the Lower Don*]. Rostov-n/D.: Yuzhnyj federal'nyj universitet.

31. Kazhdan, A.L. (1963). Vizantijskij podatnoj sborshchik na beregah Kimmerijskogo Bospora v konce XII v [The Byzantine tax collector on the banks of the Cimmerian Bosporus at the

end of the 12th cent.]. *Problemy obshchestvenno-politicheskoj istorii Rossii i slavyanskih stran* [*Problems of the socio-political history of Russia and the Slavic countries*]. M.: Vost. lit.

32. Karamzin, N.M. (1991). Istoriya gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian state]. M.: Nauka.

33. Kozlovskij, I.P. (1928). Tmutarakan i Tamatarha-Matarha-Taman. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i ehtnografii* [*News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography*]. Vol. 2. Simferopol.

34. Konovalova, I.G. (2006). Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy [Al-Idrisi about the countries and peoples of Eastern Europe]. M.: Vost. lit.

35. Konovalova, I.G. (1999). Vostochnaya Evropa v sochinenii al-Idrisi [Eastern Europe in the composition of al-Idrisi]. M.

36. Konovalova, I.G. (2009). Vostochnaya Evropa v sochineniyah arabskih geografov [Eastern Europe in the works of Arab geographers]. M.: Vost. lit.

37. Konovalova, I.G. (1993). Gde nahodilsya gorod Rusija arabskih istochnikov [Where was the city Rousia Arab sources]? *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Spornye problemy istorii* [*Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Controversial problems of history*]. M.

38. Konovalova, I.G. (2001). Gorod Rosiya/Rusija. [The city Rosia/ Rusia]. *Vizantijskie ocherki*[*Byzantine essays*]. S.-Pb.

39. Konovalova, I.G. (2005). Gorod Rusija v arabskoj geografii [The city Rusia in the Arab geography]. *Drevnejshie gosudarstva* [*The most ancient states*]. M.

40. Konovalova, I.G. (2005). Severnoe Prichernomor'e v arabskoj geograficheskoj literature [Northern Black Sea coast in Arabic geographical literature].// Voprosy istorii. № 1.

41. Konovalova, I.G. (2001). Sostav rasskaza ob «ostrove rusov» v sochineniyah arabo-persidskih avtorov [The composition of the story of the "island of the Rus" in the works of Arab-Persian authors]. *Drevnejshie gosudarstva* [*The most ancient states*]. 1999. M.

42. Konovalova, I.G. (2001). Toponim kak sposob osvoeniya prostranstva («Russkaya reka» al-Idrisi) [Toponym as a way of mastering the space ("Russian river" al-Idrisi)]. *Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii* [*Dialogue with time: Almanac of intellectual history*]. M.

43. Korolev, V.N. (2007). Donskie kazach'i gorodki [Don Cossack towns]. Novocherkassk: Donchak.

44. Korolev, V.N. (1989). K voprosu o slavyansko-russkom naselenii na Donu [On the issue of the Slavic-Russian population on the Don]. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyah Vostoka i Zapada v XII-XVI vv.* [*Northern Black Sea and Volga region in the relations between East and West in the 12th-16th cent.*]. Rostov n/D.

45. Krasnov, Yu. A. (1987). Oboronitel'nye sooruzheniya goroda Bolgara [The fortifications of the city Bolgar]. *Gorod Bolgar*[*Town of Bolgar*]. M.

46. Kropotkin, V.V. (1958). Iz istorii srednevekovogo Kryma [From the history of the medieval Crimea]. Sovetskaya arheologiya.

47. Kulakovskij, Yu. A. (1902). K istorii Bospora-Kerchi [To the history of the Bosporus-Kerch].// *Trudy XI Arheologicheskogo s"ezda v Kieve v 1899 g* [*Proceedings of the XI Archaeological Congress in Kiev in 1899*]. M.

48. Kulakovskij, YU.A. (1898). K istorii gotskoj eparhii (v Krymu) [To the history of the Gothic diocese (in the Crimea)]. Zhurn. M-va nar. pros., № 2.

49. Levchenko, M.V. (1951). Cennyj istochnik po voprosu russko-vizantijskih otnoshenij ("Zapiska grecheskogo toparha") [Valuable source on the issue of Russo-Byzantine relations ("Note of the Greek toparoch")]. *Vizantijskij Vremennik*. M.

50. Litavrin, G.G. (2000). Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' [Byzantium, Bulgaria, Ancient Rus]. S.-Pb.: Aletejya.

51. Lunin, B.V. (1962). Arheologicheskoe izuchenie Podon'ya-Priazov'ya v dorevolyucionnye i dovoennye gody [Archaeological study of the Don-Azov region in pre-revolutionary and pre-war years]. *Arheologicheskie raskopki na Donu*[*Archaeological excavations on the Don*]. Rostov-n/D.: Rostoblizdat.

52. L'vova, Z.A. 1959. Steklyannye braslety i busy iz Sarkela-Beloj Vezhi [Glass bracelets and

beads from Sarkel-Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoj ehkspedicii* [*Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition*]. T. II. MIA № 75. M.-L.

53. L'vova, Z.A. Gazi-Baradzh tarihy. Vopros o podlinnosti letopisi. Retrieved 28 December, 2017 from http://zlatalvova.narod.ru/Bolgaria/11/Gazi-Baradzh.htm

54. L'vova, Z.A. (2001). Letopis' Gazi-Baradzh tarihy i eyo dannye o drevnih bulgarah [Chronicle Gazi-Baradzh tariyy and its data on the ancient Bulgars]. *Srednevekovye drevnosti evrazijskih stepej* [*Medieval antiquities of the Eurasian steppes*]. Voronezh.

55. Majko, V.V. (2002). O lokalizacii Full i Full'skoj eparhii v rannesrednevekovoj Tavrike [On the localization of the Full and Fulle diocese in the early medieval Tavrika]. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki* [*Orthodox antiquities of Tauris*]. Kiev: Stilos.

56. Makarova, T.I. (2003). Bospor-Korchev. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu Srednevekov'ya* [*Crimea, North-Eastern Black Sea Coast and Transcaucasia in the Middle Ages: IV-XIII cent.*]. M.: Nauka.

57. Markov, S.M. (1962). Arheologicheskie raskopki na Donu v poslevoennyj period [Archaeological excavations on the Don in the post-war period]. *Arheologicheskie raskopki na Donu* [*Archaeological excavations on the Don*]. Rostov-n/D.: Rostoblizdat.

58. Mongajt, A.L. (1963). O granicah Tmutarakanskogo knyazhestva [On the boundaries of the Tmutarakan princedom]. *Problemy obshchestvenno-politicheskoj istorii Rossii i slavyanskih stran* [*Problems of the social and political history of Russia and the Slavic countries*]. M.: Vost. lit.

59. Moshin, V.A. (1932). Nikolaj, episkop" Tmutorokanskij [Nikolai, bishop of Tmutorokan].// Seminarium Kondacovianum. Prague.

60. Novosel'cev, A.P., Pashuto, N.T. (1967). Vneshnyaya torgovlya Drevnej Rusi [Foreign Trade of Ancient Rus]. Istoriya SSSR, №3. M.

61. Perevozchikov, V.I. (1993). Goncharnyj kompleks XIV v. v kotlovane pod Domom Byta «Yubilejnyj» [Pottery complex of the XIV century. In the pit under the Byt House "Jubilee"]. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 g* [*Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 1991*]. Azov: Azovskij Kraevedcheskij muzej.

62. Plano Karpini (1997). Istoriya Mongalov [History of the Mongols]. M.: Mysl'.

63. Pletnyova, S.A. (1959). Keramika Sarkela-Beloj Vezhi [Ceramics of Sarkel-Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoj ehkspedicii* [*Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition*]. Vol. II. MIA № 75. M.-L.

64. Pletnyova, S.A. (2003). Kochevniki yuzhnorusskih stepej v ehpohu srednevekov'ya [Nomads of the South Russian steppes in the Middle Ages]. Institut arheologii. Voronezh: Voronezh. gos. un-t.

65. Pletneva, S.A. (2003). Tamatarha-Tmutarakan'. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu srednevekov'ya* [*Crimea, North-Eastern Black Sea and Transcaucasia in the Middle Ages*]. M.: Nauka.

66. Polnoe sobranie russkih letopisej. S.-Pb. 1856-59.

67. Popov, A. (1814). Istoriya o Donskom vojske [The story of the Don army]. Har'kov: Universitetskaya typ.

68. Rubruk (1997). Puteshestvie v vostochnye strany [Journey to the Eastern Countries]. M.: Mysl'.

69. Rybakov, B.A. (1954). Drevnyaya Tmutarakan' i problema slavyanskoj kolonizacii Priazov'ya [Ancient Tmutarakan and the problem of the Slavic colonization of the Azov Sea region]. *Tezisy dokladov na sessii otdeleniya istoricheskih nauk i plenume instituta istorii material'noj kul'tury, posvyashchennyh itogam arheologicheskih i ehtnograficheskih issledovanij 1953 g* [*Theses of reports at the session of the Department of Historical Sciences and the Plenum of the Institute of the History of Material Culture, dedicated to the results of archaeological and ethnographic studies of 1953*]. M.

70. Rybakov, B.A. (1982). Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the XII-XIII cent]. M.: Nauka.

71. Rybakov, B.A. (1958). Predposylki obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva [Preconditions for the formation of the Old Russian state]. *Ocherki istorii SSSR. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR. III-IX vv.*[*Essays on the History of the USSR. The crisis of the slave system and the birth of feudalism on the territory of the USSR*]. M.: Akademia nauk.

72. Rybakov, B.A. (1952). Russkie zemli po karte Idrisi [Russian lands on Idrisi map]. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. M.

73. Ryazanov, S.V. (1991). Slavyanskoe poselenie bliz goroda Taganroga [Slavic settlement near the city of Taganrog]. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1990 g. Don i Severnyj Kavkaz* [*Brief communications of the Institute of the History of Material Culture*]. Azov: Azovskij Kraevedcheskij muzej.

74. Savel'ev, E.P. (1911). Gde na Donu byl drevnij gorod Ahas [Where on the Don was the ancient city of Ahas]. Donskie vedomosti 16.06.1911. № 124.

75. Savel'ev, E.P. (1913—1918). Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient history of the Cossacks]. Novocherkassk: Donskoj pechatnik.

76. Skazaniya i povesti o Kulikovskoj bitve [Legends and stories about the Kulikovo battle]. L.: Nauka. 1982.

77. Spicyn, A.A. (1915). Tmutarakanskij kamen' [Tmutarakan stone]. *Zapiski otd. russkoj i slavyanskoj arheologii Russkogo Arheologicheskogo obshchestva* [*Notes dept. of Russian and Slavic archeology of the Russian Archaeological Society*]. Pg., Vol. 11.

78. Talis, D.L. (1974). Rosy v Krymu [Roses in the Crimea]. SA №3. M.

79. Talis, D.L. (1973). Toponimy Kryma s kornem "ros" [Toponyms of the Crimea with the root "ros"]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [*Antiquity and the Middle Ages*]. Sverdlovsk.

80. Tatishchev, V.N. (1964) Istoriya rossijskaya [Russian history]. M.-L.: AN SSSR. vol.4

81. Trubachev, O.N. (1993). K istokam Rusi (nablyudeniya lingvista) [To the origins of Russia (observations of the linguist)]. M.: Mezhdunarodnyj fond slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury.

82. Chkhaidze, V.N. (2004). Golubickoe gorodishche (k voprosu ob istoricheskoj interpretacii) [Golubitskoe hillfort (on the issue of historical interpretation)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and research on the archeology of the North Caucasus*]. Armavir. Vyp. 4.

83. Shamiloglu, Yu. (2011). «Dzhagfar tarihy»: kak izobretalos' bulgarskoe samosoznanie ["Jagfar Tarihi": how Bulgar self-consciousness was invented]. *Fal'sifikaciya istoricheskih istochnikov i konstruirovanie ehtnokraticheskih mifov* [*Falsification of historical sources and construction of ethnocratic myths*]. M.: Institut arheologii RAN.

84. Archivum Europae Centro-Orientalis (t. III, fasc. 1 — 3. Budapest, 1937, pp. 1 — 52).

85. Bendefy L. Az ismerelten Julianusz. Az elzo magyar azsiakutato eletrajza es kritikai meltatasa. Budapest, 1936.

86. Geographie d'Aboulfeda / Traduite de l'arabe en francais et accompagnee de notes et d'eclaircissements par M. Reinaud. P., 1848. T. II. Premiere partie.

87. Il Compasso da navigare: Opera italiana della meta del secolo XIII / Prefazione a testo del codice Hamilton 396 a cura di B. R. Motzo. Cagliari, 1947.

88. Jus Graeco-Romanum / ed. C. E. Zachariae von Lingenthal, Lipsiae, 1857. Pars. 3: Novellae constitutiones.. P. 493-497 (496).

89. Miklosich F., Muller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonnae. Bd. 3. 1865.

90. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantine. Paris, 1884. 748 p.

Об авторе

Кирсанов Евгений Викторович – аспирант Государственного гуманитарно-технологическоо университета (ГГТУ), заместитель директора Классического колледжа художественно-эстетического образования и дизайна, E-mail: designcollege@yandex.ru.

Kirsanov Evgeny Viktorovich – postgraduate student of the State humanitarian technology university, Deputy Director Classical College of art and aesthetic education and design, E-mail: designcollege@yandex.ru.

УДК 942.073

Колмаков М.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КРАХ «КОМПАНИИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ» И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ РОБЕРТА УОЛПОЛА

Статья посвящена проблеме прихода к власти в Великобритании лидера политической группировки вигов Роберта Уолпола в 1721 г. Внутриполитическая борьба которая разгорелась в парламенте между тори и вигами затронула все сферы жизни английского общества в том числе экономическую. Что бы получить одобрение короны и удержать главенство в парламенте лидеры тори шли на беспрецедентные шаги для достижения своих целей. Тори создали финансовую пирамиду под названием «Компания южных морей». Но в 1721 г. компания обанкротилась и тори были вынуждены признать свою политическую несостоятельность. В этот судьбоносный момент из политической оппозиции выходит талантливый парламентарий Роберт Уолпол. Он в кратчайшие сроки стабилизирует экономическую ситуацию в стране и возвращает доверие общества к государству. В результате благополучного предотвращения экономического кризиса корона назначает Уолпола на самые высокие посты в государственном управлении.

Ключевые слова: парламент, тори, виги, палата общин, «Компания Южных морей», махинации, финансовая пирамида, Георг I, Р. Уолпол.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-69-78

В 1710 г. в Англии вновь пришла к власти политическая группировка тори, и на пост канцлера казначейства был назначен её видный деятель Роберт Харли. Финансы страны были растрачены в ходе войны с Францией. Но, тем не менее, ближайшей задачей правительства вигов было стремление изыскать 300 000 фунтов для следующего квартального перечисления денежных сумм армии Джона Черчилля, воевавшей в Европе [21, p. 187].

Одновременно в английском обществе назревал серьёзный экономический кризис и вместе с ним буря возмущений рядовых жителей Великобритании. Подтверждением роста недовольства в обществе стали многочисленные анонимные памфлеты, которые были повсеместным явлением. Именно там звучал голос народа: «Где наши свободы и права, если нечем платить и не на что жить?» [2, p. 3].

В ответ на неоднозначную реакцию английской общественности Роберт Харли направил аудиторов, которые выявили не только неразбериху в расходах, но и ряд скандальных трат правительства вигов. После чего в 1711 г. палата общин составила комитет для специального расследования финансирования вигских политических программ [24, p. 162].

Сразу после ревизии лидеры вигов Роберт Уолпол и Джон Черчилль сделались объектом жгучей ненависти тори и английского общества. В январе 1712 г. Уолпол был привлечен палатой общин к ответственности за коррупцию находясь на службе в адмиралтействе [6, p. 1068]. В этом же году его признали виновным и заключили в лондонский Тауэр на пять месяцев [9, p. 37] .

Уолпол, подводя итоги своего заключения, писал своему другу Эдмонту Рольфу в город Линн, что: «Наиболее несправедливым в решении судей был вынесен мой приговор... . Против меня были выдвинуты обвинения, которые нельзя было опровергнуть... . Я стал жертвой насилия со стороны тори и считаю, что полностью невиновен... .» [20, p. 234]. Так же Уолпол активно общался со своей женой Кэтрин. Переписка ярко передаёт настроение супруга в тот период: «Варварская несправедливость произошла по отношению ко мне, тори сильно разозлились, но их ненависть меня не касается, и я от всей души презираю их, и верю, что справедливость восторжествует.» [5, p. 307]

А летом 1712 г. королева Анна, находясь под влиянием Роберта Харли, полностью доверила управление внутренней и внешней политикой страны тори. Доказательством очень теплых отношений служит большая секретная переписка Роберта Харли с Анной. В одном из писем Роберт Харли описывает свои эмоции: «Я очень рад что могу находиться рядом с вами, неся общественное благо вашей семье и защищая Ан-

глию» [21, p. 243]. В результате крепкого союза короны и тори лидеры вигов лишились своих постов, в том числе, и лорды Чарльз Спенсер и Годольфин.

В 1711 г. на волне политических преобразований лидеры тори понимая что стране нужны дополнительные стабильные доходы одобрили в правительстве устав акционерной компании с очень длинным названием «Компания купцов Великобритании по торговле с Южными морями и другими частями Америки и для рыбной ловли.» [30, p. 113] В историю Великобритании она вошла под более коротким именем – «Компания Южных морей». [10, p. 40]

При учреждении «Компания Южных морей» было объявлено, что она имеет право выпустить акции на сумму 9 471 325 фунтов [7, p. 628] (что соответствовало части государственного долга, которую компания должна была конвертировать). Держатели государственных облигаций получали в обмен на эти бумаги акции, а казначейство обязалось выплачивать компании проценты по облигациям, а также ежегодно по 8 000 фунтов -расходы на управление компанией. [7, p. 629] Так компания стала крупнейшим кредитором государства, чем и объясняется тесная связь всей этой истории с политикой правительства.

Уолпол проголосовал 25 мая 1711 г. против законопроекта о «Компании Южных морей». Он так же издал брошюру, в которой кратко рассказал о возможных задолженностях, предусмотренных законом о южных морях 1712 г.

Специальным парламентским актом компании предоставлялось монопольное право торговли с испанскими колониями в Южной и Центральной Америке, а также на торговлю рабами, поставляемыми из Африки в Северную Америку. Вскоре после учреждения были организованы заказные публикации в прессе, расхваливавшие фантастические прибыли, которые могли получить владельцы акций от этой торговли. Тем самым компании предстояло консолидировать внутренний долг страны, накопленный в период пребывания у власти вигской группировки. [10, p. 41]

В 1713 г. Уолпол был освобождён из-под стражи в Тауэре и вскоре переизбрался в парламент от округа Кинг-Линн. С восшествием на престол Георга I в 1714 г. лидеры вигов снова прочно закрепились в правительстве. А оказавшийся на деле мстительным Уолпол посадил-таки Роберта Харли в Тауэр точно на такой же срок, сколько сидел сам-на пять месяцев. [1, с. 91]

В правительстве к тому времени произошли первые существенные изменения. В 1715 г. Уолпол был назначен министром финансов и первым лордом казначейства, получив должность, которая была связана со значительным влиянием в «Компании Южных морей». Это можно расценить как значительное нововведение в политической и экономической жизни страны, так как совмещение этих должностей возвышало первого лорда казначейства по отношению к другим членам правительства. Канцлер казначейства выполнял судейские функции, являясь при этом вторым комиссионером казначейства. А друг Уолпола Тауншенд стал государственным секретарем. Однако два года спустя они вступили в конфликт со своими коллегами из вигской группировки Джеймсом Стенхоупом и Чарльзом Спенсером 3-м графом Сандерлендом, в результате чего Тауншенд и Уолпол были вынуждены выйти из правительства. [14, p. 173-180]

А поводом для конфликта внутри правительства стали события 1714-1715 гг. когда Роберт Харли - один из авторов идеи создания «Компании Южных морей» был снят со своего государственного поста. А в 1715 г. ему вовсе пришлось уйти и с должности председателя совета директоров «Компании южных морей». В результате, новоиспечённый директор компании и хороший приятель Джеймса Стенхоупа Джон Блант обратил эти перемены не в пользу Роберта Уолпола. Занять освободившуюся почетную должность председателя совета директоров «Компании Южных морей» он предложил самому принцу Уэльскому, а не Уолполу. Принц легко согласился, ибо этот пост сулил немалую прибыль, а расходы на образ жизни, достойный особ королевской крови, были тогда весьма высоки.

Занимаемая Уолполом должность канцлера казначейства считалась наиболее влиятельной, поскольку возможность распоряжаться финансами «Компании южных морей» позволяла оказывать определенное влияние на короля, постоянно нуждавшегося в

финансировании, и тем самым гарантировать вигам место в составе правительства. Но после того, как должность председателя правления «Компании южных морей» перешла в руки королевской семьи, Уолпол остался без основных рычагов влияния на корону и вместе с тем на своих коллег.

Газета «Daily Courant» так описывала в 1734 г. поведение Уолпола в тот период: «Он удалился от должности без отказа от своего долга: он отказался от службы у короля как министр, но сохранил большое смирение и послушание как поданный; он не предавал частными разговорами; он не вступал в конфликты с министрами; он не стремился к местам в правительстве… .». [11, p. 33]

Эти восхваления звучат резким диссонансом с многочисленными памфлетами того времени, которые критиковали поведение Уолпола, наподобие знаменитого «The Defection Considered». Этот памфлет обвинил Уолпола в том, что он своими действиями расколол группировку вигов и увеличил опасность торийско - якобитской угрозы. Кроме того, по мнению автора памфлета, Уолпол совершил непростительный «преступный заговор», пытаясь принудить к неконституционным действиям «...и принудительному лишению парламентских мест избранных королевских слуг, и даже подстрекал раздоры внутри королевской семьи». [17, p. 201] Этим скандальным действиям не было дано никаких очевидных объяснений; просто «такие ужасные вещи никак не объяснялись». Современники выдвигали различные объяснения поведению Уолпола. Один из литераторов полагал, что единственной основой раскола вигов был «старый, нелепый вопрос, кто будет руководить финансами и властью в стране». [17, p. 18]

Тем временем в 1717 г. король Англии по совету министра почтовой службы Великобритании Джона Краггса предложил повторную «приватизацию» государственного долга. Два крупных финансовых учреждения страны, Банк Англии и «Компания южных морей», представили каждый свой проект, и после горячих парламентских дебатов «Компании южных морей» позволили приобрести еще одно долговое обязательство с процентной ставкой в 5% в год. [29, p. 3]

Спустя короткий промежуток времени стали распространяться слухи о неслыханных прибылях компании от торговли в Латинской Америке, где английские товары могли быть обменены на золото и серебро с «неисчерпаемых» приисков Перу и Мексики. На фондовой бирже акции «Компании Южных морей» вели тихое существование, цена двигалась в пределах только двух или трех пунктов в месяц.

Но результаты не заставили себя ждать в 1718 и 1719 гг. Спекулятивная лихорадка, бушевавшая в Европе, перекинулась на Лондон. На 1720 г. «Компания Южных морей», планируя выкуп обязательств по внутреннему долгу на 1 750 000 фунтов, [23, p. 145] сократила процент, который правительство должно было заплатить, передав правительству и держателям облигаций премию, получив чистую прибыль в 72 000 фунтов.

В 1719 г. король Георг лично пожелал стать председателем совета директоров компании, а его сын принц Уэльский стал соответственно заместителем председателя. «Теперь король усыновил Южноамериканскую компанию и называет ее своим любимым детищем… он ее любит так же сильно, как герцогиню Кенделл… .» [12, p. 169] - писал лондонский друг в Дублин Джонатану Свифту 18 апреля 1720 г. Это был пик напряжённости в отношениях между сыном и отцом, а камнем раздора стала «Компания Южных морей».

В этот судьбоносный момент Уолпол призвал короля и его сына примириться ради общественного единства. В кулуарах королевского дворца Уолпол попытался объяснить королевской семье, что «Компания Южных морей» не сможет приносить высокую доходность, потому что её невозможно поддерживать длительное время, а погашение обязательств компании перед всеми участниками является заведомо невыполнимыми. [26 p. 57]

В итоге 23 апреля 1720 г. состоялось публичное примирение Георга I с оппозиционно настроенным принцем Уэльским. 24 апреля король встретился в Сент-Джеймском дворце с делегацией ведущих оппозиционеров возглавляемых Уолполом. Еще месяц потребовался для реорганизации кабинета. А Уолпол занял скромную должность главного казначея армии 15 июня.

Далее Уолпол, будучи опытным поли-

тиком и экономистом предвидел крах «Компании Южных морей» и потому, не претендуя на ключевые портфели, выбрал второстепенный пост главного армейского казначея, занимая который терпеливо дожидался краха финансовой пирамиды.

22 января 1720 г. в палате общин Банк Англии и «Компания Южных морей» боролись за право принять на себя обязательства по долгу британской казны, который к тому времшени уже был больше тех 10 миллионов фунтов в 1710 г. Правительство предложило Бланту разделить долг с Банком Англии, на что тот ответил: «Мы никогда не согласимся распилить наше детище!» [13, p. 68] Госдолг, который до недавних событий был тяжелым бременем для государства, стал вдруг необыкновенной ценностью.

«Компания Южных морей» предложила выплатить существующий долг в течение 25 лет в обмен на пошлины на табак и монопольное право вести торговлю с Испанией и портами южных морей. 2 февраля в результате голосования победила «Компания Южных морей», хотя член парламента Роберт Уолпол предупреждал, что в случае победы «Компании Южных морей»: «Опасная практика биржевой игры отвлечет внимание нации от нормальной торговли и производства. Она станет опасным соблазном, заманивающим в ловушку излишне доверчивых людей, которые могут разориться, вложив заработанные деньги в проект, обещающий иллюзорное богатство». [26, p. 58]

Уолпол доказывал, что: «Уже самый первый принцип проекта является злом огромнейшей величины, поскольку предусматривает искусственный подъем стоимости акций путем подогрева настроений и поддержания общей одержимости обещаниями выплаты дивидендов из фондов, которых явно не хватит для этой цели» [26, p. 59]. Словосочетания «зло огромнейшей величины», которое использовал Уолпол, было вполне подходящим. Он задавал вопросы, которые задал бы и хороший современный финансовый аналитик. Каким образом компания предполагает получить необходимую ей прибыль? Каковы фактические объемы продаж?

Несмотря на предупреждения Уолпола, билль был одобрен палатой лордов, 83 члена которой проголосовали «за» и только 17 «против». На следующий день закон был утвержден монархом. Однако, рынки эксцентричны. Компания Южных морей добилась первой и очень амбициозной цели. Теперь она контролировала государственный долг. И результат: 7 апреля цена акций снизилась с 310 до 290 фунтов. [6, p. 1068]

А в Лондоне 29 мая цена акции «Компании Южных морей» поднялась до 500 фунтов, и многие люди обменяли государственные ценные бумаги, обеспечивавшие ежегодную ренту на акции компании. В начале июня произошел еще один скачок до 890 фунтов. Люди решили, что выше цена уже не пойдет, и многие стали продавать. 3 июня продавцов было так много, а покупателей так мало, что цена упала до 640 фунтов. Значительное число тех, кому не удалось купить акции с самого начала, бросились покупать их сейчас, сочтя 640 фунтов низкой ценой и шансом относительно дешево войти в предприятие. [19, p. 65]

Удивительный успех «Компании Южных морей» породил учредительскую лихорадку. Вдруг оказалось, что за несколько часов можно сделать состояние, которое раньше потребовало бы многих лет упорного труда. Изобретательные прожектеры выдвигали всевозможные схемы, пытаясь поразить воображение потенциальных акционеров. Знатные господа соревновались с прожженными дельцами за управление этими "мыльными пузырями". Принц Уэльский возглавил одну из таких компаний и, по слухам, заработал на этом 40 тыс. фунтов. Герцог Бриджуотер основал компанию, обещавшую вложить собранные деньги в благоустройство Лондона. За короткое время возникло до сотни "мыльных пузырей". [3, p. 112-200]

Хотя большинство предприятий было реальными, расцвело и мошенничество. Один предприниматель собирал деньги под компанию, которая «воспользуется колоссальным преимуществом, о котором никто не должен знать». Самое удивительное, что деньги ему несли. Он объявил, что продает акции в кредит, и требовал депозит всего в 2 фунта. Как мы видим, кредитованием инвесторов занималась не только «Компания Южных морей». Мошенник обещал, что каждый, кто внесет этот депозит, в конечном итоге получит годовой доход в размере 100 фунтов. Таким образом ему удалось собрать 2000 фунтов, а затем

он исчез [28, p. 240]. Свифт в ироничной форме описывал возникновение финансового мыльного пузыря и его неизбежную судьбу – крах. «Народ слишком поздно понял, подсчитав все свои убытки, что директора компании бросали обещания на ветер, и южные моря оказались большим пузырем». [22, p. 189]

11 июня 1720 г. король под давлением Уолпола объявил некоторые из этих компаний «источниками опасности для всех окружающих», а торговлю их акциями запрещенной, определив за нарушение этого штраф. Список из 104 запрещенных компаний включал в себя следующие воображаемые виды деятельности: Улучшение искусства делать мыло; Извлечение серебра из свинца; Покупка и снаряжение кораблей с целью подавления пиратов; Превращение ртути в ковкий рафинированный металл и др.

Подписка макетировалась при помощи всех возможных связей среди политической элиты страны. Джонатан Свифт писал: «Я расспрашивал тех, кто приехал из Лондона, какая там сейчас религия. Компания Южных морей, – отвечали мне. В чем состоит политика Англии? – В Компании Южных морей. Чем там торгуют? – Опять Компанией Южных морей. А в чем состоит бизнес? – Только в Компании Южных морей». [8, p. 63]

Но в сентябре началось резкое падение курса. К концу сентября цена акций упала до 150 фунтов. Тысячи инвесторов были разорены (в том числе многие представители аристократии). 24 сентября банк компании объявил себя банкротом. Знаменитый английский физик Исаак Ньютон потерял более 20 000 фунтов, после чего заявил; «что может вычислять движение небесных тел, но не степень безумия толпы.» [25, p. 96-97] Среди потерявших сбережения был и писатель Джонатан Свифт. Он написал следующие строки: «Подписчики толпятся там весь день, ругаться и толкаться им не лень, виной тому желание наживы, но, видит Бог, им будет не до жиру... .» [27 p. 415]

13 сентября испуганный член парламента Томас Бродерик написал письмо Уолполу, в котором обвинял в падении акций директоров компании. В письме были следующие записи: «Наиболее уважаемые люди вывели свои деньги, защищая себя за счет потерь обманутых и беспечных, чей разум был затуманен алчностью и надеждами получить вместо кучки монет целые горы денег. Тысячи семей будут обречены на нищенское существование. Мой ужас не выразить словами, а ярость неописуема… .» [7, p. 698]. Но Уолпол был более сдержанным. Он посоветовал парламентариям в первую очередь позаботиться о возрождении национальной кредитной системы: «Если бы город Лондон горел, все умные люди, прежде чем искать поджигателей, бросились бы помогать тушить пожар и предотвращать распространение огня. Национальная кредитная система получила серьезную рану и лежит, истекая кровью, и им следует оказать ей неотложную медицинскую помощь. С наказанием убийцы можно и подождать». [4, p. 189]

На тот момент Уолпол пользовался большим влиянием в Банке Англии. Но опасаясь за свой престиж перед банкирами, в дела банка вмешиваться не хотел. Одновременно понимая что нужна помощь банка Уолпол составил официальный проект соглашения между «Компании Южных морей» и Банком Англии. И сумел добиться его подписания. Совещание длилось несколько дней, правление банка согласилось открыть подписку на 5 % облигации на сумму 3 млн. фунтов, которые планировалось направить на санацию компании [7, p. 709]. 21 декабря Уолпол огласил в палате общин программу по санации обанкротившегося предприятия с привлечением активов Банка Англии и Ост-Индской компании. 7 февраля 1721 г. нижняя палата 237 голосами «за» при 139 «против» утвердила ее. [7, p. 709]

В это время бурно проходили заседания в палате общин. Здесь был подготовлен билль, запрещавший высшим служащим компании покидать Англию и совершать какие-либо сделки со своим имуществом. При его обсуждении один из депутатов обвинил в корыстном пособничестве директорам секретаря казначейства Крэггса. Тот гневно отверг обвинения, заявив, что готов любому, кто сомневается в его честности, «дать удовлетворение в палате или вне ее». [7, p. 710] Поднялся страшный шум, и спикер долго не мог навести порядок. В конце концов, Крэггс сбавил тон, заявил, что он не имел в виду дуэль, и согласился дать объяснения палате. Когда они были выслушаны палата общин постановила заключить Крэггса под стражу.

Далее по инициативе Уолпола через парламент был проведен закон, запрещающий образование новых предприятий. В Верховный суд предъявили иск от имени "Компании Южных морей" о признании этих предприятий мошенническими и незаконными. [7, p. 712]

Для расследования деятельности компании Уолпол в нижней палате создал секретный комитет. Его члены докладывали, что многие допрошенные всеми силами запутывали дело и уклонялись от прямых ответов. [7, p. 712] В ряде предъявленных комитету бухгалтерских книг сделаны фиктивные записи, иногда поступление денег зафиксировано без указания имени плательщика, в иных вырваны листы. Некоторые книги вообще бесследно исчезли вместе с казначеем компании Найтом. [7, p. 712] Комитет по расследованию установил, что перед принятием закона о привилегиях компании её руководство без фактической оплаты продало крупные пакеты акций по сниженной цене правительственным чиновникам и членам парламента (см. табл. 1). После того, как закон приняли, и начался быстрый рост курса акций, эти лица получили значительные прибыли. Комиссия расценила такие операции, как взятки в особо крупном размере. А размер их действительно впечатлял; от 10 до 250 тысяч фунтов. Результаты расследования оказались настолько скандальными, что палата общин приняла решение опубликовать отчет следственного комитета, сделав его достоянием гласности. В отчете звучали имена известных вигских политиков, находящихся в правительстве: Герцог Аргилл, Джон Эйслеби, Джеймс Крэггс, Ричард Хампден, Роберт Велпол, лорд Стэнхоуп и Чарльз Спенсер.

Таблица 1

Перечисления денежных средств от акций компаний. (Отправитель директор компании: Найт) [7, p. 712]

Получатели	Суммы в фунтах
Граф Сандерленда (Чарльз Спенсер)	50 000
Герцогиня Кендала	10 000
Графини Валика	10 000
Двум племянницам графини Валики	10 000
Крэггсу старшему	30 000
Эсквайру Чарльзу Стэнхоупу,	10 000

По завершении следствия палата общин во главе с Робертом Уолполом начала судебный процесс над лицами, замешанными в махинациях с акциями «Компании южных морей». Первым перед судом предстал Чарльз Стэнхоуп - один из руководителей казначейства. Обвиняемый утверждал, что сделки с акциями проводил при посредничестве Найта (тот был в бегах), и покупал их только по рыночному курсу. И хотя на счетах Стэнхоупа обнаружилось около 250 тыс. фунтов, происхождение коих он не смог объяснить, палата оправдала его незначительным большинством голосов. [7, p. 712]

Крах «Компании Южных морей» в сентябре 1720 г., превращенной друзьями Стенхоупа в финансовую пирамиду для привлечения средств, необходимых, чтобы погасить национальный долг, разорил десятки тысяч акционеров. Буря возмущения поднялась страшная. Из членов кабинета не пострадал ни материально, ни политически только Роберт Уолпол, и в нем теперь все видели человека, знавшего путь спасения. [18, p. 8]

Когда об этом узнали в городе, в разных районах Лондона собрались толпы народа, требовавшие пересмотра вердикта, так что власти всерьез боялись мятежа и погрома. В этой обстановке Уолпол настоял, что бы перед палатой предстал бывший канцлер казначейства Эйлсби. Судебный процесс над ним продолжался до поздней ночи. Вина Эйлсби была столь очевидна, что палата единогласно признала: «Канцлер поощрял разрушительные действия «Компании Южных морей» с целью извлечения большой прибыли для себя, вступил в сговор с директорами в их пагубных делах к ущербу для торговли и кредлита королевства». [18, p. 713] Депутаты постановили: заключить Эйлсби в Тауэр и конфисковать его имущество для возмещения потерь рядовых акционеров.

В итоге подавляющее большинство членов правительства Великобритании, возглавляемого Стенхоупом, были лишены занимаемых должностей. Некогда могущественный кабинет более не функционировал, ибо кого-то по обвинению в коррупции посадили в Тауэр, кто-то, играя на опережение, подал в отставку, а кое-кто (как отец и сын Краггсы) скоропостижно умер от пережитого стресса.

Уолпол и Тауншенда в тот момент фактически взяли на себя обязанности британского правительства.

После того, как парламент примерно наказал виновных, защитники прав человека (в тогдашнем смысле) подвергли этот суд резкой критике за поспешность и пристрастность. Но даже критики признали, что публичная порка создателей и покровителей "мыльных пузырей" начала XVIII в. способствовали быстрой выработке законов и моральных норм, регулирующих правила работы английских банков и акционерных компаний

Предпринятое в 1721 г. повторное парламентское расследование выявило случаи мошенничества среди директоров компании. Некоторые из обвиняемых бежали за границу. В результате расследования было выявлено, что многие члены парламента брали взятки за голос при принятии королевского акта. По результатам расследования к тюремному заключению были приговорены председатель правления компании Блайт и некоторые сотрудники казначейства. [15, p. 75]

В 1722 г. Чарльз Спенсер предпринял последнею попытку вырвать рычаги власти у Уолпола. Он советовал королю допустить лидеров тори к участию в работе правительства с тем, чтобы разделить их и покончить с их надеждами на возмездие, которые покоились на ожидании поддержки из-за границы. На заседании кабинета министров он также посоветовал королю провести выборы в парламент, которые бы были свободными от правительственных взяток, что не нашло поддержки у сэра Роберта Уолпола, который предвидел вероятность избрания парламента со значительным большинство от тори. Король также отверг это предложение: «Король Георг внимательно посмотрел на Чарльза Спенсера при упоминании парламента, контролируемого тори, ибо ничто не было для него столь отвратительным и устрашающим, как тори». [7, p. 700] Общественное возмущение, связанное к крахом «Компании Южных морей», убедило тори в отсутствии необходимости выискивать средства для участия во всеобщих выборах, так как, по их предположению, якобитское восстание имело высокие шансы на успех, учитывая состояние общественного мнения.

В результате событий начала 1720 гг. сторонники вигской группировки образовали своего рода триумвират: место умершего Джеймса Стенхоупа занял Джон Картерет, Уолпол руководил министерством финансов, Тауншенд ведал внешней политикой (на посту государственного секретаря). [16, p. 230]

Роберт Уолпол, представитель вигов, в связи с махинациями акций «Компании Южных морей» несколько раз предупреждал правительство об опасности экономического краха. Поэтому, когда после банкротства «Компании Южных морей» разразился кризис, он стал естественным кандидатом на пост премьера, которому вменялась задача вернуть нации ее богатства, вложенные в то, что стали впоследствии называть «мыльным пузырем Южных морей».

На волне успеха британский монарх Георг предоставил Уолполу в 1721 г. все полномочия, чтобы он нашел выход из кризисной ситуации. Будучи талантливым финансистом, Уолпол справился с задачей, предотвратив полное банкротство «Компании Южных морей» и вернув экономике стабильность. Полученную власть он смог сохранить и даже расширить в течение двух последующих десятилетий, став первым лицом в британском правительстве.

Таким образом финансовый кризис 1720 г. способствовал упрочению положения Уолпола как ведущего правительственного политика в палате общин. Он успешно решил трудную задачу защиты вигов, вовлеченных в махинации «Компании Южных морей», а смерть Стэнхопа в 1721 г. и Чарльза Спенсера в 1722 г. позволила Уолполу укрепить свои позиции в правительстве и парламенте. Являясь лидером вигов, Уолпол был единственным кандидатом на пост главы кабинета министров, который он возглавил в 1721 г.

Список литературы

1. Ивонина Л. И. Джон Черчилль, герцог Мальборо // Вопросы истории, № 6. 2003. С. 91
2. Anonymus. The Grand Enquiry, or What to be done with him. L., 1712. P. 3
3. Balen M. The King, the Crook and the Gambler. The True Story of the South Sea Bubble and

the Greatest Financial Scandal in History. New York: 2002. P. 112-200

4. Browning R. Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs. L., 1982. P. 189

5. Burnet L, Verney Letters 18th Cent. Wentworth Pprs. P. 307

6. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates". Vol. 6. L., 1810. P. 1068

7. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates". Vol. 7. L., 1811. P. 628-700

8. Colin Nicholson. Writing and the Rise of Finance: Capital Satires of the Early Eighteenth Century. Cambridge., 2004. P. 63

9. Coxe W. Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole, Earl of Orford. Vol. 3. L., 1798.. P. 37.

10. Dale R. The First Crash: Lessons from the South Sea Bubble. L., 2004. P. 40-41

11. Daily Courant of Thursday, November 28, 1734 // Bolingbroke Henry. The famous dedication to the pamphlet, entitled. A dissertation upon parties addressed to the Rt. Hon. Sir Robert Walpole: to which is annexed. L., 1735. P.33

12. Duchess of Ormond to Swift, April 18 1720. Letters, written by Jonathan Swift – D.D. Dean of St Patrick's, Dublin. And several of his friends. From the year 1703-1740. Published from the originals, Vol.2. L., 1767. P. 169

13. Francis J. History of the bank of England, its times and traditions. New York, 1862. P.68

14. Gregg E. and Jones C. Hanover, Pensions and the "Poor Lords"'// Parliamentary History, I. London. 1982 P. 173–180

15. George Baille of Jerviswood to Lord Polwarth. HMC Polwarth, P. 285

16. Hill B. W. Sir Robert Walpole: sole and prime minister. L.,1989. P. 230

17. Kenyon J.P. Revolution Principles: The Politics of Party 1689-1720. Cambridge, 1977. P. 18- 201

18. Lewis M. The South Sea bubble. L.: 1921 P. 8 713

19. Mackay C. Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds L., 2003 P. 65 75

20. Norf. RO, Rolfe mss, Walpole to Edmund Rolfe, , 18 Jan. 1711–12; Wentworth Pprs. P. 234

21. Original papers; containing the secret history of Great Britain, from the restoration, to the accession of the house of Hannover – to which are prefixed extracts from the life of James 2. // The Duke of Marlborough to the Elector. 20 August 1710. Vol. 2. L., 1776. P. 187- 243

22. Pat Rogers.Documenting Eighteenth Century Satire – Pope, Swift, Gay, and Arbuthnot in Historical Context.Cambridge, 2012. P. 189

23. Reports from Committees of the House of Commons which Have Been Printed by Order of the House – And are Not Inserted in the Journals 1715-1801, Volume 13. L., 1803. P. 145

24. Roscoe E. S. Robert Harley earl of oxford prime minister 1710-1714 a study of politics and letters in the age of Anne. L., 1902. P. 162

25. The Correspondence of Isaac Newton, VII. 1718-1727, ed. A. R. Hall and L. Tilling. Cambridge 1977 P. 96-97

26. The South-Sea scheme considered: in a letter to the Right Honble. Robert Walpole. L.,1720 P. 57-59

27. The works of the English poets, from Chaucer to Cowper: including the series edited with prefaces, biographical and critical// Swift poems. The sous sea project 1721. L., 1810 P. 415

28. The Westminster Review. Vol. 37. 1 Jan. 1842. P. 240

29. Walsh P. The South Sea Bubble and Ireland: Money, Banking and Investment, 1690-1721. Woodbridge, 2014. P. 3

30. William D. E. Collection of Statutes Connected with the General Administration of the Law – Arranged According to the Order of Subjects, with Notes, Vol. 6. L., 1836. P. 113

THE "SOUTH SEA COMPANY" COLLAPSE AND ROBERT WALPOLE'S POLITICAL BREAKTHROUGH

The article is devoted to the problem of Robert Walpole's (the leader of the Whigs political grouping) rising to power in Britain in 1721. The internal political struggle that broke out in the parliament between the Tories and the Whigs affected all spheres of life of English society, including the economic one. To win the approval of the Crown and retain their supremacy in the Parliament, the leaders of the Tories went to unprecedented steps to achieve their goals. The Tories created a financial pyramid called the "South Sea Company". However, in 1720, the company went bankrupt and the Tories were forced to admit their political inconsistency. At that crucial moment, a talented parliamentarian, Robert Walpole, emerged from the political opposition. He stabilized the economic situation in the country in the shortest possible time and restored the public's confidence in the state. Because of the successful prevention of the economic crisis, the Crown appointed Walpole to the highest positions in government.
Keywords: Parliament, Tories, Whigs, House of Commons, the "South Seas Company", machinations, a financial pyramid, George I, R. Walpole.

References

1. Ivonina L. I. John Churchill, Duke of Marlborough // Questions of History. No. 6. 2003. P. 91
2. Anonymus. The Grand Enquiry, or What to be done with him. L., 1712. P. 3
3. Balen M. The King, the Crook and the Gambler. The True Story of the South Sea Bubble and the Greatest Financial Scandal in History. New York: 2002. P. 112-200
4. Browning R. Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs. L., 1982. P. 189
5. Burnet L, Verney Letters 18th Cent. Wentworth Pprs. P. 307
6. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates". Vol. 6. L., 1810. P. 1068
7. Cobbett's. Parliamentary history of England. From the Norman conquest, in 1066. To the year, 1803. From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, "Cobbett's Parliamentary debates". Vol. 7. L., 1811. P. 628-700
8. Colin Nicholson. Writing and the Rise of Finance: Capital Satires of the Early Eighteenth Century. Cambridge., 2004. P. 63
9. Coxe W. Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole, Earl of Orford. Vol. 3. L., 1798.. P. 37.
10. Dale R. The First Crash: Lessons from the South Sea Bubble. L., 2004. P. 40-41
11. Daily Courant of Thursday, November 28, 1734 // Bolingbroke Henry. The famous dedication to the pamphlet, entitled. A dissertation upon parties addressed to the Rt. Hon. Sir Robert Walpole: to which is annexed. L., 1735. P.33
12. Duchess of Ormond tou Swift, April 18 1720. Letters, written by Jonathan Swift – D.D. Dean of St Patrick's, Dublin. And several of his friends. From the year 1703-1740. Published from the originals, Vol.2. L., 1767. P. 169
13. Francis J. History of the bank of England, its times and traditions. New York, 1862. P.68
14. Gregg E. and Jones C. Hanover, Pensions and the "Poor Lords"'// Parliamentary History, I. London. 1982 P. 173–180
15. George Baille of Jerviswood to Lord Polwarth. HMC Polwarth, P. 285
16. Hill B. W. Sir Robert Walpole: sole and prime minister. L.,1989. P. 230
17. Kenyon J.P. Revolution Principles: The Politics of Party 1689-1720. Cambridge, 1977. P. 18- 201
18. Lewis M. The South Sea bubble. L.: 1921 P. 8 713
19. Mackay C. Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds L., 2003 P. 65 75
20. Norf. RO, Rolfe mss, Walpole to Edmund Rolfe, , 18 Jan. 1711–12; Wentworth Pprs. P. 234
21. Original papers; containing the secret history of Great Britain, from the restoration, to the accession of the house of Hannover – to which are prefixed extracts from the life of James 2. // The Duke of Marlborough to the Elector. 20 August 1710. Vol. 2. L., 1776. P. 187- 243
22. Pat Rogers.Documenting Eighteenth Century Satire – Pope, Swift, Gay, and Arbuthnot in Historical Context.Cambridge, 2012. P. 189

23. Reports from Committees of the House of Commons which Have Been Printed by Order of the House – And are Not Inserted in the Journals 1715-1801, Volume 13. L., 1803. P. 145

24. Roscoe E. S. Robert Harley earl of oxford prime minister 1710-1714 a study of politics and letters in the age of Anne. L., 1902. P. 162

25. The Correspondence of Isaac Newton, VII. 1718-1727, ed. A. R. Hall and L. Tilling. Cambridge 1977 P. 96-97

26. The South-Sea scheme considered: in a letter to the Right Honble. Robert Walpole. L.,1720 P. 57-59

27. The works of the English poets, from Chaucer to Cowper: including the series edited with prefaces, biographical and critical// Swift poems. The sous sea project 1721. L., 1810 P. 415

28. The Westminster Review. Vol. 37. 1 Jan. 1842. P. 240

29. Walsh P. The South Sea Bubble and Ireland: Money, Banking and Investment, 1690-1721. Woodbridge, 2014. P. 3

30. William D. E. Collection of Statutes Connected with the General Administration of the Law – Arranged According to the Order of Subjects, with Notes, Vol. 6. L., 1836. P. 113

Об авторе

Колмаков Михаил Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kolpak.89@mail.ru

Kolmakov Mikhail Aleksandrovich - postgraduate student of Department of World history, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kolpak.89@mail.ru

УДК 94(470)"980/988

Комаров С.С., преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия) (Одинцовский филиал)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЫБОРА ВИЗАНТИЙСКОЙ МОДЕЛИ ХРИСТИАНСТВА ДРЕВНЕРУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Автором была предпринята попытка выявления особенностей политической составляющей византийской модели христианства, которые оказали влияние на принятие именно ее в качестве государственной религии в Древнерусском государстве. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение; и специальных методов - исторического и сравнительно-правового. В отличие от Западной модели христианства - более централизованной и независимой системы, оказывающей ощутимое влияние на деятельность светских правителей, принятие Древнерусским государством христианства византийского толка, обуславливало не только удовлетворение требований Владимира к единой религии, но и способствовало другим немаловажным факторам, таким как автокефальность, предупреждение протестов и симбиоз с языческими веяниями. Содержание работы может служить основой для дальнейшей научной разработки обозначенной проблематики. Данная работа ориентирована на профессорско-преподавательский состав гуманитарных вузов, аспирантов, соискателей, слушателей и студентов, интересующихся вопросами истории религии, политики и государственного управления России.
Ключевые слова: политика, религия, христианство, православие, Древнерусское государство
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-79-86

На протяжении веков религиозная составляющая в той или иной степени оказывала влияние на политику государств. Нормы вероучений, жречество и ритуалы во многом оказали помощь в формировании светских институтов власти, сакрализуя образ вождя и легитимируя его власть в глазах людей. Сосуществование религии и политики приводит к их взаимопроникновению и создание своего рода симбиотической связи, в ходе которой первичные государственные структуры начинают опираться на мощнейший и повсеместный аппарат духовного влияния. Церковь же, в свою очередь, заручается поддержкой государства для реализации своих целей. Даже в XXI веке, в эпоху секуляризации общества, властным структурам сложно существовать в отрыве от религии. И Российская Федерация – не исключение. Анализ факторов влияния религиозного фактора показывает, что православие с момента его принятия в качестве единой религии оказывало значительное влияние на формирование в российском государстве институтов власти. Наиболее сильно православие повлияло на формирование традиционных властных отношений и специфики отношения к власти в России.

Потребность в укреплении княжеской власти и обеспечение последней стабильности за счет придания ей особого «божественного» статуса, и обеспечение стабильности общества обусловили принятие христианства византийского толка с точки зрения государственного управления. Православие же, уже будучи государственной религией, оказало немаловажное воздействие на политику. Принятие православия способствовало появлению мощного централизованного государства. Православие определило особый вектор развития, минимизировав возможности прямого взаимодействия со странами Западной Европы, а также усилило традиционализм. В современных реалиях религия способствует росту политической лояльности, обеспечивает признание власти и обуславливает воспроизведение традиционных для страны властных отношений.

Конец X века. Осознание того факта, что создать прочное государство на основе язычества не представляется возможным, заставило князя Владимира пойти на поиски религии, отвечавшей новым потребностям древнерусского государства.

Географическое положение на стыке Европы и Азии, в зоне контакта цивилизаций предоставляло Руси широкий выбор из мировых религий, принятие которой определяло бы вектор дальнейшего развития.

Это был выбор между язычеством и мировыми религиями: восточными (иудаизм, ислам) и западными (христианство) вариантами великих религий; восточным и западным вариантами христианства.

Владимиру требовалась религия, которая способствовала бы не только укреплению его власти, но и сыграла роль цемента для разрозненных племен, у каждого из которых, несмотря на проведенные до этого реформы, оставалась крепкая связь с собственными богами и идолами. Иудаизм, несмотря на свою древность, очень долго развивался в условиях враждебного окружения и посему сам довольно враждебно относится к другим религиям. Русский народ не смог бы сложиться в рамках данной религии, поскольку он изначально формировался как политическая нация, объединенная даже не столько религией, сколько образом жизни и единой системой ценностей.

Другим вариантом служило обращение в мусульманскую веру. С геополитической точки зрения, этому помешал факт прекращения арабским миром активной военной экспансии после поражения в 732 г. от франков при Пуатье. А новообращенные народы достраивали исламский мир. Сто – двести лет спустя после этого знаменательного события, арабы больше воевали друг с другом и покоренными народами, записывали своды законов и занимались науками, чем пытались обратить кого-либо в свою веру.

С другой стороны, еще за сто лет до принятия христианства Русь начала испытывать влияние не столько арабской, сколько персидской культуры. Н. Моисеев пишет о том, что Русь была также наследницей эллинского мировосприятия, пришедшего через Византию и Персию [1]. Другими словами, Русь X века была способна воспринять ислам, который мог бы предопределить путь развития государства. Однако Древняя Русь находилась далеко от Багдадского халифата. Более того, центр ислама, в то время переживал политический упадок.

При этом, с точки зрения политики и управления государством ислам мог бы стать государственной религией, стоявшей перед непростым выбором Руси. Согласно исламскому учению, вследствие того, что спасение верующих происходит в не индивидуально, а в умме (религиозной общине), необходимо сплочение сил верующих. Халиф, будучи главой светской власти в государстве является также и проводником воли Аллаха, следовательно, повиновение ему не просто обязательно, это – религиозный долг. Более того, ислам уникален тем, что представляет собой целостную культуру, где каждый элемент, будь то философия или искусство обладают собственной неповторимостью. Другим толчком к принятию религии востока мог стать договор Владимира с Волжской Булгарией от 985 года, согласно которому, стремясь укрепить торговые и военные связи с Волжской Булгарией, Владимир женился на дочери булгарского хана и клятвенно обещал ввести на Руси ислам. Однако князь слово не сдержал и пренебрег договоренностью, что резко испортило отношения с соседом и сделало невозможным попытку принятия ислама, описанную еще среднеазиатским врачом и историком аль-Марвази [2].

Таким образом из всех четырех мировых религий остается только две: христианство византийского толка и католичество.

Христианство византийского толка и его влияние на политику

На момент крещения в 988 году, в качестве государственной религии христианство уже существовало более 600 лет. Впервые это произошло в Великой Армении примерно в 300 году н.э [3]. При императоре Константине I, начиная с эдикта 313 года о свободе вероисповедания христианство стало обретать статус государственной религии и в Римской империи [4]. Таким образом, князь Владимир мог иметь представление о том, каким образом принятие христианства может повлиять на государственное управление его княжества.

Степень изменения принципов и правил ведения политики становится более ясной после осознания того факта, что древнее общество было создано древней религией, религией домашних и городских богов [5].

На начальных этапах своего существования христианство не внесло существенных изменений во внутриполитическую жизнь – это был длительный процесс. В древности существовала неразрывная связь между религией и государством. Религия управляла государством и назначала вождей с помощью жеребьевки или ауспиций. За государством же оставалась «привилегия» наказывать за любое нарушение и отступление от культа города. Христианство же отделяло религию

от управления государством. Так, религия, перестав быть земной, должна была, по сути вещей, меньше вмешиваться в земные дела: «Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу». До этого так четко грань между религией и государством не проводил никто. Христианство разрывает древнюю связь, установленную язычеством, отныне повиноваться цезарю не то же самое, что повиноваться Богу. Три сотни лет существования христианства вне государства позволили выработать ему иммунитет и обходиться без государственной поддержки. Таким образом, церковь к моменту становления государственной религией подходит уже с изрядным запасом опыта и жизненных сил.

С одной стороны, произошло освобождение политики от жестких правил, поставленных древней религией – теперь управление людьми происходило без оглядки на священные обычаи, советы оракулов и прочее. Это давало даже большие выгоды, нежели язычество – получалось, что теперь ни одна другая власть, кроме нравственного закона, не стесняла политическую деятельность главы государства, пусть, как учит история, и ненадолго.

С другой стороны, хоть государство и могло почувствовать себя более самостоятельным в решении некоторых вопросов, но его власть, на самом деле, становилась даже несколько более ограниченной. Причина кроется в самой сути христианства. Библейское учение гласит о том, что только часть человека принадлежит обществу, только его тело и материальные интересы; но что касается души, то она свободна и связана только с Богом. Казалось бы, небольшая ремарка в последствии сыграет большую роль не только в мировой истории в целом, но и при выборе Владимиром будущей веры, в частности.

Причины выбора православия и отказа от западной модели христианства

Так какие же причины заставили Владимира отказаться от западной версии христианства?

Во-первых, это тот факт, что формально, римская церковь считалась старшей, а константинопольский патриарх признавал главенство римского престола. Как следствие, это означало подчинение Риму и императорам Священной Римской империи.

Также, римская церковь представляла собой мощную централизованную систему, которая оказывает сильное влияние на власть светских правителей. В доказательство своей особой власти папа ссылался и на так называемый «Дар Константина» — документ, согласно которому будто бы первый христианский император навеки подарил Рим папам [6]. Таким образом, делается вывод о том, что в руках Папы находится материальная сила других европейских правителей.

В римской церкви существует в качестве нормы целибат. Целибатное духовенство образовывает особое сословие, которое подчиняется исключительно папской власти и само встает на охрану своих прав и привилегий, что должно было идти в разрез с желанием Владимира создать единое государство не только с единой для всех религией, но и неоспоримой государственной властью. Проблема целибата в том, что оно «выключает» духовенство из мирской жизни, такое духовенство блюдет интересы церковной организации и пополняет свои ряды из низших слоев населения. Любое посягательство на права вызывает ответную реакцию, поддерживаемую извне. Более того, подобное гарантирование прав оказывает влияние на остальные сословия, вновь, тем самым, мешая созданию системы всеобщего подчинения всех государству.

Другой потенциальной немаловажной причиной отказа Владимира от принятия западной ветви христианства мог послужить факт использования латинского языка во время богослужения. В восточном же христианстве к тому времени огромная часть церковной литературы получила перевод на язык, который сейчас называют церковнославянским; это делало более легкими и приобщение к новой вере, и богослужебную практику. Можно сделать вывод: восточное христианство оказалось для Руси ближе прочих вариантов этнически и по языку.

Что же касается непосредственно государственного управления и политики, как отмечалось выше, Папа Римский стоял над государствами. В начале X века в средневековой Европе действовал так называемый принцип «двух мечей». Данная теория была выдвинута папой Геласием I.

Геласий, следуя римской традиции, говорил о том, что власть церкви была

auctoritas — законодательной, а власть императора — porestas — исполнительной [7]. Несмотря на тот факт, что в реалиях конца V века Геласий признавал политическое верховенство короля-арианина Теодориха. В послании к Анастасию он указывал, что в мире есть две власти: светская и духовная. В религиозных вопросах правители должны слушаться епископов, а в светских делах епископы должны подчиняться правителям [8]. Другими словами, папство от Бога получило два меча или символа власти. Меч мирской папство вручило монархам, а духовный – оставило у себя, при этом мирской властью можно было пользоваться только под присмотром церкви. Более того, монархи не могли навязывать свою власть папам. Свидетельством этому является тот факт, что в XII и XIII веках короли Болгарии, Польши, Венгрии рассматривали свои королевства как ленное владение папы. Также они приносили ему клятву верности. Можно отметить, что во многих государствах, особенно в Италии и Германии, католическая церковь располагала территориями, на которых она осуществляла государственную власть [9].

Прекрасным примером «взаимосвязи» церкви и государства может послужить Георгий VII и император Священной Римской империи германской нации Генрих IV. Последнему дня того, чтобы снять с себя опалу пришлось три дня стоять перед своим замком в Каноссе босым в одежде кающегося грешника. Генриху IV пришлось сделать заявление о том, что папы могут низлагать императоров, но никто не вправе судить пап. А также, что тот, кто не согласен с римским папой, не считается католиком. Папа римский стал обладать правом освобождения от присяги людей неугодных владыкам. Папа Иннокентий III утверждал: «Мы (папы) призваны господствовать над всеми народами и царствами» [10].

В данной теории заложена прямая отсылка к тому, как в католическом понимании существует церковь. В католическом понимании «церковь», которая понимается как совокупность клира и монашества, отделена от мира. Данный факт подтверждается институтом целибата клира. Внешние взаимодействия клира с миром четко регламентированы и структурированы. Подобного рода система образует «стену» между «двумя градами» [11].

Если «первый град» - это сама церковь в католическом понимании, то «второй град» есть государство, то есть совокупность правящего класса. При этом простой народ относится к внешней зоне, не участвующей во взаимодействии «двух градов».

Таким образом, с течением времени римские папы, участвовавшие в связях с конгломератом западных князей, становятся тем ядром, что обеспечивало единство западного христианского мира и поддерживало определенный конфессионально-культурный централизм [12]. Стоит также упомянуть, что сам централизм в качестве своей опоры использовал иерархическую структуру католического клира, который сам по себе обладал признаками государства: четкая организация власти, единое информационное поле и единый язык. По большому счету, на протяжении трех веков, начиная с V века Западная Европа имела модель, в той или иной степени сходную с «теократией».

На этом моменте, фактически, и воплощается в жизнь теория «двух мечей». Произошло это в момент официального помазания на царскую инвеституру Пипина Короткого, тем самым отдав под политико-административный контроль пап бывший Равеннский экзархат, что положило начало Папскому государству. Авторитет папства в управлении государственными делами еще более возрос после коронации Карла Великого. С 962 г. германские короли также получали короны императоров Священной Римской империи из рук римских пап.

Система, подразумевающая подотчетность не просто в отношении «старших» императоров, но и перед развитым институтом церкви, вкупе с вольностями целибатного духовенства на фоне повсеместного вмешательства Рима в дела государств, была не самым привлекательным вариантом для Руси конца X века. Великому князю нужна была объединяющая религия, которая своими цементирующими свойствами помогала бы власти соединить воедино раздробленный организм княжеств. Таким требованиям отвечало только христианство византийского толка. Именно там, в Византии, «церковь, по существу, стала одним из подразделений средневекового Восточноримского государства» [13].

Стоит предположить, что подобного рода тоталитарная концентрация политической власти, по мнению Владимира, была единственным шансом государства на выживание.

С другой стороны, при условии вхождения новообращенного государства в сферу влияния Вселенского патриарха Константинопольского, ему пришлось бы также по определению признать политическое верховенство восточноримского императора. Одним из предполагаемых путей решения этой проблемы могло бы послужить назначение собственного, подчиненного только Великому Князю, патриарха. Таким образом, Владимир фактически имел бы право претендовать на равное с императором положение, что было непереносимо для императора. Британский историк и философ истории Арнольд Тойнби приходит к выводу, что «эта дилемма, однако, нимало не беспокоила новообращенного русского князя Владимира, равно как и его наследников, ибо отдаленность Руси от Константинополя лишила остроты теоретическое верховенство восточноримского императора». Владимира интересовали куда более прагматичные вещи, а именно то, каким образом православие и византийская система управления могут ему помочь в деле объединения племен.

Довольно важен тот факт, что наличие языческих веяний в византийском православии обосновывало идею обожествления императора. Двухсотлетняя борьба между императорской властью и Церковью окончилась тем, что Православная Церковь во главе с патриархом попала в зависимость от императорской власти, несмотря на то, что идеалом была признана симфония духовной и светской властей. Таким образом, к моменту крещения Руси в Византии установился цезаропапизм [14]. В условиях цезарепапизма глава государства, как правило, император, выступал главой Церкви. Согласно католической точке зрения, цезарепапизм возник в Византийской империи при Юстиниане I, которого они, в отличие от православных, не признают святым.

Так в статье З.В. Удальцовой и Л.А. Котельниковой «Власть и авторитет в средние века» отмечается своеобразие Византийской модели отношений государства и Церкви, сравнивая их с Западной; отмечается также большая зависимость Церкви от государства. По мнению авторов, «Именно в ранней Византии были заложены теоретические основы господствовавшей долгое время в империи политической теории симфонии, гармоничных отношений между православной церковью и христианским императором. С Византийской империей связывается идея ее христианской, провиденциальной избранности. «Культ императора — правителя всей православной ойкумены и культ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительной Византийской государственности — вот фундамент, на котором строилось понимание верховной власти в Византии» [15].

И все же это не было беспрекословное подчинение одного института другому, эта была симфония, где роль первой скрипки отводилась государству.

Классическая византийская формула взаимоотношений между государственной и церковной властью заключена в "Эпанагоге" [16] (вторая половина IX в.): «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства».

Однако существует еще один факт, который безусловно, удовлетворял требованиям Владимира, предъявляемым религии с позиции укрепления государства – будучи не привязанной к титульной нации, совершенно равнодушной к своему племенному и этнографическому составу и при этом, предоставляя различным национальностям гражданство и возможность оспаривать права на первенство, Византия успешно существовала многие века после распада Западной Римской империи. Этот загадочный для многих факт находит себе полное объяснение в том, что в основе всей жизни в ее разнообразных проявлениях лежала великая нравственная сила, восполнявшая недостаток национального единства, связывавшая узами, не уступавшими по крепости племенным узам [17]. Этой силой являлось православие и то взаимодействие, которое было описано выше.

Христианство византийского толка в условиях цезаропапизма не могло не удовлетворять потребности Великого Князя в поощрении признания власти главы государства.

Православие не просто стремилось обеспечить стабильность общества, оно осуждало как социальный протест, бунты и восстания [18]. Более того, религия, пришедшая к нам из Византии, автоматически переносила на отечественные реалии их установления: авторитарная власть, использование религии для поучения человека, а не для объяснения мира, а также стремление воплотить в мирской жизни божественный идеал.

Христианство становилось основой государственности, а защита Руси как христианского государства – подвиг во имя веры. Власть князя освящалась церковью, а многие князья канонизировались после смерти за свои заслуги перед государством [19]. Христианское самосознание было важным элементом династического самосознания киевских князей. Христианская вера укрепляла уверенность русских князей в их предназначении, она уравнивала их власть с властью византийских императоров.

Помимо укрепления княжеской власти, сплавления разрозненных племен и обеспечения стабильности общества, церковь могла помочь в решении более насущных проблем управления, в частности, в усовершенствовании судебной системы. При условии принятия христианства византийского толка, преступления против нравственности и веры подлежали отныне суду не княжескому, а церковному, что несколько разгружало князя.

Таким образом принятие православия способствовало не только появлению мощного централизованного государства, но и создавало предпосылки к возникновению самодержавной власти - русские митрополиты, а затем и патриархи по византийскому образцу подчинились государям. Более того, обремененное семьями и передающее свою профессию по наследству православное духовенство, не сдерживало злоупотреблений царской власти и не способствовало созданию в обществе атмосферы социальной защищенности различных сословий.

Автокефальность *русской православной церкви, в свою очередь, позволила минимизировать количество контактов с другими православными* нерусскими и иными церквями, следствием этого стала определенная культурная замкнутость. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что богослужение велось на славянском языке, в то время как греческий и латинский языки открывали мир античной цивилизации и могли способствовать обмену информацией между различными частями мира. Этот фактор вкупе с наложением православия на прежние традиции, усилил и без того сильный традиционализм, что в свою очередь в еще большей степени упростило осуществление власти.

Список литературы

1. Моисеев, Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня...: Свободные размышления, 1917-1993. / Н.Н. Моисеев. – Москва : Тайдекс Ко, 2002. - 488 с.

2. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации / Толстов С.П. - Москва: Издательство АН СССР, 1948. [Электронный ресурс] / Толстов С.П. //. 2017. - 01 марта. – Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/expedetion/Tolstov/?id=1776

3. Global.britannica.com [Электронный ресурс] : Энциклопедия Британника. Статья: Armenian Apostolic Church. – Режим доступа: https://global.britannica.com/topic/Armenian-Apostolic-Church (дата обращения 04.03.2017)

4. Карташёв А. В. Вселенские соборы / Карташёв А.В. - Москва: Эксмо, 2006. — 672 с.

5. Фюстель де Куланж Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. - Москва: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. - 414 с.

6. Протопресвитер Александр Шмеман Исторический путь православия [Электронный ресурс] / Александр Шмеман. -2017. – 12 марта. – Режим доступа: http://predanie.ru/shmeman-aleksandr-protoierey/book/68235-istoricheskiy-put-pravoslaviya/

7. Сардарян Г.Т. Понятие, сущность и основные этапы развития католической социальной доктрины / Г.Т.Сардарян // Политика и общество. - 2016. - № 5. - с. 640-645.

8. Ковальский Я.В. Папы и папство / Ковальский Ян Веруш. – Москва : Издательство политической литературы, 1991. – 240 с.

9. Azvem.com [Электронный ресурс]: Католическая церковь и её влияние на государственно-правовое развитие стран Западной Европы. - Режим доступа : http://azvem.com/katolicheskaya-

cerkov-i-eyo-vliyanie-na-gosudarstvenno-pravovoe-razvitie-stran-zapadnoj-evropy (дата обращения: 20.03 2017)

10. Агибалова Е.В. История средних веков / Донской Г.М., Агибалова Е.В. - Москва: Просвещение, 1981. - 296 с.

11. Тойнби А.Д. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / Арнольд Джозеф Тойнби. – Владимир : АСТ: Астрель, 2011. – 318 с.

12. Сардарян Г.Т. О политической этике и мировом демократическом развитии / Г.Т. Сардарян // Политика и Общество. — 2014. - № 10. - С.1212-1218. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.10.13067

13. Успенский Ф. И. История Византийской империи : В 3 т. Т.1. / Федор Успенский – Москва: АСТ, Астрель, 2011. – 640 с.

14. Удальцова З.В. Власть и авторитет в средние века / Удальцова З.В., Котельникова Л.А., Византийский временник. Т.47. - Доклад на XVII МКИН в Штутгарте, 1986

15. Византийский сборник законов конца IX века. Составлен от имени императора Василия I и его сыновей Льва и Александра. В написании принимал участие Патриарх Фотий.

16. Н.А. Скабалланович Византийское государство и Церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина / Н.А. Скабалланович. – СПб: Издательство Олега Абышко, 2004. - 414 с.

17. Миронов А.В. Основы религиоведения: Рабочая книга преподавателя и студента / Миронов А.В., Бабинов Ю.А Социально-политический журнал. - 1999. №3. 46 с.

18. RoyalLib.Com [Электронный ресурс] : Мень А. История религии в поисках Пути, Истины и Жизни / электронная библиотека RoyalLib. – Москва, 2010-2017. - Режим доступа: http://royallib.com/read/men_aleksandr/istoriya_religii_v_poiskah_puti_istini_i_gizni.html#0

19. Свистунов М. Н. О влиянии русской Православной Церкви на формирование основ русской цивилизации / Свистунов М. Н. - Социально-гуманитарные знания. 2004. №1. 78 с.

POLITICAL COMPONENT OF THE CHOICE OF THE BYZANTINE MODEL OF CHRISTIANITY BY THE OLD RUSSIAN STATE

The author has made an attempt to find out some characteristic features of the political component of the Byzantine model of Christianity which exerted influence on acceptance this very model as the state religion in the Old Russian state.The methodological basis of the research is made by a complex of general scientific methods such as analysis, synthesis, comparison; and special methods - historical and comparative-legal. Unlike the Western model of Christianity – a more centralized and independent system exerting notable impact on the activity of secular governors, the adoption of Christianity of the Byzantine dissent by the Old Russian state caused not only meeting Vladimir's requirements of a uniform religion, but also promoted other important factors such as autocephaly, prevention of protests and symbiosis with pagan trends.The content of the work can form a basis for further scientific development of the designated perspective. This work is focused on the faculty of the liberal arts colleges, graduate students, external doctoral candidates, course participants and students who are interested in the history of religion, politics and public administration of Russia
Keywords: politics, religion, Christianity, Orthodoxy, Old Russian state

References

1. Moiseev, N.N. (2002). Kak daleko do zavtrashnego dnja...: Svobodnye razmyshlenija, 1917-1993 [How far it is till tomorrow...: Free reflections, 1917-1993]. / N.N. Moiseev. Moskva : Tajdeks Ko, - 488 s.

2. Tolstov, S. P. (2017). Po sledam drevnehorezmijskoj civilizacii [In the footsteps of the ancient Chorasmian civilization]. / Tolstov S.P. - Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. [Jelektronnyj resurs] / Tolstov S.P. 01 marta. Rezhim dostupa: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/expedetion/Tolstov/?id=1776

3. Global.britannica.com [Jelektronnyj resurs] : Jenciklopedija Britannika. Stat'ja: Armenian Apostolic Church [Encyclopedia Britannic. Article: Armenian Apostolic Church]. – Rezhim dostupa: https://global.britannica.com/topic/Armenian-Apostolic-Church (data obrashhenija 04.03.2017)

4. Kartashjov, A. V. (2006). Vselenskie sobory [Ecumenical Councils]. / Kartashjov A.V. Moskva: Jeksmo, 672 s.

5. Fjustel' de Kulanzh, N.-D. (2010). Drevnij gorod. Religija, zakony, instituty Grecii i Rima

[Ancient city. Religion, laws, institutes of Greece and Rome]. / Per. s angl. L.A. Igorevskogo. - Moskva: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 414 s.

6. Protopresviter Aleksandr Shmeman. Istoricheskij put' pravoslavija [Protopresbyter Alexander Shmeman. Historical way of Orthodoxy]. [Jelektronnyj resurs] / Aleksandr Shmeman. -2017. – 12 marta. – Rezhim dostupa: http://predanie.ru/shmeman-aleksandr-protoierey/book/68235-istoricheskiy-put-pravoslaviya/

7. Sardarjan, G.T. (2016). Ponjatie, sushhnost' i osnovnye jetapy razvitija katolicheskoj social'noj doktriny [Concept, essence and main stages of development of the Catholic social doctrine]. / G.T.Sardarjan // Politika i obshhestvo. № 5. s. 640-645.

8. Koval'skij, Ja.V. (1991). Papy i papstvo [Popes and papacy]/ Koval'skij Jan Verush. – Moskva : Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 240 s.

9. Azvem.com [Jelektronnyj resurs] : Katolicheskaja cerkov' i ejo vlijanie na gosudarstvenno-pravovoe razvitie stran Zapadnoj Evropy [Catholic church and its influence on state and legal development of the countries of Western Europe]. - Rezhim dostupa : http://azvem.com/katolicheskaya-cerkov-i-eyo-vliyanie-na-gosudarstvenno-pravovoe-razvitie-stran-zapadnoj-evropy (data obrashhenija: 20.03 2017)

10. Agibalova, E.V. (1981). Istorija srednih vekov [History of the Middle Ages]. / Donskoj G.M., Agibalova E.V. - Moskva: Prosveshhenie, 296 c.

11. Tojnbi, A.D. (2011). Civilizacija pered sudom istorii. Mir i Zapad [Civilization before the court of history. World and West]. / Arnol'd Dzhozef Tojnbi. – Vladimir : ACT: Astrel', 2011. – 318 s.

12. Sardarjan, G.T. (2014). O politicheskoj jetike i mirovom demokraticheskom razvitii [About political ethics and world democratic development]. / G.T. Sardarjan // Politika i Obshhestvo. № 10. S.1212-1218. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.10.13067

13. Uspenskij, F. I. (2011). Istorija Vizantijskoj imperii [History of the Byzantine empire]: V 3 t. T.1. / Fedor Uspenskij – Moskva: AST, Astrel', 640 s.

14. Udal'cova, Z.V. (1986). Vlast' i avtoritet v srednie veka [The power and the authority in the Middle Ages]. / Udal'cova Z.V., Kotel'nikova L.A., Vizantijskij vremennik. T.47. - Doklad na XVII MKIN v Shtutgarte.

15. Vizantijskij sbornik zakonov konca IX veka [Byzantine collection of laws of the end of the IXth century]. Sostavlen ot imeni imperatora Vasilija I i ego synovej L'va i Aleksandra. V napisanii prinimal uchastie Patriarh Fotij.

16. Skaballanovich, N.A. (2004). Vizantijskoe gosudarstvo i Cerkov' v XI veke ot smerti Vasilija II Bolgarobojcy do vocarenija Alekseja I Komnina [The Byzantine state and Church in the 11th century from Vasily II Bolgaroboyets's death to Alexis I Komnin's accession]. / N.A. Skaballanovich. – SPb: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 414 s.

17. Mironov, A.V.(1999). Osnovy religiovedenija: Rabochaja kniga prepodavatelja i studenta [Fundamentals of religious studies: Workbook of the teacher and student]. / Mironov A.V., Babinov Ju.A Social'no-politicheskij zhurnal. №3. 46 s.

18. RoyalLib.Com [Jelektronnyj resurs] : Men' A. Istorija religii v poiskah Puti, Istiny i Zhizni [History of religion in search of the Way, the Truth and the Live]. / jelektronnaja biblioteka RoyalLib. – Moskva, 2010-2017. - Rezhim dostupa: http://royallib.com/read/men_aleksandr/istoriya_religii_v_poiskah_puti_istini_i_gizni.html#0

19. Svistunov, M. N. (2004). O vlijanii russkoj Pravoslavnoj Cerkvi na formirovanie osnov russkoj civilizacii [On the influence of Russian Orthodox Church on formation of bases of the Russian civilization]. / Svistunov M. N. - Social'no-gumanitarnye znanija. №1. 78 s.

Об авторе

Комаров Сергей Сергеевич – преподаватель кафедры государственного муниципального управления и социальных процессов Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия) (Одинцовский филиал), E-mail: s.komarov@inno.mgimo.ru

Komarov Sergey Sergeevich – teacher of the Department of the Public Municipal Administration and Social Processes Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia) (Odintsovo Branch), E-mail: s.komarov@inno.mgimo.ru

УДК 94+930(47+57)«19»

Крупенкин Е.Н., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье на основе сравнительного анализа работ преимущественно отечественных ученых рассматривается современное состояние концепции фронтира в России. Опираясь на классическое определение фронтира, отечественные исследователи расширили понимание фронтира, выделив ряд черт, критериев. Вместе с этим, в отечественной науке концепция фронтира начала развиваться только в последние четверть века. В статье сделана попытка объединить наиболее важные определения современных отечественных исследователей данной концепции и выявить основополагающие элементы фронтира. Так как концепция применима для процесса расширения границ в самом широком смысле этого слова («свой – чужой»), то представляется возможным применение ее в изучении процесса расширения российских имперских границ на окраинах Российской империи. Для этого необходимы четкие критерии фронтира; важно определить его типы, чтобы изучая процесс продвижения Российской империи к своим рубежам, вычленить составляющие ее внутренней и внешней политики. Азиатское направление российской внешней, а затем и внутренней политики требует особого рассмотрения, т.к. оно с точки зрения теории фронтира никогда не изучалось. Сегодня, когда историческая наука накопила значительный нарративный материал по истории колонизации, его интерпретация с помощью фронтирной методологии представляется актуальным и интересным.

Ключевые слова: фронтир, Ф.Дж. Тернер, Российская империя, XIX век, колонизация, типологизация фронтира, критерии фронтира, граница.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93

С того момента, когда американский историк Фредерик Джексон Тернер в 1893 г. впервые предложил на суд профессионального сообщества свою фундаментальную концепцию «фронтира» («границы») в американской истории, она существенно расширилась.

Изначально термином «фронтир» (граница, рубеж) автор хотел обозначить историческое значение приграничной полосы или область «свободных земель во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась… на Запад» [9, с. 7]. При этом окраины являлись «внешним краем волны – местом контакта дикости и цивилизации» [9, с. 15].

Цивилизаторами являлись переселенцы с Европы и с Атлантического побережья США.

В нашей стране в советский период под влиянием формационного подхода к историческому процессу данная концепция не получила своего развития. Но в 1990-е г. российская историческая наука открыла для себя и это направление. Если западные исследователи в достаточной мере освоили этот подход в интерпретации событий прошлого и накопили большой опыт, то в России его серьезная разработка началась в последние несколько десятилетий, когда наука освободилась от идеологических штампов.

Ф. Дж. Тернер, в свое время предложив этот подход при характеристике западными колонистами освоения Нового Света, не сделал его закрытым. Концепция фронтира представляется интересной не только в отношении понимания истории колонизации Северной Америки, но и Южной Америки, Австралии, Африки. С некоторыми оговорками, доработками современные отечественные исследователи пытаются доказать применимость этого подхода и к российской истории. Российская империя в XIX в., существенно расширив свои владения в Средней Азии, оказалась в новых условиях, которые сегодня можно попытаться интерпретировать, используя фронтирный подход.

Поскольку данная концепция в российской историографии получила развитие в последние четверть века, исследователи только формируют ее контуры, разрабатывают критерии. Плодотворными оказались современные исследования по истории Сибири, Северного Кавказа, Прикаспийского региона. Применяя концепцию фронтира, исследователи рассматривали освоение этих окраин как аналог американского фронтира. В ряде научных статей объектом фронтирного подхода явилась, например, Сибирь [Например, 4, 5, 10].

Так же, по результатам международной научной конференции “Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)”, проведенной в 1996 году в Томском государственном университете был издан сборник статьей, посвященный проблемам сравнительного изучения освоения Североамериканского континента и Сибири [1]. Среднеазиатское направление на конференции затронуто не было.

Помимо метода анализа в статье были использованы: сравнительный метод, позволивший выявить различие в методологии исследователей российского фронтира; типологический, способствовавший пониманию того, как представители различных научных направлений формулируют свои критерии фронтирной методологии и отвечают на критические замечания других исследователей; системный метод, дающий возможность рассмотреть феномен фронтира в контексте условий времени его изучения, а так же дисциплинарной принадлежности авторов-исследователей.

Работы российских исследователей показывают, что в современной отечественной литературе концепция фронтира только недавно начала развиваться, соответственно, эвристические возможности для разработки концепции в российской науке лежат в очень широкой плоскости и на междисциплинарном уровне. Это не только дает возможность использования многочисленных и разнообразных методик исследования в исторической науке, но такое многообразие усложняет работу, так как возникает необходимость выборки подходящих в условиях эволюции самой методологии фронтира.

Видный омский ученый А.В. Ремнев, обращаясь в основном к теме колонизации и управления Сибири и лишь частично к управлению Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствам, сделал вывод, что задачи государства были более узкими, а именно они преследовали цель колонизировать все пространство восточнее Уральских гор. Напомним, что южные части этих двух генерал-губернаторств после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. вошли в состав последнего. Основной акцент исследователь сделал на крестьянское переселение [6. с. 59]. Привлекая разнообразный материал региональных и столичных архивов, он показал, что государство крестьянам отдавало роль культуртрегеров в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской областях. Подтверждается это выводами Степной комиссии, которая заключала, что их роль «будет иметь благодетельное влияние на быт народа и подготовит его к полному соединению с Россиею. В этих видах колонизация русским населением киргизских степей… имеет важное значение для всего государства» [Цит. по: 6. с. 60]. Но такая политика наталкивалась на ряд проблем. В.В. Шевцов, исследуя сибирскую периодическую печать второй половины XIX – начала XX в., показал, что на страницах губернских ведомостей Сибири этому процессу отводили важное значение. Также автор пришел к выводу о том, что авторы XIX в. понимали, что «…препятствием же к этому [колонизации] были слабое развитие образования, административно-бюрократические методы управления, неразвитость общественной жизни» [11, с. 219]. Подобные проблемы были не только в Сибири, но и проявлялись на всех окраинах Российской империи.

Колонизация – это одна из базовых характеристик фронтирной концепции. Ф. Дж. Тернер термином «фронтир» (frontier – граница, рубеж) обозначал осваиваемую колонистами приграничную полосу «свободных земель» во внутренних районах Северной Америки, которая постоянно менялась, отодвигалась («подвижная граница») в ходе экспансии на Запад. Таким образом, он придавал концепции прежде всего историко-географическое значение с вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими мотивами переселенцев. Со временем, когда «фронтир» достиг своего географического предела, ученные уже разных направлений использовали эту концепцию в социокультурном значении, а идеи фронтира стали разрабатываться не только географами и историками, но и психологами, и философами, что позволило концепции выйти на междисциплинарный уровень.

В самой типологизации фронтира сегодня нет единого мнения, а типов (видов) фронтира выделено несколько десятков. Один из последователей Ф. Дж. Тернера Р.А. Биллингтон выделил до 20 типов (траперский, торговый, шахтерский и т.д.), которые в основном носят хозяйственный характер

[16]. Российские ученые также пытались выделить его виды, например, внешний, внутренний, внутрицивилизационный [13. с. 101]. Современные отечественные исследователи О.С. Якушенкова, С.Н. Якушенков, А.П. Романова на примере сравнительного анализа американского фронтира в Северной Америке и российского на Кавказе выделили четыре этапа фронтира: ранний фронтир, фронтир, постфронтир, рефронтир [14, 15]. Такую этапированность в рамках исторического подхода считаем резонной и логичной.

Хотя в работах Тернера диффузно и содержатся такие признаки фронтира, как «…окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т. д.» [7. с. 5], вместе с тем интересной с научной точки зрения, является и систематизация фронтирных характеристик сибирским философом И.П. Басалаевой [3]. Автор заметила, что: «Само понятие «фронтир» недостаточно концептуализированно: в большинстве… работ оно как нечто самоочевидное вообще не определяется, либо определяется не вполне понятно; имеющиеся «типологии» фронтира выполнены с превышением меры метафоричности и вне единого основания. Внутринаучная полемика по теоретическим аспектам концепции бедна. Все это существенно препятствует пониманию фронтира как внутренне целостного социального процесса…» [Там же. с. 46]. Вместе с этим она выделила центральную неразрешенную проблему «…отсутствия четких критериев фронтира». Исследователь фронтира И.П. Басалаева попыталась осуществить интервенции в поле социологии, теоретической географии, философии, в поле, занимающееся пространственностью как таковой. Таким образом, она выделила ряд следующих критериев: 1) этнокультурная неоднородность групп и территорий; 2) неравная численность фронтирующих групп; 3) амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтирующих групп; 4) изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтирующей группе; 5) дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтирных групп; 6) маргинальное («окраинное», «украинное») геополитическое расположение фронтирной территории; 7) отсутствие четких границ (государственных, внутренних); 8) квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонирующих пространство фронтира); 9) центрирование фронтирной зоны очагами «городской жизни» (локальных эпицентров имперского влияния); 10) де-факто колониальный статус территории; 11) отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики; 12) номинальный характер государственной власти; 13) отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры; 14) компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент; 15) «административное бесправие» и произвол; 16) более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения.

Н.Ю. Замятина обобщенно охарактеризовала фронтир как «зону неустойчивого развития» [Цит. по: 2. с. 55]. Л.В. Баева в своей статье [Там же. с. 55], поясняя особенности всех смысловых значений фронтира, выделила следующие основные виды: цивилизационный (в классическом варианте - территория подвижной границы между «цивилизацией» и «дикостью»), межкультурный фронтир (как пограничье между культурами), конфессиональный («область проникновения той или иной религиозной системы на новые для нее территории» с вытекающим отсюда доминированием одной религиозной системы над другой), этнический (антропологический, область взаимодействия двух или более этносов), языковой (лингвистический, область проникновения нового языка), ментальный (теоретический, парадигмальный; граница между разными духовными традициями); военно-политический (зона влияния или расположения военных сил); технологический (область перехода из одного технологического уклада в другой); информационный (область проникновения новой информации); ценностный (область встречи двух или более ценностных систем с возможной будущей трансформацией). Автор приходит к выводу о том, что указанные ею виды фронтиров не проявляются одиночно и на практике они встречаются в совокупности, налагаясь один на другой.

Как видим, современные ученые существенно расширили концепцию, выделили этапы фронтира и его виды, попытались разработать базовые признаки концепции, так как критерии, выделенные Тернером, не всегда удовлетворяют понятию «фронтир», использующемуся сегодня в более широком смысле. Сегодня основной посыл исследователями делается на то, что граница-фронтир уже не является просто линейным административно-географическим рубежом государства. Фронтир проявляет себя как явление между “своими” и “другими” с необязательными картографическими линиями границы. Профессор Центральноевропейского университета в Будапеште Альфред Рибер (Alfred J. Rieber), используя компаративистский подход, в своей статье заключает, что «тернеровское представление о границе, как о разделительной линии между “дикостью” и “цивилизацией” или как поступательного движения в “пустые земли” под воздействием антропологии, превратилось в концепцию границы как зоны взаимодействия, которое вовлекает два или более ранее замкнутых общества в разнообразные культурные и торговые “пограничные обмены”» [8. с. 214]. Для такой зоны контакта, которая характерна не только для окраин Российской империи, но и для периферии Китайской и Британской империй (например, северо-запад Индии), он ввел понятие “пористая граница”, для которой четкую грань провести сложнее. По его мнению, «Российская и Китайская империи демонстрировали скорее тенденцию к ассимиляции или сосуществованию с завоеванными народами и их культурами, нежели к изгнанию или уничтожению населения приобретенных территорий, как это произошло в случае США, Канады, Австралии и Новой Зеландии» [Там же. с. 213].

Обобщая различные исследования по изучению границы в Северной Америке, Южной Африке, Австралии, А. Рибер вывел методологическую формулу, «основанную на трех фундаментальных элементах: с точки зрения географии и пространства [разрядка - Е.К.], граница рассматривалась скорее как зона, насыщенная возможностями, привлекательностью и ресурсами, нежели как линия; с культурной точки зрения, граница виделась как взаимопроникновение двух прежде замкнутых обществ, одно из которых являлось коренным, а другое – наступающим; с процессуальной точки зрения, история границы выступала как процесс, начинавшийся с открытия границы в результате прибытия представителей наступающего общества и заканчивающийся закрытием границы и установлением политической гегемонии посредством уничтожения (Тасмания), изгнания (регион за Миссисипи), подчинения (Южная Африка), либо инкорпорации (Бразилия) местного населения» [Там же. с. 216]. Для российского фронтира по всему периметру государства, применимы все три указанных элемента. Относительно последнего элемента важно заметить, что политическая гегемония в нашей стране достигалась посредством подчинения и постепенной инкорпорации местного населения, уничтожение и изгнание ни центральным правительством, ни местной администрацией не допускалось. Местная администрация в лице генерал-губернаторов обладала гораздо большими полномочиями, чем руководители центральных губерний. Например, в Сибири, как заметил В.В. Шевцов: «близость большой политики в большей степени ощущалась в Восточной Сибири, которая являлась еще осваиваемым пограничным регионом, в котором генерал-губернаторская власть была призвана не только управлять двумя крупнейшими губерниями – Енисейской и Иркутской, но и представлять стратегические интересны всей Российской империи в отношениях с восточными соседями, руководить укреплением новых границ и содержать войска в повышенной боевой готовности» [11, с. 219].

Российское государство, как отмечает Л.И. Шерстова, формировалось как «централизованное, но полиэтничное образование», в котором вместе с «государствообразующим» этносом «проживали и другие народы» [12. с. 193]. Учитывая, что формирование полиэтничных государств всегда сопровождалось территориальными изменениями (чаще – приобретениями), а следовательно – включением все больших этических групп, то в этом процессе имелось свое отличие в виде зависимого положения включенных этнических групп. Как пишет исследовательница, «особенностью поло-

жения… групп…, было минимальное вмешательство власти в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу» [12, с. 193]. Но даже не смотря на господствующую «концепцию эволюционизма», оправдывавшую «обязательное вмешательство европейцев в жизнь «примитивных» народов, т.е. политику колониализма», Л.И. Шерстова на примере «Устава об управлении инородцев» (1822) приводит пример определенных прав аборигенов Сибири на земли, самоуправление, на обычное право и свободу вероисповедания [12, с. 193]. Это может служить отличительной особенностью российского фронтира и примером успешной инкорпорации присоединенных территорий и народов.

Применение фронтирной методологии, в целом, целесообразно в настоящее время для изучения процессов, происходивших во второй половине XIX в. на центральноазиатском направлении российской внешней, а затем и внутренней политики (после присоединения Средней Азии). Этот макрорегион со второй половины позапрошлого столетия был местом столкновения интересов Британии, России, Китая (Восточный Туркестан). В «большой игре» он занимал важную геополитическую роль для ведущих европейских держав. Вместе с этим, Российская империя теперь должна была решать внутренние специфические задачи новоприобретенного края. Таким образом, концепция фронтира, разработанная Ф.Дж. Тернером в конце XIX в. будет актуальна и в изучении процессов, происходивших в Русском Туркестане после его присоединения.

Список литературы

1. Американские исследования в Сибири: материалы международной научной конференции "Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)" 4-6 октября 1996 г. Вып. 2 / Том. гос. ун-т; Управление культуры мэрии г. Томска ; [ред-кол.: М. Я. Пелипась (отв. ред.) и др.].– Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – 304 с.

2. Баева Л.В. Зона Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья как фронтир: классификация и характеристика // Материалы Всероссийской научной конференции «Границы и пограничье в южнороссийской истории». Южный федеральный ун-т, Ин-т истории и международных отношений. Ростов н/Д, 26-27 марта 2014 г. – Ростов н/Д., 2014. – С. 54-62.

3. Басалаева И.П. Критерии фронтира: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 46-49.

4. Панарина Е.С. Мифы и образы сибирского фронтира // Культурная и гуманитарная география [Электронный ресурс]. – Б. м., 2013. Т. 2. № 1. – С. 39-52. URL: http://www.gumgeo.ru/ndex.php/gumgeo/article/view/60 (дата обращения 03.12.2017).

5. Резун Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005. – 193 с.

6. Ремнев А.В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – 248 с.

7. Романова А.П. Специфика раннего фронтира на Кавказе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2014. – №08(102). С. 446 – 458. – IDA [article ID]: 1021408028. – URL: http://ej.kubagro.ru/2014/08/pdf/28.pdf (дата обращения 03.12.2107).

8. Рибер Альфред, Меняющиеся концепции и конструкции фронтира //Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “Ab imperio”) / Под. ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. – Казань: “Центр Исследований Национализма и Империи”, 2004. – 652 с.

9. Тернер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 304 с.

10. Тихонов А.А. Фронтир Сибирский и Американский: точки зрения // Материалы научно-практической конференции «Вагановские чтения-2010» [Электронный ресурс]. URL:

http://samlib.ru/t/tihonov_za_graniy/frontirsibirskijiamerikanskijtochkizrenija.shtml (дата обращения 26.12.2015).

11. Шевцов В. В. Международная тематика на страницах сибирских официальных газет (вторая половина XIX – начало XX в.) / Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: материалы Международной научно-практической конференции (15-18 октября 2014 г.) / отв. ред. О. И. Лепилкина, С. В. Серебрякова. — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – С. 218-222.

12. Шерстова Л.И. Евразийские константы в картине мира народов Северной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 422. – С. 191-196.

13. Шиловский М.В. Фронтир и переселения: сибирский опыт // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. – С. 101-108.

14. Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире. Астрахань: Издатель Роман Сорокин, 2012. – 220 с.

15. Якушенков С.Н. Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России / С.Н. Якушенков, А.П. Романова // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2. С. 74–80.

16. Billington R.A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. N.Y.: Macmillan, 1960. – 933 p.

THE FRONTIER CONCEPT IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE: HEURISTIC POSSIBILITIES AND APPLICATION LIMITS

The article considers the present state of the frontier concept in Russia on the basis of a comparative analysis of the works of mostly Russian scientists. Relying on the classic definition of the frontier, Russian researchers expanded understanding of the frontier, denoting a number of features and criteria. However the concept of the frontier began to develop in Russian science only in the last quarter of the century. The article attempts to combine the most important definitions of this concept by modern Russian researchers and to reveal the basic elements of the frontier. Since the concept is applicable to the process of expanding borders, in the broadest sense of the word ("native" – "alien"), it seems possible that it can be used in studying the process of expanding Russian imperial borders on the outskirts of the Russian Empire. Clear criteria for the frontier are needed for that; it is important to determine its types in order to define the components of Russian domestic and foreign policies, studying the process of advance of the Russian Empire to its borders. The Asian direction of Russian foreign and, then, domestic policy requires special consideration, because it has never been studied from the point of view of the frontier theory. Nowadays, when the historical science accumulated numerous narrative material on the history of colonization, its interpretation by means of the frontier methodology seems actual and interesting.
Keywords: frontier, F. J. Turner, Russian Empire, 19th century, colonization, typology of the frontier, criteria for the frontier, border.

References

1. Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Amerikanskiy i sibirskiy frontier (factor granitsy v amerikanskoy i sibirskoy istorii", October 4–6 1996. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1997, Is. 2. 304 p.

2. Bayeva L. V. Zona Severnogo Prikaspiya i Nizhnego Povolzhya kak frontier: klassifikatsiya i kharakteristika [Zone of Northern Caspian and Lower Volga Region as a Frontier: Classification and Characteristics]. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Granitsy i prigranichye v yuzhnorossiyskoy istorii», Rostov on Don March 26–27 2014. Rostov on Don, 2014, p. 54–62.

3. Basalayeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Criteria for the Frontier: to the Formulation of the Problem]. Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya, 2012, No. 2, p. 46–49.

4. PanarinaYe. S. Mify i obrazy sibirskogo frontira [Myths and Images of the Siberian Frontier]. Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya, 2013, Vol. 2, No. 1, p. 39–52. Available at: http://www.gumgeo.ru/ndex.php/gumgeo/article/view/60 (accessed03.12.2017).

5. RezunD. Ya., ShilovskiyM. V. Sibir', konets XVI – nachalo XX v.: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov [Siberia, Late XVI – Early XX Century: the frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes]. Novosibirsk, Sova, 2005. 193 p.

6. RemnevA. V., Suvorova N. G. Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskiye i natsional'nyye

stsenarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the XIX – Early XX Century]. Omsk, Nauka, 2013. 248 p.

7. Romanova A. P. Spetsifika rannego frontira na Kavkaze [Specificity of the Early Frontier in the Caucasus]. Politematicheskiy electronnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2014, No. 8 (102), p. 446–458. Available at: http://ej.kubagro.ru/2014/08/pdf/28.pdf (accessed 03.12.2017).

8. Riber A. Menyayuschiesya kontseptsii I konstruktsii frontira [The Changing Concepts and Constructions of the Frontier]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Ed. I. V. Gerasimov, S. V. Glebov, A. P. Kaplunovskiy, M. B. Mogil'ner, A. M. Semenov. Kazan, Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii, 2004. 652 p.

9. Turner F. J. The Frontier in American History. New York, Henry Colt and Company, 1920. 375 p. (Russ. ed.: Terner F. Dzh. Frontir v amerikanskoy istorii. Moscow, Ves' Mir, 2009. 304 p.).

10. Tikhonov A. A. Frontir Sibirskiy i Amerikanskiy: tochki zreniya [Siberian and American Frontier: Points of View]. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Vaganovskiye chteniya-2010". Available at: http://samlib.ru/t/tihonov_za_graniy/frontirsibirskijiamerikanskijtochkizrenija.shtml (accessed 26.12.2015).

11. Shevtsov V. V. Mezhdunarodnaya tematika na stranitsakh sibirskikh ofitsial'nykh gazet (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)[International Themes on the Pages of Siberian Official Newspapers (the Second Half of XIX – Early XX Century)]. Media i mezhkulturnaya kommunikatsiya v yevropeyskom kontekste: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (October 15–18 2014). Ed. O. I. Lepilkina, S. V. Serebryakova. Stavropol, SKFU, 2014, p. 218–222.

12. Sherstova L. I. Yevraziyskiye konstanty v kartine mira narodov Severnoy Azii [Eurasian Constants in the Picture of the World of the Peoples of North Asia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, No. 422, p. 191–196.

13. Shilovskiy M. V. Frontir i pereseleniya: sibirskiy opyt [The Frontier and Resettlements: the Siberian Experience]. Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obschee i osobennoe. Novosibirsk, 2003, is. 3, p. 101–108.

14. Yakushenkova O. S. Zhenschina na amerikanskom frontire [Woman on the American Frontier]. Astrakhan, Izdatel' Roman Sorokin, 2012. 220 p.

15. Yakushenkov S. N., Romanova A. P. Frontirnaya teoriya: novyy podhod k osmysleniyu sotsial'no-politicheskoy i economicheskoy situatsii na yuge Rossii [The Frontier Theory: a New Approach to Understanding Sociopolitical and Economic Situation in the South of Russia]. Innovatika i ekspertiza, 2012, i. 2, p. 74–80.

16. Billington R.A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. New York, Macmillan, 1960. 933 p.

Об авторе

Крупенкин Евгений Николаевич - аспирант кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия), E-mail: e.krupenkin@mail.ru

Krupenkin Yevgeniy Nikolayevich – postgraduate student of the Department of Russian History of the Faculty of History, National Research Tomsk State University, E-mail: e.krupenkin@mail.ru

УДК 94 (470) «16/18»

Куненков Б.А., кандидат исторических наук, Брянский государственный университет имени-академика И.Г. Петровского (Россия)

СЛУЖАЩИЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА И «ВОРОВСТВО»: ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕДОМСТВА (по материалам приказного архива в царствование Михаила Федоровича)

В данной статье предпринята попытка исследовать один из аспектов функционирования Посольского приказа – практику работы с кадрами переводчиков и толмачей. Переводчики и толмачи – единственная в Московской Руси категория профессиональных дипломатических работников. Они были посвящены в государственную тайну, и это требовало исключения из их числа лиц сомнительной лояльности. Посольского приказа. Изучив сохранившиеся в приказном архиве дела ряда служащих этой категории, по разным причинам подвергшихся наказаниям, автор проследил порядок обеспечения кадровой безопасности приказа.

Ключевые слова: Посольский приказ, толмач, переводчик, служба, «воровство», иск, опала.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-94-97

Переводчики и толмачи Посольского приказа являлись единственной в своем роде категорией профессиональных дипломатических работников Московской Руси.

Лица, направлявшиеся за рубеж в качестве посланников и гонцов, являлись, так сказать, непрофессионалами, и посольская служба для них была разовым поручением. Подьячие Посольского приказа вели канцелярскую работу в столице и в посольства не назначались. Все толмачи и почти все переводчики неоднократно побывали в составе дипломатических миссий, направлявшихся в иностранные государства.

По роду службы переводчики и толмачи были в курсе «великих и тайных государевых дел», являлись носителями государственных секретов. Кто-то из них мог нарушить «крестное целование» и выдать эти секреты представителям какого-либо иностранного государства.

Дьяки Посольского приказа должны были озаботиться гарантиями «благонадежности» его служащих, обеспечить кадровую безопасность своего ведомства. Это подразумевает пребывание на службе только таких лиц, за лояльность которых можно было бы поручиться.

Делопроизводственные материалы Посольского приказа за период царствования Михаила Федоровича (1613 – 1645), особенно за вторую его половину сохранились в относительно полном составе. Их анализ позволит выявить приемы «работы с кадрами», практиковавшиеся в этом ведомстве.

Уже при приеме на службу «новик» должен был подать о себе «сказку» (автобиографию), и ее данные должны были подтверждаться документами или свидетелями. Впрочем, известен случай, когда «новик» дал о себе явно ложные показания, – крымский полоняник И.Никитин в 1631 г., видимо надеясь на более высокий оклад, назвался сыном дворянина, но не смог это доказать. Несмотря на это, в приказ его взяли [1.1. Ф.141. Оп.1.1633. Д.12]. Кроме того, за выходца из полона, которого зачисляли в приказ, обязательно должен быть уплачен выкуп.

Человек, которому грозило наказание за какую-то серьезную вину, мог бежать за границу – в бегстве он видел спасение от опалы. Нами установлен один подобный факт: в 1637 г. толмач И.Иевлев был уличен в том, что за денежное вознаграждение оказывал содействие крымским татарам, а после разоблачения пытался бежать в Крым. Примечательно, что он был единственным среди толмачей полоняником, который «вышел ис полону без окупу и без обмену» [1.1. Ф.141. Оп.1. 1621. Д.22. Л.117]. Интересы кадровой безопасности требовали, чтобы штат приказа состоял из лиц, так сказать, «чистых перед законом».

В документах упоминание об отстранении того или иного служащего от посольских дел нередко сопровождается кратким обоснованием – за «воровство». Как известно, «воровство» в Московской Руси являлось очень широким понятием, под которое подходили противоправные деяния, наносящие ущерб интересам государства и государственной службы, и те, за которые казнили, и те, за которые налагали служебное взыскание. Для нас

представляют интерес те проступки, которые считались несовместимыми с пребыванием служащего в Посольском приказе.

Документация Посольского приказа фиксирует несколько фактов привлечения к ответственности за различные упущения служащих приказа – переводчиков и толмачей. Рассмотрев эти факты, мы можем установить, по каким основаниям служащий мог быть отрешен от «государева дела».

За 32 года правления Михаила Федоровича на службе в Посольском приказе в качестве переводчиков и толмачей состояло 222 человека. Семнадцать из них были уличены или подозревались в совершении правонарушений – уголовных, должностных, государственных. В одних случаях эти лица просто привлекались к дознанию, в других – подверглись взысканию (выговор, кратковременный арест); в третьих – «опале» (тюремное заключение, ссылка). Не все эти случаи мы можем рассмотреть. Документация за период до 1630 г. сохранилась частично, а за конец 30-х гг. имеет существенные лакуны, поэтому остается неясным, за какие «вины» были сосланы в 1621 г. толмач П.Лавровым [1.1. Ф.138. Оп.1. 1628. Д.6. Л.2] и в 1629 г. переводчик Д.Перванов [1.1. Ф.141. Оп.1. 1631. Л.12. Л.17], за что в 1638 г. был арестован и пытан переводчик М.Кляштер [2.1. Л.722 об.].

Мы выявили несколько случаев, когда против служащих выдвигались обвинения в правонарушениях уголовного характера.

В июне 1630 г. толмач А.Раков обвинялся «в безчестии, в бою и в грабеже» своего сослуживца В.Грызлова, у которого он отнял 120 рублей денег [1.1. Ф.138. Оп.1. 1630. Д.2. Л.1 – 7], но свидетелей у В.Грызлова не нашлось, и А.Раков наказания не понес. Вел дознание и вынес приговор думный дьяк Посольского приказа И.Т.Грамотин. Этот случай не имел негативных последствий для службы Ракова, который до своей смерти в 1635 г. еще дважды участвовал в посольствах в Турцию.

В таком же преступлении подозревался толмач Н.Наумов, которого его сослуживец толмач Л.Алымов 9 ноября 1639 г. обвинил «в краже во сте рублех да в лае и в безчестье ево Лазаря» [1.1. Ф.138. Оп.2. Д.1. Л.233]. Н.Наумов остался в приказе до конца изучаемого нами периода и еще в 1641 – 1642 гг. принял участие в посольстве Б.Приклонского и Г.Лаврова в Крым [1.1. Ф.138. Оп.1. 1644. Д.1. Л.147].

Толмач Б.Янгильдеев 22 ноября 1644 г. «сманил» у подьячего И.Нефедьева и держал на своем дворе холопку – крещенную касимовскую татарку Анну Самсонову, которую хозяин нашел неделю спустя. Анну препроводили к Нефедьеву с приставом, назначенным из Посольского приказа. Нет данных, что Б.Янгильдеев понес какое-либо наказание [1.1. Ф.138. Оп.1. 1644. Д.3. Л.1 – 4].

Таким образом, обвинения уголовного характера каких-либо серьезных последствий для обвиняемых не повлекли и на их службе не отразились.

В ряде случаев проступок наказывался переводом из Посольского приказа в Иноземский – в ведомство, служба в котором не предполагала приобщения к государственным тайнам.

В 137 (1628/1629) г. толмач И.Рехтырев был «за воровство … ис Посольского приказа отставлен и отослан в Иноземской приказ» [1.1. Ф.138. Оп.1. 1628. Д.1. Л.19]. «Воровство» заключалось в пьянстве и злостном манкировании своими обязанностями.

Другой подобный случай связан с греческим переводчиком Б.Богомольцевым, который пострадал за ложные доносы: он под следствием «в темнице живот свой мучил год», а в мае 1633 г. его вместе с женой и детьми сослали в Малмыж, где он провел два года [1.1. Ф.210. Оп.9. Д.113. 1635. Л.308 – 309]. По возвращении в Москву Б.Богомольцев просил принять его на службу (челобитная от 9 декабря 1636 г.) и его прошение было удовлетворено, но зачислен он был тоже в Иноземский приказ [1.1. Ф.210. Оп.9. Д.113. 1635. Л.308 – 309].

Сменить место службы вынужден был заслуженный и авторитетный в своем «цехе» переводчик. Будучи «для государева дела» в Швеции в 1618 – 1623 гг., он и его коллега Е.Павлов выполнили частную просьбу купца А.Дюкера: передали письма купца его пасынку Роману в Нарве и взяли у того ответные письма к отчиму. По «сигналу» И.Фомина – «старейшины цеха» переводчиков и толмачей – было проведено следствие. Хотя и было установлено, что Еремеев и Павлов «перед государем виноваты без хитрости …, а в тех грамотках дурна никоторого и измены никакой не объявилося», оба переводчика

подверглись взысканию. 3 июня 1626 г. их приговорили «посадить в тюрьму на неделю за то, чтоб им вперед было неповадно так делать» [1.1. Ф.138. Оп.1. 1626. Д.2. Л.47]. Через два года Е.Еремеев вновь провинился: будучи послан в Новгород, он встретил там Дюкера-младшего и передал от него отчиму записку с просьбой о какой-то покупке. На сей раз на переводчика не наложили никакого взыскания, но от работы в Посольском приказе отстранили. 26 января 1629 г. ему было велено «служити … свою государеву службу с иноземцы вместе в Иноземском приказе» [1.1. Ф.138. Оп.1. 1626. Д.2. Л.50 – 57].

Любопытно рассмотреть такую провинность, как самовольное оставление службы.

Толмач И.Сур в 128 (1619/1620) г. «отстал ис Посольского приказу ис толмачества собою» [1.1. Ф.141. Оп.1. 1619. Д.5. Л.123], но впоследствии вновь был принят на службу и участвовал в посольстве И.Кондырева и Т.Бормосова в Турцию в 1621 – 1622 гг. Данных, что он за самовольный уход с государственной службы подвергся какому-либо взысканию, у нас нет.

Возможно, уход со службы «собою» и считался виной простительной, но в четырех случаях из пяти нам известных ее усугубляла попытка бежать за границу. В двух случаях этих четырех мы знаем лишь о самом факте побега, в двух – нам известны подробности и последствия.

В 1626 г. бежал татарский переводчик казанский татарин М.Абызов; он не был пойман, и ответственность за него понесла семья, проживавшая в Казани, – мать, два брата, две жены, два сына. Сначала (в марте 1626 г.) с них была взята «крепкая порука» о невыезде из города, а в августе 1626 г. их арестовали и доставили в Москву, имущество было конфисковано [1.1. Ф.127. Оп.1. 1626. Д.1. Л.121; Д.2. Л.99 – 103].

Не всегда побег имел столь тяжкие последствия для провинившегося. Переводчик В.Вилимов, которого некий К.Патрикеев обвинил «бесчестье» и в «бое и грабеже» его людей, сбежал от истца во Псков. Он был приговорен к штрафу – 20 рублей. 4 сентября 1627 г. псковские воеводы получили предписание арестовать В.Вилимова, доправить на нем названную сумму и доставить в Москву; разбирательство проводилось в Иноземском приказе. Но Вилимов успел вернуться в столицу сам, какое-то время «бегал» от истца, но в итоге уладил дело с ним миром. По-видимому, это избавило его от серьезного наказания; 12 ноября 1629 г. его отпустили на поруки [1.1. Ф.138. Оп.1. 1629. Д.1. Л.2 – 6]. Впрочем, можно предположить, что предшествующие приговору два года Вилимов провел под стражей. Кроме того, на протяжении последующих 20 лет службы Вилимов не назначался в состав дипломатических миссий за рубеж, и как следствие, не получал прибавки к окладу.

В других случаях гражданские иски к служащим Посольского приказа разбирались в их ведомстве.

Толмач С.Лежнев в 127 (1618/1619) г. взял в долг у вдовы Л.Гвоздошниковой «40 алтын з гривною», долга не вернул, а дело разбиралось только в апреле 1624 г. Поскольку истица предъявить свидетелей не смогла, скорее всего, дело было решено в пользу ответчика [1.1. Ф.141. Оп.1. 1627. Д.75. Л.132 – 1634]. На уже упоминавшегося А.Ракова в июне 1621 г. бил челом его сослуживец Ф.Мясоедов, которому тот задолжал 9 рублей, но не вернул всего долга; думный дьяк И.Т.Грамотин вынес решение в пользу истца [1.1. Ф.138. Оп.1. 1621. Д.1. Л.1, 2, 9].

Подводя итоги нашим наблюдениям, мы можем сделать вывод, что меры по обеспечению кадровой безопасности Посольский приказ принимал; мы можем определить, по каким показателям служащий мог быть сочтен «неблагонадежным» кадром и отстранен от посольских дел.

Подозрение в правонарушении гражданского или даже уголовного характера могло не быть достаточным поводом для отстранения переводчика или толмача от службы. Даже самовольно покидавший Москву служащий мог остаться на службе в приказе, если он не предпринимал попыток бежать за рубеж. Попытка побега за рубеж в случае раскаяния могла быть прощена. Но недозволенные контакты с иностранцами однозначно являлись основанием для исключения из штата приказа. Кроме того, не могло остаться «у посольского дела» лицо, побывавшее «в государевой опале».

Список литературы

Источники
1. Архивные документы
1. 1. Российский государственный архив древних актов
– Ф.127. «Сношения России с ногайскими татарами».
– Ф.138. «Дела о Посольском приказе и служивших в нем»
– Ф.141. «Приказные дела старых лет»
– Ф.210. «Дела Разрядного приказа».
2. Опубликованные источники
2.1. Опись архива Посольского приказа 1673 года. Подг. к печати В.И.Гальцов. Под ред. С.О.Шмидта. М., 1990.

EMPLOYEES OF THE AMBASSADORIAL PRIKA AND "THEFT»: ENSURING PERSONNEL SECURITY OFFICE (according to the materials of the archive in the reign of Mikhail Fedorovich)

This article attempts to investigate one of the aspects of the functioning of the Embassy order – the practice of working with translators and interpreters. Translators and Tolmachi – the only category of professional diplomatic staff in Moscow Russia. They were dedicated to the state secret, and this required the exclusion from their number of persons of questionable loyalty. Ambassadorial order. Having studied preserved in an archive of business number of employees in this category, for various reasons, have been subjected to punishment, the author traced the order of personnel security order.
Keywords: Ambassadorial Prikaz, interpreter, translator, service, "theft", claim, opal.

References

Sources
1. Archival document
1. 1. Russian state archive of ancient acts
– F. 127. "Russia's relations with the Nogai Tatars."
– F. 138. "Case of the Ambassadorial Prikaz and served in it»
– F. 141. "Good old-time cases»
– F. 210. "The case of the Discharge Prikaz ".
2. Published sources
2.1. Inventory of the archive of the Embassy order in 1673. Prep. to print I. V. Galtsov. Under the editorship of S. O. Schmidt. M., 1990.

Об авторе

Куненков Борис Александрович – кандидат исторических наук Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kunenkov@yandex.ru

Kunenkov Boris Alexandrovich– candidate of historical Sciences Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kunenkov@yandex.ru

УДК 94 (569.4)

Литвинова Е.В., аспирант кафедры дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В ИЗРАИЛЕ: ПРИНЦИПЫ И НОВЫЕ МОМЕНТЫ

В статье анализируются причины принятия нового закона о борьбе с терроризмом, принятого в Израиле в 2016 году. Автор анализирует политико-правовые принципы, на которых строилась борьба с терроризмом до принятия данного закона, и выявляет, какие новые нормы были добавлены в сфере борьбы с терроризмом и какие нормы сохранились. Исходное израильское законодательство по вопросам борьбы с терроризмом базировалось на нормах времен Британского мандата, которые в инициативном порядке пытался модернизировать Верховный Суд страны. Однако в адрес Израиля раздавалась критика (нередко обоснованная) по поводу соблюдения прав человека в ходе антитеррористической деятельности. Принятие нового закона связано со стремлением властей страны уточнить и упорядочить имеющиеся нормы, а также повысить подотчетности спецслужб исполнительной власти и гражданскому обществу.

Ключевые слова: Израиль, борьба с терроризмом, ШАБАК, Моссад, законодательство.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-98-104

В современных политических и экономических условиях угроза терроризма остается одной из ключевых. Об этом говорит не только рост количества терактов и погибших в результате них, но и формирование нового типа террористических организаций, которые претендуют на выполнение квазигосударственных функций – «Аль-Каида», Исламского государство, «Аш-Шабаб». Особенности текущей стадии развития терроризма как глобального феномена вынуждают государства реагировать, модернизировать и трансформировать имеющийся инструментарий борьбы с терроризмом. Один из важнейших аспектов работы на данном направлении – формирование гибкой и адаптивной норматтивно-правовой базы, которая позволяет профильным ведомствам задействовать максимально возможный объем ресурсов для обеспечения безопасности граждан и страны в целом, а обществу – сохранить контроль над органами власти через инструменты прозрачности, подотчетности и возможности рассмотрения данных действий в ходе судебного разбирательства [5; 6].

Основными причинами обострения террористической угрозы обычно считают следующие. Во-первых, на рост количества террористических актов влияют миграционные процессы, которые подразумевают переселение радикально настроенных элементов на территории с менее жестким антитеррористическим режимом или в страны, где общественный резонанс от терактов априори будет выше, чем в большинстве стран мира [8; 10]. Во-вторых, в международной борьбе с терроризмом были допущены серьезные ошибки, включая первоначальную поддержку Западом событий «Арабской весны», приведшей к политической дестабилизации на региональном уровне [3; 7]. В-третьих, государства пока не смогли выработать целостного (холистического) подхода к самому феномену терроризма, предпочитают преследовать его в основном как уголовные преступления, игнорируя психологические, социально-экономические и иные причины обращения к террору [9]. Постепенно холистические подходы получают серьезное развитие в науке и экспертной среде, что, вероятно, позволит изменить ситуацию [1; 2].

Все вышеперечисленное в полной степени затрагивает и Израиль. Однако у Израиля есть свои особенности в сфере практик терроризма и контртерроризма. Во-первых, терроризм в Израиле преимущественно представлен крупными и разветвленными организациями, провозглашающими себя представителями интересов мусульманского и арабского населения Палестины. Нередко за этими организациями, располагающимися как на территориях, не совсем законно занятых Израилем, так и в соседних странах, стоят интересы государств региона [12; 15]. Данные террористические организации стремятся подорвать дух гражданского населе-

ния, способствовать распространению панических настроений, для чего они прибегают к стратегии неизбирательных атак в людных местах – в общественном транспорте, торговых центрах, ресторанах. Таким образом, устрашение общества достигает за счет количества жертв, а не атак на государственные учреждения и силы правопорядка (что чаще случается в других странах с высоким уровнем террористической угрозы).

Во-вторых, Израиль воспринимает терроризм как акт, близкий к боевым действиям, напрямую угрожающей самой израильской государственности. Поэтому в стране действует режим чрезвычайного положения, а борьба с терроризмом осуществляет, главным образом, под руководством министерства обороны. Израиль весьма жестко отвечает на акты терроризма, исходит из того, что на них надо неизменно реагировать и делать адекватный ответ в отношении террористических организаций – включая экономическую блокаду занятых террористами территорий и проведение специальных операций для ликвидации лидеров таких организаций [4; 11]. Такой подход встречает немало критики на международной арене: многие полагает, что Израиль непропорционально реагирует на происходящее. Также встречаются обвинения, что Тель-Авив использует антитеррористические инструменты для подавления стремления к самостоятельности арабского населения Палестины, которое по существующим нормам международного права имеет все основания на создание своего собственного государства.

Долгое время в Израиле не было отдельного закона, который бы описывал содержательные аспекты борьбы с вербовкой и агитацией террористических организаций, четко определял понятия терроризма и террористических организаций. но ситуация изменилась в 2016 году, когда был принят комплексный закон, который четко прописывает компетенции различных органов государственной власти в сфере борьбы с терроризмом.

Кодификация правовых основ в сфере борьбы с терроризмом – это общемировая тенденция. Множество принятых документов, принятых на международном уровне, в сфере борьбы с финансированием терроризма, распространения опасных вооружений и двойных технологий, сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом – содержат взаимоисключающие и противоречивые положения. При частичном или полном переносе данных положений в национальное законодательство нередко возникали противоречия и лазейки, которые использовались как органами власти для превышения полномочий, так и террористами – для ухода от ответственности [5]. Такая ситуация была в полной мере характерна и для Израиля, где роль проводника международно-правовых норм в систему регулирования борьбы с терроризмом взял на себя Верховный Суд. Верховный Суд Израиля стремился внести в процесс принятия решений однообразие, пытался установить стандартные процедуры при решении о достаточности или недостаточности оснований для действия в отношении подозреваемых в терроризме или тех, кто признан террористами. Само собой разумеется, что судебный активизм не должен подменять волю граждан и избранных ими представителей, что, в конечном счете, и стало важным фактором для принятия полноценного нормативно-правового акта, который регулирует многие спорные вопросы, а часть из них просто устраняет.

Важной новацией в новом законе стала процедура признания организации террористической. Признание объединения террористическим происходит на основании аргументированного запроса в письменной форме главы Службы общей безопасности Израиля (ШАБАК), или главы любой другой службы безопасности при содействии ШАБАК при наличии подтверждающих запрос документов от юридического советника правительства в адрес министра обороны. Глава правительства также вправе (в случае, если видит необходимость) созвать межминистерскую или правительственную комиссию для принятия итогового решения о провозглашении объединения террористическим. В таком случае премьер-министр организует обсуждение вместо министра обороны [16].

Министр юстиции также вправе (в случае необходимости) назначить совещательную комиссию для вынесения рекомендаций министру обороны, комиссии министров или правительства по вопросам, касающимся

провозглашения организации террористической. В таком случае в комиссию войдут: судья Верховного суда в отставке (или окружного суда), которого назначат при согласовании с главой Верховного суда (БАГАЦ) и он станет председателем совещательной комиссии; юрист, имеющий право быть судьей окружного суда; дополнительный член комиссии с опытом в борьбе с терроризмом, которого назначают при согласовании с министром обороны [16].

Закон впервые ужесточает ответственность не только для непосредственных исполнителей терактов, но и для их пособников. Для последних, согласно данному Закону, суды могут выносить такие же жесткие приговоры, как и для организаторов и исполнителей терактов. Согласно разделу «О наказаниях» Закона о борьбе с терроризмом вводятся следующие формы наказания террористов, членов террористических организаций, а также лиц, оказывающих им поддержку и содействие. Глава террористической организации или возглавляющий одно из направлений ее деятельности будет приговорен к 25 годам тюремного заключения. В случае, если деятельность террористической организации связана с совершением убийства, приговором вышеуказанных лиц станет пожизненное заключение [16].

Максимальный (кроме пожизненного) срок заключения по статье «терроризм» теперь составляет 30 лет и сократить его разрешается только через 15 лет. Член террористической организации или человек, принимающий участие в ее деятельности, или способствующий продвижению ее целей, или тот, кто прямо либо косвенно, производит поиск средств финансирования организации, по данному закону будет осужден на срок в семь лет лишения свободы (подпункты «Алеф», «Бет» и «Гимел» п. 22) [16].

За публичное выражение поддержки террористической организации по закону предусмотрено тюремное заключение на срок от трех до пяти лет. Таким образом министр обороны может объявить группу людей террористической или отдельного человека террористом, даже если такая группа или человек не занимаются напрямую террористической деятельностью. Предоставляющий услуги (перевозки, или предоставление ночлега для укрытия) или средства (предоставление денег, продуктов, одежды, средств связи, документов, зданий, топлива) третьим лицам для совершения или терактов, будет приговорен к пяти годам лишения свободы [16]. Угрожающий совершить террористическое преступление будет приговорен к семи годам лишения свободы. За инструктаж и подготовку совершения теракта по закону мера наказания составит девять лет лишения свободы.

Среди прочего, Закон также определяет меру наказания в отношении тех, кто ограничивается выражением солидарности с террористической организацией, такие как - хвалебные публикации, водружение флага террористической организации (если есть), исполнение гимна террористической организации (если есть), публикацию символики террористической организации), будет приговорен к трем годам лишения свободы. Согласно п.26 Закона, тот, у кого в руках была информация, возбуждавшая в нем опасения совершения теракта, и еще можно было бы его предотвратить, однако он не сделал ничего для его предотвращения и не уведомил об этом ШАБАК, будет приговорен к трем годам лишения свободы. Согласно п.27 Закона, угрожающий совершить террористическое преступление будет приговорен к семи годам лишения свободы [16].

Для сравнения, раннее перечень видов пособничества террористическим организациям был перечислен в Статье 4 соответствующего Ордонанса, в т.ч. в области агитации, пропаганды и вербовки. Она гласила, что «лицо, которое:

(a) выражает, в письменной или устной форме, похвалу, сочувствие либо поощрение актам насилия, которые направлены на причинение смерти или вреда здоровью человека, а также угрозам совершения подобных деяний;

(b) выражает, в письменной или устной форме, похвалу или сочувствие к призыву о содействии либо поддержке террористической организации;

(c) владеет пропагандистским материалом от имени террористической организации;

(d) предоставляет денежные средства или иные средства террористической организации;

(e) предоставляет помещение в распоряжение какого-либо лица, если такое поме-

щение может быть использовано террористической организацией или ее членами на постоянной основе как место для непосредственного осуществления деятельности, проведения собраний, пропагандистской деятельности или в качестве места хранения;

(f) предоставляет имущество в распоряжение кого-либо, если такое имущество может быть использовано террористической организацией или ее членом при осуществлении деятельности (террористического акта) от имени террористической организации;

(g) совершает любое деяние, демонстрирующее поддержку либо сочувствие террористической организации в публичном месте, или такие действия, что лица, находящиеся в общественном месте имеют возможность слышать или видеть такое проявление поддержки или сочувствия путем демонстрации флага или отображения эмблемы, озвучивания слогана или гимна с намерением быть услышанным или путем совершения иного подобного действия, явно демонстрирующего подобную поддержку или сочувствие» [13].

Лицо, совершившее одно из деяний, упомянутых в статье 4, подлежало ранее наказанию в виде тюремного заключения на срок до трех лет и/или денежного штрафа.

Таким образом, становится понятно, насколько новый Закон ужесточает наказание за выше перечисленные деяния. Среди прочего, впервые в новом Законе вводится наказание за прокладку подземных трансграничных туннелей (например, в случае с Газой) с целью совершения террористических действий на территории Израиля и составит три года лишения свободы [16].

Новый Закон имеет силу только на территории Израиля, предоставляет полномочия процессуального характера суду проводить, например, предварительное освидетельствование, арест подозреваемых в террористическом преступлении, а также уполномочивает министра обороны отдать распоряжение о временной конфискации имущества или об ограничении его использования в случае, если это имущество признано владением террористической организации [16].

Одним из ключевых нововведений в законопроекте стала необходимость иметь дело не только с самим терроризмом, но и с так называемой средой поддержки терроризма.

В связи с эскалацией палестино-израильского конфликта и волны нападений на израильтян принятие обсуждение Закона активизировалось осенью 2015 г. Следует отметить, что Закон подвергался критике, как в ходе его рассмотрения на заседаниях в Кнессете, так и после его принятия 16 июня 2016 г. Первая критика начала звучать в марте 2016 г. из уст арабского депутата от партии МЕРЕЦ И.Фреджа, который назвал закон «ультранационалистическим» в отношении арабов. Представители арабских партий тогда утверждали, что наказание за подстрекательство станет инструментом подавления демократии и свободы слова. Эту тему подхватили про-арабские защитники во всем мире. Их главная претензия к Закону – то, что более 250 международных и местных организаций, работающих с палестинским населением, могут быть причислены к террористическим, а их сотрудники и руководители рискуют получить тюремный срок. Отдельные нарекания вызвали новые правила задержания и оставления под стражей подозреваемых в террористической деятельности.

Закон вызвал недовольство и крайне правой прослойки населения, поскольку его положения могут быть применены и к евреям после официального признания такого явления, как «еврейский террор». Ведь, по новой трактовке, под определение террора подходит не только покушение на чью-либо жизнь, но и ущерб имуществу, к которому может быть отнесено осквернение надписями стен зданий. Защитники поселенцев опасаются, что сотрудники ШАБАК будут применять к ним еще более жесткие меры, руководствуясь данным Законом. В свою очередь, министр образования, председатель партии «Еврейский дом» Н.Беннет выступил с предложением распространить новый подход и на палестинское руководство, включая М.Аббаса, с одобрения которого якобы ведется антиизраильская пропаганда и героизация террористов. Более того, крайне правые считали неприемлемым сотрудничество израильских спецслужб с органами Палестинской национальной администрации, считая, что обмен информацией с ними равносилен обмену информацией с террористами. Примечательно, что и статус-кво консерваторов в Израиле не удовлетворяло

[14], они настаивали на жестких мерах в отношении палестинцев, но не израильтян.

До 2016 года Израиль использовал законодательство Британского мандата. Это законодательство было архаичным и нередко находилось в противоречии с сформировавшимися позднее принципами международного права в отношении состязательности процесса, защиты прав подсудимых и подозреваемых, в вопросах юрисдикции соответствующих судов. Более того, оно строилось на исключительной роли спецслужб, которые были наделены практически неограниченными полномочиями и защищены секретностью. Даже государственный контролер не имел доступа к информации о деятельности Моссада, управления военной разведкой (АМАН) и службы Общей безопасности (ШАБАК). По сути, у силовых ведомств сформировался свой особый свод правил, который среди прочего различался в отношении арабов и евреев. С вступлением в силу нового Закона о терроризме министр обороны будет наделен более обширными полномочиями и станет играть одну из ключевых ролей на любом этапе борьбы с терроризмом – от провозглашения организации террористической до наложения ареста на имущество, связанное с террористической деятельностью.

Таким образом, новый закон внес интересные изменения в практику антитеррористической деятельности израильского государства. Во-первых, это касается расширительного толкования самого феномена терроризма и стремления побороть его за счет жесткого отношения к «смежным» явлениям. Во-вторых, в процесс признания организации террористической стали вовлекаться гражданские органы власти, в том числе министерство юстиции и правительство в целом. С одной стороны, это ведет к определенной политизации антитеррористической борьбы, поскольку публичные политики получили право спекулировать на тему того, кто террорист, а кто – нет. Но, с другой стороны, это позволяет усилить контроль общества за деятельностью силовых структур, обеспечить более пропорциональное применение силы в отношении индивидов и организаций, которые признаются террористическими.

Список литературы

1. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22-32.

2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях?//Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С. 7-16

3. Антюхова Е.А. Политические конфликты «Арабской весны»: общее и особенное // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4 (36). С. 260-271

4. Баулина И.М. Проблема лидерства в Израиле // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 68-71.

5. Бурковская В.А. Россия и Европа: некоторые тенденции развития законодательства, направленного на борьбу с экстремизмом и терроризмом // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 65-74

6. Водолазов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13. С. 9-28.

7. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 125-135.

8. Касаткин П.И., Хрусталев И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке //Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 79-93.

9. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 255-260.

10. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70-78.

11. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91-97.

12. Носенко Т.В. Ислам в Израиле: статус и межрелигиозные противоречия // Вестник

МГИМО Университета. 2010. № 5. С. 143-151.

13. Ордонанс о противодействии терроризму. МИД Израиля. Режим доступа - http://www.mfa.gov.il/mfa/mfa-archive/1900-1949/pages/prevention%20of%20terrorism%20ordinance%20no%2033%20of%205708-19.aspx

14. Пареньков Д.А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 53-58.

15. Пиляева М.А. Некоторые аспекты политической конфронтации между Израилем и Ираном // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 1. С. 144-148.

16. Israel's New Counterterrorism Law. URL: https://www.lawfareblog.com/israels-new-counterterrorism-law

LEGISLATIVE REGULATION OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN ISRAEL: PRINCIPLES AND NEW MOMENTS

The article analyzes the reasons for the adoption of the new law on combating terrorism, adopted in Israel in 2016. The author outlines the political and legal principles on which the fight against terrorism was built before the adoption of this law, and identifies the new norms that have been added in the sphere of combating terrorism as well as those having been preserved. The original Israeli legislation on combating terrorism was based on the norms of the British Mandate, which the country's Supreme Court voluntarily tried to modernize. However, Israel was criticized from the point of view of human rights standards during anti-terrorist activities. The adoption of the new law is caused by the desire of the authorities of the country to clarify and streamline the existing norms, as well as to increase the accountability of the special services of executive power and civil society.

Keywords: Israel, fight against terrorism, Shin Bet, Mossad, legislation.

References

1. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarjov I.D. (2016). «Zemlja smjatenija»: kvantovaja teorija v mezhdunarodnyh otnoshenijah? ["Land of confusion": quantum theory in international relations?]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. 2016. 3, 7-16.

2. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarjov I.D. (2017). "Kvantovaja" teorija prinjatija reshenij v politicheskoj nauke [Quantum-like theory of decision-making in poltical science]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 4, 22-32.

3. Antjuhova E.A. (2016). Politicheskie konflikty «Arabskoj vesny»: obshhee i osobennoe. *Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Smolensk state university]*. 4 (36), 260-271.

4. Baulina I.M. (2011). Problema liderstva v Izraile [Problem of leadership in Israel].*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Tomsk state university*]. 349, 68-71.

5. Burkovskaja V.A. (2008). Rossija i Evropa: nekotorye tendencii razvitija zakonodatel'stva, napravlennogo na bor'bu s jekstremizmom i terrorizmom [Russia and Europe: some tendencies of law-making in sphere of anti-exremistm and anti-terrorism fight]. *Rossijskij ezhegodnik ugolovnogo prava [Russian annual review of criminal law*]. 2, 65-74.

6. Vodolazov G.G. (2015). Real'nyj gumanizm kak ideologija sovremennosti [Real humanism as the modern ideology]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Russian state humanitarian university*]. 13, 9-28.

7. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. (2017). Lichnost' prezidenta kak faktor formirovanija vneshnepoliticheskoj povestki dnja SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [President's personality as a factor in US foreign policy agenda formation: some outcomes of Obama presidency]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 1, 125-135.

8. Kasatkin P.I., Hrustalev I.M., Avatkov V.A. (2012). Evrobezopasnost', integracija i «mjagkaja sila» migracii v XXI veke [European security, integration and soft power of migration in XXI century]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of international relations*]. 6 (27), 79-93.

9. Koktysh K.E. (2010). Kognitivnye integratory: opyt modelirovanija social'noj dinamiki. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of international relations*]. 4, 255-260.

10. Loshkariov I.D. (2017). Jevoljucija ponjatija «diaspora» v politicheskoj nauke [Evolution of "diaspora" notion in political science]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Ethnoscium and intranational culture*]. 4 (106), 70-78.

11. Morozov V.M. (2012). Izrail' i sredizemnomorskaja bezopasnost' [Israel and the Medeterranian security]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]*. 10 (30), 91-97.

12. Nosenko T.V. (2010). Islam v Izraile: status i mezhreligioznye protivorechija [Islam in Israel: status and intra-religious relations]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [*MGIMO Review of international relations*]. 5, 143-151.

13. Ordonans o protivodejstvii terrorizmu. MID Izrailja [Ordonans on counterterrism]. URL: http://www.mfa.gov.il/mfa/mfa-archive/1900-1949/pages/prevention%20of%20terrorism%20ordinance%20no%2033%20of%205708-19.aspx

14. Paren'kov D.A. (2016). Sohranjaj i vlastvuj: konservatizm v XXII veke [Preserve and rule: conservatism in XXII century]. *Mir cherez 100 let sbornik statej [The world in 100 years]*. Moskva. 53-58.

15. Piljaeva M.A. (2012). Nekotorye aspekty politicheskoj konfrontacii mezhdu Izrailem i Iranom. *Vestnik MGIMO Universiteta* [*MGIMO Review of international relations*]. 1, 144-148.

16. Israel's New Counterterrorism Law. URL: https://www.lawfareblog.com/israels-new-counterterrorism-law

Об авторе

Литвинова Елена Владимировна – аспирант кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Litvinova Elena Vladimirovna – post-graduate student at the Diplomacy Department Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia)

УДК 94 (6)

Лошкарёв И.Д., преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

РАЗВИТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭТНОСА ОРОМО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭФИОПИИ (XVII-XX ВВ.)

В статье рассматривается эволюция идентичности этноса оромо в политических условиях Эфиопской империи. Наличие религиозных, территориальных, социально-экономических разделительных линий было обусловлено процессом расселения оромо на территории к югу и западу от Эфиопии. Многие внутренние различия между оромо вызваны тем, что часть оромо стали частью империи, а некоторые представители даже стали частью эфиопской имперской элиты, в то время как другая группа оромо оказалась в составе Эфиопии только в конце XIX века, то есть не чувствует глубокой привязанности к эфиопскому государству. Автор приходит к выводу, что формируется новое качество идентичности оромо, которое основывается на возникновении общих политических и культурных интересов.

Ключевые слова: Эфиопия, оромо, галла, империя, национальная идентичность.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-105-110

Национальное самосознание этнической группы оромо, которая проживает в Эфиопии, стало развиваться только в XX столетии. Отметим, что оромо до сих пор не представляют собой консолидированную группу, поскольку серьезные конфессиональные, бытовые и культурные различия с течением веков только усилились. Причина таких серьезных различий заключается в том, что оромо начали прибывать на территорию современной Эфиопии лишь в XVI веке. Было несколько волн миграции, существенно сдвинувших западные и южные рубежи Эфиопской империи, которая ослабла в войнах с мусульманскими сомалийскими султанатами на востоке и не могла дать отпор новой угрозе. Несколько веков миграции оромо привели к тому, что они продвинулись в самые «коренные» эфиопские провинции – Шоа и Уолло. Но постепенность миграции вызвала и последующее разделение: те, кто оказался ближе к границам империи или даже в ее составе, – приняли христианство и восприняли имперскую культуру, а те, кто поселился в позднейших провинциях Бале, Сидамо, Илюбабор и Каффа – позднее исламизировались и оставались вне империи до конца XIX века. Это отразилось и на роде занятий оромо – христиане стали преимущественно крестьянами, а мусульмане сохранились кочевой и полукочевой образ жизни[1].

Очень интересна история с этнонимом, который долгое время употреблялся в отношении оромо – галла. Точный перевод этого слова неизвестен, но предположительно оно может значить «отвергнутые им (Богом)» или «возвращайтесь домой». До второй половины XX века этот этноним преобладал при обозначении оромо. В XVIII-XIX вв. данное слово в представлении элиты Эфиопской империи действительно обозначало мигрирующих оромо. Однако затем, при повторном освоении южных и восточных территорий понятие «галла» стало обозначать покоренные народы (не только оромо), которым в империи суждено было довольствоваться подчиненным положением (то есть местный аналог античных *варваров*). Примечательно, что этот термин активно использовался и знатью оромо, которая в значительной степени ассимилировалась и плотно включилась в общеимперскую элиту путем брачных связей [3, p. 70-71].

Впервые в эфиопских хрониках масштабные столкновения с оромо встречаются в правление (1563–1597 гг.) императора Сарса-Денгеля (встречается написание Сэрцэ-Дынгыль – И.Л.), который вынужден был не только воевать с волнами мигрирующих кочевников, но и разрешать им поселение в западных и северных регионах тогдашней Эфиопской (Абиссинской) империи.

Сближению Эфиопской империи и оромо (тогда еще – галла) «помог» случай. В конце XVI веке один из вооруженных отрядов оромо захватил в плен представителей младшей линии императорского дома – князя

[1] Безусловно, данный тезис содержит некоторое упрощение. Сохранилось немало оромо с традиционными верованиями, мусульман-крестьян из числа оромо.

(абето) Фасиледеса и его сына. Затем их отпустили. Вероятно, нахождение в плену позволило эфиопским аристократам лучше понять потенциал оромо. Сын Фасиледеса Сусейнос (Сусныйос) был одним из двух-трех основных претендентов на престол, поэтому в ходе последовавших интриг и конфликтов искал спасения в землях оромо в 1593 году. Позднее старшая линия правящей династии все же пресеклась, и Сусейнос стал императором (1606-1632 гг.). Новый правитель рассудил, что исламская угроза с востока (с территории современного Сомали) опаснее, нежели натиск кочевников с юга, и поэтому стал включать отряды оромо в свое войско, поощрял христианизацию знати оромо [4, p. 25-28]. Примечательно, что во время пребывания в плену Сусейнос прошел обряд инициации в племенной группе борана и стал «сыном борана», то есть своим для племенной знати [5. p. 260].

В благодарность за помощь в получении императорского престола первый император-«сын борана» предоставил множеству оромо земли в провинциях Годжам и Бегемдыр, причем количество получивших землю было так велико, что императору пришлось отобрать часть владений у церкви. В его армии оромо на равных служили с представителями других этнических групп, а некоторые представители получили продвижение по службе. Например, известно, что знатный оромо по имени Буко получил титул джазмач и должность губернатора области Дамот (западнее Шоа).

В то же время, Сусейнос понимал, что слишком большое число оромо в центральных районах Эфиопской империи способно вызвать раздражение и непонимание широких слоев населения – от знати до крестьян. Поэтому император обратил оружие против некоторых групп оромо, активно защищал от них провинцию Годжам. Впервые в эфиопской истории император потребовал от губернаторов и местных чиновников собирать информацию о внутреннем устройстве общества оромо, имевшихся и потенциально возможных разногласиях [5, p. 274-277].

В долгосрочной перспективе это способствовало сближению оромо и коренных этносов Эфиопии – тиграйцев и амхара, сокращению культурной дистанции между ними. Оромо постепенно становились участниками внутриимперской политики. В частности, примеру Сусейноса следовали и некоторые другие претенденты на престол. Например, спасение на землях оромо в период обостренной борьбы за престол нашел будущий император Бакаффа (1721-1730 гг.).

Основной формой самоорганизации оромо стали вождества (племенные или клановые конфедерации), образование которых, по всей видимости, было вызвано утратой коммуникации между различными группами мигрировавших оромо. Из-за небольшого количества письменных источников реконструировать этот этап истории оромо достаточно сложно. Изначально существовало две крупных группы среди оромо – баренту и борана – однако постепенно внутри них образовались многочисленные клановые, племенные и географические группы и де-факто субэтносы, удовлетворительной классификации которых пока не существует.

По устным источникам и немногочисленным сведениям из эфиопских хроник можно предположить, что первыми конфедерациями оромо были Афре и Садача, которые располагались западнее Эфиопии в середине XVI века. В возникновении этих конфедераций, судя по их названиям, было немало случайного: в одном случае объединились четыре племени (рода), в другом – три[1]. Во многом, такие объединения оставались ситуативными и возникали для ведения совместных на западе и северо-западе Эфиопской империи [4, p. 23, 35-37]. Предположительно, такие конфедерации во главе с постоянными лидерами постепенно заменяли общую для оромо систему выборных вождей (*гаад*), которая, однако, в каком-то виде сохранялась – в особенности, у борана.

В XVIII веке значимым для всей Эфиопии стало племя йеджу из числа северных оромо. С середины XVII столетия императоры пытались сдерживать натиск йеджу, но постепенно последние поселились в северной части тогдашней Эфиопии. Йеджу в значительной мере контролировали провинцию Бегемдыр на северо-западе империи и в какой-то момент стали опорой императорского двора, который размещался в этой провинции, в городе Гондэр. Пиком этого влияния считается правление Ио-

[1] На языке оромо: afur – четыре, sadi – три.

аса I (1755-1769 гг.). Знать во главе с прабабушкой императора, вдовствующей императрицей Ментеуаб, рассчитывала управлять государством вместо Иоаса, однако молодой «царь царей», который по матери принадлежал к йеджу, стал опираться на родственников матери и попытался оттеснить прабабку от управления. При дворе Иоаса I возникла императорская гвардия из оромо, император стал опираться на оромо-военачальников – в частности, на кенязмача Варагну, губернатора Дамота, назначенного на пост еще при императоре Бакаффе. Более того, Иоас I поразил имперскую знать общением на языке оромо, а затем попытался назначить своего дядю Бирале губернатором провинции Бегемдыр, хотя негласно эта должность должна была достаться сыну покойного губернатора. Однако знать не приняла такого культурного поворота, и позднее император был свергнут и убит губернатором северо-восточной провинции Тиграй.

Собственно, со смерти Иоаса I принято отсчитывать «время князей» – период смуты и раздробленности в истории Эфиопии. В стране формально сохранялось императорское правление, однако императоры лишились всякой власти. Интересно, что сын вождя иеджу сделал карьеру при императорском дворе и вскоре стал губернатором (расом) провинции Бегемдыр, положив начало династии губернаторов – регентов при императорах. Это продолжалось весь период «времени князей» до 1853 года, пока зять последнего регента – будущий император Теодрос (1855-1868 гг.) – не одержал над тестем победу.

Таким образом, в период до середины XIX века часть оромо, осевшая преимущественно на северо-западе и даже на севере от Эфиопской империи (в Годжаме и частично Уолло), стала активно включаться в общеимперский культурный контекст, а со временем приобрела некоторое влияние при дворе. В то же время, сообщения о войнах империи с другими оромо (галла) подразумевают, что оромо действовали разрозненно и не составляли единого целого – в политическом смысле слова.

На западе и юге от Эфиопии в XVIII-XIX вв. широкое распространение получили небольшие политические объединения оромо – преимущественно мусульманские. В частности, на юго-западе протогосударства (вождества) оромо фактически заменили более ранние государства этноса сидамо – так появились султанаты Лимму-Энареа (существовал до 1891), Гера (до 1887), Гомма (до 1886), Гумма (до 1902) и Джимма (до 1932). На западе граница расселения оромо доходила до государств Илюбабор и Каффа. В этих государствах религиозная принадлежность населения была смешанной (от ислама до анимистских культов). Илюбабор был завоеван Эфиопией в 1889 году, Каффа – только в 1897 году[1].

Восточным рубежом расселения оромо стал Харэрский эмират, населенный преимущественно сомалийцами и местным этносом харари. На севере от Харэра проживал клановая группа оромо – ноле, на западе – клан алла. Вместе с кланами оборра и бабиле данные группы оромо сформировали конфедерацию Афран Куаллу («Четыре потомка Куаллу»), с традиционными формами управления – выборными вождями, собранием старейшин. Если в XVII-XVIII вв. столкновения Харэрского эмирата с оромо были достаточно интенсивными, то постепенно часть оромо осознала выгоды от торговли с побережьем Аденского залива и от сохранения Харэра как площадки для торговли и нейтрального места для переговоров. К середине XIX столетия некоторые оромо из кланов ноле и алла перешли к земледелию или собирательству, стали поставщиками молока, топленого масла, дикого шафрана (краситель), кофе. Один из претендентов на престол эмирата в Харэре также как и император Сусейнос прошел процедуру усыновления, стал «родным» для всей конфедерации Афран Куаллу и, в итоге, был известен как эмир Мухаммед (1856-1875). Жители Харэра и местные сомалийцы не приняли правление эмира, так что Мухамед был вынужден опираться на оромо – регулярно одаривал их и разрешил им массовое пребывание в городе, а также обеспечил доступ к водным ресурсам. Одновременно эмир способствовал массовой исламизации оромо в окрестностях эмирата – рассылал проповедников, предоставлял льготы мусульманам-оромо [2, p. 369-373, 379]. За полвека конфедерация Афран Куаллу из преиму-

[1] Вместе с вышеупомянутыми султанатами оромо государство Каффа составило имперскую провинцию Каффа. Илюбабор стал отдельной провинцией.

щественно анимистской превратилась в преимущественно мусульманскую[1].

В целом, распространение ислама среди оромо, живших вне территории Эфиопской империи в XVIII-XIX вв. было обусловлено наличием нескольких торговых путей с территорий современной Кении и Уганды, которые были связаны с рынками Аравийского полуострова и Средиземноморья. Эти пути, главным образом, вели к портам в Аденском заливе (Зейла, Бербера, Таджура, Массауа, Суакин), которые номинально контролировала Оттоманская империя: торговлю вели преимущественно мусульмане, причем многие пути шли в обход Эфиопии. С земель юга современной Эфиопии, Кении и Уганды мусульманские торговцы вывозили золото, рабов, ароматические вещества и кофе[2], а местные правители и вожди из числа оромо становились участниками этой торговли: поставляли рабов из числа местного населения или получали прибыль от транзита товаров.

Новые политические условия для формирования национального самосознания оромо сформировались в результате экспансии Эфиопии в конце XIX столетия. Необходимо отметить, что во многом эта экспансия была вынужденной мерой, поскольку в регион начали активно проникать колониальные державы (Великобритания, Франция, Италия) – особенно, после открытия Суэцкого канала (1869). На западе от Эфиопии Египет при поддержке англичан покорил султанаты Сеннар и Дарфур (1821, 1870) на территории современного Судана. В 80-е гг. XIX столетия Франция подчинила часть побережья Аденского залива, а в 1882-1890 гг. Италия смогла сформировать там собственные колониальные владения, хотя территория формально подчинялась Османской империи и Египту. Иными словами, в действиях Эфиопии можно было усмотреть защитную реакцию, стремление сохранить самостоятельность.

В результате расширения территории Эфиопии на восток и юг, в рамках империи оказалось подавляющее большинство оромо. Протогосударства оромо (Каффа, Гомма и другие) оказались сопротивление войскам империи. Однако были и исключения. Правитель государства Джимма Абба Джафар II согласился на все условия эфиопского императора, в том числе, выплатил немалую дань. А правитель государства Лега-Негамте Кумса Морода даже принял христианство и был назначен губернатором новообразованной провинции Уоллега, в которую вошли земли его государства. Род Кумсы Мороды вошел в имперскую элиту: его двоюродный племянник Уилма Дересса позднее министром финансов и иностранных дел при императоре Хайле Селассие I (в 1957-1970 гг.).

Формирование представлений об оромо как о единой нации было связано с формированием литературного языка оромо. Еще в XVIII веке мусульманские проповедники стали переводить на язык оромо религиозную литературу (на диалект афаан), используя абугиду (эфиопский алфавит) или адаптированную арабскую вязь. В 1899 году два человека, освобожденные из рабства и прошедшие обучение в шведской протестантской школе, – Онесим Несиб и Астер Ганна – перевели на язык оромо «Библию». Заслуга Онесима Несиба не только в осуществлении данного перевода, но и в составлении словаря языка оромо и формировании современной светской литературной традиции. Особенно велико влияние творчества Онесима Несиба было в западноэфиопской провинции Уоллега, где его произведения читались на публичных собраниях: грамотные читали, остальные – слушали [1, p. 328-331].

Если на западе Эфиопии литературная традиция оромо формировалась, во многом, под влиянием протестантского прозелитизма, то в восточной части страны – в провинции Харарге (с центром в Харэре) литературный язык оромо формировался в атмосфере исламской учености. В частности, в 1956 году педагог и поэт шейх Абубакар Усман Ода («Бакри Сапало») тайно разработал оригинальную знаковую систему для языка оромо. Автор обучил этой системе учеников своей школы, а те обучали своих учеников, использовали новый алфавит в личной переписке. Так продолжалось почти десять лет – пока власти не обратили на это внимание [6, p. 553].

[1] Распространена точка зрения, что египетская оккупация Харэра в 1875-1884 гг. повлияла на исламизацию оромо сильнее, чем деятельность эмиров. Это обосновывают тем, что египетская администрация физически устранила выборные органы оромо и ввела новую систему землепользования, побудившую многих оромо перейти к земледелию.

[2] Речь шла не о плантационном выращивании кофе, а сборе свободно произраставшего кофе.

Все же, немногочисленные школы с обучением на языке оромо были формально закрыты по императорскому указу 1943 года, одновременно было запрещено издание и распространение литературы на оромо. Государственным языком был провозглашен амхарский язык, который начали внедрять даже в начальные школы в регионах, где местное население не знало амхарского. Из-за этого многие дети достаточно быстро бросали школу: в 60-е гг. XX столетия в южных регионах, где преимущественно проживают оромо, до 80% школьников бросало учебу до шестого класса. Соответственно, уровень грамотности среди оромо оставался низким [1, p. 336].

К 60-м гг. XX в. в Эфиопии проявился интересный парадокс, который заключался в том, что власти стремились проводить политику амхаризации, своеобразного «окультуривания» народов юга и запада, но эта политика явно не достигала своей цели. Одновременно, попытки развивать культуру оромо официально считались ненужными, отдельные знатные оромо предпринимали попытки на свой страх и риск (как знаменитый шейх Бакри Сапало). Такая ситуация вызывала недовольство трех групп оромо. Во-первых, оромо-лоялисты, имевшие отношение к имперской администрации, стремились как-то смягчить политику власти в отношение оромо. Во-вторых, немногочисленные вестернизированные интеллектулы-оромо (прежде всего, студенты) ощущали дискомфорт по поводу своего статуса в обществе (статус человека в Эфиопии во многом определялся происхождением, в данном случае – принадлежностью к оромо). В-третьих, многие крестьяне-оромо испытывали все большую эксплуатацию со стороны знати и государства[1].

Под руководством оромо-лоялистов возникло несколько организаций социальной помощи, которые в 1963-1964 гг. сформировали Общество «Мачо-Тулама» – название совпадало с этнонимами групп оромо, проживавших в окрестностях Аддис-Абебы и в верхнем течении р. Голубой Нил. Цели Общества, говоря современным языком, заключались в строительстве социальной инфраструктуры (больниц, школ, дорог) и в поощрении межрелигиозного диалога. Помимо социальных вопросов, данная организация активно занялась культурно-массовой работой – поощряла создание музыкальных коллективов, театральных трупп. Организацию возглавил имперский генерал Тадессе Биру. Несмотря на отсутствие у «Мачо-Тулама» политических требований, общество было распущено в 1966 году, а его лидеры арестованы. Причина столь жесткой реакции властей заключалась в том, что у данной организации были налажены контакты с восставшими крестьянами-оромо в провинции Бале (юго-восток империи), которых снабжали оружием сомалийские власти. Хотя опыт «Мачо-Тулама» в современной историографии, в основном, оценивается как успешный, разгром данной организации надолго устранил возможность нерадикальной оппозиции оромо – сначала имперскому, а затем и социалистическому режиму [7, p. 169-171].

Приблизительно с 1970-х гг. началась вооруженная борьба отдельных радикальных групп оромо против правящего режима Эфиопии. Помимо перехода некоторых лиц к вооруженной борьбе за права целого этноса, произошло еще несколько важных изменений. Во-первых, стало закрепляться название «оромо» вместо многовекового этнонима «галла» из эфиопских официальных документов. Во-вторых, произошел окончательный переход письменности оромо на латиницу – остальные варианты (абугида, адаптированная арабская вязь) были окончательно отвергнуты. Наконец, в-третьих, появились многочисленные политические организации оромо, которые способствуют формированию национального самосознания разрозненных групп, кланов и субэтносов оромо (Фронт освобождения оромо, Исламский фронт освобождения оромо, Объединенный фронт освобождения народа оромо, Фронт освобождения оромо «Аббо»). Эти организации значительно ослабили вековое деление на «городских» и «сельских» оромо, способствовали поиску общих интересов – хотя и не без фракционной и личной борьбы.

Сегодня процесс национальной идентичности оромо продолжается. Пока не совсем ясно, что значит – быть оромо. Оромо-анимисты почитают верховного духа Ваку, анимисты-земледельцы – женский дух Антете. Существуют синкретические культы: многие отождествляют Ваку с Аллахом, а Антете – с Девой

[1] Во многих провинциях крестьяне были должны содержать в порядке дороги, общественные здания, а также де-факто оплачивать само право пользования землей – помимо выплат от урожая.

Марией. Приблизительно треть оромо составляют христиане, в основном, связанные с Эфиопской православной церковью, свыше половины – мусульмане. Хотя разделительных линий остается много, но процесс пробуждения общей для оромо идентичности продолжается.

Список литературы

1. Bulcha M. The politics of linguistic homogenization in Ethiopia and the conflict over the status of Afaan Oromoo // African Affairs. 1997. Vol.96, № 384. pp. 325–352

2. Caulk R.A. Harär Town and Its Neighbours in the Nineteenth Century // The Journal of African History. 1977. Vol. 18, № 3. pp. 369-386

3. Dugassa B.F. Knowledge, Identity and Power: The Case of Ethiopia and Ethiopianess // The Journal of Oromo Studies. 2006. Vol. 13, № 1-2. pp. 57-81

4. Etefa T. Pan-Oromo Confederations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of Oromo Studies. 2008. Vol. 15, № 1. pp. 19-40

5. Hassen M. The Oromo and the Christian Kingdom of Ethiopia: 1300-1700. Woodbridge: James Currey, 2015.

6. Hayward R.J., Hassan M. The Oromo Orthography of Shaykh Bakri Sapalō // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1981. Vol. 44, № 3. pp. 550-566

7. Jalata A. The Emergence of Oromo Nationalism and Ethiopian Reaction // Social Justice. 1995. Vol. 22, № 3 (61). pp. 165-189

THE DEVELOPMENT OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE OROMO PEOPLE AND THE POLITICAL PROCESSES IN ETHIOPIA IN XVII-XX CENTURIES

The article examines the evolution of the ethnic identity of the Oromo people under the political conditions of the Ethiopian Empire. The presence of religious, territorial, socio-economic dividing lines is a result of the process of settling Oromo in the territory to the south and west neighborhood of Ethiopia. Many internal differences between the Oromo were caused by to the fact that part of the Oromo became part of the empire, and some representatives even became part of the Ethiopian imperial elite, while the other Oromo groups ended up in Ethiopia only at the end of the 19th century with no affection for the Ethiopian state. The author comes to the conclusion that a new quality of Oromo identity evolves. It is based on the emergence of common political and cultural interests.
Keywords: Ethiopia, Oromo, Galla, Empire, national identity.

References

1. Bulcha M. The politics of linguistic homogenization in Ethiopia and the conflict over the status of Afaan Oromoo // African Affairs. 1997. Vol.96, № 384. pp. 325–352

2. Caulk R.A. Harär Town and Its Neighbours in the Nineteenth Century // The Journal of African History. 1977. Vol. 18, № 3. pp. 369-386

3. Dugassa B.F. Knowledge, Identity and Power: The Case of Ethiopia and Ethiopianess // The Journal of Oromo Studies. 2006. Vol. 13, № 1-2. pp. 57-81

4. Etefa T. Pan-Oromo Confederations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of Oromo Studies. 2008. Vol. 15, № 1. pp. 19-40

5. Hassen M. The Oromo and the Christian Kingdom of Ethiopia: 1300-1700. Woodbridge: James Currey, 2015.

6. Hayward R.J., Hassan M. The Oromo Orthography of Shaykh Bakri Sapalō // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1981. Vol. 44, № 3. pp. 550-566

7. Jalata A. The Emergence of Oromo Nationalism and Ethiopian Reaction // Social Justice. 1995. Vol. 22, № 3 (61). pp. 165-189

Об авторе

Лошкарёв Иван Дмитриевич – преподаватель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: kixlo@rambler.ru

Loshkariov Ivan Dmoitrievich – Lecturer at the Political Theory Department of Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: kixlo@rambler.ru

УДК 327

Маслова Е.А., кандидат политических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)
Ушакова Н.В., кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ (НАЧАЛО)

Статья посвящена роли и перспективам итало-ливийских отношений в формировании единого евросредиземноморского пространства. В последние десятилетия концепция Средиземноморья как региона постепенно «расширилась» и вышла за географические границы непосредственно Средиземного моря, которое стало многополярным регионом, с множеством центров силы, а также с конкурирующими политическими программами. Для Италии Средиземноморское направление всегда являлось одной из констант внешней политики. В этом контексте итало-ливийские отношения носят особый характер. На протяжении всей своей истории эти отношения переживали как драматические периоды, так и периоды активного развития и укрепления. В последние годы возникли новые вызовы перед обеими странами. Тем не менее Италия стремится следовать интегрированному подходу, который сочетает безопасность и солидарность, последовательно поддерживая и отстаивая эту линию как рамках Европейского союза, так и на глобальном уровне. Реализация многочисленных инициатив Италии в этом направлении дает свои положительные результаты, несмотря на причины объективного характера, в том числе, напряженную обстановку внутри самой Ливии, которая, безусловно, тормозит этот процесс.
Ключевые слова: Италия, Средиземноморье, Ливия, общее средиземноморское пространство, итальянская внешняя политика.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-111-116

Средиземноморье в мировой политике

Средиземное море является перекрёстком встречи Европы, Африки и Азии. На протяжении хода мировой истории народы поразному называли данную акваторию: римляне “Mare Nostrum” («Наше море»), турки «Белое море», евреи «Великое море», немцы «Среднее море», древние египтяне «Большое Зелёное море», а арабы – «Среднее Белое море». Подобное множество определений лишь в некотором роде отражает всю сложную историю и специфику данной акватории.

Является ли Средиземноморье регионом или представляет собой лишь географическую территорию? Понятие региона в политической науке имеет множество трактовок и теорий. Ответ на данный вопрос требует отдельного комплексного исследования. В то же время, разнообразие подходов к пониманию региона можно свести в целом к тому, что регион являет собой целостную территорию, обладающую общими признаками, а также характеризующуюся взаимосвязанностью процессов.

В последние десятилетия концепция Средиземноморья как региона пережила трансформацию и постепенно «расширилась». Всё чаще в официальных документах и речах можно встретить понятие «Большого Средиземноморья», выходящего за географические границы Средиземного моря, вбирающего в себя Чёрное море, Персидский залив и Ближневосточный регион, Балканы. Расширяясь, это новое «средиземноморское пространство» одновременно даёт трещины по новым областям политического влияния и новым театрам гражданских войн. Одним из факторов разобщения является то, что в регионе действует большее число негосударственных акторов – ополченцы, джихадистские группы, племена, преступные организации, сети торговцев людьми – которые обретают власть, конкурируя с авторитетом государственной власти. Таким образом, Средиземное море стало многополярным регионом, с множеством центров силы, а также с конкурирующими политическими программами – Тегерана, Эр-Рияда, Анкары, Израиля, Каира.

Средиземноморье сегодня является «геополитическим парадоксом»: оно стало как более фрагментированным, так и более взаимосвязанным. С одной стороны, Средиземноморье таит в себе кризисы и конфликты, идеологические и религиозные столкновения, с другой – представляет собой платформу для экономической, энергетической и инфраструктурной связи между Европой, Африкой и Азией. В контексте расширения Суэцкого канала и развития проекта «Один пояс-Один

путь» Средиземноморье приобретает новую стратегическую значимость в качестве транспортно-логистической платформы.

Одновременно «расширяясь» и «расщепляясь», Средиземноморье приобретает одну из центральных тем в мировой политике.

Средиземноморье во внешней политике Италии и Европейского союза

Для Италии Средиземноморское направление всегда являлось одной из констант внешней политики. Правительство с особым вниманием относится к данному региону, о чём свидетельствует содержание мероприятий и стратегий, которые страна реализует, прежде всего, в таких областях как безопасность; миграция; экономика; энергия; культура и наука.

В рамках Европейского союза Италия также стремится последовательно проводить линию на усиление внимания стран ЕС к Средиземноморью. В подтверждение этому приводим выказывание министра иностранных дел А. Альфано (декабрь 2017 г.): «В период больших перемен для Европейского союза, для того, чтобы вновь стать важным мировым игроком, наш Союз должен осознавать, что сегодня, как никогда ранее, его судьба заложена в Средиземноморье. Его воды обеспокоены многочисленными проблемами, но содержат в себе и много возможностей, которые мы должны постичь и использовать для обеспечения нашего роста и нашей безопасности» [7].

В связи с этим, по мнению итальянского руководства, Италия должна предпринять меры, направленные на поддержание мира, стабильности и демократии в Средиземноморье. Однако добиться успехов возможно лишь при консолидации ресурсов через проведение общеевропейской средиземноморской политики.

Рубеж XX-XXI вв. можно отметить стремлением к созданию различных региональных систем в Средиземноморье, где налаживанию сотрудничества содействовали, прежде всего, такие международные организации как ОБСЕ и Европейский союз.

Позиция ОБСЕ по поводу взаимоотношений стран европейского континента и стран южного и восточного Средиземноморья впервые была изложена в хельсинском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1980 г. в ходе мадридской встречи представителей государств-участников СБСЕ появилась инициатива изучить возможность проведения совещаний *ad hoc* средиземноморских государств с целью усиления безопасности и сотрудничества в Средиземноморье. Идея проведения таких совещаний прозвучала в полный голос на следующем мероприятии СБСЕ по средиземноморским проблемам – на семинаре по экономическому, научному и культурному сотрудничеству в Средиземноморье в 1984 г. в Венеции, где Италия предложила созвать конференцию по безопасности и сотрудничеству в Средиземноморском регионе (СБСС). Предложение о созыве СБСС высказывалось также и на совещании 1990 г. в Пальма-де-Майорке, однако реализации не получило [2].

В декабре 1990 г. Совет ЕЭС принял рамочное решение о проведении «новой средиземноморской политики», основной составляющей которой стало бы партнёрство с т.н. «третьими средиземноморскими странами» [2].

Крупнейшей акцией в рамках «новой средиземноморской политики» стала евросредиземноморская конференция в Барселоне в 1995 г., на которой была принята программа сотрудничества в области энергетики, промышленности, телекоммуникаций, транспорта, науки и туризма между 15 государствами ЕС и 12 т.н. «третьими средиземноморскими странами»[1]. Спустя почти 10 лет – в 2003 г. после принятия решения о пятом расширении ЕС – Европейская комиссия представила Сообщение: «Большая Европа – соседи: новая основа отношений с восточными и южными соседями ЕС». В документе излагались основные принципы политики европейского соседства и отмечалась важность создания зоны безопасности и благосостояния, «кольца дружественных стран» на границах Европейского Союза. Целью новой политики европейского соседства является стабилизация системы отношений со всеми гос-

[1] В число т.н. «третьих средиземноморских государств» входили Кипр, Мальта, Турция, Палестина, Израиль, Иордания, Сирия, Ливан, Египет, Марокко, Тунис, Алжир.

ударствами, граничащими с ЕС, а также преодоление препятствий, мешающих завершению Барселонского процесса. Реализация данной политики виделась его членам через создание новых политических инициатив на региональном и субрегиональном уровнях всего Средиземноморья.

По мнению итальянского правительства, создание единого евросредиземноморского пространства требует проведения политики, основанной на общих правилах и нормах, признавая при этом различную природу стран и вовлекая их в диалог – политический, экономический и культурный, продвигаясь таким образом к «альянсу цивилизаций».

Таким образом, основы отношений ЕЭС со странами Средиземноморского берега были заложены после распада колониальных империй. В целом, подход ЕЭС, как замечает О.Е. Трофимова, носил «мозаичный характер» [3]. Новый этап отношений открывается подписанием в 1995 г. так называемой Барселонской декларации о развитии «Евросредиземноморского партнёрства». В 2008 г. по инициативе Франции запускается новая инициатива – Союз для Средиземноморья.

Иными словами, на сегодняшний день, фундаментом отношений стран ЕС со странами Средиземноморья являются: Барселонская декларация 1995 г., Союз для Средиземноморья, программа политика соседства, а также многочисленные двусторонние отношения. Последние касаются в основном вопросов преференциальной торговли.

Итало-ливийские отношения

Не без основания можно утверждать, что итало-ливийские отношения носят особый характер. Напомним, что в течение столетий Триполитания и Киренаика являлись процветающими провинциями Римской империи, а с 1912 по 1942 гг. Ливия находилась в колониальной зависимости от Итальянского королевства. После государственного переворота 1969 г., в результате которого к власти пришёл М. Каддафи, итальянцы, проживавшие в Ливии (свыше 20 тыс. человек), были депортированы, а их имущество конфисковано в пользу государства.

Впоследствии итальянские правительства были заинтересованы в стабилизации отношений с Джамахирией. Не последнюю роль играла зависимость страны от энергетических ресурсов Ливии. Так, между сторонами был заключён ряд значимых соглашений. В первую очередь, стоит упомянуть следующие: Консульская конвенция 1998 г., Соглашение о поддержке и защите инвестиций 2000 г., Соглашение по борьбе с терроризмом, организованной преступностью и нелегальной иммиграцией 2000 г. (в силе с декабря 2002 г.), Протокол 2007 г. о сдерживании нелегальной иммиграции.

Действие Протокола 2007 г. вносило немалый вклад в регулирование миграционных процессов. Документ предусматривал совместное морское патрулирование на катерах, предоставляемых итальянской стороной. Операции по патрулированию включали в себя охрану ливийских и международных вод, обнаружение и спасение нелегальных иммигрантов с их последующей доставкой до ливийских берегов.

Однако действие протокола было приостановлено в одностороннем порядке Ливией уже в 2008 г. в связи с внутриполитическими событиями в Италии. В частности, это было связано с личностью Р. Кальдероли – одного из руководителей «Лиги Севера», который появился в телеэфире в футболке с изображением карикатуры на пророка Мохаммеда. В начале мая 2008 г. сын Муаммара Каддафи Саиф-эль-Ислам пригрозил «катастрофическими последствиями» в отношениях между Италией и Ливией, если представитель «Лиги Севера» Р. Кальдероли войдёт в состав нового кабинета министров [8]. Однако МИД Италии счёл подобное заявление вмешательством во внутренние дела страны [5]. В день инаугурации нового правительства, куда Р. Кальдероли вошёл в качестве министра по упрощению законодательства, ливийское МВД проинформировало, что Джамахирия не намерена более сотрудничать с Итальянской Республикой в борьбе с нелегальными иммигрантами. Согласно официальной версии, такое решение было обосновано недостаточными поставками со стороны Италии патрульных катеров и других средств береговой охраны, что вынудило Ливию использовать собственные материальные ресурсы в борьбе с незаконной миграцией. Таким образом, Триполи заявили о том, что снимают с себя ответственность за нелегальных иммигрантов, проникающих на территорию Италии.

Другой важной вехой в развитии итало-ливийских отношений стало подписание Договора о дружбе и сотрудничестве в 2008 г. В августе 2008 г. состоялся официальный визит итальянского премьер-министра С. Берлускони в Бенгази – бывший центр древнеримской провинции Киренаика. Главным событием визита стало подписание договора между бывшей метрополией и её колонией, который, по словам итальянского премьера, имел «историческое значение и окончательно перелистывает страницу прошлого» [4]. Во время церемонии подписания нового соглашения С. Берлускони официально принёс извинения за колониальное прошлое [6].

Договор о дружбе и сотрудничестве был подписан С. Берлускони и М. Каддафи 30 августа 2008 г., а день 30 августа объявлялся Днём итало-ливийской дружбы. Документ содержал в себе более 20 статей, которые устанавливали как общие принципы партнёрства, так и касались определённых сфер: науки, культуры, экономики, энергетики и т.д.

Отдельная статья договора предусматривала военное сотрудничество. Стороны выражали намерение проводить совместные военные манёвры, а также осуществлять обмен экспертами и техническими специалистами. Кроме этого, в документе говорилось о сотрудничестве в борьбе с оружием массового уничтожения, указывалось намерение сделать Средиземноморье безъядерной зоной.

Вторая часть договора о прекращении исторических споров предусматривала инвестиции со стороны Италии в размере 5 млрд. долларов на обновление ливийской инфраструктуры [9]. В частности, предполагалось возведение жилого фонда и строительство автомагистрали вдоль побережья от Туниса до Египта. Предусматривались ежегодные инвестиции итальянской стороной в размере 250 млн. долларов в течение 20 лет [9].

В обмен Апеннины должны были получить возобновление Ливией обязательства о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и незаконной иммиграцией. В целях противодействия нелегальной миграции, как и прежде, предусматривалось патрулирование итальянцами ливийских границ.

Ко всему прочему, Италия выделяла стипендии ливийским студентам, взяла обязательство отреставрировать археологические находки колониальной эпохи, а также осуществить выплаты пострадавшим от взрывов мин времён колониального прошлого. Ливия со своей стороны должна была отреставрировать итальянское кладбище в Триполи, заброшенное после 1970 г. Согласно новой договорённости, все итальянцы теперь могли вернуться в Ливию, получив визу.

Особого внимания заслуживает то, что, согласно договору, стороны должны были предоставлять военную и другую помощь друг другу в случае опасности. Эксперты сразу же заговорили, не вступает ли такое положение в противоречие с членством Италии в НАТО, однако технически такого противоречия установлено не было, поскольку данный договор не являлся договором о ненападении.

Вскоре новый документ был ратифицирован итальянским и ливийским парламентами. После подписания Договора о дружбе и сотрудничестве политические контакты между двумя лидерами участились, М. Каддафи неоднократно приезжал в Рим со своей официальной делегацией.

Таким образом, Договор о дружбе и сотрудничестве положил конец дискуссии о колониальном прошлом – Рим официально принёс извинения, пообещав «репарации». Взамен Италия получила частичное решение проблемы нелегальных иммигрантов, а также гарантию полноправного партнёрства сторон, в первую очередь, экономического. Наконец было создано рамочное соглашение, гармонизирующее и нормализующее отношения между Итальянской Республикой и Ливийской Джамахирией.

Однако через несколько лет после подписания договора и вступления его в силу регион Ближнего Востока охватил ряд вооружённых восстаний, т.н. «арабская весна». В Ливии начался вооружённый конфликт между сторонниками Каддафи и его противниками. Последних поддерживали Лига арабских государств, ЕС, НАТО, некоторые другие государства и организации. В первые дни конфликта среди итальянского истеблишмента царила полная растерянность. Согласно Договору 2008 г., Италия должна была оказать военную помощь Ливии в случае нападения на неё третьей стороны. Пожалуй, единственно последовательным был президент Республики Джорджо Наполитано, который после возвращения из США и

встречи с Президентом Бараком Обамой, настоятельно просившим Италию оказать военную помощь операции НАТО в Ливии, сразу же заявил, что «Италия должна быть вместе с мировым сообществом» [1].

В конечном итоге, Италия приостановила действие Договора о дружбе в одностороннем порядке, и правительство Берлускони предоставило свои базы для нанесения авиаударов по территории Ливии. По сути, Италия и Ливия находились в состоянии войны, а Каддафи объявил войну Италии в эфире государственного телеканала.

В связи с вооружённым конфликтом в Ливии к берегам Италии через Средиземноморье устремились беженцы. Большинство иностранных нефтедобывающих компаний (BP, Total, Statoil, Shell, Eni) было вынуждено временно прекратить свою работу.

Список литературы

1. Баранчеева И. Италия – Ливия: перспективы сотрудничества. Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/italija__livija_perspektivy_sotrudnichestva_2011-09-12.htm (дата обращения: 21.02.2018)

2. Европа: вчера, сегодня, завтра. Под ред. Шмелева Н.П. М., 2002. С. 413 – 416.

3. Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 122 с. С.4.

4. Berlusconi da Gheddafi, siglato l'accordo: “Uniti sull'immigrazione”. Corriere della Sera. 30 agosto 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.corriere.it/esteri/08_agosto_30/berlusconi_libia_gheddafi_bengasi_478ee3f4-767e-11dd-9747-00144f02aabc.shtml (дата обращения: 21.02.2018)

5. Calderoli ministro, la Lega araba frena D'Alema: «Il governo è questione interna». Correiere della Sera. 03 maggio 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.corriere.it/politica/08_maggio_03/calderoli_lega_araba_ministro_2cfa6ebc-1910-11dd-8268-00144f486ba6.shtml (дата обращения: 21.02.2018)

6. Governo Italiano. Sintesi dell’ Intervento del Presidente del Consiglio, Silvio Berlusconi, alla Firma del Trattato di Amicizia, Partenariato e Cooperazione tra Italia e Libia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.governo.it/Presidente/Interventi/dettaglio.asp?d=40139 (дата обращения: 12.09.2017), https://appablog.wordpress.com/2008/08/31/libia-italia-sintesi-dell%e2%80%99-intervento-del-presidente-del-consiglio-silvio-berlusconi-alla-firma-del-trattato-di-amicizia-partenariato-e-cooperazione-tra-italia-e-libia/ (дата обращения: 21.02.2018)

7. La strategia italiana nel Mediterraneo. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-ita.pdf (дата обращения: 21.02.2018)

8. Libia a Italia, non collaboriamo più non bloccheremo più immigrati. La Repubblica. 08 maggio 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.repubblica.it/2008/05/sezioni/esteri/libia-italia/libia-italia/libia-italia.html?ref=search (дата обращения: 21.02.2018)

9. Ronzitti N. The Treaty on Friendship, Partnership and Cooperation between Italy and Libya: New Prospects for Cooperation in the Mediterranean? // Bulletin of Italian Politics. Vol.1, No. 1, 2009, p. 128.

THE ITALIAN POLICY IN THE MEDITERRANEAN (1ST PART)

The article is devoted to the role and perspective of relationships between Italy and Libya in regards to the formation of common Mediterranean space. In the last decades the concept of the Mediterranean region has been constantly expanding and has exceeded the geographical boundaries of Mediterranean Sea which has become a multipolar region with multiple key players and competing political programs. Mediterranean policy has always been one of the constants of Italian foreign policy. In this context the relationships between Italy and Libya have a special nature. During its history these relationships have passed not only through dramatic periods but also through active development and strengthening. Last years have seen new challenges for both countries. However, Italy strives for an integrative approach which combines security and solidarity standing out this conception within European Union and globally. Implementation of Italy’s related initiatives has led to positives results, despite objective reasons and tensions in Libya that slow down the process.
Keywords: Italy, Mediterranean region, Libya, common Mediterranean space, Italian foreign policy.

References

1. Barancheva I. Italia – Livia: perspektivy sotrudnichestva. Stoletie. Informatsionno-analiticheskoe izdanie Fonda istoricheskoi perspektivy. [Libya: prospects for cooperation. Century. Information-analytical edition of the Foundation for Historical Perspective]. Retrieved 21 February, 2018 from http://www.stoletie.ru/geopolitika/italija__livija_perspektivy_sotrudnichestva_2011-09-12.htm

2. Evropa: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. Shmeliova N.P. M., 2002. S. 413 – 415. [Europe: yesterday, today, tomorrow. edited by Shmeliov N.P. M., 2002. P. 413 – 416.

3. Trofimova O.E. Evolutsia sredizemnomorskoi politiki Evrosoyuza: put' ot sotrudnichestva k integratsii. - M.: IMEMO RAN, 2011. – 122 s. S.4. [Evolution of the EU's Mediterranean policy: the path from cooperation to integration. – M.: IMEMO RAS, 2011. – 122 p. P.4.]

4. Berlusconi da Gheddafi, siglato l'accordo: "Uniti sull'immigrazione". Corriere della Sera. 30 agosto 2008. Retrieved 21 February, 2018 from http://www.corriere.it/esteri/08_agosto_30/berlusconi_libia_gheddafi_bengasi_478ee3f4-767e-11dd-9747-00144f02aabc.shtml

5. Calderoli ministro, la Lega araba frena D'Alema: «Il governo è questione interna». Correiere della Sera. 03 maggio 2008. Retrieved 21 February, 2018 from http://www.corriere.it/politica/08_maggio_03/calderoli_lega_araba_ministro_2cfa6ebc-1910-11dd-8268-00144f486ba6.shtml

6. Governo Italiano. Sintesi dell' Intervento del Presidente del Consiglio, Silvio Berlusconi, alla Firma del Trattato di Amicizia, Partenariato e Cooperazione tra Italia e Libia. Retrieved 21 February, 2018 from http://www.governo.it/Presidente/Interventi/dettaglio.asp?d=40139, retrieved 21 February, 2018 from https://appablog.wordpress.com/2008/08/31/libia-italia-sintesi-dell%e2%80%99-intervento-del-presidente-del-consiglio-silvio-berlusconi-alla-firma-del-trattato-di-amicizia-partenariato-e-cooperazione-tra-italia-e-libia/

7. La strategia italiana ntl Mediterraneo. Retrieved 21 February, 2018 from http://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-ita.pdf

8. Libia a Italia, non collaboriamo più non bloccheremo più immigrati. La Repubblica. 08 maggio 2008. Retrieved 21 February, 2018 from http://www.repubblica.it/2008/05/sezioni/esteri/libia-italia/libia-italia/libia-italia.html?ref=search

9. Ronzitti N. The Treaty on Friendship, Partnership and Cooperation between Italy and Libya: New Prospects for Cooperation in the Mediterranean? // Bulletin of Italian Politics. Vol.1, No. 1, 2009, p. 128.

Об авторах

Маслова Елена Александровна – кандидат политических наук Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), старший научный сотрудник Института Европы Российской Академии Наук

Ушакова Наталья Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Maslova Elena Aleksandrovna – Candidate of Political Sciences, Department of Integration Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), Institute of Europe of the RAS, E-mail: Elena.maslova21@gmail.com

Ushakova Natalia Valentinovna – Candidate of Economic Sciences, Department of Romance Languages, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: nataliaushakova13@gmail.com

УДК 94 (569.4)

Морозов В.М., кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)
Литвинова Е.В., аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ: ИЗРАИЛЬСКИЙ ОПЫТ

В статье рассматриваются особенности борьбы с терроризмом в Израиле, в том числе права и обязанности военных, спецслужб и заключенных. Кроме того, анализируются подходы Израиля к понятию терроризма, террористического акта и террористической организации, механизмы определения государственными органами власти наличия или отсутствия террористической угрозы. В этом контексте автор анализирует общие для всех стран вызовы для борьбы с терроризмом и те практические меры, которые запущены израильским Законом «О борьбе с терроризмом» 2016 года. В качестве наиболее устойчивых элементов борьбы с терроризмом в Израиле отмечается экстерриториальность израильского правосудия, включение борьбы с терроризмом в понятие национальной обороны, квазисудебные методы определения наказаний подозреваемым в терроризме.
Ключевые слова: Израиль, борьба с терроризмом, терроризм, экстерриториальность.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-117-123

Террористическая угроза в условиях современного общества становится все более актуальной и все менее предсказуемой. Одно время казалось, что международные усилия по борьбе с терроризмом дают плоды, как и точечная работа спецслужб по сбору информации и устранению лидеров террористических организаций и ячеек. По имеющимся данным, в 2012 году общее число террористических атак достигло минимального значения в новом тысячелетии – почти 6800 случаев. Но уже в 2014 году количество террористических атак удвоилось, пробив планку в 13463 зарегистрированных случая [17]. Увеличилось и количество убитых: 11,1 тысяч человек (2012) против 32,7 тысяч (2014) [16]. Хотя постепенно число терактов и убитых в их результате сокращается, пока ситуация такова, что при меньшем количестве терактов стало гибнуть больше людей, то есть терроризм стал в большей степени ориентированным не на запугивание обществ и выдвижение неких требований по отношению к отдельным гражданам и государственным структурам, а на осуществление насильственных акций (часто на совершенно немотивированной основе).

Причин такого положения можно выделить несколько. Во-первых, с всей очевидностью можно констатировать, что провалились попытки государств сдерживать терроризм через контроль личной жизни граждан и стремление государственных органов различными способами формировать неконфликтный тип поведения граждан (так называемая превенция терроризма) [10; 13]. Во-вторых, государства оказались неспособными прийти к холистическому пониманию феномена терроризма, воспринимали его как обычную практику уголовных преступлений [5; 12]. Между тем, холистическое понимание общественных феноменов становится все более важной задачей для органов власти, гражданских структур, научного сообщества, поскольку позволяет замедлить и сузить сферу действия негативных проявлений социального и технологического прогресса [1; 2]. В-третьих, было допущено большое число политических ошибок. В частности, некоторыми странами идеалистически были истолкованы события «Арабской весны», которые, несомненно, стали дополнительным фактором дестабилизации в регионе [6].

В-четвертых, государства оказались не в состоянии признать существенное различие между политическим насилием как таковым (например, в форме экстремизма) и терроризмом как гибридной формой социально-политической мобилизации. Проще говоря, государства пытались бороться с терроризмом привычными методами – так же, как до этого боролись с диссидентами, оппозиционерами, сепаратистами и различными партизанскими движениями. В ходу были жесткие меры, суровые наказания, но не попытки выбить у террористов само основание для запу-

гивания обществ – например, попытки повысить уровень социально-экономического развития, устранить наиболее кричащие проявления бедности [3; 7].

Все это в особенности затрагивает Израиль, который в силу своего географического положения постоянно сталкивается с вызовами и угрозами в сфере безопасности. За недолгую историю государства основную тяжесть борьбы с терроризмом взяли на себя военные, которые имели право административного ареста, депортации и осуществления правосудия в отношении подозреваемых в терроризме. Примечательно, что Израиль использовал арсенал антитерористических инструментов (включая соответствующие нормативно-правовые акты) не только против палестинских организаций вроде ХАМАС и ООП, но и против экстремистов-иудеев, которые, например, отстаивали радикальную точку зрения в отношении арабского населения в Палестине. Интересно, что исполнительные органы власти Израиля имели право принимать решения по насущным проблемам борьбы с терроризмом, хотя, в целом, существовал консенсус, что антитеррористическая борьба должна регулироваться, в первую очередь, законами, а не актами исполнительной власти.

Существенным элемент того, как понималась борьба с терроризмом в Израиле, является отношение к понятию превентивных мер в отношении терроризма. В мировой практике речь идет обычно не только об агентурной работе и оперативной разработке наиболее опасных радикально настроенных индивидов, но и о мерах образовательного, социально-культурного характера, которые призваны снизить общую напряженность в обществе и сформировать культура нетерпимости в отношении терроризма [4; 14]. Из норм британской подмандатной территории Израиль позаимствовал практику предварительных арестов, когда подозреваемые заключаются под стражу до совершения общественно опасного деяния, то есть до совершения теракта. Принципиально эта норма не отменена, хотя Верховный Суд Израиля занял активную позицию в вопросе соблюдения прав задержанных. В результате, задержанные вправе требования рассмотрения своего дела судом, а сторона обвинения обязана представить суду фактические основания, которые были использованы для принятия решения о заключении под стражу.

Уникальность положения Израиля в вопросах применения норм антитеррористического заключалась в том, что большинство террористических атак совершается лицами, постоянно проживающими вне территории Израиля. Это не только территории, занятые израильтянами в результате Шестидневной войны 1967 года (Западный берег р. Иордан), но и палестинские территории, более-менее официально управляемые Тель-Авивом. Наконец, террористы нередко пребывают из регионов и населенных пунктов, контролируемых террористическими или радикальными организациями (например, «Хезболла» в южном Ливане) – своеобразными террористическими «диаспорами» [8]. С точки зрения международного права, к таким случаям скорее должны применять нормы об обязанностях оккупирующей стороны, а не внутриизраильское законодательство. Израиль не распространял свое законодательство на территории такого рода, но израильские военные были наделены правом применять определенные меры по защите безопасности страны и ее граждан [9]. Более того, израильские суды не отказывают рассматривать претензии к действиям военных, исходя из того, что необходим контроль за деятельностью органов власти, в том числе военных. Интересно, что Верховный Суд Израиля, в соответствии с этой логикой, разрешил военным осуществлять принудительное переселение подозреваемых на новое место жительства, но запретил привлекать местных жителей на спорных и неизраильских территориях для переговоров с террористами.

Долгое время в Израиле отсутствовал специальный закон, регулирующий вопросы противодействия пропагандистской и вербовочной деятельности террористических организаций. Соответствующие положения содержались в нескольких нормативно-правовых актах. При этом, израильское законодательство не выделяло международный характер таких организаций, рассматривая их безотносительно территориальной принадлежности. В этом Израиль наследовал британской системе права, в которой спорные вопросы относились, в первую очередь, к сфере

ведения парламента (Кнессета). Однако постепенно Израиль стал дрейфовать к континентальной правовой системе, которая подразумевает кодификацию имеющихся норм и наличие юридического надзора за их исполнением. Рубежной датой принято считать 1992 год, когда было принято два закона, касающихся режима обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Наконец, 16 июня 2016 г. на заседании Кнессета в третьем чтении был утвержден закон «О борьбе с терроризмом», который вступил в силу 1 ноября 2016 г. Закон был инициирован в Кнессете прошлого созыва занимавшей в ту пору пост министра юстиции Ц.Ливни. В нынешнем правительстве его продвижением занималась министр юстиции А.Шакед.

Принятию этого закона предшествовала долгая подготовка. В апреле 2010 г. министерство юстиции Израиля обнародовало меморандум по борьбе с терроризмом, в котором содержались ключевые принципы предлагаемого законодательства в области борьбы с терроризмом. В 2011 г. израильское правительство выдвинуло на рассмотрение Кнессета законопроект по борьбе с терроризмом, в пояснительной записке к которому были определены цели будущего закона, а именно предоставить руководству Израиля в уголовном и гражданском судах средства противодействия террористической угрозе.

Помимо очевидного усиления полномочий исполнительной власти, которая постепенно ограничивалась судебной практикой, нормативно-правовыми актами ведомств и локальных органов управления, целью законопроекта состояла во внесении ясности в ряд принципиальных вопросов. Долгое время трудности в противодействии терроризму объяснялись тем, что не существовало точных определений для: лиц, совершивших террористическое преступление; тех организаций, которые следует относить к террористическим; преступлений, которые следует расценивать, как теракты.

Определение «террористической организации» давал Ордонанс о противодействии терроризму (Prevention of Terrorism Ordinance No. 33 5708-1948), статья 1 которого гласит «под террористической организацией понимается группа лиц, прибегающих к актам насилия в своей деятельности, направленных на причинение смерти и нанесения вреда здоровью человека или к угрозам совершения таких актов» [11]. Под членом организации понималось лицо, принадлежащее к террористической организации, а также лицо, участвующее в ее деятельности, осуществлявшее пропаганду террористической организации и ее деятельности и ее целей, а также осуществляющее сбор денежных средств либо иных средств террористической организации или ее деятельности. Кроме этого, в израильском праве существует понятие «незаконное объединение», которое имеет более широкое значение, чем террористическая организация. Это понятие установлено Правилами о чрезвычайном (военном) положении 1945 г. (The Defense (Emergency) Regulations) (*Режим чрезвычайного положения действует с момента провозглашения независимости Государства Израиль по настоящее время*). Среди прочего, понятие незаконного объединения детализировано в статье 145 Уголовного закона (Penal Law) от 1977 г.

Таким образом, становится ясно, что единого закона, где прописывались бы точные формулировки, единства в трактовке норм не было нигде. Следует отметить, что продвижение и принятие нового Закона способствовали участившиеся нападения на израильтян в сентябре 2015 г., тогда же министр юстиции А.Шакед представила проект данного Закона на рассмотрение Кнессета в первом чтении.

При составлении Закона использовались следующие законодательные акты: приказ о предотвращении терроризма от 1948 г., закон о запрете финансирования террористической деятельности от 2005 г., закон об уголовно-судебном порядке при аресте подозреваемых в преступлениях против безопасности Израиля (в случае чрезвычайной ситуации) от 2006 г., Правила о чрезвычайном (военном) положении от 1945 г., закон о гражданстве от 1952 г., закон о помещении Кнессета и его охране от 1968 г., закон о возмещении пострадавшим от враждебных действий от 1970 г., указ о тюрьмах от 1971 г. (новая версия), закон о наказаниях от 1977 г., закон об уголовном учете от 1981 г., закон о судах (редактированная версия) от 1984 г., закон о

национальном страховании (редактированная версия) от 1995 г., закон об общественной защите от 1995 г., закон о порядке уголовного суда (полномочия по надзору за арестами) от 1996 г., закон о запрете создания памятников в честь террористов от 1998 г., закон о судебной помощи между государствами от 1998 г., закон о свободе информации от 1998 г., закон о запрещении отмывания капитала от 2000 г., закон о судах по административным делам от 2000 г., закон о противодействии организованной преступности от 2003 г. и др.(*Применяется не только к организациям, преследующим экономическую выгоду, но и к организациям, действующим на идеологической основе, таким как террористические организации, при условии, что они являются организованными, систематически и продолжительное время действующими*.)

Цель закона – «назначить в области уголовного и административного судов указания, включая особые полномочия по надзору в связи с необходимостью противодействия террористической деятельности, а именно: предотвращение создания террористических организаций и осуществления ими террористической деятельности, недопущение и предотвращение терактов, осуществляемых террористическими организациями или отдельными лицами» [15].

Среди прочего, Закон предусматривает расширение полномочий израильских властей в борьбе с террористическими организациями и т.н. «индивидуальным террором». Расширяет рамки интерпретации террористической деятельности, регулируемой ранее в соответствии с Ордонансом о противодействии терроризму. Согласно п.2 раздела «алеф» Закона, под определением «террористическая организация» подразумевается: 1) объединение, действующее на постоянной основе с целью осуществления терактов. 2) объединение людей, действующее на постоянной основе для оказания помощи террористической организации; 3) организация, объявленная террористической за пределами территории Израиля.

Под «террористической организацией» может пониматься фракция, филиал, подразделение или объединение, которые находятся в подчинении террористической организации, даже если имеют отличное от нее название [15]. Таким образом, по новому закону о борьбе с терроризмом: если, например, палестинская организация по сбору средств и пожертвований окажется связана с ХАМАС, то можно будет определить и эту организацию как террористическую, и активиста такой организации следует привлекать к ответственности.

Под «терроризмом» понимаются действия, являющиеся преступлением или угрозой его совершения, которые осуществляются по государственным, религиозным, националистическим или идеологическим мотивам; с целью вызвать страх или испуг в обществе, либо оказать давление на правительство или другие государственные органы для совершения ими тех или иных действий. Впервые Закон квалифицирует как «теракт» враждебные действия, как против гражданского населения, так и против военнослужащих израильской армии [15].

В соответствии с общемировой тенденцией на прозрачность принятия решений в отношении признания той или иной организации террористической, а того или иного лица террористов, закон детально прописывает процедурные вопросы. В частности, для признания организации террористической необходимо представлений глав одной из спецслужб и одобрение генерального прокурора. Окончательное решение в этом отношении принимается министром обороны. Однако вводится также понятие временного признания террористической организации, когда министр обороны принимает решение без одобрения генерального прокурора. Формально организациям, признанным террористическими, дано право оспорить решение министра обороны перед консультативным советом, которые проводит слушания и направляет рекомендации министру обороны. Консультативный совет знакомится со всеми данными, на основании которых организация признана террористической, и может предоставить такой организации краткую справку с обоснованием обвинения.

Кроме того, террористическими организациями в автоматическом порядке признаются разные ответвления организаций, которые уже признаны террористическими. Более того, согласно закону, министр обороны вправе объявить своим указом объединение террористическим, если убежден, что

его деятельность соответствует определению «террористической организации», установленному данным законом [15].

Вместе с тем, в принятом законе выделяют некоторые недостатки, связанные с неточными или размытыми формулировками в ряде положений. Прежде всего, речь идет о фактическом включении в понятие терроризма разного рода публичных высказываний, которые могут включать в себя призыв к совершению теракта или просто его одобрительную характеристику. Это было сделано не напрямую, а через включение в понятие террористической организации лиц, которые публично высказывают по вопросам совершения терактов или деятельности уже установленных террористических организаций. Получается, что террористические организации понятийно шире тех, кто вовлечен непосредственно в подготовку и проведение терактов. Существуют определенные опасения с точки зрения соблюдения свободы слова, поскольку даже косвенная поддержка отдельных действий террористов может быть истолкована как преступление.

Кроме того, принятый закон четко подразумевает экстерриториальность израильского правосудия, что ранее не признавалось Тель-Авивом (во всяком случае, открыто). Если ранее террористам из других государств нередко придавался статус военнопленных или лиц, предназначенных для обмена, то закон фактически уравнял все эти правовые категории. Это вызывает определенные возражения со стороны тех, кто настаивает на более строгом исполнении международного права, которое все-таки предлагает государствам договариваться об экстерриториальности в отдельных вопросах, а не устанавливать ее в одностороннем порядке.

Наконец, еще одно положение, которое вызывает критику, – это распространение террористического законодательства на киберпространство, то есть фактически включение большинства правонарушений в информационной сфере в понятие терроризма через определение терроризма как причинения не только гражданам и государству, но и национальной экономики и критически важной инфраструктуре.

Таким образом, специфическими чертами израильского опыта борьбы с терроризмом можно назвать закрепление принципа экстерриториальности в вопросах наказания, расширительное толкование терроризма и террористических организаций, а также передача функций борьбы с терроризмом и принятия решений по проведению превентивных и специальных акций в ведение министерства обороны. В то же время, в Израиле пытаются совместить жесткую линию в отношении террористов с формирование и соблюдением определенных процедур, которые обеспечат минимальную защиту прав человека.

Список литературы

1. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22-32.

2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений?//Вестник МГИМО (Университета). 2016. № 6 (51). С. 7-13.

3. Водолазов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13. С. 9-28.

4. Галченко С.С. Понятие терроризма в уголовном праве Англии, США и стран континентальной Европы // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 122-124.

5. Ефремов А.Е. Этапы развития законодательства сша по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 88-94.

6. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 125-135.

7. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 255-260.

8. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и

межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70-78.

9. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91-97.

10. Ордонанс о противодействии терроризму. МИД Израиля. Режим доступа - http://www.mfa.gov.il/mfa/mfa-archive/1900-1949/pages/prevention%20of%20terrorism%20ordinance%20no%2033%20of%205708-19.aspx

11. Пареньков Д.А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 53-58.

12. Сафонов А.А., Григорьев А.С. Сравнительный анализ закона о борьбе с терроризмом России и Великобритании // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 117-1. С. 263-264.

13. Харкевич М.В., Касаткин П.И. Биополитика и религия в эпоху постмодерна // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6. С. 217-222.

14. Шевченко Н.В. Политика Франции по предотвращению терроризма: анализ основных положений закона от 21 июля 2016 г. № 2016-987 // Вестник РМАТ. 2017. № 1. С. 13-15.

15. Israel's New Counterterrorism Law. URL: https://www.lawfareblog.com/israels-new-counterterrorism-law

16. Number of casualties due to terrorism worldwide between 2006 and 2016. URL: https://www.statista.com/statistics/202871/number-of-fatalities-by-terrorist-attacks-worldwide/

17. Number of terrorist attacks worldwide between 2006 and 2016. URL:https://www.statista.com/statistics/202864/number-of-terrorist-attacks-worldwide/

STRUGGLE AGAINST TERRORISM: ISRAELI EXPERIENCE

The article examines the specifics of the fight against terrorism in Israel, including the rights and duties of the military, intelligence and prisoners. In addition, the author explores Israel's approaches to the notion of terrorism, a terrorist act and a terrorist organization, state's mechanisms for determining whether or not a terrorist threat exists. In this context, the author analyzes the common challenges for all countries to combat terrorism and the practical measures launched by the Israeli Law on Combating Terrorism in 2016. The most robust elements of the fight against terrorism in Israel are the extraterritoriality of Israeli justice, the inclusion of the fight against terrorism into the notion of national defense, quasi-judicial methods for determining punishments by terror suspects.
Keywords: Israel, fight against terrorism, terrorism, extraterritoriality.

References

1. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarjov I.D. (2017). "Kvantovaja" teorija prinjatija reshenij v politicheskoj nauke [Quantum-like theory of decision-making in poltical science]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 4, 22-32.

2. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Fenenko A.V., Loshkarjov I.D., Anan'ev B.I. (2016). Zachem nuzhna «kvantovaja» reforma konstruktivizma v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij? [Why do we need quantum reform of IR theory]. *Vestnik MGIMO (Universiteta) [MGIMO Review of International Relations*]. 6 (51), 7-13.

3. Vodolazov G.G. (2015). Real'nyj gumanizm kak ideologija sovremennosti [Real humanism as the modern ideology]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Russian state humanitarian university*]. 13, 9-28.

4. Galchenko S.S. (2013). Ponjatie terrorizma v ugolovnom prave Anglii, SShA i stran kontinental'noj Evropy [The notion of terrorism in criminal law of Britain, USA and the continental Europe]. *Obshhestvo i pravo [Society and law*]. 1 (43), 122-124.

5. Efremov A.E. (2017). Jetapy razvitija zakonodatel'stva ssha po bor'be s terrorizmom posle 11 sentjabrja 2001 goda [Stages of development counterterrorist laws after 9/11]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija [Journal of foreign law and comparative legal studies]*. 3 (64), 88-94.

6. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. (2017). Lichnost' prezidenta kak faktor formirovanija vneshnepoliticheskoj povestki dnja SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [President's personality as a factor in US foreign policy agenda formation: some outcomes of Obama presidency]. *Polis.*

Politicheskie issledovanija. 1, 125-135.

7. Koktysh K.E. (2010). Kognitivnye integratory: opyt modelirovanija social'noj dinamiki [Cognitive integrators: modeling social dynamics]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 4, 255-260.

8. Loshkariov I.D. (2017). Jevoljucija ponjatija «diaspora» v politicheskoj nauke [Evolution of "diaspora" notion in political science]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Ethnoscium and intranational culture*]. 4 (106), 70-78.

9. Morozov V.M. (2012). Izrail' i sredizemnomorskaja bezopasnost' [Israel and the Medeterranian security]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]*. 10 (30), 91-97.

10. Ordonans o protivodejstvii terrorizmu. MID Izrailja. URL: http://www.mfa.gov.il/mfa/mfa-archive/1900-1949/pages/prevention%20of%20terrorism%20ordinance%20no%2033%20of%205708-19.aspx

11. Paren'kov D.A. (2016). Sohranjaj i vlastvuj: konservatizm v XXII veke [Preserve and rule: conservatism in XXII century]. *Mir cherez 100 let sbornik statej [The world in 100 years]*. Moskva. 53-58.

12. Safonov A.A., Grigor'ev A.S. (2016). Sravnitel'nyj analiz zakona o bor'be s terrorizmom Rossii i Velikobritanii [Comparative analisis of counterterrorist laws in Russia and Great Britain]. *Novaja nauka: Teoreticheskij i prakticheskij vzgljad [New science: theoretical and practical view]*. 117-1, 263-264.

13. Harkevich M.V., Kasatkin P.I. (2011). Biopolitika i religija v jepohu postmoderna // *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*.6, 217-222.

14. Shevchenko N.V. (2017). Politika Francii po predotvrashheniju terrorizma: analiz osnovnyh polozhenij zakona ot 21 ijulja 2016 g. № 2016-987 [Policy of France of terrorism prevention: analysis of main features of 2016 law]. *Vestnik RMAT [RMAT Review*]. 1, 13-15.

15. Israel's New Counterterrorism Law. URL: https://www.lawfareblog.com/israels-new-counterterrorism-law

16. Number of casualties due to terrorism worldwide between 2006 and 2016. URL: https://www.statista.com/statistics/202871/number-of-fatalities-by-terrorist-attacks-worldwide/

17. Number of terrorist attacks worldwide between 2006 and 2016. URL:https://www.statista.com/statistics/202864/number-of-terrorist-attacks-worldwide/

Об авторах

Морозов Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru;

Литвинова Елена Владимировна – аспирант кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия).

Morozov Vladimir Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relation (University) MFA RF (Russia), E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru;

Litvinova Elena Vladimirovna – post-graduate student at the Diplomacy Department Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia)

УДК 327

Пестич С.С., аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, (Россия).

ПОЛИТИКА СССР ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА СЕНТЯБРЯ 1970 г. В ИОРДАНИИ

Статья посвящена актуальному и малоисследованному сюжету: анализу советской политики во время Иорданского кризиса в сентябре 1970 г., который вошел в историю под названием «Черный сентябрь». Во время этого кризиса разгорелось военное противостояние армии иорданского короля Хусейна и палестинцев-беженцев, находящихся на территории Иордании. Арабо-израильский конфликт и решение палестинского вопроса, как его составная часть, на протяжении многих лет остаются важнейшими факторами нестабильности Ближнего Востока. Россия как участник урегулирования данного конфликта является правопреемницей СССР. Очень важно изучать внешнеполитический опыт Советского Союза на Ближнем Востоке, особенно, когда Россия вновь заявляет о своей активной роли в этом регионе, сражаясь с международным терроризмом и оказывая поддержку нынешнему президенту Сирии Башару Асаду. Советский Союз был вовлечен в процесс ближневосточного урегулирования, и дипломатическими и военно-политическими методами оказывал влияние на дальнейший ход этого сложного процесса. Военные действия в Иордании явились следствием неурегулированности арабо-израильских противоречий. Прямо или косвенно в Иорданском конфликте принимали участие как региональные игроки Сирия, Египет, Ирак, Израиль, так и великие державы СССР и США. «Холодная война» и глобальное противостояние СССР с США также накладывали свой отпечаток и предопределяли соперничество сверхдержав во время этого кризиса: обе страны пытались укрепить свои позиции в регионе.

Ключевые слова: арабо-израильский конфликт, СССР, США, Иордания, Израиль, палестинский вопрос, Ближний Восток, «Черный сентябрь», урегулирование, внешняя политика.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-124-130

Палестинский фактор всегда оказывал сильное влияние на процесс ближневосточного урегулирования, влиял на позиции как региональных игроков, так и великих держав. Надо сказать, что в 1964 г. произошло организационное оформление палестинского национального движения, была создана Организация освобождения Палестины, которую возглавил Ахмед Шукейри. Важнейшее значение, как вопрос международного уровня, палестинский вопрос приобрел после арабо-израильской июньской войны 1967 г.

10 июня 1967 г. победой Израиля над коалицией Египта, Сирии и Иордании завершилась Шестидневная война. СССР, будучи союзником арабских стран, снабжал их оружием и оказывал дипломатическую поддержку. Осудив израильское нападение на арабские страны, СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. Соединенные Штаты в свою очередь оказывали всестороннюю поддержку своему союзнику Израилю: конфронтация сверхдержав на Ближнем Востоке была очевидной. У Египта Израиль захватил Синайский полуостров и Сектор Газа, у Иордании – Западный берег вплоть до реки Иордан и восточный Иерусалим, у Сирии – стратегически важные Голанские высоты.

После долгих дискуссий по окончании войны была принята компромиссная резолюция ООН № 242 1967 г. СССР в дальнейшем главным пунктом резолюции считал вывод израильских войск с территорий арабских государств, а США – уважение территориальной целостности и политической независимости государств Ближнего Востока, важный пункт для Израиля.

Численность палестинцев удвоилась в Иордании и Ливане, а их количество на землях бывшей Палестины, соответственно, сократилось [1]. Демографический сдвиг еще более усложнил решение палестинской проблемы как составной части арабо-израильского урегулирования.

Принятие резолюции ООН и попытки США и СССР каким-то образом урегулировать конфликт не привели к спокойствию на Ближнем Востоке. Практически сразу после Шестидневной войны 1967 г. началась так называемая «война на истощение» между Египтом и Израилем, которая шла с разной интенсивностью вплоть до лета 1970 г.

В резолюции ООН №242 1967 г. Палестина прямо не упоминалась, а палестинский вопрос рассматривался лишь в качестве решения проблемы беженцев, что подразумевало возвращение их на прежние места прожива-

ния, т.е. на оккупированные Израилем территории [2].

Палестинские лидеры отвергали резолюцию Совета Безопасности ООН №242, а в январе 1968 г. на состоявшейся в Каире конференции палестинских организаций было подтверждено, что вооруженная борьба – единственный путь решения палестинской проблемы, а также провозглашена независимость палестинцев от правительств арабских стран [3, 86].

Палестинцы постепенно превращались в важнейший «субъект международного права и международных отношений» [4, 94]. Изначально палестинское движение было частью общеарабского национального движения, однако со временем росло национальное самосознание, и многие палестинские лидеры стали осознавать необходимость постановки собственных целей, пытаясь выделить свой народ из массы ближневосточных государств [4, 95].

СССР в то время заявлял о своей поддержке «законных и неотъемлемых прав арабского народа Палестины» [5, 75], при этом отвергая радикальные призывы о необходимости «народной войны» против Израиля за «освобождение всей территории Палестины» [3, 87].

Ожидаемого спокойствия на Ближнем Востоке не удалось достигнуть даже после прекращения огня 7 августа 1970 г., достигнутого между Израилем и Египтом и по сути остановившего «войну на истощение». Представители Иордании Египта и Израиля были готовы «приступить к интенсивным контактам и дискуссиям» для того чтобы попытаться найти точки соприкосновения и приемлемое для сторон решение по оккупированным территориям и по безопасности Израиля [6, 5].

Лидеры палестинского движения крайне негативно восприняли принятие американской инициативы президентом Насером и королем Хусейном летом 1970 г. Так, Центральный комитет ООП (Организация Освобождения Палестины), обрушился с жесткой критикой на «План Роджерса», который, по их мнению, главной целью ставит «ликвидацию палестинской революции» [6, 5].

Когда во главе Организации Освобождения Палестины (ООП) в феврале 1969 г. вместо Ахмеда Шукейри стал Ясир Арафат началась еще более быстрая и неуправляемая радикализация палестинцев.

Ясир Арафат избрал тактику, направленную на вооруженные восстания на оккупированных израильтянами территориях. Однако его замыслы не осуществились из-за жестких и хорошо организованных действий Израиля на оккупированных территориях против активистов «Фатха» и палестинцев, которые были как-то связаны с ООП [7, 69].

Параллельно с Иорданскими органами власти палестинцы начали создавать собственные, а летом 1970 г. палестинцы организовали в Иордании «палестинскую народную милицию» [4, 392]. По сути, образовывалось государство в государстве, что вело к трениям между Официальной Иорданией и палестинцами.

Население Иордании наполовину состояло из палестинцев, которые бежали с мест своего проживания после войны 1948—1949 гг. и июньской войны 1967 г.

Среди палестинцев росло недовольство и египетским президентом, в ответ на это Насер закрыл палестинские радиостанции и запретил распространение на территории своей страны палестинских печатных изданий [5, 109].

Взрыв обстановки в Иордании, который был неизбежен произошел 1 сентября, когда палестинские партизаны совершили неудачное покушение на короля Хусейна, напав на его кортеж. Сразу же начались боевые действия между лояльной королю армией и федаинами. Ирак пригрозил Хусейну использовать свои войска, дислоцированные в Иордании с 1967 г., чтобы «принять все необходимые меры для защиты федайновских действий» [4, 392].

Так как Иордания была в тесных связях с Западом, и с США, в частности, 2 сентября 1970 г. американский посол в СССР Джейкоб Бим призвал заместителя министра иностранных дел СССР Сергея Виноградова, чтобы Советский Союз оказал влияние в сдерживании «своих иракских друзей» [8]. На это Виноградов ответил, что ему ничего неизвестно об иракском ультиматуме, в связи с этим Москве трудно занять официальную позицию [8].

Обстановка еще более усугубилась 6 сентября 1970 г., когда члены марксистско-ленинского Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП), экстремистского крыла ООП, захватили 4 самолета, в основном с гражданами западных стран.

9 сентября 1970 г. Советский Союз передал Иордании и Ираку свою озабоченность тем фактом, что «братоубийственная война между арабами может нанести серьезный ущерб, во-первых, их собственным интересам, а, во-вторых, делу установления мира на Ближнем Востоке» [9]. А преимущества, по мнению Москвы, из сложившейся ситуации смогут получить «только враги арабских стран, израильские агрессоров и империалистические силы, стоящие за ними». Поэтому советское правительство призывало правительства Ирака и Иордании продемонстрировать дальновидность и разумную сдержанность, с тем чтобы положить конец опасным событиям в Иордании [9].

Осознавая всю опасность своего положения, Хусейн обратился к Соединенным Штатам с просьбой использовать свое влияние, чтобы удержать Израиль от резких действий, которые могут усугубить ситуацию. Король также отметил, что ему, возможно, придется обратиться за помощью США (возможно военной), если в конфликт вмешаются другие арабские государства [10].

В итоге в Восточном Средиземноморье сконцентрировался американский 6-ой флот, который в СССР называли «орудием против национально-освободительного движения на Арабском Востоке» [11, 5]. В ответ на это Советский Союз туда же направил 5-ю оперативную эскадру ВМФ СССР. Она состояла из 20 боевых кораблей и судов обеспечения. Это в определенной степени сковывало действия Соединенных Штатов, что являлось одной из основных целей СССР в ходе данного кризиса.

С 16 сентября 1970 г. начались ожесточенные бои между королевской армией и палестинцами, в которых Хусейн применял тяжелое вооружение, танки и самолеты, было введено военное положение в стране [12, 5]. Обращения к враждующим сторонам остановить кровопролитие, с которыми выступали Совет Лиги арабских государств и лично Насер не были услышаны сторонами, и бои продолжались.

Для СССР складывалась непростая ситуация. С одной стороны, Хусейн являлся более предпочтительной альтернативой радикальному партизанскому режиму, который мог прийти к власти в Иордании. Это бы внесло много неуправляемых элементов в процесс ближневосточного урегулирования, а также могло бы толкнуть палестинцев к сближению с Китаем, что было нежелательно для Москвы.

С другой стороны, советско-иорданские отношения не были тесными, за исключением того, что Хусейн был благосклонен к ОАР, важнейшему партнеру СССР. Исчезновение королевского режима, близкому и симпатизирующего США, также могло представлять определенный выигрыш для СССР.

Сам Советский Союз не был готов к вмешательству в разгорающийся конфликт. Советских руководителей отпугивал экстремизм палестинцев. Нет свидетельств, чтобы в Москве готовили какие-то конкретные акции, хотя советские органы массовой информации выражали симпатии к палестинцам.

Израиль и США, наоборот, планировали совместную военную операцию против палестинцев [13]. Это сильно беспокоило Советский Союз в силу того, что это потребовало бы ответных силовых действий египтян против Израиля. В конечном итоге это могло привести к новому конфликту на Ближнем Востоке с участием Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Израиля, а также к конфронтации СССР с США. Москва была категорически против привлечения к боевым действиям крупного советского военного контингента в Египте. Также, препятствуя американским и израильским попыткам военного вмешательства в конфликт, Советский Союз хотел продемонстрировать США, арабским странам и всему миру, что Ближний Восток является советской зоной влияния, где США больше не могут действовать безнаказанно.

Как это не парадоксально звучит, но, с советской точки зрения, американское вмешательство было бы более приемлемо, чем израильское.

18 сентября 1970 г. Советское правительство призывало правительство США «использовать свое влияние на Израиль, чтобы исключить возможность использования Израилем складывающейся ситуации для еще большего обострения ситуации на Ближнем Востоке» [14].

Со своей стороны, Советское правительство обратилось к лидерам Иордании, Ирака, Сирии и Объединенной Арабской Республики принять меры, чтобы в кратчайшие сроки по-

ложить конец братоубийственным столкновениям в Иордании и предотвратить вспышку гражданской войны. Что касается палестинцев, то с ними Москва потеряла связь и не могла оказывать на них никакого влияния [15, 5].

Египтяне также были встревожены возможным вмешательством США и Израиля. В ОАР было сделано официальное заявление: «нахождение американского флота в восточном Средиземноморье и заявления Белого дома и Государственного департамента, не исключающие вмешательства, представляют собой серьезную опасность... и ведет к эскалации конфликта, охватывая весь регион. …Это вредит всей арабской нации» [16].

Однако, не смотря на все предостережения, исходящие с разных сторон, Сирия ввела 2 танковые бригады на территорию Иордании 20 сентября 1970 г. для поддержки ООП и Ясира Арафата [17, 5]. Правительство США осудило это вмешательство в Иорданию и призвало к немедленному выводу вторгшихся сил. В тот же день Госдепартамент США обратился через советское посольство в Вашингтоне с волнующим сообщением. Во-первых, по мнению Госдепартамента, если «безответственное действие со стороны Сирии» сразу не остановить, это может привести к расширению нынешнего конфликта. Во-вторых, правительство США призывало Советское правительство оказать влияние на правительство Сирии, чтобы оно незамедлительно вывело свои силы с территории Иордании [18, 320].

По официальной версии сирийцы вступили в бой с иорданской армией, потерпели поражение и отошли. Однако по версии советских военных специалистов, «две сирийские танковые колонны потеряли ночью ориентировку, столкнулись, завязали встречный бой и, нанеся друг другу ощутимые потери, отошли на свою территорию». Об этом советские советники, по одной из версий, не сообщили в Москву, так как мог сразу встать вопрос о качестве подготовки сирийской армии советскими военными специалистами [19, 102].

Быстрый ответ Москвы на это американское обращение демонстрировал серьезную обеспокоенность складывающейся обстановкой на Ближнем Востоке. Советская сторона отмечала, что они разделяют озабоченность Соединенных Штатов по поводу обострения ситуации в Иордании, и что они также считают вмешательство в дела Иордании другими государствами неприемлемым шагом. Также было заявлено, что СССР окажет влияние на сирийцев, чтобы их вооруженные силы покинули территорию Иордании [20].

Также советский посол в США Добрынин заверял Киссинджера, что Советский Союз ничего не знал о сирийском плане вторжения в Иорданию и что советские советники покинули сирийские танки, до того, как те пересекли границу [21, 258].

И в СССР, и в США прекрасно понимали всю опасность складывающейся обстановки, и старались избежать собственного вовлечения в конфликт, что могло перерасти в глобальное военное противостояние. В итоге под давлением СССР сирийцы вывели свои танки, а королю Хусейну удалось одержать верх над палестинцами.

В итоге при посредничестве Насера 27 сентября 1970 г. в Каире было подписано соглашение Иордании с ООП о прекращении огня, предусматривался взаимный отвод войск. Руководство ООП после этого перебралось в Тунис, а вооруженные столкновения с палестинцами продолжались вплоть до июля 1971 г.

Иорданские события продемонстрировали, что палестинский фактор приобрел значение как самостоятельный, а палестинский народ является субъектом международных отношений. Также само руководство ООП убедилось, что «выдвижение крайних, заведомо нереалистичных и откровенно радикальных лозунгов, вроде призыва к свержению короля Хусейна и его режима или лозунга освобождения всей Палестины военным путем», не может привести к реализации целей, стоящих перед ООП. Необходима была другая тактика [4, 393].

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая 2 октября 1970 г. в Баку на торжественном заседании, посвященном 50-летию Азербайджанской ССР и Компартии Азербайджана следующим образом оценил сентябрьские события в Иордании: «К сожалению, …кровопролитные столкновения между правительственными войсками и вооруженными отрядами палестинских организаций также нанесли немалый ущерб делу арабских народов, в том числе палестинских арабов. Поистине, трагична эта братоубийственная

борьба. Наблюдая ее, израильские агрессоры потирали руки от удовольствия, а заокеанские империалисты воспользовались случаем, чтобы подтянуть силы, рассчитывая на возможность нового военного вмешательства в дела арабов, чтобы удобнее было душить их освободительное движение и сподручнее грабить их национальные богатства» [5, 116-117]. Эта речь, выдержанная в духе своего времени и согласно советским внешнеполитическим подходам, демонстрирует определенную однобокость и прямолинейность подхода Советского Союза к ближневосточным делам.

Между тем, в советской позиции после Иорданского кризиса все больше стали уделять внимание удовлетворению законных прав арабского народа Палестины. Так об этом много говорилось в марте 1971 г. на XXIV съезде КПСС [22, 327]. А впоследствии это выльется в советское требование о создании Палестинского государства независимо от Израиля на части оккупированных территорий.

Советский Союз, используя дипломатические и военно-политические методы, достиг главного в этом конфликте – предотвращения военного вмешательства американцев и/или израильтян в иорданские события. Однако в целом для СССР межарабское противостояние не принесло каких-либо положительных моментов. «Общеарабское единство», о котором так много говорили в Москве, на деле оказалось фикцией: Иордания, ООП, Сирия, Ирак, Египет по сути выступали в этом противостоянии только от лица своей страны, что усиливало трения внутри арабских стран. Это в свою очередь еще больше усложняло ближневосточный конфликт, придав новое качество такому серьезному фактору – решению палестинского вопроса. Так как СССР отражал арабскую позицию в процессе ближневосточного урегулирования, палестинский аспект и возрастающее недоверие между арабскими странами стали теперь головной болью советской внешней политики.

Список литературы

1. Palestinian Refugees: An Overview [Электронный ресурс]. – URL: http://prrn.mcgill.ca/background/index.htm

2. Резолюция 242 (1967) от 22 ноября 1967 года [Электронный ресурс]. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/241/18/IMG/NR024118.pdf?OpenElement

3. Киселев В. И. Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. М.: Наука, 1988. - 240 с.

4. Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М.: РОССПЭН, 2002. – 512 с.

5. СССР и ближневосточное урегулирование. 1967-1988. М.: Политиздат, 1989. - 511 с.

6. Правда. 10.08.1970

7. Звягельская И.Д. Ближневосточный конфликт: история, динамика, перспективы. Конспект лекций. М.: МАКС Пресс, 2005. - 147 с.

8. Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XII, SOVIET UNION, JANUARY 1969–OCTOBER 1970 [Электронный ресурс]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v12/d201

9. Telegram From the Department of State to Certain Diplomatic Posts 1 Washington, September 10, 1970, 1752Z // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Электронный ресурс]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d220

10. Telegram From the Department of State to the Embassy in Jordan // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Электронный ресурс]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d252

11. Правда. 20.09.1970

12. Правда. 17.09.1970

13. Карасова Т.А. Израиль и США. Основные этапы становления стратегического партнерства 1948-2014. М.: Аспект Пресс. 2015. – 464 с.

14. Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union 1 Washington, September 18, 1970, 2252Z. // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Электронный ресурс]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d266

15. Правда. 22.09.1970

16. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon 1 Washington, September 19, 1970. // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Электронный ресурс]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d272

17. Правда. 21.09.1970

18. Kissinger H. White House Years. Washington. 1979. – 1751 p.

19. Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993. - 400 с.

20. Minutes of a National Security Council Meeting Washington, September 21, 1970 // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Электронный ресурс]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d307

21. Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969-1976. Том 1. 1969- май 1972. В 2 книгах. Книга 1. 1969-1971. Сборник документов. М.: Международные отношения, 2007. - 632 с.

22. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Издательство политической литературы. 1971. – 592 с.

THE POLICY OF THE USSR DURINGTHE SEPTEMBER CRISIS OF 1970 IN JORDAN

The article is devoted to pressing and little studied issue: analysis of the Soviet policy during the Jordan crisis in September 1970, which has gone down in history as "Black September". During this crisis, a military confrontation took place between the army of the Jordanian King Hussein and the Palestine refugees on the Jordan territory. The Arab-Israeli conflict and the solution of the Palestinian question, as its component, over the years have been the major factors for the instability of the Middle East. Russia as a successor of the USSR is participating in the settlement of this conflict. It is very important to study the foreign-policy experience of the Soviet Union in the Middle East, especially when Russia reaffirms its active role in this region, combating international terrorism and supporting Syrian president Bashar Assad. The Soviet Union was involved in the process of Middle East settlement, and through diplomatic and military-political methods influenced the further course of this complex process. The military actions in Jordan resulted from the unresolved Arab-Israeli contradictions. The regional players of Syria, Egypt, Iraq, Israel, and the great powers of the USSR and the United States, took part directly or indirectly in the Jordanian conflict. The Cold War and the global confrontation between the USSR and the United States also influenced on and predetermined the rivalry between the superpowers during this crisis: both countries tried to strengthen their positions in the region.

Keywords: Arab-Israeli conflict, USSR, USA, Jordan, Israel, Palestinian question, Middle East, "Black September", settlement, foreign policy.

References

1. Palestinian Refugees: An Overview [Electronic resource]. – URL: http://prrn.mcgill.ca/background/index.htm

2. Rezoljucija 242 (1967) ot 22 nojabrja 1967 goda [Electronic resource]. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/241/18/IMG/NR024118.pdf?OpenElement

3. Kiselev V. I. Palestinskaja problema v mezhdunarodnyh otnoshenijah: regional'nyj aspekt. [Palestinian problem in the international relations: regional aspect] M.: Nauka, 1988. - 240 p.

4. Pyrlin E.D. Trudnyj i dolgij put' k miru: Vzgljad iz Moskvy na problemu blizhnevostochnogo uregulirovanija. [A difficult and long way to peace: Moscow's view to the problem of the Middle East settlement] M.: ROSSPEN, 2002. – 512 p.

5. SSSR i blizhnevostochnoe uregulirovanie . 1967-1988[USSR and the Middle East settlement. 1967-1988]. M.: Politizdat, 1989. - 511 c.

6. Pravda. 10.08.1970

7. Zvjagel'skaja I.D. Blizhnevostochnyj konflikt: istorija, dinamika, perspektivy. Konspekt lekcij [Middle East conflict: history, dynamics, prospects. Lecture notes]. M.: MAKS Press, 2005. - 147 p.

8. Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XII, SOVIET UNION, JANUARY 1969–OCTOBER 1970 [Electronic resource]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v12/d201

9. Telegram From the Department of State to Certain Diplomatic Posts 1 Washington, September 10, 1970, 1752Z // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Electronic resource]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d220

10. Telegram From the Department of State to the Embassy in Jordan // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Electronic resource]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d252

11. Pravda. 20.09.1970

12. Pravda. 17.09.1970

13. Karasova T.A. Izrail' i SShA. Osnovnye jetapy stanovlenija strategicheskogo partnerstva 1948-2014 [Israel and the United States. The main stages in the formation of the strategic partnership 1948-2014]. M.: Aspekt Press. 2015. – 464 p.

14. Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union 1 Washington, September 18, 1970, 2252Z. // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Electronic resource]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d266

15. Pravda. 22.09.1970

16. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon 1 Washington, September 19, 1970. // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Electronic resource]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d272

17. Pravda. 21.09.1970

18. Kissinger H. White House Years. Washington. 1979. – 1751 p.

19. Vasil'ev A.M. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu [Russia on the Near and Middle East: from messianism to pragmatism]. Moscow, Nauka, 1993. - 400 p.

20. Minutes of a National Security Council Meeting Washington, September 21, 1970 // FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1969–1976, VOLUME XXIV, MIDDLE EAST REGION AND ARABIAN PENINSULA, 1969–1972; JORDAN, SEPTEMBER 1970 [Electronic resource]. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v24/d307

21. Sovetsko-amerikanskie otnoshenija. Gody razrjadki. [Soviet-American relations. Years of relaxation]. 1969-1976.1969-1976. volume 1. 1969- may 1972. 2 books. Book 1. 1969-1971. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2007. - 632 c.

22. Materialy XXIV s'ezda KPSS [Materials of XXIV Congress of the CPSU]. M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury. 1971. – 592 c.

Об авторе

Пестич Сергей Сергеевич – аспирант кафедры истории России XX-XXI вв. Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: stalker-orel@mail.ru

Pestich Sergey Sergeevich – postgraduate student of Department of Russian history XX-XXI centuries, Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: stalker-orel@mail.ru

УДК 902/904

Столяров Е.В., кандидат исторических наук, Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (Россия)
Петров Ю.Ю., магистрант, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (Россия)

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ И АМУНИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – НАЧАЛА XV ВВ. С АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА У Д. МАЛАЯ СТРЕКАЛОВКА

В статье рассматриваются новые находки предметов вооружения и амуниции, найденные при проведении археологических исследований на территории комплекса памятников XIV-XV вв. у д. Малая Стрекаловка под Тулой. В научный оборот вводятся редкие для территории Верхнего Поочья находки нашивных доспешных пластин и шестопера. Данные вещи выпали в культурной слой памятников в результате военного столкновения, которое произошло в начале XV в. После этого события памятники прекращают своё существование.
Ключевые слова: поселение, средневековье, предметы вооружения и амуниции, р. Упа, доспешные пластины, шестопер.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-131-135

В 2015 году при обследовании разветвленной овражно-балочной системы р. Свинка левого притока р. Упа в 5 км к югу от г. Тула, был выявлен и обследован (2016-2017 гг.) комплекс памятников археологии у деревни Малая Стрекаловка [5]. Он состоит из 9 объектов культурного наследия – одного городища и 8 селищ. Памятники отличаются хорошей сохранностью, так как расположены в черте Тульских засек. С середины XVI века эта территория была исключена из хозяйственного оборота. Выявленные поселения относятся к периоду раннего железного века и эпохи Средневековья. Средневековые материалы датируются второй половиной XIV – началом XV веков. В данной статье будут рассмотрены находки предметов вооружения эпохи средневековья, найденные на селище 5 и селище 6 – нашивные доспешные пластины (4 экз.) и шестопер. Это наиболее статусные и выразительные вещественные источники. В оружиеведческом плане они представляют значительный интерес и заслуживают отдельной публикации.

Методологическая база исследования основывается на современных принципах российской археологии как исторической науки, изучающей историю человечества по материальным остаткам. В качестве руководящих принципов использованы принципы объективности, системности и историзма. Решение поставленных задач потребовало применения аналитических методик, адекватных специфике имеющихся в нашем распоряжении материалов. В работе задействованы традиционные археологические методы: типологический, картографический, классификационный, сравнительно-статистический и сравнительно-аналитический. Данные методы были направлены на определение времени бытования находок и их культурного контекста. При поиске аналогий учитывались материалы исследований как сопредельных территорий (Подесенье и Подонье), так и более широкие аналогии (Поднепровье и Подвинье).

Нашивные доспешные пластины. Находки 4 пластин происходят с территории селища 5 у д. Малая Стрекаловка. Пластины данного вида защитной брони вертикально нашивались верхней частью на кожаную основу. По центру, со значительным смещением к низу пластины, крепились клепкой, оставляя нижнюю часть свободной. По длине ножки заклепки можно предположить, что толщина кожаной основы была около 3-4 мм. Такое крепление обеспечивало подвижность сегментов доспеха.

Все пластины имеют подпрямоугольную форму близких пропорций. Отличия в морфологии объясняются лишь различным расположением пластин на доспехе. Можно предположить, что пластины принадлежали одному доспешному комплексу. В пользу такого предположения говорит и то, что элементы пластинчатого нашивного доспеха были обнаружены на незначительном расстоянии друг от друга. По морфологическим признакам (форма пластины и расположение

заклепки) условно выделяются 4 типа:

тип I – пластина № 1 (см. рис. 1, *1*) имеет хорошую сохранность. Форма прямоугольная с округлыми сглаженными краями. Неестественный изгиб пластины вовнутрь, скорее всего, является деформацией при секущем ударе в горизонтальной плоскости. Ширина пластины – 42 мм, длина – 63 мм, толщина – 1 мм. В верхней части пластины 4 отверстия диаметром около 1,5 мм, предназначенных для крепления к кожаной основе. Заклепка имеет головку полусферической формы диаметром 5 мм и ножку диаметром 4мм. Заклепка расположена в центре пластины со смещением на 8,5 мм к её нижней части.

тип II – пластина №2 (см. рис. 1, *2*) имеет утраты в верхней части. Форма прямоугольная с округлыми сглаженными краями в нижней части и острыми углами в верхней. Выпуклость (технологический изгиб наружу) пластины имела практическое предназначение – помогала смягчать удар. Ширина нижней части – 43 мм, длина пластины – 62 мм, толщина – 1 мм. В верхней части пластины расположены 4 отверстия (2 реконструируются на месте утраты) диаметром около 1,5 мм, предназначенных для крепления к кожаной основе. Заклепка имеет головку полусферической формы диаметром 4 мм, ножка расплющена до элипсообразной формы, диаметром около 8,5 мм. Заклепка расположена в центре пластины со смещением на 8,5 мм к её нижней части и на 5 мм к правому краю.

тип III – пластина №3 (см. рис. 1, *3*) имеет незначительные утраты в верхней части. Форма прямоугольная с округлыми краями в нижней части и с сильно закругленным левым краем, что обусловлено расположением пластины в подвижной части доспешного комплекса по оторочке (подмышечная впадина, шея и др.). Выпуклость (технологический изгиб наружу) пластины имела практическое предназначение – помогала смягчать удар Ширина нижней части – 42 мм, длина пластины – 63 мм, толщина 1 мм. В верхней части расположены 4 отверстия (1 реконструируется на месте утраты) диаметром около 1,5 мм, предназначенных для крепления к кожаной основе. Заклепка имеет головку полусферической формы диаметром 4,5 мм, ножка диаметром около 8 мм расплющена до элипсообразной формы. Заклепка расположена в центре пластины со смещением на 7,5 мм к её нижней части.

тип IV – пластина №4 (см. рис. 1, *4*) имеет значительные утраты. Форма подпрямоугольная со скошенным левым краем в верхней части, что обусловлено расположением пластины в подвижной части доспешного комплекса по оторочке (подмышечная впадина, шея и др.). Ширина сохранившейся части – 43 мм. Отверстий для крепления к кожаной основе зафиксировать не удалось из-за окислов металла. Предположительную ориентацию данного элемента доспеха можно установить только заклепке, расположенной в нижней части пластины. Заклепка имеет сильно корродированную головку, диаметром около 4.5 мм, ножка расплющена до элипсообразной формы диаметром около 9 мм. Заклепка расположена в центре пластины со смещением на 7,5 мм к её нижней части.

Данный тип доспеха носили либо на поддоспешник, либо поверх кольчужной рубахи. Пластины располагались рядами, перекрывая друг друга на сантиметр, тем самым удваивая защитные свойства доспешного комплекса. Подобное крепление пластин обеспечивало значительную подвижность воину. Пластины были кованные и скорее всего, имели особую закалку, для придания повышенной твердости металлу. Технологический изгиб пластин помогал смягчать удар. Находки пластин нашивного доспеха уникальны для региона Верхнего Поочья и подчеркивают высокий социальный статус владельца.

Шестопер – ударно-дробящее оружие. Был найден в культурном слое конца XIV – начала XV веков на селище 6 у деревни Малая Стрекаловка. Имеет сферическую форму (максимальный диаметр 62 мм) с шестью округлыми перьями. Диаметр втулки у основания – 25 мм, в верхней части – 20 мм. Высота изделия – 60 мм, максимальная толщина лопасти – 6 мм. Вес шестопера – 240 г (см. рис. 1, *5*).

Данный вид оружия был распространен в Восточной Европе в XIV-XVII веках. Первые шестоперы имели длину около 60-70 см (с рукоятью) и треугольное сечение перьев. Вес шестопера мог достигать 400 г. Небольшой вес оружия позволял легко управляться с ним. Пробивная сила шестопера превышала урон, наносимый обычными булавами. Ребра пластин обеспечивали рубящее действие. При

этом шестопер не мог застрять в пробитых доспехах, в отличие от топора, потому, что был неприверед лив к направлению удара. Шестопер являлся эффективным и статусным оружием [1, с. 389-415].

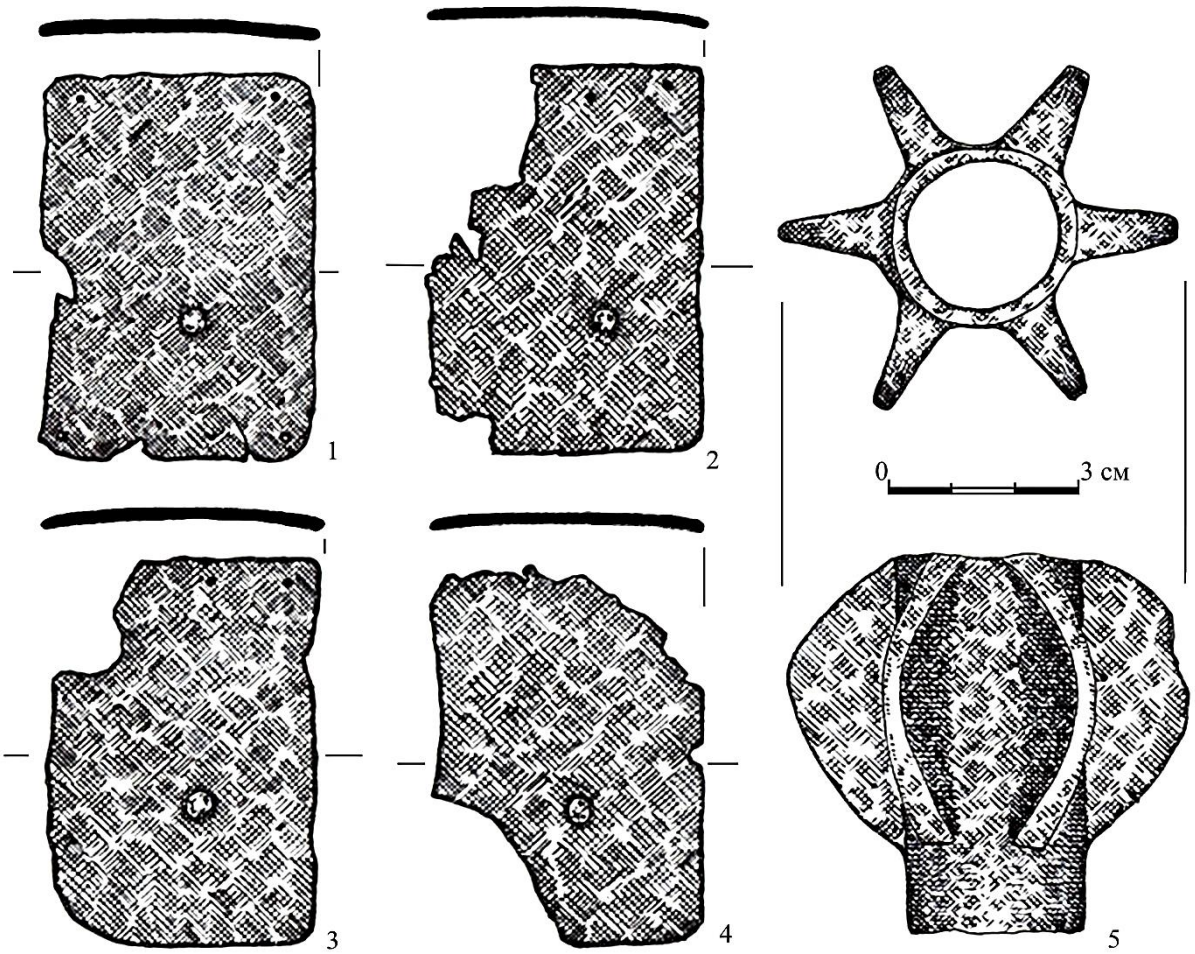


Рис. 1. Находки доспешных нашивных пластин (1-4) и шестопера (5). Железо

Больше всего пластин нашивного доспеха найдено в ходе проведения археологических раскопок в Новгороде. Из слоев середины XIII-XVI веков извлечено около 380 элементов примерно от 20 доспешных комплексов. Помимо Новгорода элементы доспехов происходят из раскопок других древних городов: Псков, Торопец, Москва, Тушково, Переяславль-Рязанский, Смоленск, Друцк [3, с. 31].

К ближайшим аналогиям пластин исследуемого доспешного комплекса можно отнести знаменитый фрагмент пластинчатого нашивного доспеха, обнаруженный при проведении археологических раскопок на территории усадьбы посадника Онцифора Лукинича в Новгороде. Броня датирована серединой XIV века. И наиболее вероятно выпала в культурный слой во время одного из сильнейших пожаров, случившегося в 1368 году. От доспеха найдено 47 крупных элементов трех форм и размеров. Основную массу пластин (38 штук) составляют прямоугольные пластинки с 4 отверстиями по краю одной из узких сторон и заклепкой в середине. Все пластины имеют выпуклость во внешнюю сторону. Несколько экземпляров подобных пластин имеют одну округлую сторону. Новгородские пластины по форме и размерам практически идентичны рассматриваемым находкам [4, с. 131, рис. 5]

Наиболее полный и близкий по методу изготовления пластинчатый доспех был найден в Пскове на территории Довмонтова города. Комплекс насчитывал около 120 элементов. Пластины были обнаружены вместе с актовыми печатями конца XIII-XV веков, из чего можно предположить, что данная броня до 1510 года находилась на государственном хранении. Большинство пластин было изо-

гнуто, имело заклепки и до 5 отверстий с одной стороны для скрепления с кожаной основой. Размеры и форма пластин также очень близки нашим находкам [3, с. 31].

Из новых находок следует отметить пластину бриганды. Онабыла найдена при проведении охранных археологических работ 2007-2008 гг. на территории Петровского конца средневекового Пскова в заполнении объекта новейшего времени. Находка датируется второй половиной XIV в. [устное сообщение С.А. Салмина]. Фрагмент прямоугольной пластины нашивного доспеха также был найден при раскопках 1991-2006 годов в Коломне. Находка происходит из слоя второй половины XV– начала XVI веков [6, с. 200-201]

Ближайшая аналогия шестоперу с округлыми перьями происходит из раскопок в Новгороде из культурного слоя XIII века. Находка подробно описана в работе А. Н. Кирпичникова [3, с. 26.Рис. 7]. Данная категория холодного оружия также рассмотрена О.В. Двуреченским. Он относит шестоперы с округлыми или подовальными перьями к парадному оружию, бытовавшему не ранее XVII века [2, с. 198-201]. Нужно, к сожалению, отметить, что работ посвященных анализу данного вида средневекового холодного оружия XIV-XV вв. практически нет.

Археологический комплекс у деревни Малая Стрекаловка представляет собой поселенческий комплекс особого статуса, который был связан с металлургическим производством. Археологическими исследованиями был выявлен полный цикл средневекового металлопроизводства: от добычи болотной руды и её варки до изготовления готовых изделий. Основным родом занятий населения было изготовление товарного металла и готовых изделий на заказ административной власти, предположительно Великого княжества Рязанского. Наличие находок оружия различных категорий вместе с предметами амуниции указывает на возможное присутствие на территории поселенческого комплекса у деревни Малая Стрекаловка представителей военно-дружинной знати, обеспечивающих безопасность металлургического центра, а также выполнявших административные функции.

Исходя из всего комплекса находок с территории селищ 5 и 6 у д. Малая Стрекаловка и аналогичных вещей, рассмотренные предметы вооружения и амуниции могут быть датированы второй половиной XIV – началом XV вв. Не противоречат этой датировке и находки денег Великого княжества Рязанского, которые относятся ко времени правления Олега Ивановича и его сына Федора Ольговича.

Вопрос о месте их производства предметов вооружения и амуниции остается открытым. Для ответа на него требуются дальнейшие археологические исследования и металлографический анализ находок.

Авторы выражают огромную благодарность научному сотруднику отдела археологических исследований Государственного музея-заповедника «Куликово поле» И.С. Простякову за предоставленные раннее неопубликованные материалы.

Список литературы

1. Арциховский А. В. Оружие // Очерки русской культуры XIII-XV веков. Часть первая. Материальная культура. Под ред. А. В. Арциховского. Москва, Издательство МГУ, 1969. С. 389-415.

2. Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV-XVII веков. Тула, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2015. 498 с.

3. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., Наука, 1966. 84 с.

4. Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА, 1959, № 2. С. 119-134.

5. Простяков И.С. Отчет об археологической разведке в МО г. Тула в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.

6. Ульянова Т. Н. Вооружение Средневековой Коломны (XIII-XVII веков) по материалам археологических работ 1991-2006 годов // Археология Подмовсковья: Материалы научного семинара. Выпуск 4. М., ИА РАН. 2008. С. 195-209.

FINDS OF WEAPONS ANDACCOUTREMENTS IN THE SECOND HALF OF XIV – EARLY XV CENTURIES FROM ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AT D. SMALL STREKALOVKA

The article discusses the new finds of weapons and accoutrements found during archeological excavations on the territory of the complex of archaeological site of the XIV-XV centuries. In the scientific revolution introduced rare for the findings from Upper Poochya – plate armor and Mace. These things have been preserved in the cultural layer as a result of military clashes, which occurred in the early fifteenth century. After this event, the archaeological site cease to exist.
Keywords: settlement, medieval, weapons and accoutrements, Upariver, plate armor, a Mace.

References

1. Artsikhovskiy A. V. Oruzhiye // Ocherki russkoy kultury XIII-XV vekov. Chast pervaya. Materialnaya kultura.[Essays on Russian culture of the XIII-XV centuries. Part first. Material culture] Pod red. A. V. Artsikhovskogo. Moskva. Izdatelstvo MGU. 1969. S. 389-415.

2. Dvurechenskiy O. V. Kholodnoye oruzhiye Moskovskogo gosudarstva XV-XVII vekov. [Cold weapons of the Moscow state XV-XVII centuries.] Tula. Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 2015. 498 s.

3. Kirpichnikov A. N. Voyennoye delo na Rusi v XIII-XV vv.[Military action in Russia in XIII-XV centuries.] L., Nauka. 1976. 104 s.

4. Medvedev A. F. K istorii plastinchatogo dospekha na Rusi [To the history of plate armor in Russia] // SA. 1959. № 2. S. 119-134.

5. Prostyakov I.S. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v MO g. Tula v 2015 g.[Report on archaeological exploration in the Moscow district of Tula in 2015] // Arkhiv IA RAN. R-1. b/n.

6. Ulianova T. N. Vooruzheniye Srednevekovoy Kolomny (XIII-XVII vekov) po materialam arkheologicheskikh rabot 1991-2006 godov // Arkheologiya Podmovskovia: Materialy nauchnogo seminara. Vypusk 4.M., IA RAN. 2008. S. 195-209.

Об авторах

Столяров Евгений Васильевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия), E-mail: stolarov_e@mail.ru

Петров Юрий Юрьевич – магистрант Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого; научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия), E-mail: petrovyuri1313@gmail.com

Stolarov Evgeniy Vasilyevich. – Candidate of Historical Sciences,Head of Archeological Research Department, Kulikovo Pole State Museum and Reserve (Russia), E-mail: stolarov_e@mail.r

PetrovYuriy Yuryevich – undergraduate, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; research, Kulikovo Pole State Museum and Reserve (Russia), E-mail: petrovyuri1313@gmail.com

УДК 316.61+572

Федосов А.В., старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Шинаков Е.А., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

«НАЧАЛО ГОСУДАРСТВА» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ (СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ) АНТРОПОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению некоторых спорных вопросов современной политической (социокультурной) антропологии, таких как вопрос об определении «нижней грани» при переходе с одного уровня общественно-политической организации на другой, проблеме определения уровня раннего государства и его признаков и т.д. В статье выдвигается тезис о необходимости выработки общих подходов, критериев и оценок при определении уровней развития обществ. Высказаны критические замечания по поводу набора признаков раннего государства, выдвигаемых некоторыми отечественными и зарубежными антропологами и историками. Кроме того, предлагается собственный подход к проблеме начала формирования раннего государства, принципиальным отличием которого от самого развитого «вождества» является появление в нем элементов внутренней эксплуатации, причем даже «своего» в этноконфессиональном аспекте населения.
Ключевые слова: политическая антропология, политогенез, раннее государство, вождество, «нижняя грань».
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-136-148

Обычно при определении уровня развития ранних обществ историки сталкиваются с почти неразрешимой проблемой: отсутствием четких, объективных критериев для подобной оценки, что приводит не только к различию во взглядах на процессы исторического развития той или иной страны или политии, но и к более серьезным последствиям.

И, похоже, это положение устраивает и признается практически всеми ведущими политантропологами: «по-прежнему нет единства среди ученых по вопросу, какую политию считать ранним государством, а какую зрелым, и что такое вообще государство; так же как нет общего мнения, какая численность населения, и какой уровень социокультурной сложности отделяют догосударственные общества от раннегосударственных. Мало кто настаивает на универсальных показателях государственности. Не являются универсальными такие, как строительство монументальных сооружений, появление городов и письменность, численность и плотность населения, наличие классовой эксплуатации, монополия на законное применение силы и другие. Да и само понятие раннего государства не является общепринятым» [10, с.7].

Не решены и другие спорные проблемы политической антропологии - определение «нижней грани» перехода с одного уровня общественно-политической организации на другой[2]. Более того, окончательно не утверждена в науке и структура развития обществ: семья – род – племя – вождество (сложное вождество – суперсложное вождество...) – раннее государство – развитое государство – зрелое государство и т.д., для которых еще не существует единых, удовлетворяющих всех или хотя бы большинство специалистов, определений. На сегодняшний день в науке существует, по меньшей мере, 5 определений вождества (Оберг, Сервис, Саллинз, Гринин, Карнейро)[об этом см., например:16], 4 определения раннего государства (Классен и Скальник, Гринин, Шинаков, Карнейро)[17], 4 определения племени (Энгельс, Сервис, Сандерс, Крадин) и т.д. В настоящий момент вновь возник вопрос о степени универсальности племени как «обязательного» звена в процессе государствогенеза [3;6;15]Такой разброс мнений в среде ученых объясняется тем, что политическая антропология как наука зарождалась на базе анализа развития отдельных политий, методом индукции. Учеными рассматривались, да и поныне рассматриваются, только локальные проблемы отдельных этно-политических групп и их политические системы в различных регионах мира в различные временные периоды. Однако выводы, которые затем ими делаются, зачастую претендуют на универсальный, всеобщий характер. В результате многообразие гипотез и теорий и от-

сутствие критического анализа работ приводит к неопределенности фундаментальных основ политической антропологии, а это снижает ее значение как науки. Но, как считают некоторые специалисты, такое положение только расширяет поле для их собственных научных изысканий.

Здесь уместно привести мнение одного редакционного рецензента: «Он [один из авторов данной статьи] требует, чтобы в науке были разработаны и утверждены не только общие критерии и оценки, но даже "определения", но это было бы концом науки и исследовательской деятельности». Вот так, не больше и не меньше. С порога отметается философский смысл научного познания. Очевидно, этот рецензент никогда не был связан с преподаванием предмета в университете. Интересно как бы он реагировал на вопросы студенческой и научной аудитории? И хотелось бы знать, когда это наличие четких критериев и определений служило преградой для научных изысканий? Наоборот, они станут более объективными и понятными, а вот количество пустых и псевдонаучных публикаций, наверное, сократится[2].

На сегодняшний день одной из неоднозначных проблем политической (социокультурной) антропологии является определение или обозначение уровня «вождества» и «раннего государства». По мнению различных политантропологов вождество бывает составным, сложным, суперсложным и т.д., однако все эти понятия также не имеют четко обозначенных рамок и определений. Некоторые авторы утверждают, что понятие «вождество» является аналогом или современной заменой понятия «союза племен» и им как бы заполняется смысловая лакуна перехода в интервале «племя – государство». Другие, наоборот, еще больше расширяют эту лакуну, вводя все новые приставки к этому термину.

Также и понятие «раннее государство» не является окончательно установленным. И если одни ученые спорят только о «нижней грани» этого уровня, закладывая в это определение свои представления и признаки, то другие наоборот, дробят само это понятие, этот уровень на подуровни: «зачаточное раннее государство», «типичное раннее государство», «переходное раннее государство» и т.д.

Исходя из этого очевидно, что в основном все политантропологические построения носят искусственный характер и являются субъективным мнением авторов, а признаки, которые кладутся ими в основание своих рассуждений, являются неким набором определенных этапов, характерных для развития любой политии, но взятых авторами лишь потому, что они встраиваются в их концепцию. Поэтому почти всегда в этих работах при определении уровней развития политий вначале указывается вывод, обозначается некий абстрактный уровень, а затем под него подгоняются «доказательства».

Часто в работах антропологов мы видим, как использование одних и тех же категорий приводит их к различным результатам. В качестве примера можно привести работы Х. Классена, П. Скальника и отечественного ученого (археолога по первой специализации) Н.Н. Крадина. Первые обосновали определение раннего государства, а второй – суперсложного вождества, приводя в доказательства одни и те же признаки. Сложно представить себе подобное состояние в математике или физике, или какой-либо другой науке.

Но в данной статье мы не ставим себе задачу осветить все дискуссионные вопросы политической (или, как ее предпочитают называть уже в XXI веке – социокультурной) антропологии. Мы, лишь заявив о своей позиции, кратко рассмотрим подходы и теории некоторых отечественных и зарубежных ученых в решении вопроса определения уровня раннего государства и выскажем свое мнение по данной проблеме.

Итак, Х. Классен и П. Скальник в работе “The Early State” дали следующие характеристики раннего государства:

1) «Достаточное для социальной стратификации и специализации население.

2) Гражданство, которое определяется рождением или проживанием на территории государства.

3) Правительство централизовано и имеет достаточную власть, чтобы поддерживать закон и порядок силой или угрозой силы.

4) Государство независимо, по крайней мере, де-факто. Правительство достаточно сильно, чтобы препятствовать сепаратизму, а также успешно отражать внешнюю агрессию.

5) Достаточное количество населения

для начала процесса классообразования (правители и управляемые).

6) Уровень развития производственных сил достаточен для постоянного получения излишков продукции, которые используются для поддержания государственного аппарата.

7) Общая идеология, легетимизирующая власть правящего класса» [1, с.21].

Т.е. иными словами, они установили, что «если для политии... характерны указанные выше характеристики, то мы можем говорить, что она достигла ступени раннего государства» [1, с.21-22].

Значит, перечисленные авторами характеристики являются в совокупности ступенью, порогом для возможности классификации политии как раннего государства. Значит можно говорить о появлении в науке некоей грани, границы появления ранних государств. Так ли это?

Проверим:

1) «Достаточное для социальной стратификации и специализации население».

«Достаточное население». Значит ли это, что авторы установили взаимосвязь начала стратификации и специализации от роста населения? Значит ли это, что рост населения провоцирует начало «социальной стратификации и специализации населения»? Но нет. В работе нет указаний на этот счет. К тому же, социальное разделение и специализация населения начинаются на более ранних уровнях развития обществ. Более того в источниках почти нет достоверных сведений о количественном составе того или иного сообщества. Значит, количественный состав общества не может служить значимым критерием уровня его развития.

2) «Гражданство, которое определяется рождением или проживанием на территории государства».

Такого понятия не существовало в ранних обществах, оно устанавливается и фиксируется законодательно, а в предложенном авторами перечне характеристик данных о развитии законодательной деятельности общества нет. Но если гражданство фиксируется в обществе, то это уже не раннее государство, а полития более высокого уровня.

3) «Правительство централизовано и имеет достаточную власть, чтобы поддерживать закон и порядок силой или угрозой силы».

Данная характеристика также соответствует уровню более развитого государства, нежели раннему, только что выросшему из догосударственных отношений.

4) «Государство независимо, по крайней мере, де-факто. Правительство достаточно сильно, чтобы препятствовать сепаратизму, а также успешно отражать внешнюю агрессию».

Неужели это характеристика раннего государства? И что значит «государство независимо, по крайней мере, де-факто»? Что этим хотели сказать авторы? Неясно.

5) «Уровень развития производственных сил достаточен для постоянного получения излишков продукции, которые используются для поддержания государственного аппарата».

В племенах такие «излишки» шли на содержание вождей, жрецов, воинов. В чем же тогда разница? Даже в самых «ранних», но уже «государствах» излишки продукции объективно начинают появляться в результате повышения уровня производства (а не внешнего грабежа, как раньше), и используются уже не только в интересах госаппарата но и (частично) – всего общества.

6) «Достаточное количество населения для начала процесса классообразования (правители и управляемые)».

Почему эта характеристика вынесена отдельно от первой, ведь процессы социальной стратификации, специализации и классообразования идут одновременно и затрагивают все население общества. «Правители и управляемые» - не слишком ли примитивное обозначение процесса, который в таком виде начинается на этапах рода и племени и не заканчивается даже на фазе развития современных государств. Не количество населения, а уровень развития производства прямо влияет на процесс классообразования в обществе.

7) «Общая идеология, легетимизирующая власть правящего класса».

Скорее здесь уместнее говорить о традициях, обычаях и мировоззрении в раннем обществе, т.к. такого понятия, как «общая идеология» еще не существовало.. Язычество в этих обществах выполняло роль цементирующей силы. Раннее христианство так же следовало этим традициям. Но если отдельная от религии политическая идеология историче-

ски фиксируется, то речь идет о более высокой ступени развития государственности.

Проведенный краткий анализ данных признаков позволяет констатировать, что вряд ли их можно считать корректными для определения уровня раннего государства. По нашему мнению, эти характеристики обтекаемы и неопределенны, но главное, они не являются критерием оценки уровня раннего государства, т.к. завышены и более соответствуют более высокому уровню развития общества.

Далее, для большей объективности, проведем и краткий анализ построений тех же авторов, которые разработали типологию ранних государств по степени зрелости, выделив соответственно «зачаточное», «типичное» и «переходное». В связи с этим возникает вопрос, как соотнести вышеприведенный уровень и те, о которых речь пойдет ниже.

Для наглядности сведем все эти данные в таблицу [Данные таблицы приводятся по: 1, с.641]:

«Зачаточное»	**«Типичное»**	**«Переходное»**
1) слабо развиты торговля и рынки	1) переход торговли на надлокальный уровень	1) торговля играет важную роль
2) основной принцип комплектования аппарата управления – наследование должности	2) наследование и назначение на должность присутствуют в равной степени	2) преобладание назначения на должность в административном аппарате
3) преобладание общинной собственности на землю	3) развитие государственной собственности на землю при ограниченной частной собственности	3) основной формой собственности становятся частные владения, как среди аристократии, так и среди простых людей
4) должностные лица существовали за счет доли собираемой ими редистрибуции	4) источником существования должностных лиц являются как «кормления» за счет подданных, так и жалованье	4) система выплаты жалованья чиновникам доминирует над системой «кормлений», аппарат управления становится относительно независимой политической силой
5) не существовало узаконенной правовой кодификации и наказаний; не было специальных судебных органов	5) начинается письменная кодификация свода законов	5) кодификация законов завершена, большая часть вопросов правотворчества решается судейским аппаратом
6) редистрибуция, дань и поборы не были регулярны и строго определены	6) существует специальный аппарат судей	6) налогообложение превратилось в хорошо отлаженную, постоянно функционирующую систему
	7) изъятие доли прибавочного продукта имело точно установленный характер и осуществлялось как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда	

Начнем с перехода: «слабо развиты торговля и рынки - переход торговли на надлокальный уровень - торговля играет важную роль».

По сути, здесь показан путь трансформации одной из важнейшей составляющей деятельности любой политии. Рассмотрим этап «слабо развиты торговля и рынки». Но возникает вопрос - как «слабо» или насколько «слабы»? Т.е. ничего не говорящее определение, без какого-либо качественного или количественного наполнения, которое можно в полной мере употребить как для политий низкого уровня, так и для более высокоразвитых, поэтому использование его вряд ли можно считать корректным.

Далее – «переход торговли на надлокальный уровень».

Если авторы имеют в виду расширение торговых отношений за пределы политии, то непонятно за счет чего или в связи с чем произошло это изменение. Это – установление новых связей, избыток продукции или расширение торговли внутри политии? Т.е. эмпирически задана некая планка развития торговых отношений, однако авторами снова не дается каких-либо параметров для определения этого трудноуловимого перехода.

Далее: «торговля играет важную роль».

А разве можно назвать времена, когда торговля этой роли не играла? Но если следовать логике авторов, то только с уровня «переходного раннего государства» торговля начинает играть важную роль. Вообще-то обмен, торговля в любой политии – это одна из основ ее существования и функционирования. Если же авторы имеют в виду, что основной прибавочный продукт государство начинает получать за счет торговли, то почему оно «переходное», в их интерпретации? Скорее это уже государство более высокого уровня.

Кроме того, следует отметить, что в некоторых случаях (например, в Северной Руси) появление международной торговли намного опережало торговлю внутреннюю, да и многие этнологи, ученые–нумизматы и экономисты считают, что обмен вначале возникает на границах обществ, а не внутри них.

Далее, основной принцип комплектования аппарата управления: наследование должности – наследование и назначение на должность присутствуют в равной степени – преобладание назначения на должность в административном аппарате.

Итак, основной принцип комплектования аппарата управления – наследование должности присущ по схеме авторов «зачаточному» государству, однако совершенно очевидно, что данный принцип характерен и для политий более низкого уровня. Далее: «наследование и назначение на должность присутствуют в равной степени» авторы определяют на стадию «типичного» государства. Вообще эти два принципа комплектования органов верховной, военной и местной власти всегда имели место в политиях как низшего, так и более высоких уровней. Гораздо большую роль в этих процессах играли такие факторы как обстоятельства и целесообразность.

Далее: по логике авторов «преобладание назначения на должность в административном аппарате» происходит на стадии «переходного» государства. Что означает «преобладание» и «в равной степени»? Как это можно определить? В источниках, относящихся ко времени складывания ранних государств, вряд ли можно найти подобные сведения. Кроме того, способ замещения управленческого поста зависит не столько от стадии государствогенеза, сколько от формы самой государственности и политических традиций, культуры того или иного народа. Примерно в десятке форм зрелой государственности эпохи Древности и Средневековья [11] можно найти практические все известные со времен Платона и Аристотеля формы правления и способы замещения государственных должностей.

Итак, не проводя дальнейший анализ всей типологии, а оценивая их в комплексе, можно заключить следующее: авторы своей типологией хотели показать постепенный процесс развития основных составляющих раннего государства. Однако авторы не дают ответа на главный вопрос за счет чего и в связи с чем, происходят указанные ими переходы, что является базой, основой этого перехода. Поэтому выходит, что совокупность признаков, которые, по мнению авторов, характеризуют уровень «зачаточного» государства, по нашему мнению, можно с большим основанием применять к характеристике политий более низкого уровня и т.д., а значит, использование их для оценки уровня указанного авторами вряд ли будет корректным. Если же авторы просто хотели показать, что в ранних государствах еще сохраняются рудименты более низких этапов развития, что также никто не оспаривает, то тогда где хотя бы элементы нового устройства общества? Их нет. И далее: набор признаков, которыми авторы характеризуют уровень «типичное раннее государство», более уместно определить, как уровень «переходное раннее государство», т.к. в них ясно виден и указан смысл перехода политии на более высокий уровень.

Признаки же характеризующие «переходное раннее государство», согласно типологии авторов, скорее относятся к политиям более высокого уровня, с давно устоявшейся политической системой. Критериев же некоего перехода от одного государственного уровня в другой не обозначено и это лишний раз подтверждает искусственный характер подобных построений.

Кроме того, Х. Классен выделил необходимые условия для возникновения раннего государства. К ним относятся [9, с.76-80]:

1) достаточная численность населения для формирования сложного стратифицированного общества, не менее 5 тыс. человек;

2) определенная территория;

3) производство прибавочного продукта для поддержания элиты и специалистов;

4) идеология, оправдывающая существующее неравенство;

5) некое событие или действие, произошедшее до этого и не планировавшееся специально (вторжение, развитие ирригации и т.д.).

Если кратко анализировать вышеперечисленные условия, то можно отметить следующее. Конечно, авторы вправе включать, по своему усмотрению, в свои определения любые сведения и положения, закладывать в них любую информацию. Однако нужна большая осмотрительность в этих вопросах. Итак, численность не менее 5 тыс. человек. Почему была дана эта точная цифра? Как можно проверить ее соответствие по источникам? Цифра явно взята «с потолка» или заимствована у Платона, и вряд ли будет уместна. Однако автор считает ее большой и, следовательно, достаточной. Но ведь согласно данным палеоантропологии, ареал в 5 тыс. человек неминуемо подвергнется вырождению, учитывая низкую продолжительность жизни в ранних обществах, тем более в условиях островного государства, на которое ссылается автор в своей работе.

Далее. В языческих обществах все видимые, не занятые территории считались своими. Границы не обозначались и проходили в основном по естественным разделителям: рекам, озерам, горам и т.д. Точнее можно было бы обозначить этот пункт как контролируемая обществом территория. Но какая? Любая территория имеет свои особенности: либо это горы, либо заливные луга, либо леса и болота и т.д., что естественно будет накладывать отпечаток на условия и темпы развития любого общества. Значит, вряд ли стоит говорить об «определенной территории», уместнее использовать понятие территории с благоприятными условиями существования, которые используются сообществом для удовлетворения своих потребностей.

Далее. Автор пишет, что «должна существовать система производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения». Но прибавочный продукт – излишек в ранних обществах не создавался только для поддержания элиты и «специалистов». Он появлялся, создавался объективно в результате развития производства и осознания выгоды от его производства и расходовался согласно обычаям и традициям общества или законодательным установкам правителя. Он же становился основой для развития торговли. Но автор ничего об этом не пишет.

Далее. «Должна существовать идеология для объяснения и оправдания существования иерархической административной организации и социально-политического неравенства». Если же идеологии нет, то формирование государства затруднительно или вообще невозможно, тогда складываются другие типы социальной организации.

Вообще-то автор в своей работе ведет речь о ранних обществах, в связи с этим, о какой идеологии здесь уместно говорить? В ранних государствах ее роль выполняла религия, причем зачастую изначально в языческой форме. В язычестве же был заложен некий дуализм: сакральное начало этноса, племени, народа и некая его правовая база в виде табу или запретов и ритуалов. Кстати, ранее христианство также полностью стояло на старой языческой традиции: 10 заповедей и 7 смертных грехов и компромисс – миропомазание. И надо помнить, что почти все государства Европы зарождались именно в языческом мире. Кстати, и те, о которых упоминает автор в работе. Поэтому их «попытки надстроить религиозную и социально-политическую структуры не увенчались успехом».

Далее. Итак, автор, указывая на четыре перечисленные выше условия возникновения и формирования раннего государства, все же считает их недостаточными. Тем более, что взаимодействие, комбинация их в той или иной степени не приводила к возникновению более сложной социально-политической организации. «Необходим некий повод, который спровоцировал бы трансформации», некое событие или действие, произошедшее до этого и, которое не планировалось специально (внешняя угроза, развитие ирригации и т.д.). Т.е. «если в обществе одновременно присутствуют несколько условий и происходит какое-то дающее толчок событие, начинается развитие раннего государства». «Только в таком контексте нужно искать ответ на вопрос» о «появлении раннего государства». Значит, перечисленные условия сами по себе не имеют достаточного значения? Но ведь они,

по сути, являются характеристикой общества с довольно высоким уровнем развития. И как быть обществам, над которыми не нависла какая-либо угроза и не нужна ирригация? Означает ли это остановку их развития? В то же время, автор почему-то не упоминает народы и их общества, которые исчезли со страниц истории в результате подобных толчков. Исходя из этого, некорректно рассматривать в качестве спускового крючка возникновения раннего государства некий «толчок». Ведь и «угроза» и «развитие ирригации», а также «появление новых идей и верований» уже сами по себе являлись результатом некоего более раннего толчка. К тому же подобных толчков в истории ранних политий предостаточно, поэтому определить первенство или первопричину развития бывает затруднительно. В качестве примера здесь можно отметить, что в последние годы вновь прошла дискуссия, инициированная реанимированной теорией Робертом Карнейро о войне, вызванной ограниченностью ресурсов, как главном первотолчке государствогенеза [этому посвящен целый сборник: 12]. В этом же сборнике помещена и статья одного из авторов, посвященная аргументированной критике данных взглядов [5].

По нашему мнению, главные условия возникновения ранних государств лежат в несколько иной плоскости. А именно: осознание близкими в этническом отношении людьми, которые живут на общей территории, говорят на одном языке и занимаются близкой или взаимодополняющей хозяйственной деятельностью выгоды от совместного проживания. Эти же условия становятся базой и для развития их обществ и укрупнения за счет других племен и народов.

Выше мы рассмотрели подход к проблемам политической антропологии П. Скальника и Х. Классена. Рассмотрим проблемы, которые стоят и перед отечественными учеными.

В современной российской науке проблемами раннего государства активно занимается Л.Е. Гринин, который определяет раннее государство следующим образом: раннее государство – это «незавершенное государство», т.е. в государствах этого типа часто отсутствуют те черты, которые отделяют собственно государство от догосударственных форм политической организации: «Важно понимать, что профессиональный бюрократический аппарат, система налогообложения и административно-территориальное деление необязательны для раннего государства. Они становятся обязательны только на следующем этапе развития – при появлении развитого государства» [8, с.96-97].

Тогда что является обязательным для раннего государства? Как и по каким признакам отличить раннее государство от ранних политий: племени, сложного или суперсложного вождества? На этот вопрос автор ответа не дал.

По его мнению, «раннее государство – категория, с помощью которой описывается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; это политическая форма есть в то же время отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или по большей части) не на принципе родства» [8, с.86-87].

Но где хотя бы перечень характерных признаков, где «категория, с помощью которой описывается особая форма…». Не проще ли было, без лишних «категорий», используя терминологию автора, установить, что «раннее государство уже само по себе является особой формой общественно-политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества, которое самостоятельно определяет свою внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок. Власть в ней обладает верховностью и суверенностью, способностью принуждать к выполнению своих требований, менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы и принуждать к выполнению своих требований. Где власть строится (в основном или по большей части) уже не на принципе родства». Теперь главное, что бы с этой формулировкой согласился сам автор.

Но только вряд ли это определение соответствует определению раннего государства, и

как совместить это определение с определением, которое давалось автором ранее?

Напомним: раннее государство это «незавершенное государство», т.е. в государствах этого типа часто отсутствуют те черты, которые отделяют собственно государство от догосударственных форм политической организации: «Важно понимать, что профессиональный бюрократический аппарат, система налогообложения и административно-территориальное деление необязательны для раннего государства. Они становятся обязательны только на следующем этапе развития – при появлении развитого государства» [8, с.96-97]. Неясно, какое определение считать истинным.

Л.Е. Гринин также выделил критерии появления раннего государства, которые, по сути, в основном повторяют признаки, предложенные Х. Классеном (сходство в 3 случаях из 5) [8, с.88]:

1) определенное количество населения (минимум несколько тысяч);

2) определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях занимает военно-данническая эксплуатация соседей);

3) заметная социальная стратификация общества;

4) определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, не меньше трех уровней управления;

5) конкретно-исторические возможности и способность стать государством.

Из перечня только одно имеет смысловое содержание, хотя и требует обоснования и пояснения. Остальные критерии не наполнены каким-либо содержанием и не дают представления о причинах появлении раннего государства.

Л.Е. Гринин также предложил использовать в научном обороте термин «примитивное» (или «первичное») раннее государство, взамен термина «зачаточное» раннее государство Х. Классена. По его мнению, при употреблении термина голландского ученого, возникает некоторая путаница [8, с.95]. Путаница возникнет в любом случае при отсутствии общепризнанной классификации, поэтому данное предложение, по нашему мнению, носит формальный характер.

Определенный вклад в развитие отечественной политической антропологии внес и один из авторов. Е.А. Шинаков считает, что исследование процесса развития политических структур ставит ключевой вопрос о грани – «почти государство, но еще не совсем»: «предгосударство», «(супер) сложное вождество» [14, с.325]. Он считает, что для определения «уже государства» лучше всего работают марксистские критерии, обозначенные еще Ф. Энгельсом: «надо признать, что современная формулировка “государства” вполне соответствует марксистской, т.е. аппарат власти, стоящий над обществом и служащий интересам правящих страт» [14, с.325]. Затем эти критерии были дополнены М. Годелье, Р. Коэном, Б. Триггером, Д. Битамом.

Согласно Е.А. Шинакову, признаками «типичного раннего государства» являются:

1) торговля – как минимум развита на местном уровне (внутренняя торговля);

2) частная собственность на землю – крайне ограничена;

3) роль государственной собственности – постоянно возрастающая;

4) члены аппарата управления – находятся на содержании у правителя, позже часть из них получает жалование;

5) наследственный принцип продвижения и карьеры уравновешивается принципом назначения;

6) судебная система находится на стадии формирования;

7) начинается кодифицирование законов и систематизация набора наказаний;

8) регулярная система налогообложения существует, но принимает разнообразные завуалированные формы, включающие работы, регулярные подарки и т.д.;

9) начинается идеологическое, мифоэпическое, религиозное обоснование власти. К этому можно также добавить четкие (в отличие от «сложного вождества») и охраняемые границы. Масштабные постоянные войны как способ наращивания прибавочного продукта, характерные для «сложных вождеств», уходят в прошлое [14, с.325-326].

Рассматривая данные признаки надо отметить их большую информационную насыщенность по сравнению с типологиями других авторов. В них ясно прослеживается направление развития общества, однако они

также являются неким обобщенным взглядом, мнением ученого на данную проблему, поэтому автор данных признаков в данной статье критически подошел к их анализу.

1) «Торговля – как минимум развита на местном уровне (внутренняя торговля»). Фиксируется некий уровень, но он характерен и для некоторых политий более низкого уровня.

2) «Частная собственность на землю – крайне ограничена». Частная собственность – это правовое понятие, а судя по пункту 7, в политии только начинается кодификация законов и систематизация набора наказаний, поэтому этот признак некорректен. Или же два этих признака надо представлять совместно: начало кодификации, зарождение частного права.

3) «Роль государственной собственности – постоянно возрастающая». Речь идет о государственной собственности, значит, государство уже существует. Скорее всего – это более высокий уровень.

4) «Члены аппарата управления находятся на содержании у правителя, позже часть из них получает жалование». От кого? В чем отличие? Впрочем, в государстве, даже раннем, их обеспечивает либо непосредственно правитель, либо он перекладывает эту обязанность на часть общества. В «вождестве», даже самом развитом, всех, включая самого правителя, содержит «народ» или фактически, или формально д о б р о в о л ь н о. В сложном вождестве добавляется экзоэксплуатация.

5) «Наследственный принцип продвижения и карьеры уравновешивается принципом назначения». Этот признак трудно пока определить по источникам. И почему уравновешивается, и в какой степени – пока также неясно.

6) «Судебная система находится на стадии формирования». Формальная фиксация данного признака.

7) «Начинается кодифицирование законов и систематизация набора наказаний». То же что и 6.

8) «Регулярная система налогообложения существует, но принимает разнообразные завуалированные формы, включающие работы, регулярные подарки и т.д.». Но главное - она существует.

9) «Начинается идеологическое, мифоэпическое, религиозное обоснование власти. К этому можно также добавить четкие (в отличие от «сложного вождества») и охраняемые границы. Масштабные постоянные войны как способ наращивания прибавочного продукта, характерные для «сложных вождеств», уходят в прошлое». Наиболее важным в этом пункте является утверждение заключенное в последнем предложении. Остальное присуще политиям и более низким уровням.

Подводя некий итог рассмотрению различных подходов различных авторов к вопросу возникновения ранней государственности можно констатировать, что уход от поиска универсальных, общих определений и показателей запутывает ситуацию. Различные субъективные методики определения уровня общественно-политических образований не приводят к объективному результату, лишают возможности классифицировать и обобщать результаты исследований, а значит, как уже указывалось, принижают значение политической антропологии.

Выходом из этого положения, по нашему мнению, может стать на первом этапе хотя бы выработка единой терминологии, а также утверждение наиболее полной структуры ступеней общественно-политического развития обществ.

Конечно, в мировой истории не существует универсального, единого для всех пути возникновения, построения и развития общественно-политического образования, но есть объективные факторы, которые оказывают на этот процесс определяющее влияние. Прежде всего, это природно-географические условия, которые определяют тип деятельности большинства населения. Тип деятельности и наличие ресурсов определяет характер взаимоотношений внутри общества, и его взаимоотношение с внешним миром. Поэтому определение сходных условий сложения политий позволят выделить и некие общие черты в их дальнейшем развитии.

Конечно, этапы развития различных обществ не могут абсолютно повторять друг друга, но иногда в их общественно-политических структурах мы находим много общих черт, т.к. процесс «копирования» является объективным процессом при создании новых политий. Как пример, здесь можно указать на

создание первых варварских европейских королевств, которые во многих аспектах копировали гражданские и военные структуры управления римскими провинциями.

В связи с этим заметна теория Мортона Фрида, который разделил ранние государства на первичные (pristine) и вторичные (secondary). Первичные ранние государства возникали в результате собственного спонтанного независимого развития и благоприятных для производства и роста численности населения природно-климатических зонах. К таковым он относил Месопотамию, Египет, Китай, Индию, Перу и т.д. Вторичные ранние государства образовывались по соседству, под влиянием уже сформировавшихся первичных центров цивилизации. Влияние первичных государств было неизбежным, и оно проявлялось как напрямую (в виде непосредственного заимствования тех или иных институтов и структурных принципов), так и опосредованно (путем давления на варварскую периферию) [4].

Теперь выскажем свою точку зрения на проблемы определения ранней государственности. По нашему мнению, при определении характерных признаков, условий возникновения ранней государственности не должны играть решающей роли количественные факторы, и факторы обусловленные личностью лидера или вождя. Обычно источники, а именно в них мы находим сведения для своих построений и выводов, не сообщают, даже приблизительно, ни о количестве членов общества, ни о занимаемой этим обществом территории, а правления и завоевания харизматичных лидеров и вождей после их смерти обычно завершаются смутами и войнами, ведущими к распаду политий. Во всяком случае, именно такой вывод напрашивается из истории готов, гуннов, Древней Руси, да и многих других народов.

Также в качестве основного критерия определения уровня развития политии не может рассматриваться наличие и размер некоего аппарата управления, хотя, конечно, он является отражением уровня развития обществ и создается и усложняется по мере усложнения экономической и политической составляющей общества. Но вряд ли в источниках мы найдем сведения, позволяющие сделать подобный расчет. Тем более, что в ранних обществах аппарат управления чаще зависит от религиозных или амбициозных побуждений лидера, а не от уровня экономического развития общества..

Однако большинство политантропологов все же выдвигает в качестве критериев оценки потестарных обществ их количественный состав и размеры их территории, наличие развитого административного аппарата.

К примеру, Р. Карнейро утверждает разницу между сложным и суперсложным вождествами только количеством их членов, как будто кто-то может достоверно это обосновать и тем более проверить. Хотя найти единичные примеры и доказательства своим расчетам всегда можно найти в многообразии мировой истории и истории народов мира и это считается достаточным.

Во многих авторских построениях и в приведенных выше характеристиках раннего государства Х. Классена мы видим использование количественного критерия оценки уровня – определенная территория. Напомним: границы занимаемых территорий стали очерчивать только с возникновением государств, а до этого любое догосударственное образование, имея собственное поселение, собственные земли, все незанятые территории в округе считали своей собственностью. Отсюда обманчивое впечатление обширности их владений. Исходя из этого, определить, хотя бы приблизительно, количество населения и размеры занимаемой ими территории по достоверным источникам невозможно. И поскольку эти величины не постоянны, трудно и условно определяемы, поэтому второстепенны.

Исходя из этого, мы считаем, что в качестве объединяющих причин, стимулов, предпосылками образования государства выступают: осознание выгоды от объединения большинством народа, общая территория, общий язык, взаимодополняющая хозяйственная деятельность, общие культы и вера, оборона. Такие объединения демонстрируют свою стабильность и долговечность. Силовые объединения или объединения для решения только конкретных задач (война, грабеж, оборона, контроль территорий или торговых путей) формальны и нежизнеспособны, и мы видим подтверждение этому в истории тех же гуннов и готов.

К примеру, в готских предгосударственных образованиях – королевстве гревтунгов и в Готии тервингов – налицо была общая территория, общий язык, одинаковая хозяйственная деятельность, общие культы, однако не было главного – осознания выгоды от объединения; постоянные разделения, измены, отсутствие единства вождей обусловили непрочность этих союзов [подробнее см. 13].

Любые общественные объединения – семья, род, племя, государство – являются неустойчивыми системами и имеют тенденцию как к возникновению, объединению, так и к распаду на любой стадии развития. Поэтому главным критерием их существования является выражение воли, желания человека, группы людей, большинства членов какого-либо общества, большинства населения страны противостоять распаду. Главным же критерием оценки развития общественно-политических объединений, начиная с племени, должно быть определение уровня развития производственных сил и отношений, организованности их политических структур.

Уровень же развития общества любой политии должен определяться экономическими, базовыми принципами, которые должны рассматриваться в качестве основных характеристик, а начальной точкой отсчета для раннего государства должно являться появление в нем элементов внутренней эксплуатации. Это комплексный признак - этап, который рано или поздно проходят все государства в своем развитии, и который свидетельствует о том, что производительные силы общества развиты настолько, что оно начинает удовлетворять свои потребности за счет внутренних ресурсов. А это объективно потребует введения и усложнения налогообложения в обществе, что, в свою очередь потребует совершенствования, усложнения и расширения управленческого аппарата, а это, в свою очередь, потребует введения и совершенствования законодательной базы, которая приводит к ускорению разделения общества на группы и классы, оформлению и обороне границ. Исходя из этого, общество, где отсутствуют внутренние причины (условия) для распада, которое начинает удовлетворять свои потребности за счет внутренних ресурсов, и в котором фиксируется начало внутренней эксплуатации, по нашему мнению, является ранним государством.

Данное определение довольно легко проверяется по данным источников. Дробление же уровня раннего государства на некие подуровни считаем нецелесообразным ввиду их почти невозможной фиксации и гипотетичности.

Список литературы

1. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Early State. Hague: Mouton. - 1978. - 670 p.

2. A.V. Fedosov A.V. On the problematic issues of political anthropology // European Science and Technology. Materials of the IX International Research and Practice Conference. Vol. I. December 24th - 25th, 2014. Munich, Germany 201

3. K. Foct. Slavic Ethnopolities: a few Remarks on the “Tribal Question” as Answer to the Questionnaire of Studia Slavica et Balcanica Petropolitana // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. №1(19), 2016. С.32 -38.

4. M. Fried. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967 – 270 p.

5. A. Ganzha, E. Shinakov. Was the War the Only Way to the State?// Social Evolution and History. Vol.11,№2, 2012. P.48 -51.

6. Горский А.А., Плетерский А., Пузанов В.В., Шувалов П.В. «Племя» в славянском мире в ранне средневековье (форум) // Studia Slavica et Balcanica Petroplitana.№1(19).2016.С.3 -16.

7. L. Grinin. Macrohistory and Globalization. 2012. Volgograd: Uchitel publishing house. 2012. - 320 p.

8. Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги / Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Гринина Л.Е., Коротаева А.В., Бондаренко Д.М., Крадина Н.Н. Воронеж, 2006. С.85 -163.

9. Х.Дж.М. Классен. Было ли неизбежным появление государства? / Раннее государство, его альтернативы и аналоги (Под ред. Гринина Л.Е., Коротаева А.В., Бондаренко Д.М., Крадина Н.Н.) Воронеж, 2006. С.71 - 84

10. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Гринина Л.Е., Коротаева А.В., Бондаренко Д.М., Крадина Н.Н. Воронеж, 2006. - 560 с.

11. E. Shinakov. Some Aspects of the Formalized Classification of States of Antiquity and the Middle Ages//In: Ancient Rus and medieval Europe: The Emergence of States. Ed. by: E.A. Melnikova. Moscow: Russian Academy of Science, 2012. P.324 -328.

12. Social Evolution and History. Studies in the Evolution of Human Societies: Origin of the Early States: a Reconsideration. Vol.11, №2, 2012.

13. Федосов А.В. Готские и славянские предгосударственные образования III - IV вв. - Брянск: ООО "Буквица", 2015. - 320 с.

14. Шинаков Е.А. Что считать периодом «раннего государства» в процессе складывания Древней Руси? // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19-21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011. С.324 -328.

15.Шинаков Е.А. Что есть «славянское племя»? Ответы на вопросы редакции журнала Studia Slavica et Balcanica Petropolitana// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. №1(19).2016.С.17 -31.

16.Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Федосов А.В.Пути к государству. Германцы и славяне: предгосударственный этап. Saarbrucken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2013. 136с.

17.Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Ващейкин А.Е. Пути к государству. "Раннее государство" - за и против. Saarbrucken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2014.128с .

“THE BEGINNING OF STATEHOOD” IN WESTERN EUROPEAN, AMERICAN AND RUSSIAN POLITICAL (SOCIOCULTURAL) ANTHROPOLOGY

The article is dedicated to the most topical and burning problems of the modern political anthropology. Among them are the problem of the ‘lower edge’ between different levels of socio-political organization, the problem of ‘early state’ and its characteristics etc. The necessity of the creation of the common criteria and approaches in the defining the level of society development is stated. Some criteria of the early state, suggested by different Russian and international scientists, are criticized in the article. The author also presents his own view on the problem of early state emergence. As a starting point of any early state the emergence of the inner(including “own” in ethnoconfessional aspect population) exploitation is suggested.
Keywords: political anthropology, political genesis, early state, chiefdom, “lower edge”

References

1. H.J.M. Claessen, P. Skalnik (1978). The Early State. Hague: Mouton. - 1978. - 670 p.

2. A.V. Fedosov (2014). On the problematic issues of political anthropology // European Science and Technology. Materials of the IX International Research and Practice Conference. Vol. I. December 24th - 25th, 2014. Munich, Germany 2014.

3. K. Foct (2016). Slavic Ethnopolities: a few Remarks on the “Tribal Question” as Answer to the Questionnaire of Studia Slavica et Balcanica Petropolitana // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. №1(19), 2016. C.32 -38.

4. M. Fried (1967). The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967 – 270 p.

5. A. Ganzha, E. Shinakov (2012). Was the War the Only Way to the State?// Social Evolution and History. Vol.11,№2, 2012. P.48 -51.

6. Gorsky A.A., Pletersky A., Puzanov V.V., Shuvalov P.V. (2016) «Plemya» v slavyanskom mire v rannee srednevekov’e (forum) [“Tribe” in the Slavic world in the Early Middle ages (forum)]. Studia Slavica et Balcanica Petroplitana.№1(19). 2016. S.3 -16.

7. L. Grinin. Macrohistory and Globalization. 2012. Volgograd: Uchitel publishing house. 2012. - 320 p.

8. L.E. Grinin (2006). Rannee gosudarstvo i ego analogi [Early State and Its Analogues]. Rannee gosudarstvo, ego al’ternativy i analogi. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin. Voronezh, 2006. S.85 -163.

9. H.J.M. Claessen (2006). Bylo li neizbezhnym poyavlenie gosudarstva [Was State inevitable?]? Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin. Voronezh, 2006. S.71 - 84.

10. Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi (2006) [Early State, Its Alternatives and Analogues]. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin. Voronezh, 2006. S. - 560 s.

11. E. Shinakov (2012). Some Aspects of the Formalized Classification of States of Antiquity and the Middle Ages//In: Ancient Rus and medieval Europe: The Emergence of States. Ed. by: E.A. Melnikova. Moscow: Russian Academy of Science, 2012. P.324 -328.

12. Social Evolution and History (2012). Studies in the Evolution of Human Societies: Origin of the Early States: a Reconsideration. Vol.11, №2, 2012.

13. A.V. Fedosov (2015). Gotskie i slavyanskie predgosudarstvennye obrazovaniya III - IV vv. [Gothic and Slavic Pre-state Units in the third-fourth century] - Bryansk: OOO "Bukvitsa", 2015. - 320 s.

14. E.A. Shinakov (2011). Chto schitat' periodom "rannego gosudarstva" v protsesse skladyvaniya Drevnei Rusi [What should be cosidered "early state" stage in the process of Ancient Rus' formation]? Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza. XXIII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Moskva, 19-21 aprelya 2011 g. Materialy konferentsii. M., 2011. S.324-328.

15. E.A. Shinakov (2016). Chto est' "slavyanskoe plemya" [What Slavic tribe is]? Otvety na voprosy redaktsii zhurnala Studia Slavica et Balcanica Petropolitana// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. №1(19).2016. S.17 -31.

16. E.A. Shinakov, A.S. Erokhin, A.V. Fedosov (2013). Puti k gosudarstvu. Germantsy i slavyane: Predgosudarstvennyi etap [Ways to State. The Germans and Slavs: Pre-state Stage]. Saarbrucken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2013. 136 s.

17. E.A. Shinakov, A.S. Erokhin, A.E. Vashcheikin (2014). Puti k gosudarstvu. "Rannee gosudarstvo" - za i protiv [Ways to the State. "The Early State" - pro and contra]. Saarbrucken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2014. 128 s.

Об авторах

Федосов Андрей Владимирович – старший преподаватель факультета дополнительного образования Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: fedosov-andrey@yadnex.ru

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: shinakov@mail.ru

Fedosov Andrey Vladimirovich - senior lecturer of the Faculty of the Additional Education of Bryansk State University after academician I.G. Petrovsky, E-mail: fedosov-andrey@yadnex.ru

Shinakov Engeny Alexandrovich - Doctor of Historical Science, Professor of the Russian History Department of the History of Faculty and International Relation of Bryansk State University after academician I.G. Petrovsky, E-mail: shinakov@mail.ru

УДК 94

Федосова Н.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ЭДГАР ЮЛИУС ЮНГ. БИОГРАФИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Статья повествует о биографии Эдгара Юлиуса Юнга (1894-1934) – немецкого общественного деятеля, юриста, журналиста, политика одного из самых ярких представителей «Консервативной революции». Жизнь этого удивительного человека пришлась не на самые мирные годы. Он был участником войны и революции, боролся за светлое будущее своей родины. Э. Ю. Юнг был истинным гражданином Германии, идеология которого могла стать альтернативой национал-социализму. «Консервативная революция» в лице Э. Ю. Юнга могла найти действенное воплощение, так как, Юнг, пожалуй, был единственным из представителей «третьего пути», кто реально предпринимал действия для реализации своей идеи. Будучи ярым патриотом и убежденным католиком, он не испугался противостоять надвигающейся буре нацизма. Написанная Юнгом для правительства Марбургская речь, обвиняющая власть нацистов в анонимной слежке, запугивании оппонентов, коррупции, произвела эффект разорвавшейся бомбы, осколки которой задели и самого автора. Так в возрасте 50 лет погибает один из выдающихся общественных деятелей Германии, но для потомков сохранился главный его труд «Господство неполноценных», рассказывающий об идеях мыслителя и идеолога «Консервативной революции».

Ключевые слова Эдгар Элиус Юнг, "Консервативная революция", история Германии, Веймарская республика, Франц фон Папен, национал- социализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-149-156

Эдгар Юнг был противоречивой личностью еще при жизни. Но и после его смерти, а точнее сказать ликвидации, он вызывала множество споров. Если политик, был столь опасен для устанавливающего в Германии тоталитарного режима, что стал его первой жертвой, то особо интересно узнать, как жил этот удивительный человек и мыслитель, какой был его жизненный путь, что повлияло на его внутренний мир, почему он захотел изменить немецкое общество.

«История жизни — это одно из тех понятий здравого смысла, которые незаконным путем проникли в научный мир» - начинает свою статью «Биографическая иллюзия» Пьер Бурдье. При помощи биографических исследований историк может ухватить индивидуальное в истории, ее человеческое измерение, ускользающее и растворяющееся в смене социальных формаций, эпох и парадигм. [7. URL.:http://gefter.ru/archive/1388 (дата посещения дата посещения 17. 05. 2015] Понять своего героя историк может только через призму эпохи, на которой как на полотне возникает рисунок его жизни.

Говоря о Юнге, можно сделать вывод, что с одной стороны, он был типичным сыном «потерянного поколения», но с другой стороны его отличали особо яркие идеи об идеальном немецком обществе, возрожденном в перестроенном по новохристианскому образцу. Биография – это историческое исследование, поэтому она не ограничивается повествованием о жизни персонажа:.. «это сама история, показанная через личность»[9. С. 288].«Новая биографическая наука» ставит в центр исследования деятельность индивида, его сознания и самосознания, индивидуального целеполагания. Это в итоге помогает ответить на вопрос в какой степени и каким образом унаследованные культурные традиции, определяющие поведения людей в специфических исторических обстоятельствах имели влияние на изучаемую проблему.[10. С. 290].Это взгляд на изучаемый вопрос сквозь призму жизни «героя». Актуальность изучения интеллектуального течения «консервативной революции» совпала с возвращением исторической науки к биографическому жанру. Это определят двойную актуальность изучения биографии Э. Ю. Юнга.

В городе Людвигсхафен-на-Рейне, расположенном на юго-западе страны родился Юнг 6 марта 1894 года. Его родной город, названный в честь Людвига I, на рубеже веков был торговым и промышленным центром. На момент рождения сына отец Юнга преподавал музыку в школе. Он был известным музыкальным педагогом, и мальчик воспитывался, окруженный музыкой. И сам Юнг в молодости фантазировал на фортепиано, сочиняя музыку. Юнг с детства воспитывался в среде творческой и сам находил эмоциональное спасение в гармонии музыки. В 1912 году Эдгар Юлиус заканчивает гимназию и выбирает

юридическое поприще, приступает к изучению права. Один из его учителей, лекции которого он посещал в Лозанне, был Отмар Шпанн. Параллели с идеями Шпанна с легкостью можно найти в философии Юнга. Видимо, на молодой живой ум, лекции этого политолога, экономиста и консерватора оказали непосредственное влияние.

К началу войны Юнгу было чуть больше двадцати лет. Прекрасный возраст, призывающий к поиску себя в мире. Но, не желая оставаться в стороне от грандиозных событий, разворачивающихся на его глазах, подхваченный военной эйфорией, Юнг отправляется добровольцем на фронт и попадает в третий Баварский полк легкой кавалерии. Его судьба была неотличима от судьбы 13 млн. человек мобилизованных на «нужды войны»[4. С. 129]. Начало войны и первые кровавые битвы вызвали к жизни новое чувство реализма, ощущение драматизма происходящего. Жестокости войны проявили себя сразу. Немецкое командование было уверено, что война станет для немецкого солдата прогулкой. Но уже первые месяцы войны вернули всех к пониманию грядущей катастрофы. На протяжении 1915 года германские войска, и в их составе Э. Ю. Юнг, стояли всего в пятнадцати километрах от Вердена. Главный замысел немцев на 1916 год — добиться обескровливания французской армии — при Вердене начал реализовываться 21-го февраля: началось яростное наступление на крепость. Если французы перестанут сражаться — то потеряют Верден, если не перестанут — потеряют армию.[11. URL.: http://militera.lib.ru/h/utkin2/05.html (дата посещения 17. 05. 2014).] Ожесточение битвы стало невиданным. Треть миллиона немцев полегла за небольшой, изуродованный артиллерией клочок земли.

Юнг стал участником одного из самых страшных и кровопролитных эпизодов войны – «Верденского ада», как позвали битву при Врденах сами солдаты. Война раскрыла для Юнга другую сторону человека – не созидающую, а разрушающую, лишенную всякого гуманного наполнения. И в то же время он непосредственно осознал слабость отдельного человека перед громадной силой государства. В 1917 году Юнг получает звание лейтенанта и отправлен в резерв. В это время он занимался подготовкой самолетов-истребителей и служит в ВВС Германии. О военной деятельности Юнга известно мало, в отличие, например, от Э. Юнгера. Но в своих трудах в послевоенные годы Юнг пишет о войне довольно много, указывая на ее лишенность всякого духовного содержания, указывая на материалистические цели государств [1. S.55.]. Война убедила его в желании продолжить политическую деятельность более активно, чем до войны, чтобы самому лично помочь Германии измениться. После окончания войны Юнг вернулся к учебе в университетах Вюрцбурга и Гейдельберга, которую пришлось прервать. Его ученая карьера проходила в крайне нестабильное и неспокойное время. Юнг становится участником подавления Баварской советской республики. Он примкнул к составу добровольческого корпуса Эппа - самого сплоченного отряда баварской контрреволюции. В этом же 1919 году он, вместе со своим отцом и братом вошел в состав Немецкой Народной партии Пфальца (DVPP), которая была лидирующей консервативной партией региона. Его талант оратора и организаторские способности, амбициозность, несмотря на молодой возраст, быстро продвигали его по профессиональной и партийной лестнице. Основным направлением его деятельности был национальный вопрос. Он призывал к сопротивлению Рурской области против французской оккупации.

В 1920 году он получил ученую степень доктора юридических наук. Далее следовала женитьба, предвещающая спокойную семейную жизнь. Но Юнг продолжал свою активную политическую деятельность. Кульминацией Рурского конфликта стал 1923 год, который одновременно привел к разочарованию для Юнга. Вместо серьезных ответных действий на французскую агрессию центральная власть ответила «пассивным сопротивлением». Юнг испытал сомнения в возможности национального единства страны[1. S.57.]. Вместе с директором банка «КайзерслаутернЭммерлинг» он сформировал секретную организацию «Рейнско-Пфальцский Союз борьбы», который в январе 1924 года, организовал убийство президента сепаратистской республики Хайнца Орбиса. Во время покушения на лидера рурских сепаратистов Юнг получил скользящее ранение шеи. Это послужило окончательным сдвигом

от национал-революционного лагеря и еще больше привело к мысли о неудовлетворенности Веймарской республикой. Юнг был вынужден бежать из-за его причастности к нападению. Но, однако, уголовного преследования за ним не последовало, так как Хайнц Орбис был обвинен в государственной измене и его убийство причислили к акту государственной самообороны[5. С. 137.]. Но французские власти запретили Юнгу возвращаться в Пфальц до 1930 года. Э. Ю. Юнг вместе с женой поселился в Мюнхене, где практикует профессию адвоката, но только с целью зарабатывать на жизнь

Рубеж 1923-1924 годов был переломным для страны. Началось преодоление послевоенных последствий. В феврале 1924 г. было отменено чрезвычайное положение, а План Дауэса принял даже сам Юнг, который в 1924 году едет в Берлин для участия в выборах. Он выдвигает свою кандидатуру от партии в рейхстаг, но не проходит. Это не охладило его политического пыла, а стало только первым шагом. Он ищет близости с консерваторами и тогда же вступает в знаменитый «Июньский клуб». К этому времени «Июньский клуб» был в стадии агонии. Но Юнг находит связь с Рудольфом Пехелем, главным редактором журнала « Deutsche-Rundschau», что оказало влияние на его дальнейшую судьбу.[2. S. 24.] Одним из идеологических товарищей Юнга становится А. Меллерванден Брук. Их общение могло бы стать еще плотнее, если бы не внезапное самоубийство последнего в 1925 году.

В Дотмунде в это время Юнг входит в квартирный кружок молодых юристов, состоящих из 5-7 человек, как вспоминает Э. Форшбах, который сам бывал там частым гостем [1. S. 19.]. Этот клуб стал как бы логическим продолжением «Июньского клуба». Главной повесткой дня был вопрос о «немецкой национальности» и перезагрузке нации после Первой мировой войны. Эдгар Юлиус тогда приобрел многие связи, которые помогли ему в карьерном росте. В скором времени это объединение выросло, и его основатели стали приглашать гостей. А для этого нужно было придумать название. «Консервативный» как определение долго витало в воздухе, но кружок получил название «Национальное политическое объединение». Его представителями стали Мартин Шпан, Эдуард Штадлер, Фридрих Мрачно и Густав Ернеке. Они часто проводили открытые чтения и круглые столы[1. S. 21.]. Но интеллектуальным и духовным центром сообщества был Э. Ю. Юнг. Как опять же вспоминает Форшбах, слушая лекции Юнга, мы видели мир лучше и знали, как его изменить [1. S.22.]. Помимо этого, здесь явно проявляются организаторские способности ученого. Он связывается с подобными организациями, которые были в Марбург е, в Мекленбурге, в Силезии и в Тюрингии.

В профессиональном плане Э. Ю. Юнг посвящает себя преподавательской деятельности и читает лекции студентам. Один из его слушателей, принадлежащих к молодежной национал-социалистической лиге, слушавший лекции Юнга, оставил запись: «Доктор Эдгар Юнг, наполовину еврей, который описывает себя как противник революции, не имеет ничего общего с нацистской партией. Я нахожу его как одного из злейших врагов движения. И как-будто он крадет речи Гитлера» [1. S. 57.]. Фраза-«наполовину еврей» для того времени была ругательной и оскорбительной. Эдгар Юлиус не имел никакой принадлежности к евреям, а его сравнение с Гитлером звучит, как злая шутка. В это время Юнг находится на стадии пика своего духовного развития. Он окончательно уходит от либерализма и формирует идею национального государства. И это при том, что находился в Берлине, который был сильно левоориентированным. Юнг вступает в полемику с Рудольфом Пехелем, обвиняя его журнал в излишней либерализации. Происходит окончательное становление Юнга как консервативного мыслителя. В 1927 г. выходит в первом издании его главная книга – «Господство неполноценных» («Die Herrschaft der Minderwertigen»). Эта книга, обращенная ко всей немецкой нации, содержит в себе основные идеи ее автора. Она стала своего рода «библией» «консервативной революции». Целью консервативной революции Юнг полагал «восстановление элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и Богом и не сможет построить истинный порядок. На место равенства вступит внутренняя ценность, на место классового сознания — справедливое социальное устройство в корпоративном обществе, на место механических выборов —

органическое воспитание вождя, на место бюрократического принуждения — внутренняя ответственность истинного самоуправления, на место массового безликого счастья — право суверенной личности как части народа[8. С.49].

Книга была консервативно ориентирована и попала в тот же круг читателей, что и «Третий Рейх» А. М. ванн ден Брука. Но,в то же время, Юнг нашел поддержку среди магнатов Рурской промышленности. Которые оказывали ему материальную поддержку. Юнг много работает, но он не удовлетворён своей работой, поэтому пользуясь успехом, он пишет второе издание «Господства неполноценных», где очень осторожно подходит к экономическим вопросам, не желая обидеть своих промышленных покровителей [2. S. 62.]. Он публикуется в Рейнско-Вестфальской газете, ища дополнительные средства заработка. В этих статьях его убеждения расходятся с тематикой, заданной покровителями, и сам Юнг не скрывает этого. Но средств постоянно не хватает, так как политическая деятельность требует больших затрат. За свою пропагандистскую журналистскую деятельность Юнг получает ежемесячно 2000 марок. Он перестает платить ежегодные взносы в профсоюзную ассоциацию, указывает на большую плату за квартиру в 600 марок. Тяжелое материально положение заставляет Юнга заниматься тем, что расходится с его истинными мыслями.

Юнг разочаровывается в политической деятельности, видя в политике путь, «усеянный камнями», но с помощью которого можно воплотить свои идеи в жизнь [2. S. 67.]. Второе издание «Господства неполноценных», вышедшее вскоре за первым, застает Веймарскую республику в кризисе. Замена 17 мая 1930 года плана Дауэса, на план Юнга даже в то время вызвала у многих экспертов серьезные опасения. Последующее развитие событий показало, что ограбление германской экономики в течение неограниченного времени являлось серьезной ошибкой. Это было время, когда подрывались самые основы Веймарской республики. Социалисты требовали принятия мер для поддержания безопасности государства. Зеверинг, министр внутренних дел, представляя 13 марта 1930 года закон о защите республики, удачно описал внутриполитическую ситуацию, заявив: «Право на собрания превратилось в бесправие собрания, а свобода печати — в своеволие печати. Мы не можем более позволять демагогам воспламенять массы своими речами. В прошлом году в одной только Пруссии при выполнении своего долга было убито четырнадцать и ранено триста полицейских» [6. URL.:http://militera.lib.ru/memo/german/papen_f01/text.html#t10 (дата обращения 16. 06. 2014).]. Несогласие между партиями коалиции по вопросу о финансовых реформах, необходимых для выполнения условий плана Юнга, привело к падению кабинета, возглавлявшегося канцлером-социалистом Мюллером. Поворотным моментом не только для всей Германии, но и для Юнга становится 14 сентября 1930 года, когда состоялись выборы в рейхстаг. Коммунисты получили двадцать три добавочных места, а нацисты увеличили свое представительство с 12 до 107 мест. Немецкие националисты ослабили свои позиции больше чем наполовину, в основном из–за того, что никто более не мог принять исповедуемую Гугенбергом разновидность консерватизма, вследствие чего позиции Брюнинга сильно ослабли. Наиважнейшим событием стало то, что нацисты превратились во вторую по силе партию в палате. [6.URL.: http://militera.lib.ru/ (дата обращения 16.06.2014)].

Весь 1931 год и начало 1932 Брюнинг пытался договориться с национал-социалистами и предотвратить политическую анархию. 13 марта 1932 года состоявшиеся выборы президента не обеспечили ни одному из кандидатов необходимого абсолютного большинства. Гинденбург набрал 49,7 процента голосов, Гитлер — 30,1 процента, коммунист Тельман — 13,3 процента, Дюстерберг — 6,9 процента. На втором этапе выборов, набрав больше половины голосов, победил все-таки Гиндебург, но этот момент стал одновременно началом восхождения Гитлера. Ожидая, что Брюнинг остановит катастрофу, родилась новая партия- «Народная партия консерваторов», состоявшая из группы парламентариев из DNVP (национал консервативная партия Веймарской республики), которая восстала по очень разным причинам против руководством Гугенберга. Юнг, который не был организатором, но собственно он разработал программу этой оппозиционной партии.

После провала народных консерваторов и последнего кабинета Брюнинга, Юнг считал, что он имеет последний шанс найти доступ к центру решений. А именно через нового главу правительства Ф. фон Папена [1. S. 37.]. Эдгар Юлиус был его советчиком, секретарем и спичрайтером. То есть через его уста он мог произносить лозунги молодых консерваторов. Но и тут его постигло разочарование. В ноябре 1932 он писал: «Гитлер обязан своим успехом его идеологическому и социально-этическому нраву. Поэтому он представляет собой закон развития, в соответствии с которым наше время отстало».В течение некоторого времени Юнг впал в депрессию. Его близкие друзья сообщают о том, что он даже думал о суициде летом 1933 года [1.S. 54.] .Выходом из этого депрессивного состояния стала последняя большая работа Юнга - «Смысл немецкой революции». В малом объеме, он попытался изложить что-то вроде обзора всего развития Германи с конца войны по-прежнему с отказом от республики и либеральной демократии. Гитлера и НСДАП Юнг называет как «партию обездоленных, … гражданским коллапсом», которая не в состоянии привести к такому изменению, которое на самом деле необходимом [2. S. 103.]. Книга показывала в самое резкое неприятие автором «консервативной революции» нового режима.

Э. Ю. Юнг и его друг Герберт фон Бозе разработал план покушения на Гитлера. Для начала на основе офиса Папена - но без ведома вице-канцлером – необходимо было построить конспиративный центр. Они направили свои действия на переворот, желая использовать конфликт между верховным лидером СА Ремом и руководством рейхсвера. В ноябре 1933 года, Юнг разработал конституционный план, согласно которому в резком контрасте с его ранними взглядами он говорил, что «полностью национализированные народы не могут быть основой прочного порядка политической жизни [2. S. 109.].

Весна1934 года отметилась ухудшением кризисной ситуации. Число безработных росло, наблюдался застой в экономическом развитие. Рейхсвер ощущал драматический рост СА-ассоциаций, которые в качестве единственной силы стали нести угрозу. Это казалось заговорщикам Э. Ю. Юнгу и Бозе возможностью свергнуть национал-социалистов, наметив свои действия на середину июня 1934 года. Первым этапом было выступление Папена в Марбурге с речью, которую написал Э. Ю. Юнг. Марбург – символично мистический город для Германии, где произносятся, как заклинания речи, меняющие всю историю. Юнг много раз переписывал начало речи, понимая всю ее важность – она должна была стать предупреждением для всего населения. «Зная, что на эту встречу приедут выдающиеся представители интеллектуального мира, – писал позже Папен, – я готовился к ней особенно тщательно. Речь для меня написал Эрнст Юнг. Я полагал, что она даст мне возможность обратиться ко всей нации» [6. URL.:http://militera.lib.ru/memo/german/papen_f01/text.html#t10 (дата обращения 16. 06. 2014)]. Но Папен лукавит, прочитал он уже готовую речь только в поезде в Марбург и она его напугала. И перед самим выступлением он изрядно волновался, теребя в руках короткий карандаш, но отступать было поздно. Вместо ожидаемого бесцветного выступления 17 июня была произнесена речь, которая произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Папен и не подозревал, что дает сигнал к забастовке. Гитлер был вне себя от ярости, услышав текст этой речи – это была явная критика тотального режима, и национал-социализму приписывалось подавление мнений и убеждений. Вице-канцлер по сути призвал к свободным выборам, выразив то, что чувствовали миллионы немцев, но лишь немногие осмеливались высказываться открыто. «Правительство, писал в этой речи Юнг, — хорошо осведомлено о том, что за «немецкой революцией» скрывается эгоизм, бесхарактерность, ложь, нечестность»[1. S. 47.]. Юнг устами Папена говорил об анонимной слежке, унифицированной нацистами прессе, подавлении критики, засилий бюрократии. В городе, куда в свое время приехал Лютер, которому близки идеи Реформации, он говорит о принципах христианства, которые «веками были основой для нашей нации». Эти фразы, написанные Юнгом, звучат как призыв к свободе, он выразил мысли многих консервативных немецких интеллектуалов, которые появились у них после 1933 года, когда страна начала погружаться в молчание, нарушаемое

только ритмичными выкриками, что свидетельствовало о подъеме фанатизма[3. С. 145].

«В громе аплодисментов, последовавших за моими словами, – писал Папен, – потонули бешеные протесты немногочисленных нацистов. Эти аплодисменты выражали дух немецкого народа» [6. URL.:http://militera.lib.ru/memo/german/papen_f01/text.html#t10 (дата обращения 16. 06. 2014)]. Магбурская аудитория, собравшаяся в амфитеатре университета, представленная в основном средним классом приветствовала речь овациями, а партийные чиновники удалились в знак протеста. Напечатанный вариант текста был изъят из оборота, запрещался перевод и какое-либо его вещание. Хотя гестапо обнаружило, что рукописные экземпляры пущены в обращение «Стальным шлемом» и были предприняты попытки дальнейшего распространения содержимого, но это ограничивалось небольшими кругами. Сразу же становится известным, что написал рукопись секретарь фон Папена Э. Ю, Юнг. Гитлер 25 июня подписывает ордер на его арест.

Друзья Юнга рассказывают о том, как действовали люди Гиммлера и Гейдриха. Тревогу подняла домработница Юнга. Она приехала в его квартиру во вторник утром, около девяти часов. Открыв дверь, она ужаснулась – по всей прихожей валялась одежда, ящики стола в кабинете были выдвинуты, а по разбросанным повсюду бумагам она догадалась, что здесь что-то в спешке искали. В спальне вся мебель была перевернута, а кровать не заправлена. Нет сомнений, что к Юнгу ворвались, когда он еще спал. Он, по-видимому, пытался сопротивляться. Домработница в ужасе обзвонила всех известных ей друзей Юнга, но не стала звонить в полицию, поскольку увидела на стене надпись, сделанную рукой журналиста. Ему, должно быть, разрешили на минуту зайти в ванную, и он успел написать карандашом на стене слово «гестапо».[3. С. 146.] В разгромленной квартире Юнга собрались сотрудники вице-канцлера и близкие друзья журналиста. Разбросанные повсюду вещи и бумаги стали серьезным предупреждением о грядущих бедах. В первую очередь, конечно, надо было найти Папена. Папен просит подробно рассказать о случившемся – ему надо было все обдумать. Впрочем, как только он услышал слово «гестапо», ему сразу все стало ясно. Гейдрих и Гиммлер решили нанести первый удар и «спустили с цепи своих волкодавов». Папен решает немедленно ехать в Берлин. Надо попытаться вырвать Юнга из лап мучителей, к тому же надо было выяснить, кого еще они задумали арестовать и за что [3. С. 147.]. Кроме того, Папен думает и о том, как обезопасить себя. Он надеется, что в кругу официальных лиц Берлина он будет застрахован от внезапного ареста и наемных убийц. Папен сначала предпринимает решительные меры. Он едет к Гитлеру, но в приемной фюрера ему отвечают, что он спит, так как устал после приезда из Мюнхена. Канцлер едет к Герингу, но и того не застает в городе - он читает речь в Кельне. И только у рейхсфюрера СС Гиммлера Папена удостоили приемом, который был холодным и сдержанным. Гиммлер сообщил, что Э. Ю. Юнг арестован по обвинению в связи с иностранными фирмами и незаконной деятельностью, что его допросят и отпустят. Дальше Папен не стал предпринимать никаких действий, а его самого отправляют под домашний арест. Больше Эдгара Юнга никто не видел.

В подвале большого здания на Принц-Альбрехт-штрассе 8 Юнг провел больше недели. Нет практически никакой вероятности узнать, что ему пришлось перенести. Гитлер приказывает казнить одного из своих идеологических врагов. 30 июня эсесовцы казнили Бозе. Эдгар Юлиус Юнг был расстрелян на рассвете 1 июля 1934 года в роще близ Ораниенбурга. Его жена получила урну с прахом мужа без каких-либо комментариев. Гитлер же повелел назначить ей пожизненную пенсию.

Так в возрасте 50 лет погибает один из замечательных мужей Германии, идеология которого могла стать альтернативой национал-социализму. Консервативная революция в лице Э. Ю. Юнга могла найти действенное воплощение, так как, пожалуй, Юнг был единственным и представителей «консервативной революции», кто реально предпринимал действия для реализации своей идеи. Но он проиграл борьбу с огромной силой, которая тоже была рождена в Германии, и отдал свою жизнью. Вероятно, под пытками гестапо Юнг не отказался от своих убеждений и сопротивления.

Список литературы

1. Forschbach E. Edgar J. Jung: ein konservativer Revolutionär. - 30. Juni 1934 E. Forschbach. - Stuttgart: Neske, 1984.

2. Sebastian M. Die andere Deutche Revolution. Edgar Julius Jung und Die Metaphisyschen Grundlagen Der Konservativen Revolution. – Kiel., 2009.

3. Галло М. Ночь длинных ножей. Борьба за власть партийных элит Третьего Рейха. 1932 – 1934. – М.: 2007.

4. Леонов С. В. О влиянии Первой мировой войны на Германию и Россию.//Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. 2012., №247.

5. Меллер Х. Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М., 2010

6. Папен. Ф. фон. Мемуары.// Военная литература. [электронный ресурс]. URL.:http://militera.lib.ru/memo/german/papen_f01/text.html#t10 (дата обращения 16. 06. 2015).

7. Попытка ухватить индивидуальное в истории: биография в исторической науке. [электронный ресурс], URL.: http://gefter.ru/archive/1388 (дата посещения дата посещения 17. 05. 2015)

8. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии. СПБ., 1997 .

9. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже 20-21 в. М., 2011.

10. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI в.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011.

11. Уткин А. И. Первая мировая война. //Военная литература. [электронный ресурс], URL.: http://militera.lib.ru/h/utkin2/05.html (дата посещения 17. 05. 2015).

EDGAR JULIUS JUNG. BIOGRAPHY OF THE CONSERVATIVE REVOLUTIONARY

The article tells about the biography of Edgar Julius Jung (1894-1934) – a German public figure, lawyer, journalist, politician of one of the brightest "Conservative revolution" representatives . The life of this amazing man was not in the most peaceful years. He was a participant of war and revolution , fought for bright future of the homeland. E. Yu. Jung was a true citizen of Germany, whose ideology could become an alternative to national socialism. "Conservative revolution" in the person of E. Yu. Jung could find an effective embodiment, as Jung was perhaps the only representative of the "third way" who really took action to implement his idea. Being an ardent patriot and a convinced Catholic, he was not afraid to confront the impending storm of Nazism. Speech about accusing the power of the Nazis in the anonymous surveillance, intimidation of opponents, corruption, which was written by Jung for the government of the Marburg, produced a bombshell, fragments of which hurt the author himself. So at the age of 50 years one of the leading public figures in Germany dies, but his main work “The dominance of the defective " is remained for future generations, it is about the ideas of the thinker and ideologue of the "Conservative revolution".

Keywords: Edgar Elius Jung, «Conservative revolution», history of Germany, Weimar Republic, Franz von Papen, national-socialism.

References

1. Forschbach E. (1984). Edgar J. Jung: ein konservativer Revolutionär. - 30. Juni 1934 . Stuttgart.

2. Sebastian M. (2009). Die andere Deutche Revolution. Edgar Julius Jung und Die Metaphisyschen Grundlagen Der Konservativen Revolution. Kiel .

3. Gallo M. (2007). Noch' dlinnykh nozhey. Bor'ba za vlast' partiynykh elit Tret'yego Reykha1932 – 1934. [Night of the long knives. The struggle for power among the Third Reich party elites . 1932 – 1934.]. Moskva.

4. Leonov, S.V. (2012). O vliyanii Pervoy mirovoy voyny na Germaniyu i Rossiya . [The influence of the First world war in Germany and Russia]. Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities] Seriya 2: Istoriya.[Series 2: History]. №247.

5. Meller, K.H, (2010). Veymarskaya respublika. Opyt odnoy Nezavershennoy demokratii. [Weimar Republic. Experience of the unfinished democracy]. Moscow.

6. Papen. F. fon. Memuary .[Memoir]. Voyennaya literatura.[Military literature]. Retrieved 16 June, 2015 from http: militera.lib.EN/memo/german/papen_f01 / text.html#t10 .

7. Popytka ukhvatit' individual'noye v istorii: biografiya v istoricheskaya nauke. [Attempt to grab individual in history: a biography in historical science.]. Retrieved 17 May, 2015

http://gefter.ru/archive/1388

8. Plenkov, O.YU. (1997). Mify natsii protiv mifov demokratii.[Myths of the nation against myths of democracy]. St. Petersburg.

9. Repina, L. P. (2011). Istoricheskaya nauka na rubezhe 20-21 v.[Historical science at the turn of 20-21 V.]. Moskva.

10. Repina, L. P. (2011) Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI v.: sotsial'nyye teorii i istoriograficheskaya praktika. [Historical science at the turn of XX-XXI century: social theories and historiographicalт practice]. Moskva

11. Utkin, A. I. Pervaya mirovaya voyna. [The First world war]. Voyennaya literature. [Military literature]. Retrieved Retrieved 17 May, 2015 http://militera.lib.ru/h/utkin2/05.html

Об авторе

Федосова Надежда Александровна – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г Петровского (Россия), E–mail: nadyafedosova@mail.ru

Fedosova Nadezhda Aleksandrovna- postgraduate student of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail -nadyafedosova@mail.ru

УДК 94(569.1)

Ходынская-Голенищева М.С., кандидат исторических наук, сотрудник Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве, Швейцария
Сапронова М.А., доктор исторических наук, профессор ,Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

СВЕТСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СИРИИ ДО «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» (2000-2011 ГГ.)

Статья посвящена особенностям политико-культурной и социально-экономической политики президента Башара Асада. Уделяется внимание истокам формирования нынешнего политического режима в Сирии, а также тем вызовам, которые стояли перед страной в начале XXI столетия. Доказано, что сохранение этнического и конфессионального баланса было важнейшей задачей для сирийского правительства. Поднимается вопрос о том, что эта задача решалась путем постепенной либерализации в сфере экономики и политической жизни. Особое внимание уделяется светскости политического режима, равноудаленности от этнических и религиозных меньшинств, несмотря на то, что ключевые посты в государстве занимались, преимущественно, алавитами. Актуальность исследования обусловлена тем, что с началом «Арабской весны» этот процесс прервался, а в силу вмешательства в кризис внешних игроков, включая страны региона (КСА, Катар, Турция, Иран) общество раскололась по конфессиональному признаку.
Ключевые слова: Башар Асад, Сирия, сирийский кризис, миропорядок, секуляризм, либерализация, этнические меньшинства, религиозный баланс.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-157-163

Для современной Сирии характерно сильное президентское правление с опорой на армию и спецслужбы. Эта особенность политического режима сложилась еще при президенте Хафезе Асаде (1971-2000 гг.) и была в значительной степени обусловлена сохранявшимся во время его правления состоянием конфронтации с Израилем и режимом чрезвычайного положения, введенным еще в начале 60-х годов [7, с. 24].

Основную роль в политико-партийной жизни государства традиционно играла Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), основанная в Сирии в 1947 г. Являясь одной из крупнейших партий регионального характера, она была создана в обстановке подъема антиколониальной борьбы арабских народов, бурного роста освободительных движений, среди которых широкое распространение получили призывы к объединению арабов, и стала выразителем идей «возрождения» и «единства» арабской нации, достижения политической и экономической независимости арабских народов» [6, с. 48]. Построенная по территориально-производственному принципу, она пронизывала общество за счет партийных комитетов, созданных в каждой сирийской провинции, и играла ведущую роль в разработке ключевых параметров и направлений развития страны.

При этом, несмотря на то, что ПАСВ продолжала занимать ключевое место в сирийской политической системе, в годы, предшествовавшие началу трагических событий в Сирии, для партии была характерна известная деидеологизация, усиление прагматических начал, переориентация с панарабских на внутренние дела (к примеру, еще при Х. Асаде акцент в экономической политике ПАСВ был перенесен на развитие частного предпринимательства) [1, с. 69; 7, с. 40].

Межконфессиональный и межэтнический баланс в Сирии постепенно менялся, что не могло не сказаться на политике государства. К моменту провозглашения независимости Сирии сунниты насчитывали только 60%, христиане – 13%, алавиты – 12%, исмаилиты – 1%. При этом, большинство населения составляли арабы, а туркоманы и курды – чуть более 10%, ассирийцы – около 1%. За время правления Х. Асада население страны выросло с 6 миллионов до почти 20 миллионов человек, в основном, за счет арабского мусульманского населения в крупных городах (выросло до 70-75% от общего числа населения). Важно, что многие этнические группы в Сирии имели материнское государство в непосредственной близости, которое нередко выступало в их защиту (Турция, Армения), то есть у этнических противоречий

имелось диаспоральное и территориальное измерение [11; 13].

Крайне неоднородным является христианское население Сирии. К православному Антиохийскому патриархату, центром которого является Дамаск, относится около 0,5 миллинов человек – в том числе, крупная группа поселений в «Долине христиан» в провинции Хомс. Антиохийский патриархат является одним из древнейших, что сказывается на его негативном отношении к внешним покровителям и воздействиям. Поэтому патриархат, в целом, лоялен правительству Б. Асада. Аналогичную позицию занимают две «древних восточных» церкви – Сиро-Яковитская и Ассирийская (Сиро-Персидская).

Также в Сирии проживают представители нескольких «восточнокатолических» церквей, которые подчинены Римско-католической Церкви: Мелькитская Церковь, Сирокатолическая Церковь, Маронитская Церковь, Армяно-католическая Церковь, Халдейская Церковь, а также представители Латинского Патриархата. Эти церкви имеют полноценные контакты с зарубежными христианскими центрами, а потому менее полагаются на правящий режим, хотя и не выступают открыто против него [14].

Широко известно, что многие в руководстве Сирии и в руководстве вооруженных сил страны происходят из алавитской общины. Однако еще Х. Асад установил определенные неформальные квоты для представителей других этнических и конфессиональных общин. Например, целый ряд высокопоставленных государственных чиновников при Хафезе Асаде были суннитами: вице-президент Абдель Халим Хаддам, начальник объединенного штаба Сирии Хикмат Шихаби, министр обороны Мустафа Талас и генеральный секретарь партии Баас Абдалла аль-Ахмар. Более того, Мустафа Талас происходил из аристократии г. Алеппо, из очень знатной суннитской семьи.

Сохранение этноконфессионального равновесия было важнейшей задачей, поскольку многие меньшинства проживали анклавами, что создавало возможности для дестабилизации в отдельных районах (алавиты, курды, ассирийцы). Единственно возможной линией поведения в таких условиях было выстраивание «официального национализма», делающего акцент на общности жителей Сирии вне зависимости от их религиозной или этнической принадлежности, а также обращение к социально-экономической, а не политико-культурной проблематике в текущих действиях властей. Таким образом, акцент делался на светскости режима [9], несмотря на то, что у власти фактически находились представители одного из крупных религиозных меньшинств страны – алавитов.

Придя к власти в 2000 г., Б. Асад приступил к проведению некоторой экономической и социально-политической либерализации доставшегося ему жестко централизованного государства с авторитарной практикой руководства [15, с. 6] и попытался ускорить темпы модернизации Сирии, назвав этот курс «преемственность ради реформ». В своей инаугурационной речи перед парламентом 17 июля 2000 г. он обратился к сирийскому народу с призывом «обновить старые и дать новые идеи» [7, с. 65].

В этом контексте Б. Асад стремился несколько либерализовать практику руководства страной. Во время одной из первых поездок по Сирии он публично появился в торговой зоне Алеппо. Это имело символическое значение. После мятежа «Братьев-мусульман», активно проявивших себя именно в этом городе в конце 1970-х – начале 1980-х гг., Х. Асад ни разу не посещал «северную столицу» САР [6, с. 71]. Новый президент сделал ряд шагов в сторону послабления политической жизни, выпустил из тюрем определенное число активистов, включая членов «братьев-мусульман», сделал ставку на молодую интеллигенцию и бизнес-элиту в деле укрепления демократических и реформистских тенденций.

Все эти шаги президента делались в условиях противодействия многочисленных консерваторов из лагеря Х. Асада, полагавших, что инициирование быстрых перемен способно дестабилизировать политическую обстановку в стране. Группа высокопоставленных представителей армии, спецслужб и партгосаппарата как раз рассчитывала на то, что приход к власти Б. Асада даст возможность сохранить прежнюю политическую и экономическую систему. Это, в свою очередь, позволит им удержать в своих руках контроль

над важнейшими экономическими и финансовыми рычагами управления [16, с. 166], а потому не испытывали особого энтузиазма в отношении перспектив переформатирования устоявшейся политической системы.

Несмотря на противодействие консерваторов, в 2003 г. правящая партия приняла решение ослабить вмешательство в политическую и экономическую жизнь страны. Одновременно, были предприняты меры, призванные оживить партийную деятельность. В частности, в феврале 2009 г. статья Устава ПНФ была изменена таким образом, чтобы в некоторой степени сократить чересчур обширные полномочия ПАСВ. Многие запрещенные партии возобновили деятельность – к примеру, Сирийская национальная социальная партия. Ряд объединений активизировались, в их числе Национальный демократический блок. В ходе выборов места в Парламенте получили независимые кандидаты и партии, не связанные с ПАСВ. Из 21 членов РР и 90 членов ЦК ПАСВ – 12 и 62 соответственно – были заменены новыми людьми. Был принят новый устав ПАСВ, где появились пассажи о демократических реформах, необходимости соблюдения прав человека, укрепления плюрализма и демократии, отвечающих чаяниям и потребностям народа и способных обеспечить реальное участие населения в строительстве государства. С сокращением возможности для партийных функционеров осуществлять патронаж вес государственных институтов, прежде игравших лишь «фасадные» функции, стал расти. Начался процесс совершенствования структуры правительства.

В 2000 г. сирийскими учёными, деятелями искусства, политиками и общественными активистами был принят «Манифест 99-и». Документ призывал к прекращению состояния чрезвычайного положения в стране (длившегося с 1963 г.), а также к освобождению политических заключённых, разрешению репрессированным вернуться в страну, а также предоставить свободу собраний [20]. Вскоре после этого «подписантами» Манифеста был основан Комитет гражданского общества, который вскоре получил поддержку ряда западных государств.

Данная тенденция получила развитие в виде «Заявление 1000-и», которое было подписано в январе 2001 г. сирийскими общественными деятелями, писателями, учёными, активистами. В документе выражалась критика однопартийной системы государственного управления и содержался призыв к установлению многопартийной демократии.

К этому же периоду относится возникновение либерального течения «Дамасская весна», члены которого публично выступили с призывами к демократизации, введению многопартийности и освобождению политзаключенных. В 2001 г. лидер движения «Дамасская весна» А. Далиля был осужден за посягательство на конституционный строй, подстрекательство к мятежу и распространение ложной информации, затрагивающей национальные интересы САР.

Необходимо отметить, что столь жесткая реакция властей Сирии на попытки активизации со стороны оппозиции была обусловлена не позицией Б.Асада, а, скорее, подходом т.н. «старой гвардии» политической элиты страны, ассоциировавшей себя со временами отца президента – Х.Асада – и не допускавшей возможности для либерализации политической жизни страны.

Следующим шагом стала резонансная «Дамасская декларация» 2005 г., принятая рядом оппозиционных и правозащитных организаций, в которой подчеркивалась необходимость смены власти в Сирии путем осуществления демократических преобразований. Позднее некоторые сторонники «Дамасской декларации» также подверглись аресту и заключению.

В целом, можно констатировать, что ни сторонники «Дамасской весны», ни «Дамасской декларации», ни находившиеся в глубоком подполье «Братья-мусульмане» не имели серьезного влияния на ситуацию в стране, остававшуюся под плотным контролем режима.

Важным шагом в деле расширения этнического и конфессионального представительства стало назначение курда Мухаммеда Мустафы Меро премьер-министром Сирии (2000-2003). Подобные назначения происходили и в последующие годы: туркоман Хасан Туркмани – начальник штаба Вооруженных Сил (2002-2004) и министр обороны (2004-2009), черкес Бассам Абдель Маджид – министр внутренних дел (2006-2009). Хотя в исполнительных органах власти преобладали сунниты (при заметном присутствии алавитов), при Б. Асаде началось выдвижение на

высокие посты представителей христианской общины: Ибрагим Хадад – министр нефти и минеральных ресурсов (2001-2006), Давуд Райха – начальник штаба Вооруженных Сил (2009-2011) и министр обороны (2011-2012).

Свидетельством более мягкого и открытого подхода новой власти Сирии к этнонациональным проблемам можно считать относительно мягкую реакцию на массовые акции курдов (2004) и ассирийцев (2005), которые проживают в наименее развитых регионах страны и нередко испытывают на себе различные формы дискриминации. В отличие от Х. Асада, который проводил политику насильственного переселения и вынужденной арабизации, стремясь тем самым ассимилировать этнические меньшинства, новый руководитель Сирии воздерживался от резких мер в отношении неарабского населения страны.

Этих в определенном смысле поверхностных мер было недостаточно, чтобы превратить САР в действительно демократическое государство с плюралистической политической системой. Рассматривать осуществлявшиеся Б. Асадом реформы также необходимо в контексте внешних условий, в которых они осуществлялись – а это возраставшая нестабильность на Ближнем Востоке: в соседнем Ираке находились американские войска, происходил очередной виток арабо-израильского конфликта.

Имея в виду далеко не радикальный характер реформ в силу ограничителей как внутреннего, так и внешнего характера – ряд экспертов полагают, что при отсутствии реальной политической конкуренции вышеупомянутые изменения можно назвать «формой селективного партийного плюрализма». Определенная размытость принимаемых и принятых решений – это не специфическая характеристика режима Б. Асада, а общая закономерность современной эпохи (эпохи постиндустриального, постсовременного общества) [2]. Тем не менее, это был выраженный курс на определенную открытость в управлении государством и отход от прежних жестких баасистских установок. Партийная жизнь оживилась. Некоторые оппозиционные фигуры стали активнее вести себя на политической арене. Глава САР демонстрировал намерение продолжать заданный курс, что давало основания полагать, что у Сирии был шанс постепенно развиться в самобытную форму «ближневосточной политсистемы», в рамках которой плюрализм учитывал бы особенности исторического развития и местной политической традиции [8].

Начавшийся в 2011 г. внутренний вооруженный конфликт стимулировал Дамаск на некоторые перемены – такие, например, как «Закон о партиях», а также принятие новой Конституции в 2012 г. Однако ожесточенный характер противостояния «на земле», массированное содействие, оказанное Западом и некоторыми странами региона политической и вооруженной оппозиции, жесткая критика режима со стороны «антиасадовского лагеря», приостановка членства Сирии в ЛАГ, разрыв дипотношений ряда государств с Сирией и призывы США, Франции, Великобритании, Катара, КСА, Турции и др. к свержению Б.Асада – все это довольно быстро привело к развитию в сирийских политических элитах так называемого «бункерного мышления» [3], а сам президент САР и представители ранее либерально настроенного окружения стали смотреть на ситуацию в Сирии через призму «заговора» внешних сил против и легитимной борьбы Дамаска против террористов (к которым причислялось большинство оппозиционеров, включая, например, Высший комитет по переговорам, который являлся политической организацией – именно так глава правительственной команды Б. Джаафари квалифицировал ВКП в ходе межсирийского диалога в Женеве [17]). Причем такая риторика была характера для Б.Асада и его сподвижников как в 2011 г., так и в 2017 г. (справедливости нужно отметить, что критика Дамаском внешних сил была порой далеко не безосновательной) [18; 19].

Это не могло не повлиять на мышление сирийского руководства, которое с каждым месяцем конфликта «замыкалось в себе» и с возраставшим недоверием смотрело на перспективы либерализации политической жизни страны, воспринимая каждый возможный шаг в этой области как уступку государствам-врагам САР. Поддержка, оказываемая режиму Россией и Ираном – как военная, так и политическая – лишали сирийское руководство мотивации к проведению реформ. Более того, в Дамаске были уверены в том, что никакие из-

менения не будут восприняты Западом и некоторыми странами региона, открыто требовавшими ухода Б. Асада, а потому смысла в проведении реформ нет: они лишь ослабят государственность, но не приведут к успокоению обстановки – ведь «враги» Сирии продолжат подпитку террористов [5].

Выводы

Таким образом, до 2011 года в Сирии происходила постепенная эволюция политического режима, которая сводилась к постепенным шагам по либерализации экономического и политического устройства, постепенное вовлечение в политический процесс этнических и конфессиональных меньшинств. Идейным основанием для выстраивания более инклюзивного политического порядка были доктрины сбансированного представительства и светского государства, которые обосновывали важность общегражданской сирийской идентичности, а не партикуляристских локальных и этноконфессиональных идентичностей – в общем, это абсолютно европейский подход [10; 12]. Безусловно, данный процесс не был линейным, зависел от множества факторов, включая степень сопротивления соратников Х. Асада новым политическим и экономическим начинаниям и способность нового президента отстоять свою позицию в условиях традиций демонстрирования публичного согласия в рядах партии «Баас». Важно понимать, что процесс экономической и политической либерализации в Сирии был прерван событиями «Арабской весны» [4]: фактически, возобладала авторитарная тенденция консолидации властных полномочий в руках узкого круга приближенных президента на фоне сворачивания возможностей парламентского диалога, интеллектуальных дискуссий и отказа от полноценной дерегуляции экономики Сирии.

Список литературы

1. Аксюхин А. И. Сирийская Арабская республика / А. И. Аксюхин, Э. А. Али-Заде, В. М. Ахмедов и др.; под ред. М. И. Штемпеля. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997. – 224 с.

2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. С. 22-32.

3. Алексеева Т. А. Дилеммы безопасности: американский вариант / Т. А. Алексеева // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 16 – 28.

4. Антюхова Е. А. «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки / Е. А. Антюхова // Национални интерес. – 2016. – Т. 27. – № 3. – С. 147 – 167.

5. Антюхова Е.А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «Арабской весны» / Е. А. Антюхова // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 95-100.

6. Ахмедов В. М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности / В. М. Ахмедов. – М.: ИВРАН, 2005. – 189 с.

7. Ахметов В. М. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада / В. М. Ахметов, В. А. Исаев, А. О. Филоник. – М.: ИВ РАН, 2000. – 248 с.

8. Водолазов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13. С. 9-28

9. Касаткин П. И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы / П. И. Касаткин // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 8. – С. 40 – 48.

10. Касаткин П. И. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке / П. И. Касаткин, И. М. Хрусталев, В. А. Аватков // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 79 – 93.

11. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке / И. Д. Лошкарёв // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 4 (106). – С. 70-78.

12. Минеев А.П. К вопросу о политической инокультурности российских регионов // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 1. С. 81-98.

13. Пареньков Д.А. Мониторинг как инструмент повышения качества таможенного администрирования // Роль и место Российской таможенной академии в развитии таможенного дела сборник материалов Международной юбилейной научно-практической конференции в 2 частях. Ч. 1. Люберцы: РТА, 2008. С. 211-214.

14. Совгира Я.В. Об особенностях положения христианских общин разных конфессий в Сирии в 2011-2016 гг. / Я. В. Совгира // Коммуникология. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 134 – 143.

15. Шаик М. С. Сирия между вмешательством и реформами / М. С. Шаик. – Каир, 2005. – с. 46.

16. Юрченко В. П. Сирия: проблемы национальной безопасности (военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.) / В. П. Юрченко. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – 246 с.

17. *Damascus* Provides de Mistura With Proof Some HNC Members Are Terrorists. – 2 March 2017. URL: https://sputniknews.com/politics/201703021051209366-syria-hnc-terrorism-mistura.

18. *President* Al-Assad's ABC Interview. – 7 December 2011. URL: http://www.presidentassad.net/index.php?option=com_content&view=article&id=177:president-al-assad-s-abc-interview&catid=103&Itemid=468.

19. *President* Assad outlines US, Israeli plots against Syria. – 27 April 2017. URL: http://www.presstv.ir/Detail/2017/04/27/519706/Israel-Syria-Bashr-Assad.

20. *Statement* by 99 Syrian Intellectuals // Al-Hayat. – 27 September 2000. URL: https://www.meforum.org/meib/articles/0010_sdoc0927.htm.

SECULAR AND ETHNOCONFECTIONAL ASPECTS OF THE SYRIAN POLITICAL SYSTEM BEFORE THE ARAB SPRING (2000-2011)

The article is devoted to the peculiarities of the politico-cultural and socio-economic policy of President Bashar Assad. The author draws attention to the origins of the formation of the current political regime in Syria, as well as the challenges that the country faced at the beginning of the XXI century. The author states that the preservation of ethnic and confessional balance was the most important task for the Syrian government. The article argues that that this task was solved through gradual liberalization in the sphere of economy and political life. Given the fact that key positions in the state were mainly occupied by the Alawites, the article explores the secularism of the political regime, equidistance from ethnic and religious minorities. The main conclusion is the following: with the beginning of the "Arab Spring" the process of political rebalancing was interrupted due to interference in the crisis of external players, including the countries of the region (KSA, Qatar, Turkey, Iran). Thus the society split was forged in accordance with confessional lines.
Keywords: Bashar al-Assad, Syria, Syrian crisis, world order, secularism, liberalization, ethnic minorities, religious balance.

References

1. Aksjuhin A.I. (1997). *Sirijskaja Arabskaja respublika* [Syrian Arabic Republic]. Pod red. M.I. Shtempelja. Moscow: Institut izuchenija Izrailja i Blizhnego Vostoka. 224 p.

2. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarjov I.D. (2017)."Kvantovaja" teorija prinjatija reshenij v politicheskoj nauke [Quantum-like theory of decision-making]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Political Studies]. 4, 22-32.

3. Alekseeva T.A. (1993). Dilemmy bezopasnosti: amerikanskij variant [Dilemmas of security: the American variant]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Political Studies]. 6, 16-28.

4. Antjuhova E.A. (2016). «Arabskaja vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvah Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki [The Arab spring: poltical crises and conflicts in the Middle East and the Northern African states]. *Nacionalni interes*. 27, 3, 147-167.

5. Antjuhova E.A. (2015). Tehnologii vedenija SShA i NATO informacionno-setevyh operacij v konfliktah «Arabskoj vesny» [US and NATO technologies of information network's operation in the Arab spring's conflicts]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Bryansk state university]. 1, 95-100.

6. Ahmedov V.M. (2005). Sirija pri Bashare Asade. Regional'nyj opyt modernizacii v uslovijah vneshnej nestabil'nosti [Syria under Bashar Asad. Regional experience of modernization given exogenous instability]. Moscow: IVRAN. 189 p.

7. Ahmetov V.M. (2000). *Mir glazami prezidenta Sirii Hafeza Asada* [The world by the Syrian president Hafez Asad] / V. M. Ahmetov, V. A. Isaev, A. O. Filonik. Moscow: IV RAN. 248 p.

8. Vodolazov G.G. (2015). Real'nyj gumanizm kak ideologija sovremennosti [Real humanism as ideology of modern days]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.* [The Herald of the Russian state humanitarian university]. 13, 9-28

9. Kasatkin P.I. (2017).Globalizacija kul'tury: problemy i perspektivy [Globalization of culture: problems and prospects]. Vlast' [Power]. 25, 8, 40-48.

10. Kasatkin P.I. (2012). Evrobezopasnost', integracija i «mjagkaja sila» migracii v XXI veke [European security, integration and sof power of migration in XXI century]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO review of international relations]. 6 (27), 79- 93.

11. Loshkariov I.D. (2017). Jevoljucija ponjatija «diaspora» v politicheskoj nauke [Evolution of the concept diaspora in the Political Science]. Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Ethnosocium and intranational culture]. 4 (106), 70-78.

12. Mineev A.P. (2015). K voprosu o politicheskoj inokul'turnosti rossijskih regionov [On the issue of political foreigness in Russian regions]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe]. 1, 81-98.

13. Paren'kov D.A. (2008). Monitoring kak instrument povyshenija kachestva tamozhennogo administrirovanija [Monitoring as a tool of advancing customs administration]. *Rol' i mesto Rossijskoj tamozhennoj akademii v razvitii tamozhennogo dela sbornik materialov Mezhdunarodnoj jubilejnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v 2 chastjah*. Ch. 1. Ljubercy: RTA, 211-214.

14. Sovgira Ja.V. (2017). Ob osobennostjah polozhenija hristianskih obshhin raznyh konfessij v Sirii v 2011-2016 gg. [Christian communities of different denominations in Syria in 2011-2016]. *Kommunikologija* [Communicationology]. 5, 2, 134-143.

15. Shaik M.S. (2005). *Sirija mezhdu vmeshatel'stvom i reformami* [Syria between intervention and reforms]. Kair. 46 p.

16. Jurchenko V.P. (2004). *Sirija: problemy nacional'noj bezopasnosti (voennaja politika i voennoe stroitel'stvo v period pravlenija PASV 1963–2004 gg.)* [Syria: problems of national security – military policy and military development during Baath rule]. Moscow: Institut izuchenija Izrailja i Blizhnego Vostoka, 246 p.

17. *Damascus* Provides de Mistura With Proof Some HNC Members Are Terrorists. — 2 March 2017. URL: https://sputniknews.com/politics/201703021051209366-syria-hnc-terrorism-mistura.

18. *President* Al-Assad's ABC Interview. – 7 December 2011. URL: http://www.presidentassad.net/index.php?option=com_content&view=article&id=177:president-al-assad-s-abc-interview&catid=103&Itemid=468.

19. *President* Assad outlines US, Israeli plots against Syria. – 27 April 2017. URL: http://www.presstv.ir/Detail/2017/04/27/519706/Israel-Syria-Bashr-Assad.

20. *Statement* by 99 Syrian Intellectuals // Al-Hayat. – 27 September 2000. URL: https://www.meforum.org/meib/articles/0010_sdoc0927.htm.

Об авторах

Ходынская-Голенищева Мария Сергеевна – кандидат исторических наук сотрудник Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве, E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

Сапронова Марина Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru.

Khodynskaya-Golenishcheva Maria Sergeevna – PhD in History, employee of the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nation s and other international organizations in Geneva, E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

Sapronova Marina Anatolyevna - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru.

УДК 94(410)

Шендыгаев Д.И., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ КАРДУЭЛЛА И ОТМЕНА ПАТЕНТОВ В БРИТАНСКОЙ АРМИИ

Статья посвящена проблемам военной истории Великобритании. Автором предпринимается попытка проанализировать и изучить влияние военных реформ, проводимых Эдвардом Кардуэллом, на армию и общий уровень профессионализм британских офицеров. Помимо прочего, в работе рассматривается вопрос об отмене патентов в британской армии и особенностях отношения британского общества и офицерского корпуса к традиции покупки офицерских званий. На примере реформы реорганизации военного министерства, рассматривается специфика взаимоотношений между главнокомандующим и его подчиненными, с одной стороны, и сторонниками реформ, с другой. Кроме того, были исследованы взгляды военных на стратегию и тактику британской армии во время реформ.

Ключевые слова: Военные реформы Эдварда Кардуэлла, британская армия и военно-морской флот, отмена патентов в британской армии, британский офицерский корпус, военное министерство, главнокомандующий британской армии.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-164-171

Первая мировая война, вне всякого сомнения, является одним из ключевых событий в мировой истории XX века, следствием которого стали миллионы убитых и раненых. Великобритания играла одну из главных ролей в развязавшейся трагедии. За время войны один из оплотов Антанты претерпел серьезную реорганизацию вооруженных сил, был проведен принудительный призыв в армию и общая численность британских войск возросла [20, с. 77]. Обращаясь к основным причинам начала военного конфликта, необходимо обратить особое внимание на военно-морское соперничество между империями Британии и Германии. Однако во время конфликта основные боевые действия развернулись на суше. К моменту начала войны система подготовки британской армии имела, как ряд своих достоинств, так и недостатков. Однако фундамент британской армии и профессионализм английских офицеров, стали закладываться намного раньше, в Викторианскую эпоху, поэтому немаловажным и заслуживающим внимания явлением представляются проводимые в это время военные реформы.

Детальное изучение и анализ, происходивших изменений в британской армии, позволит составить более точное представление об особенностях военной подготовки и ее общем уровне, в том числе и на момент начала Первой мировой войны.

В рамках данной статьи была предпринята попытка подробно, с привлечением многочисленных сведений и материалов, изучить специфику и условия подготовки кадров британской армии. Осмыслить значение преобразований в военной сфере, привнесенных реформами Кардуэлла.

Говоря о военных реформах, проводимых в Британии в период первого премьерства Уильяма Гладстона, следует выявить, что именно стало побуждающим к столь радикальным изменениям, фактом. Главным образом, стоит сосредоточить внимание на одном из основных результатов Крымской войны: британская общественность стала говорить о необходимости реформ в армии, и необходимости обратить более пристальное внимание на собственные вооруженные силы, в целом. А через некоторое время, победы Германии над Данией, Австрией, а затем Францией, и тем самым образование Германской империи побудили руководство многих европейских стран принять тот факт, что Бисмарку удалось создать сильную, эффективную и высокопрофессиональную армию. Для политического руководства Великобритании успехи других держав были, едва ли не единственным стимулом для проведения военных реформ. Кроме того, правительство Великобритании, как и другие страны Европы, руководствуясь системой европейского равновесия, придерживалось принципов силовой политики, которые стали более бескомпромиссными, и в результате вылившиеся в кризис 1914 года, которому уже не суждено было разрешиться [19, с. 14]. На повестке дня стоял вопрос о создании действительно эффективной армии, на которую могли бы быть возложены функции по осуществлению стратегических целей, как на континенте, так и в

колониях, а также опасения, связанные с уровнем подготовки офицеров и их профессионализмом и все это требовало решительных реформ.

Пожалуй, самым выдающимся политическим деятелем, с приходом которого ознаменовались тридцатилетние попытки военных реформ в Великобритании во второй половине XIX века, и, одновременно с этим, была подведена черта под эпохой Веллингтона в британской армии, являлся Эдвард Кардуэлл. Как военный министр, в правительстве Гладстона, Кардуэлл провел свои основные военные реформы, которые были связаны с реорганизацией военного министерства, реорганизацией вооруженных сил, созданием резерва в армии и отменой патентов [6, p. 8-16]. Главные трудности и основные проблемы профессионализма британских офицеров руководитель военного министерства связывал с системой покупки военных должностей и направлял свои преобразование на расширение социальной базы офицерского корпуса и армии в целом [18, с. 30].

Первым нововведением военного министра была отмена порки солдат в армии в мирное время. Это действие вызвало бурю негодований со стороны офицеров британской армии, которые цитировали герцога Веллингтона и считали, что отмена порки ухудшит дисциплину в армии [6, p. 9]. Одной из главных проблем, на которую пристальное внимание стал обращать военный министр, были большие расходы метрополии на содержании военных гарнизонов в колониях. С 1868 года самоуправляющиеся колонии начали сами, частично, заботится о своей защите, путем создания местных отрядов милиции и добровольцев. Впервые отряды добровольцев, как частичная помощь армии, появились в 1859-1860 гг., в связи с угрозой вторжения из Франции [10, p. 11]. Введение такой меры помогло сократить количество гарнизонов, разбросанных по территории всей британской империи и тем самым снизить расходы и увеличить эффективность и качество войск. Милиция и добровольцы стали играть более значимую роль и являлись заменой армии, но при необходимости, профессиональные войска, сконцентрированные в метрополии, с помощью флота, могли быть легко доставлены в пункт назначения [13, p. 110]. Данная реформа показала, что Кардуэлл осознавал все экономические выгоды для метрополии и выросший потенциал местных вооруженных сил и возможности правительств самоуправляющихся колоний в осуществлении задач собственной обороны. Так гарнизоны британской армии были ликвидированы в Австралии, Новой Зеландии, Канаде и Южной Африке [3, p. 226]. Уже в 1870-1871 гг. в Великобританию возвратилось около 20 000 солдат, благодаря данной реформе [6, p. 9].

Следующим шагом в политике военного министра стала реформа о сроках службы в армии. С конца наполеоновских войн и до закона 1847 года служба в тяжелейших условиях в армии составляла 21 год. После 1847 года служба в армии составляла 10 лет, но имела свои нюансы, и большое количество демобилизованных, после десятилетнего пребывания в армии возвращались назад, потому что не имели другой профессии и все их познания были тесно связаны с военной службой, кроме того, они могли получать пособие и пенсию. Реформа Кардуэлла (Army Enlistment Act 1870) заменяла срок службы в армии (долгосрочную службу, long service enlistment) на менее короткий срок (краткосрочной службой, short service). По новой схеме, сроки краткосрочной службы были определены в 6 лет в регулярной армии и 6 лет в резерве. Лорд Кардуэлл данной реформой хотел повысить профессионализм военных. Большинство служили 6 лет, и тем самым в армии оставались более молодые и крепкие мужчины, и одновременно с этим, удалось значительно уменьшить расходы на выплаты пенсий. Те же, кто хотел получить пенсию, должны были отслужить положенный для этого срок службы, продолжительностью в 21 год. Главной же заслугой военного министра было то, что благодаря данной реформе ему удалось создать резерв численностью в 60 000 человек [11, p. 82-83].

Реорганизация армии, уменьшенный срок службы и система локализации армии или система баланса полков, была выполнена реформаторами по прусскому образцу [12, p. 8]. Полковая система – это то, что было приоритетным направлением в политике Кардуэлла для возможности быстрого набора войск. Великобритания и Ирландия должны были быть разделены на десять военных

округов, каждый из которых подразделялся бы на небольшие дистрикты. Из них 66 предназначалось для пехоты, 12 – для артиллерии, 2 – для кавалерии. Предполагалось, что в соответствии с локализационной схемой каждый дистрикт будет состоять из 2 полков регулярной армии, 2 милицейских батальонов, дополненных бригадами волонтеров. Полки должны были поочередно присутствовать в депо, обучая рекрутов, которые набирались из близлежащих районов, и, соответственно, поочередно нести службу в колониях [4, p. 122]. Новая схема была призвана обеспечить равное количество пехотных полков для обороны метрополии и для заграничной службы. Теория баланса полков рассматривалась реформаторами в качестве главного принципа, заложенного в основу военной организации империи. В 1872 году, когда локализационная схема была принята, британская регулярная армия состояла из 141 полка [18, с. 31].

Однако в полной мере реформы не могли быть осуществлены в связи с существовавшей в Великобритании системой покупки воинских званий. Кардуэлл полностью поддерживал одного из своих соратников по проведению реформы об отмене патентов, капитана Ивлина Бэринга, и полностью разделял его мнение, что «существовавшая система патентов была краеугольным камнем в армии» [1, p. 187-188]. В викторианском общество звание офицера олицетворялось с аристократией и земельной собственностью. Начиная с эпохи Реставрации и фактически до конца XIX века, считалось, что война является «профессией знати и джентри». Аристократия и джентри являлись крупными земельными собственниками, и весь их доход был связан с землей, и они не находили смысла работать где-либо, поэтому их, зачастую, называли «праздный класс». Но в глазах общества они считались также и «сражающимся» классом, по долгу своей службы, защищающие остальные классы английского общества от иностранного вторжения: «Честь и слава, мужество и рыцарство, галантность и верность, руководство и верховая езда на лошади были неотъемлемыми атрибутами, которые прививались в загородных домах и охотничьих полях аристократии» [2, p. 264-265]. Сторонники данной позиции считали, что практика покупки чинов в армии гарантировала стабильность политического режима, потому что для того чтобы стать офицером или продвинуться по службе, необходимы были немалые средства, что могли себе позволить только обеспеченные люди, которых в Великобритании, главным образом, представляла аристократия. Однако существовала незначительная группа людей, которые критиковали данное суждение и придерживались другого мнения. Эта группа считала, что сложившаяся система патентов, оказывала серьезное влияние на профессионализм военных, и не давала возможности людям с подходящими данными, но недостаточными материальными средствами, стать офицером. К тому же, при уходе в отставку, сложившаяся система патентов, позволяла возместить затраты на приобретение офицерских званий [16, p. 200]. Сам же Кардуэлл понимал, что в быстроменяющемся XIX веке, особенно в отношении военного дела, необходимо менять образ офицера в Великобритании, и он был, категорически, не согласен с мнением герцога Кембриджского, который считал, что «британский офицер должен быть джентльменом, в первую очередь, и только затем офицером» [2, p. 265]. Отменив систему патентов, полагал военный министр, офицеры будут получать звания, благодаря своим заслугам и опыту, тем самым можно будет сократить застой и повысить профессионализм офицерского корпуса.

Несмотря на то, что аристократия ассоциировалась с военной службой, на флоте служило значительно меньше выходцев из аристократического класса, нежели в армии. Контр-адмирал военно-морского флота викторианской эпохи сэр Эдмунд Фримантл, в своих воспоминаниях писал: «Каждая профессия имеет свои недостатки и главными в морском деле являются трудности и отрыв от домашней жизни. Для молодого англичанина перспектива приключений и даже опасностей, является стимулом для службы на флоте, и это служба для тех людей, кто не может сидеть дома, сложа руки» [9, p. 258]. Морская служба не требовала навыков, которые применялись в повседневной жизни, денежные перспективы были слишком отдаленными, а долгий период службы создавал условия, которые не удовлетворяли «празд-

ный класс» и система патентов в военно-морском флоте Великобритании исторически не сложилась. Все вышеперечисленное не отменяло того факта, что и во флоте требовались связи и деньги для того чтобы можно было продвинуться по карьерной лестнице. И, несмотря на то, что в викторианскую эпоху менее половины морских офицеров были выходцами из знати, многие важные должности на флоте занимали аристократы: сэр Генри Кеппел, командующий флотом у восточного побережье Южной Америки, Чарльз Эллиот на якорной стоянке в Норе, Джемс Друммонд в Средиземном море, Джордж Гревилл Уэлсли в Северной Америке [2, p. 265].

5 апреля 1870 года сэром Эдвардом Кардуэллом была собрана комиссия, под председательством будущего премьер-министра Новой Зеландии сэра Джорджа Грея, для решения вопроса по отмене системы покупки воинских званий в Великобритании. Во время своей работы комиссия смогла приблизительно установить период, когда практика продажи военных званий была узаконена, и указывала на 1719 года, когда появилось первое королевское разрешение [5, p. 68]. В результате своей работы комиссия пришла к выводу, что система покупки званий сильно сказывалась на профессионализме офицеров, т.к. в с воем большинстве, молодые люди из аристократии, становясь офицерами, не обладали большим желанием учиться и оттачивать свои навыки как военных. Большинство армейских офицеров тратило свое время не на изучение технических вопросов, а на развлечение и попросту тратя время. Многие их тех, кто решили стать офицерами понимали, что тратя деньги на покупку воинских званий они могли приобрести известность и престиж [17, p. 268]. Система покупки воинских званий в Великобритании действовала следующим образом: для того чтобы стать офицером, кандидат платил, установленную государством, сумму предыдущему держателю патента, а для дальнейшего продвижения по службе и более высшего звания, он платил дополнительные и большие средства за следующий ранг, в свою очередь, он имел право продать свой патент на предыдущее звание другому человеку. Такая система продажи званий в британской армии существовала вплоть до звания Lieutenant-Colonel (подполковника), последующие звания невозможно было приобрести за деньги [7, p. 65].

Таблица № 1. [14, p. 204].

Стоимость офицерских должностей в пехоте и лейб-гвардии армии Великобритании образца 1855 г. (в фунтах стерлингов)

Звание	Стоимость должности	Разница в стоимости продаваемых и приобретаемых должностей
Лейб-гвардия		
Lieutenant-Colonel (Подполковник)	7250	1900
Major (Майор)	5350	1850
Captain (Капитан)	3500	1715
Lieutenant (Лейтенант)	1785	525
Cornet (Корнет)	1260	-
Пехота		
Lieutenant-Colonel (Подполковник)	4500	1300
Major (Майор)	3200	1400
Captain (Капитан)	1800	1100
Lieutenant (Лейтенант)	700	250
Ensign (Младший лейтенант)	450	-

(Стоимость £1.00 в 1855 г. ≈ £ 99.00 в 2016 г.) [21]

Несмотря на все недостатки этой системы на протяжении всего XIX века у нее находились защитники. Так в 1833 году герцог Веллингтон высказывался за покупку званий и превозносил достоинства данной системы [5, p. 71]. В 1841 году премьер-министр Великобритании Уильям Лэм хвалил систему за возможность защиты и поддержки офицеров при выходе на пенсию [6, p. 10]. Большинство защитников системы покупки воинских званий фокусировали свое внимание только на положительных моментах. К примеру, защитники системы утверждали, что такое положение дел позволяло полностью исключить, в офицерской среде, фаворитизм и влияние «сильных» личностей при продвижении офицеров по службе [8, p. 79]. Осознавая, насколько глубоко данная система пустила свои корни в английском обществе, Кардуэлл понимал, что ему будет сложно привести в жизнь, задуманную им реформу. Он знал, что

ему предстоит столкнуться лицом к лицу со многими представителями английского общества: с членами парламента, офицерами и главнокомандующим британской армии герцогом Кембриджским Георгом и помимо всего с королевой Викторией [8, p.7 9]. Однако королева Виктория понимала всю важность задуманной реформы и говорила, что полностью поддержит правительство в проведении реформы, если все ключевые моменты будут проводиться с согласия офицеров британской армии [15, p. 112-119]. Эдвард Кардуэлл готовил проект проведения реформы все лето и осень 1870 года и в феврале 1871 года сильно удивил британскую армию и всю страну своим Биллем о реорганизации армии, главной целью которого являлась отмена системы покупки воинских званий в армии Великобритании [16, p. 203]. Военный министр «нашел армию в залоге у офицеров и имел желание выкупить ее» [16, p. 204]. В соответствии с проектом, для того чтобы отменить систему покупки воинских званий и компенсировать затраты, офицерам, которые уходят в отставку, либо тем, кто приобрел патент на звание и не успел продать, правительству необходимо было затратить около £ 7,000,000 [13, p. 121]. После ожесточенных дебатов в Палате общин по многим вопросам о реорганизации британской армии билль проследовал в Палату Лордов [22, p. 1381-1482]. Однако спустя некоторое время Палата лордов не приняла Билль и реформаторы, во главе с премьер-министром Гладстоном, убедили королеву Викторию воспользоваться королевским правом отменять указы, касающиеся армии и отменили систему покупки воинских званий. По понятным причинам такое действие правительства вызвало бурю возмущений в английском обществе. Оппозиция полагала, что правительство, путем таких нечестных действий, смогла превратить свое поражение в победу, Палата лордов считала, в особенности Бенджамин Дизраэли, что таким образом «премьер и его кабинет, подрывали авторитет верхней палаты» [16, p. 206], а сторонники реформаторов были недовольны вмешательством королевской власти в решение таких серьезных вопросов [18, с. 41].

Важной заслугой Эдварда Кардуэлла явилось то, что он смог одержать победу над главнокомандующим британской армии, герцогом Кембриджским Георгом в вопросе важности и необходимости военных реформ, путем проведения реформы реорганизации военного министерства. Герцог был противником любых изменений в армии, плохо разбирался в вопросах стратегии и тактики, но был настоящим экспертом строевой подготовки. Он считал что дисциплина и честь мундира (esprit de corps) являются основой британской армии. Главнокомандующий, как многие генералы и офицеры, поддерживающие его, были полностью удовлетворены существующей системой и считали реформы военного министра пагубными для британской армии [1, p. 185].

Для проведения реформы реорганизации военного министерства было собрана комиссия под председательством заместителя военного министра Бэринга Томаса, графа Нортбрука [5, p. 43]. В то время существовало 2 военных института, занимающихся управлением британских вооруженных сил (военное министерство (War Office) и Королевская конная гвардия (Horse Guards)), однако они фактически дублировали друг друга и выполняли одну и ту же работу. Комиссия Нортбрука была собрана для упорядочивания схемы управления британской армии и занялась расследованием данного вопроса, отчеты по которому были предоставлены в парламент в 1869-1870 гг. [22]. В результате реформы 1870 года военное министерство стало полноценным компонентом британской армии, и это стало возможным, благодаря включению в военное министерство Королевской конной гвардии, вместе с главнокомандующим. До этого момента военной министерство управлялось гражданскими лицами, мало связанными с военной службой [11, p. 335]. После проведения реформы 1870 года, в военном министерстве появилось 3 департамента с руководителями, которые выполняли строго обозначенные функции. Главнокомандующий следил только за военными аспектами, генеральный инспектор снабжения был ответственен за поставку снаряжения и продовольствия, финансовый секретарь отвечал за смету расходов сухопутных войск и ассигнование, подсчет и аудит всех военных расходов [16, p. 190-191].

Можно, с одной стороны, говорить, что

Билль о реорганизации британской армии 1870 года и затраты на проведение данной реформы, во многом себя оправдали и положительно сказались на профессионализме английских офицеров. Влияние военных школ в обществе значительно возросло, и в 1875 году, правила по которым кандидат в офицеры кавалерии, пехоты, артиллерийских и инженерных войск, вступили в силу и регулировались исключительно результатами экзаменов. В 1881 году продвижение по службе в офицерской среде стало возможным только благодаря положительным результатам экзаменов, а профессиональные навыки и знания в офицерской среде имели не менее важное значение, чем деньги или связи [16, p. 210]. А с другой стороны, трудности в осуществлении реформы были обусловлены нежеланием офицерской элиты нарушать сложившийся баланс сил в офицерской среде [18, с. 45]. Помимо этого, многие военные реформы второй половины XIX века нельзя было назвать удачными, и они несли незавершенный характер. Сразу же после проведения реформы начала давать сбои локализационная система полковой организации армии. Из-за вовлечения Великобритании в серию, так называемых «малых колониальных войн», англо-ашантийской войны 1872-1873 гг., англо-зулусской войны 1879 г., англо-афганской войны 1879-1880 гг., англо-бурской войны 1880-1881 гг., и англо-египетской войны 1882 г. удалось, без затруднений, нарушить систему попарно связанных полков. Так если в 1872 году соотношение между полками было 70 в метрополии и 71 в колониях, то в войне с Ашанти это превратилось в 69 к 72, а в 1879 году уже было 59 к 82 [10, p. 19]. Помимо всего прочего важной проблемой было качество набираемых солдат и их пригодность к службе в колониях. Несмотря на то, что удалось увеличить количество новобранцев и привлекательность военной службы в целом, оставалась проблема смертности, и возрос уровень дезертирства.

Однако самым важным в военных реформах Эдварда Кардуэлла являлось то, что накануне Первой мировой войны британская армия была основана на принципах, заложенных военным министром первого правительства Гладстона. Резерв армии формировался на условиях краткосрочной службы, локализационная схема, до сих пор связывала полки с административными округами, существовала система баланса полков и основы военного искусства и профессионализма британских офицеров уходили корнями в 70-е годы XIX века [5, p. 135].

Список литературы

1. Byron Farwell. Queen Victoria`s little wars. N.Y., London. 1985.
2. Cannadine David. The Decline and Fall of the British Aristocracy. London. 1990.
3. Clark G.N., Butler J.R.M., Bury J.P.T., Benians E.A. The New Cambridge Modern History. Vol. XI. Material Progress and World-Wide Problems. 1870-1898. London. 2008.
4. Clayton A. The British Officer. Leading the Army from 1660 to the Present. NY. 2007.
5. Dennis R. Dubs Edward Cardwell and the reform of the British Army, 1868-1874. University of Nebraska at Omaha.1966.
6. Ensor, R.C.K. England, 1870-1914. The Oxford History of England / ed. by Sir George Clark, 1936
7. Erickson, Arvel B. Abolition of purchase in the British Army // Military Affairs, Vol.23, No.2. Summer, 1959.
8. Erickson, Arvel B. Edward T. Cardwell: Peelite // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 49, No. 2, 1959.
9. Fremantle E.R. The Navy as I Have Known It. 1849-1899. London. 1904
10. French D. Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870-2000. Oxford. 2005.
11. Harold E. Raugh, Jr. The Victorians at war, 1815-1914: an encyclopedia of British military history. Santa Barbara, California, 2004.
12. Kochanski H. Planning for War in the Final Years of Pax Britannica, 1889-1903. The British General Staff. Reform and Innovation c.1890-1939. London.2005.
13. Omond John Stuart. Parliament and the Army.1642-1904. Cambridge University Press. London. 1933.

14. Seaman L.C.B. Victorian England. Aspects of English and Emperial History 1837-1901. London and New York. 2003.

15. The letters of Queen Victoria. Vol.II. Second Series / ed. by George Earle Buckle, Vol. II, 1870-1878, London. 1926.

16. Wheeler Owen. The War Office Past and Present. Methuen & Co.Ltd. London. 1914.

17. Woodward, Ernest Llewellyn. The Age of Reform, 1815-1870. The Oxford History of England / ed. by Sir George Clark, 1962.

18. Егоров К.Б. Армейский офицерский корпус и имперская политика Великобритании во второй половине XIX века: дис…канд. истор. наук. СПб.2000.

19. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

20. Лиддел Гарт Б.Г. Правда о Первой мировой. М.2010.

21. Bank of England. [Электронный ресурс]//URL: http://www.bankofengland.co.uk/Pages/home.aspx (Дата обращения 30.08.2017)

22. House of Commons Hansard Sessional Papers. [Электронный ресурс] //URL:https://parlipapersproquestcom.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/search/basic/hcppbasicsearch (Дата обращения 30.08.2017)

THE CARDWELL REFORMS AND ABOLITION OF PURCHASE IN BRITISH ARMY

This article is devoted to problems of military history of Great Britain. The author tried to analyze and explore influence of military reforms by Edward Cardwell on Army and general level of qualification of British officers. Besides, in the article considers the question of the abolition of purchase in British Army and special aspects of attitude of British society and Officer Corps towards tradition of purchase. The case of reform of the reorganization of the War Office considers specificity of relationships between Commander-in-chief with his people and supporters of reform. In addition, there were exploring the perceptions of military officers on strategic policy and tactics of British Army during the reforms.
Keywords: the Cardwell reforms, the British Army and Navy, abolition of purchase in British Army, British Officer Corps, War Office, Commander-in-chief of British Army.

References

1. Byron Farwell. Queen Victoria`s little wars. N.Y., London. 1985.

2. Cannadine David. The Decline and Fall of the British Aristocracy. London. 1990.

3. Clark G.N., Butler J.R.M., Bury J.P.T., Benians E.A. The New Cambridge Modern History. Vol. XI. Material Progress and World-Wide Problems. 1870-1898. London. 2008.

4. Clayton A. The British Officer. Leading the Army from 1660 to the Present. NY. 2007.

5. Dennis R. Dubs Edward Cardwell and the reform of the British Army, 1868-1874. University of Nebraska at Omaha.1966.

6. Ensor, R.C.K. England, 1870-1914. The Oxford History of England / ed. by Sir George Clark, 1936

7. Erickson, Arvel B. Abolition of purchase in the British Army // Military Affairs, Vol.23, No.2. Summer, 1959.

8. Erickson, Arvel B. Edward T. Cardwell: Peelite // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 49, No. 2, 1959.

9. Fremantle E.R. The Navy as I Have Known It. 1849-1899. London. 1904

10. French D. Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870-2000. Oxford. 2005.

11. Harold E. Raugh, Jr. The Victorians at war, 1815-1914: an encyclopedia of British military history. Santa Barbara, California, 2004.

12. Kochanski H. Planning for War in the Final Years of Pax Britannica, 1889-1903. The British General Staff. Reform and Innovation c.1890-1939. London.2005.

13. Omond John Stuart. Parliament and the Army.1642-1904. Cambridge University Press. London. 1933.

14. Seaman L.C.B. Victorian England. Aspects of English and Emperial History 1837-1901. London and New York. 2003.

15. The letters of Queen Victoria. Vol.II. Second Series / ed. by George Earle Buckle, Vol. II,

1870-1878, London. 1926.

16. Wheeler Owen. The War Office Past and Present. Methuen & Co.Ltd. London. 1914.

17. Woodward, Ernest Llewellyn. The Age of Reform, 1815-1870. The Oxford History of England / ed. by Sir George Clark, 1962.

18. Egorov K.B. Armejskij oficerskij korpus i imperskaya politika Velikobritanii vo vtoroj polovine XIX veka: dis…kand. istor. nauk.[The Officer Corps of Army and imperial policy of Great Britain in the second half of the XIX century] St. Petersburg. 2000.

19. Kissindzher G. Diplomatiya. [Kissinger H. Diplomacy] M.,1997.

20. Liddel Gart B.G. Pravda o Pervoj mirovoj. [Liddell Hart B.G. The real war 1914–1918] M., 2010.

21. Bank of England. [electronic source]// URL: http://www.bankofengland.co.uk/Pages/home.aspx (reference date 30.08.2017)

22. House of Commons Hansard Sessional Papers. [electronic source]// URL: https://parlipapersproquestcom.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/search/basic/hcppbasicsearch (reference date 30.08.2017)

Об авторе

Шендыгаев Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: shendygaev@inbox.ru

Shendygaev Dmitriy Igorevich – postgraduate student of Department of World history, international relations and international law, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: shendygaev@inbox.ru

УДК 902.2 / 351.853.3

Шинаков Е.А., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Чубур А.А., кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Гурьянов В.Н., начальник отдела организации научных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ОКОЛЬНОГО ГРАДА ЛЕТОПИСНОГО ВЩИЖА ПО МАТЕРИАЛАМ ОХРАННЫХ РАСКОПОК 1999-2014 ГГ.

В статье рассматривается комплекс изделий из стекла с территории «окольного города» (раскопки 1999-2014 гг.) в летописном городе Вщиже на верхней Десне (ныне Жуковский район Брянской области России). Город некоторое время исполнял функции центра удельного княжества в пределах Чернигово-Северских земель. Описаны группы украшений (стеклянные браслеты, стеклянные перстни и стеклянные бусы нескольких типов) и немногочисленные фрагменты посуды (светильников-лампад). Проанализированы особенности комплекса и типологическая датировка. Среди браслетов преобладают окрашенные, имеются перевитые. Все это характерно для позднего этапа существования города (конец XII – первая половина XIII веков). В этом комплекс Вщижа сходен с комплексами Брянска (Покровская гора) и летописного Трубеча (Соборная гора).
Ключевые слова: Киевская Русь, летописный город, Вщиж, стеклоделие, украшения, посуда, охранные раскопки.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-172-177

История исследований «окольного города» во Вщиже начинается в 1844 г., с исследований помещицы Зиновьевой. Во время этих работ, которые лишь с большой натяжкой можно назвать археологическими, и тем более научными, были обнаружены руины храма из плинфы и его фундамента [6; 11, с.386-388, Табл CXX; 7, с.48-49, Табл.6, № 68].

Затем в исследованиях на «окольном городе» последовал большой перерыв вплоть до работ в 1940 и 1948 гг. [8, с.34]. Раскопки велись под руководством Б.А. Рыбакова Орловским отрядом Деснинской экспедиции (начальник – М.В. Воеводский). В 1940 г. был заново расчищен фундамент церкви, остатки гончарных мастерских с сохранившимся горном, внутри которого находились сосуды, кузнечных мастерских, «дома с жерновами» домашней мельницы [1, с.94]. Площадь раскопов и шурфов 1940 г. достигала 100 м^2, толщина культурного слоя фиксировалась от 0,3 до 2 (вероятно, на месте землянок или погребов) метров. В 1948 г. «на огородах у церкви» было вскрыто 400 м^2 культурного слоя, обнаружены в том числе и остатки жилища X в. (роменского?) [8, с.36-37]. Б.А.Рыбаков констатировал изменение характера этого участка поселения в середине XII в. в связи с образованием во Вщиже княжеского стола и трансформацией «укрепленного двора» с неукрепленным посадом в небольшой город с вдвое большей по площади укрепленной частью – детинцем и «посадом», также укрепленным двойными валами и рвом [9, с.57-58]. Эту часть города Б.А. Рыбаков и позднее продолжает именовать «посад» [10, с.99], т.к. за пределами его укреплений иных поселений у него не отмечено, хотя селища, окружающие Вщиж, и упоминаются [10, с.102]. Они были обнаружены при охранно-спасательных разведках и раскопках экспедиции БГУ 1988-1990 и 1994 гг. [2; 3; 14] и позволили определить границы неукрепленного посада, площадь которого в период расцвета города во второй половине XII в. достигла 13 га [15, с.175]. Открытие зоны сплошного распространения культурного слоя за пределами линии внешних укреплений «посада» по Б.А.Рыбакову, позволяет считать последний «окольным городом», лежащим между детинцем и посадом. Именно здесь обычно располагался главный или единственный храм города.

Выявление трехчленной для середины XII – начала XIII вв. структуры археологического комплекса позволяет вести нумерацию раскопов на «окольном городе» отдельно от детинца и выявленного реального посада. Точное количество раскопов и шурфов Б.А. Рыбакова установить трудно: в 1940 г. их было всего 11 (сколько из них раскопов дан-

ных нет) [8, с.36]. На плане к 1948 г. достоверно относится 4 раскопа [10, с.99]. В итоге авторы приняли отдельную нумерацию раскопов, начиная с 1999 года.

В 1999 г. охранный раскоп (40 м^2) был заложен Е.А.Шинаковым и В.В.Миненко на участке под планируемую жилую застройку в центральной части «окольного града» [16]. Охранный раскоп 2 (18 м^2) под пристройку к дому на старых фундаментах в 2005 г. был заложен на участке, прилегающем к внутреннему скату площадки «окольного города», вблизи от рва детинца [17]. Охранный раскоп 2014 г. (54 м^2) на месте жилой застройки на «окольном граде» Вщижа в 70 м к западу от раскопа 1 1999 г. стал, без учета раскопов Б.А.Рыбакова третьим [18].

В данной публикации освещена группа стеклянных изделий с окольного града Вщижа, собранных в период раскопок в 1999-2014 гг.

Методологическую основу исследования материала составили сравнительно-типологический и планиграфический методы.

В раскопе 1999 г. стеклянные изделия представлены 11 экземплярами (9 фрагментов стеклянных браслетов и 3 бусины). Раскоп 2005 г. дал всего 3 фрагмента стеклянных браслетов, других изделий из стекла в нем не обнаружено. В раскопе 2014 г. стеклянные изделия многочисленней: это 2 фрагмента оплавленных изделий, 3 сильно патинированных боченковидных бусины, 1 пастовая мозаичная бусина, фрагмент перстня, 2 фрагмента донец сосудиков-лампад и более 20 обломков стеклянных браслетов (некоторые изделия представлены 2-3 фрагментами).

Сохранность изделий различная, зависящая от условий их захоронения, воздействия внешних факторов, например огня при пожаре, и степени переотложенности. Есть, например, фрагмент не атрибутированного сильно оплавленного в пожаре стеклянного изделия золотисто-голубого цвета. Сильно расстеклованный браслет из переотложенного слоя всего один. Большая часть фрагментов браслетов покрыта по всей поверхности или частично коричневой либо серебристой патиной разной густоты, что не повлияло собственно на цвет стекла. Несколько фрагментов полностью сохранили свой облик.

Стеклянные браслеты подразделяются на несколько основных типов.

Гладких браслетов в раскопе 2014 г. найдено 4 экземпляра – два зеленых, фиолетовый и коричневый. Среди них выделяется один не округлый, а плоско-выпуклый в сечении, из зеленого матового стекла. В раскопе 1999 г. обнаружены 2 гладких округлых в сечении браслета зеленого и фиолетового цветов. Максимальное распространение гладких браслетов приходится на первую половину XIII в. [4, с.166], однако плоско-выуклые формы считаются более ранними. Ю.Л.Щапова отмечает, что такая форма мало характерна для браслетов местного изготовления и более свойственна византийскому импорту [19].

Браслет с продольным рифлением (рубчатый) в раскопе 2014 г. найден только один. Он темно-синий, с сильной коркой патины. Еще один, из черного стекла, происходит из раскопа 1999 года. Рубчатые браслеты наиболее редкий тип на древнерусских памятниках.

Браслетов крученых из раскопа 2014 г. – 8: два темно-синих (включая самый толстый – 7 мм) и еще один патинированный с почти поперечной нарезкой, светло-синий, самый тонкий – светло-зеленый бирюзовый прозрачный, зеленый, а также два фиолетовых. Из раскопа 2005 г. (точнее из ямы 4) происходит еще один зеленый крученый браслет. Наконец 3 крученых браслета из черного, фиолетового и желтого стекла встречены в раскопе 1 (1999 г.). Крученые браслеты – повсеместно распространенный на Руси тип, характерный для всего периода с XII по XIV вв.

Браслетов гладких с перевитьем в раскопе 2014 г. найдено 3 экземпляра Они представлены двумя черными экземплярами с желтым и красным перевитьем. Еще один браслет, состоящий из трех найденных рядом обломков, имеет светло-желтый цвет с темно-желтым перевитьем. Один фрагмент браслета черного с желтым перевитьем происходит из раскопа 2005 г. Он был обнаружен в яме 6, с керамикой послемонгольского времени. Наконец голубой с желтым перевитьем происходит из раскопа 1999 г. Гладкие перевитые браслеты характерны для второй трети XIII в.

Браслетов крученых с перевитьем в раскопе 2014 г. – 3 экземпляра. Они представлены двумя непрозрачными темно-синими экземплярами с желтым перевитьем. В

одном случае перевитье почти сплошь покрывает поверхность, в другом одна желтая лента разделена тремя – пятью черными. Еще в одном случае крученый желтый браслет имеет более темное (зеленое?) перевитье. В раскопе 1999 г. найден еще один зеленый крученый браслет с перевитьем желтой и красной лентами. Такой накладной декор на мелкокрученых браслетах также характерен для второй трети XIII в. [4, с.165].

Один сильно патинированный фрагмент неопределимого цвета и типа происходит из заполнения поздней ямы в раскопе 2005 г., еще один неопределимый оплавленный фрагмент браслета найден в раскопе 1999 года.

Фрагмент фиолетового перстня сильно патинирован и оплавлен, что затрудняет определение размера. Он имеет плоско-выпуклый ободок и сплющенную центральную часть. Диаметр ободка – 2 мм, поперечник центра – 7 мм.

Еще одна группа стеклянных украшений – бусы. Три боченковидные патинированные из раскопа 2014 г. имеют диаметры 5, 7 и 9 мм. Форма у первой типично боченковидная, у остальных двух – близка к округлой. Цвет у первой – золотой (желтый), у двух остальных – темно-синий.

Бусина мозаичная, найденная практически на материке, имеет типичный для X в. цвет и структуру и может быть отнесена к роменскому горизонту (но не собственно к роменской культуре, указывая на дальние торговые связи). Цвет ее – черный. Пересекающиеся в трех местах под острым углом ленты – голубые, «глазки» между ними в центральном круге черно-белые, окружены веером бело-красных и черных лучей. В раскопе 1999 г. встречены 2 бусины. Первая – кольцеобразная серебростеклянная (время бытования стеклянных бус с металлической прокладкой приходится на X-начало XII вв) [12, с.160], фрагмент второй бусины – двухчастной лимонки – можно уверенно датировать X - началом XI вв [12, с.171].

Узкие стеклянные сосуды-слезницы (известные также как сосуды «киевского типа») – скорее всего фрагменты средневековых светильников-лампад, устанавливавшихся в отверстия лампадофоров – представлены в раскопе 2014 г. двумя фрагментами. Первый имеет высоту 31 мм, максимальную ширину (диаметр) у места облома 17 мм, диаметр основания донца 10 мм. Толщина стенок сосуда – 1,5 мм, стекло – прозрачное, желтоватое, с пузырьками и трещинами. Второй фрагмент представляет собой меньший по размеру обломок ножки от точно такого же сосуда. Его максимально сохранившаяся высота – 13 мм, диаметр в этом месте – 13 мм, диаметр основания – 10 мм, толщина стенок – 1,5 мм. Стекло неровного цвета, с пятнами, беловато-желтоватое, матовое. Светильники эти могут быть как домашними, так и происходящими из располагавшегося поблизости разрушенного каменного храма.

Если средняя норма для насыщенного городского культурного слоя – два фрагмента браслетов на квадратный метр [20, с.81], то можно сказать, что плотность таких находок на территории окольного града Вщижа оказывается весьма невысокой – 0,25 на квадратный метр.

Известно уже, что не набор форм браслетов, а в первую очередь их цветовая гамма различает или сближает браслеты разных городов Руси [19].

Из Таблицы 1 видно, что на окольном граде Вщижа преобладают браслеты окрашенные – фиолетовые, синие, бирюзовые, зеленые (70%). Браслеты естественных цветов – желтые, коричневые, черные – в меньшинстве (30%). Такое распределение по цветовым показателям характерно для позднего периода существования древнерусских городов – конца XII – первой половины XIII века. Сходную картину мы наблюдаем в наборе стеклянных браслетов из древнего Трубеча (урочище Соборная гора, г. Трубчевск) [13] и древнего Брянска (урочище Покровская гора, г. Брянск) [5]. При этом если говорить об окрашенных браслетах, вщижские женщины предпочитали синие и голубые, тогда как женщинам из Трубеча больше нравился фиолетовый цвет, а обитательницам древнего Брянска (Покровской горы) – зеленые и бирюзовые.

Основная часть браслетов несомненно изготовлена мастерами киевской школы, использовавшими поташно-свинцово-кремнеземное стекло. Получение наиболее распространенного в Трубчевске фиолетового цвета при беспоташном производстве было бы невозможно [4, с.174].

Продолжающиеся исследования летописного Вщижа, носящие в настоящее время охранный характер, позволяют пополнять знания об этом древнем населенном пункте, находить общие и особенные черты в его материальной культуре и планировке среди древнерусских городов и владельческих местечек. Даже относительно небольшое количество стеклянных изделий из культурного слоя Вщижа дало возможность получить интересную информацию для датировок и сопоставления, а также для уточнения культурного облика окольного града.

Таблица 1.

Стеклянные браслеты с территории окольного града Вщижа

Цвет	Число браслетов по типам						Общее число
	Гладкие округлые	Гладкие с перевитьем	Плоско-выпуклые	Рифленые	Крученые	Крученые с перевитьем	
Фиолетовые	2				3		5
Синие, голубые		1		1	3	2	7
Зеленые	2		1		2	1	6
Бирюзовые					1		1
Желтые		1			1	1	3
Черные		3			1		4
Коричневые	1						1
Итого	5	5	1	1	11	4	28

Список литературы

1. Воеводский М.В. Деснинская археологическая экспедиция 1940 года // КСИИМК. Вып. XIII. М.; Л., 1946. С.89-94.

2. Гурьянов В.Н. Новые исследования на посаде Вщижа // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів. 1995. С.28-29.

3. Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Исследования на Брянщине // АО 1994 года. М., 1995. С.92-93.

4. Мастыкова А.В. Стеклянные изделия из раскопок в г.Козельске // Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок. ИА РАН. Т.4. М., 2005. С.156-175.

5. Подшивайло А. Стеклянные браслеты древнерусского слоя Покровской горы Брянска // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали доповідей IX Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, 2010.

6. Поляновский И. Село Вщиж // Санкт-Петербургские ведомости. 1844. № 93, 94.

7. Раппопорт П.А. Русская архитектура X – XIII вв. Каталог памятников // САИ. Вып. Е1-47, Л., 1982.

8. Рыбаков Б.А. Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг. // КСИИМК. Вып.XXXVIII. М.- Л., 1951. С.34-41.

9. Рыбаков Б.А. Вщиж – удельный город XII века // КСИИМК. Вып. XLI. М. - Л., 1951. С. 56-58.

10. Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вжищ // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С.75-120.

11. Уваров А.С. Древний храм во Вщижском городище // Сборник мелких трудов. Т. I. М., 1910. С. 386 – 388.

12. Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни в X-XIII вв. Труды ГИМ, вып.33, М, 1959. С.149-224.

13. Чубур А.А. Стеклянные браслеты и бусы с Соборной горы Трубчевска // Средневековый город Юго-Восточной Руси. Предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы междунар. науч. конф. Курск, 2009. С.258-263.

14. Чубур А.А. Из истории археологии Брянской области. Вщижский перекресток: от Карамзина до Шинакова // Проблемы сохранения культурного наследия / Материалы международного семинара 8 декабря 2011 года. Брянск, 2012. С.153-181.

15. Шинаков Е.А. Новые данные о посаде древнерусского Вщижа // Деснинские древности. Вып. II. Брянск, 2002. С. 175 – 179.

16. Шинаков Е.А. Отчет о работах в Брянском и Жуковском районах Брянской области в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24168.

17. Шинаков Е.А. Отчет об охранных археологических раскопках в с. Вщиж в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 26719.

18. Шинаков Е.А. Отчет об охранных раскопках курганного могильника Елисеевичи в Брянском районе Брянской области и на территории окольного города летописного Вщижа (село Вщиж Жуковского района Брянской области) в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 50391.

19. Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.,1972

20. Щапова Ю.Л. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура (серия Археология). – М., 1997. С.80-92.

21. Щапова Ю.Л. Стеклянная посуда // Древняя Русь. Быт и культура (серия Археология). – М., 1997. С.31-33.

THE GLASS PRODUCTS FROM THE ROUNDABOUT TOWN OF THE CHRONICLES VSHCHIZH ON THE MATERIALS OF RESCONDUCTORS EXCAVATIONS 2005-2014.

The article deals with a complex of glass products from the territory of the "roundabout city" (excavations in 2000-2015) in the chronicle town of Vshchizh on the upper Desna (now Zhukovsky district, Bryansk region of Russia). The city for some time served as the center of the specific principality within the Chernigov-Seversky lands. Described groups of jewelry (glass bracelets, glass rings and glass beads of several types) and a few fragments of dishes (lamps-lamps). The features of the complex and typological dating are analyzed. Among the bracelets dominated by colored, there are intertwined varieties. All this is typical for the late stage of the city's existence (the end of XII - the first half of the XIII centuries). In this Vshchizh complex, is similar to the complexes of Bryansk (Pokrovskaya Gora) and the chronic Trubuch (Sobornaya Gora).

Keywords: Kievan Rus, annalistic city, Vshchizh, glassmaking, ornaments, dishes, security excavations.

References

1. Voyevodskiy M.V. Desninskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1940 goda // KSIIMK. Vyp. XIII. M.; L.. 1946.

2. Gurianov V.N. Novyye issledovaniya na posade Vshchizha // Slov'yano-ruski starozhitnosti Pivnichnogo Livoberezhzhya. Chernigiv. 1995.

3. Gurianov V.N.. Shinakov E.A. Issledovaniya na Bryanshchine // AO 1994 goda. M.. 1995.

4. Mastykova A.V. Steklyannyye izdeliya iz raskopok v g.Kozelske // Drevniy Kozelsk i ego okruga: Trudy otdela okhrannykh raskopok. IA RAN. T.4. – M.. 2005. S.156-175.

5. Podshivaylo A. Steklyannyye braslety drevnerusskogo sloya Pokrovskoy gory Bryanska // Serednovichni starozhitnosti Tsentralno-Skhidnoï Єvropi: Materiali dopovidey IKh Mizhnarodnoï studentskoï naukovoï arkheologichnoï konferentsiï. – Chernigiv: Chernigivskiy natsionalniy pedagogichniy universitet imeni T.G. Shevchenka. 2010.

6. Polyanovskiy I. Selo Vshchizh // Sankt-Peterburgskiye vedomosti. 1844. № 93. 94.

7. Rappoport P.A. Russkaya arkhitektura X – XIII vv. Katalog pamyatnikov // SAI. Vyp. E1-47. L.. 1982.

8. Rybakov B.A. Raskopki vo Vshchizhe v 1948–1949 gg. //KSIIMK. Vyp.XXXVIII. – M.-L.. 1951.

9. Rybakov B.A. Vshchizh – udelnyy gorod XII veka // KSIIMK. Vyp. XLI. – M. - L.. 1951.

10. Rybakov B.A. Stolnyy gorod Chernigov i udelnyy gorod Vzhishch // Po sledam drevnikh kultur. Drevnyaya Rus. M.. 1953.

11. Uvarov A.S. Drevniy khram vo Vshchizhskom gorodishche // Sbornik melkikh trudov. T. I. M.. 1910.

12. Fekhner M.V. K voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh drevnerusskoy derevni //

Ocherki po istorii russkoy derevni v X-XIII vv. Trudy GIM. vyp.33. M. 1959.

13. Chubur A.A. Steklyannyye braslety i busy s Sobornoy gory Trubchevska // Srednevekovyy gorod Yugo-Vostochnoy Rusi. Predposylki vozniknoveniya. evolyutsiya. materialnaya kultura. Materialy mezhdunar. nauch. konf. – Kursk. 2009. S.258-263.

14. Chubur A.A. Iz istorii arkheologii Bryanskoy oblasti. Vshchizhskiy perekrestok: ot Karamzina do Shinakova // Problemy sokhraneniya kulturnogo naslediya / Materialy mezhdunarodnogo seminara 8 dekabrya 2011 goda. – Bryansk. 2012. S.153-181.

15. Shinakov E.A. Novyye dannyye o posade drevnerusskogo Vshchizha // Desninskiye drevnosti. Vyp. II. Bryansk. 2002. S. 175 – 176.

16. Shinakov E.A. Otchet o rabotakh v Bryanskom i Zhukovskom rayonakh Bryanskoy oblasti v 1999 godu // Arkhiv IA RAN. R-1. № 24168.

17. Shinakov E.A. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v s. Vshchizh v 2005 godu // Arkhiv IA RAN. R-1. № 26719.

18. Shinakov E.A. Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogilnika Eliseyevichi v Bryanskom rayone Bryanskoy oblasti i na territorii okolnogo goroda letopisnogo Vshchizha (selo Vshchizh Zhukovskogo rayona Bryanskoy oblasti) v 2014 g. // Arkhiv IA RAN. R-1. .

19. Shchapova Yu.L. Steklo Kiyevskoy Rusi. – M..1972

20. Shchapova Yu.L. Ukrasheniya iz stekla // Drevnyaya Rus. Byt i kultura (seriya Arkheologiya). – M.. 1997. S.81-88.

21. Shchapova Yu.L. Steklyannaya posuda // Drevnyaya Rus. Byt i kultura (seriya Arkheologiya). – M.. 1997. S.31-33.

Об авторах

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Shinakov@mail.ru

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fennecfox66@gmail.com

Гурьянов Валерий Николаевич – начальник отдела научных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: gurian032@yandex.ru

Shinakov Evgeny Aleksandrovich - doctor of historical sciences, professor, department of national history, Bryansk State University named after academician IG. Petrovsky (Russia), E-mail: Shinakov@mail.ru

Chubur Artur Arturovich - Candidate of Historical Sciences, Professor of RAE, Department of National History, Bryansk State University named after Academician IG. Petrovsky (Russia), -mail: fennecfox66@gmail.com

Guryanov Valeriy Nikolaevich - Head of the Department of Scientific Research, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: gurian032@yandex.ru

УДК 94 (569.4)

Шуминов Н.З., аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ВЛИЯНИЕ США НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ВПК ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЯ

Статья посвящена изучению военно-промышленного комплекса государства Израиля: истории его формирования и современному состоянию, а также влиянию США на развитие военной промышленности Израиля. Автор рассматривает основные этапы милитаризации Израиля, начиная с войны 1967 г. («Шестидневная война»). С самого момента образования данного государства создание сильного и современного военно-промышленного комплекса являлось его жизненно важной целью. Также, начиная с начала 1960 гг. активно налаживались связи в военной сфере между Израилем и США. Израиль постепенно начинает рассматриваться, как стратегический союзник США в регионе. Значимой основной в двухсторонних отношениях в военной сфере между двумя странами является договорная база, которая,также, на современном этапе укрепляется новыми договорами и меморандумами.
Ключевые слова: военно-промышленный комплекс, развитие ВПК, США, «оружейный кризис», Израиль.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-178-188

Создание сильного и независимого военно-промышленного комплекса являлось ключевой и жизненно важной целью для молодого государства. Израиль был образован 15 мая 1948 г. Спустя несколько часов после провозглашения независимости Египет, Сирия, Ливан, Трансиордания, Саудовская Аравия, Ирак и Йемен объявили войну молодому государству положив начало арабо-израильскому конфликту. За 69 лет своего существования Израиль принял участие в шести полномасштабных войнах и пяти крупных военных операциях против арабских государств и военизированных радикальных группировок.

Израиль был образован в регионе, где в годы Холодной войны, когда противоборствующие великие державы пытались экономически, политически, а также через военные связи пытались втянуть страны Ближнего Востока в орбиту своих интересов. Региональные страны стали делиться на два лагеря: союзники США и союзники СССР. Великие державы всячески помогали своим сателлитам, в частности, поставками современных вооружений. Израильское руководство с момента основания государства стало налаживать отношения с США и, в частности, с влиятельными еврейскими лоббистскими структурами в США, но отношения между двумя странами по линии поставок вооружения стали укрепляться только после войны 1967 года. До этого Израиль был вправе использовать поставляемую военную технику только в целях обеспечения внутренней безопасности, а так же исключительно в оборонительных целях. Израиль также ни получил не одной единицы военной авиации из США. Все это говорит о том, что американское руководство не до конца верило в возможность Израиля полностью закрепить свое существование в регионе. После войны 1967 г. (Шестидневной войны) ставка была сделана на Израиль и двусторонние отношение почти всегда имели тенденцию на укрепление [5; 6]. Союзнические отношения между США и Израилем объясняются широкой вовлеченностью Израиля в политику региональных и глобальных интересов, как в период Холодной войны, так и после нее. Руководство США широко ценило возможность сдерживать просоветские страны региона, в частности Сирию и Египет, опираясь на военные возможности Израиля. Основной внешнеполитической целью для Израиля было обеспечение национальной безопасности и создание сильной, боеспособной армии превосходящей по качеству армии арабских государств. Для решения этой цели был взят курс на создание мощного ВПК – в этом также были заинтересованы и США.

На данный момент уровень технической оснащённости и боеспособности израильской армии один из высочайших в современном мире, при этом качественные характеристики военной техники постоянно совершенствуются. Главная заслуга в этом принадлежит военной промышленности Израиля, представляющей собой комплекс, сформированный из научно-исследовательского и высокотехнологичного производственного секторов. На военную промышленность, находящуюся под контролем министерства обороны Израиля работают научно-исследовательские

институты, государственные и частные компании, а также предприятия с участием израильского и американского капитала. Существенный вклад в развитие национального военно-промышленного комплекса в Израиле внесла разностороння помощь США, включающая поставки различного вооружения, а также участие в совместных проектах по разработке и внедрению передовых видов вооружения в армиях обеих стран [11; 17].

С конца 1990 гг. прослеживается неуклонный рост влияния Ближнего Востока на глобальные процессы в мировой политике. Регион неуклонно сталкивается с опасными как для него, так и для мирового сообщества вызовами, а именно: исламским фундаментализмом, неурегулированность палестино-израильского конфликта, угроза распространения оружия массового поражения внутри региона, эффект «арабской весны», деградация государственности арабских государств в разных частях региона, угроза внутрирегиональной гонки вооружений [2; 8]. Ко всем этим угрозам, которые безусловно угрожают безопасности государства Израиль, также стоит отнести продолжающийся военный конфликт на территории Сирии, которая граничит непосредственно с Израилем, а также нарастающий кризис в отношениях между Израилем и Ираном. Последний всячески поддерживает своего главного сателлита – вооруженную военизированную ливанскую шиитскую организацию «Хезболла» (признана террористической в Израиле и США), которая принимает активное участие в боевых действиях на территории Сирии. Израильское руководство серьезно опасается, что после окончания конфликта в Сирии Иран и его союзники смогут закрепиться на границе с Израилем, а это – непосредственная угроза национальной безопасности Израиля. Кроме того, в Израиле попрежнему считают, что даже не смотря на сделку между Ираном и «шестеркой» (США, Франция, Россия, Великобритания, Германия и Китай) заключённую в 2015 г. у Ирана есть возможность и намерение создать ядерное оружие, которое в итоге изменит баланс сил в регионе и будет представлять непосредственную угрозу существованию самого Израиля.

Как представляется автору, израильское руководство придает исключительную важность современным угрозам национальной безопасности и продолжит идти курсом на еще большее укрепление военно-политических связей со своим стратегическим союзником США, а также продолжит активно развивать отечественный военно-промышленный комплекс. Укрепление и наращивание военной мощи представляется израильским руководством как рациональный ответ на современные вызовы представляющие угрозу национальной безопасности. В укреплении военного превосходства Израиля в регионе также заинтересованы и США. Последние изменения политического ландшафта в регионе еще больше укрепило мнение политического и военного руководства США о том, что Израиль главный стратегический союзник США в регионе, который обладает исключительной военной мощью и политической стабильностью, а также развитой экономикой [1; 12]. Подтверждает это мнение и то, что между США и Израилем в сентябре 2016 г. был заключен меморандум. Он предполагает выделение Израилю 38 миллиардов долларов в течение десяти лет – с 2019 г. по 2028г.

"Это крупнейший пакет военной помощи, который когда-либо предоставляли Соединенные Штаты любой стране мира. Соглашение поможет нам продолжить наращивать военную мощь и совершенствовать противоракетную оборону. Это очень важное достижение для Государства Израиль, и израильские граждане могут по праву им гордиться", — заявил премьер министр Израиля Б.Нетаньяху [15]. Подписание нового Меморандума доказывает, что военно-политическое руководство США рассматривает Израиль, как главный «опорный пункт» в регионе, который имеет исключительное влияние на процесс глобальной политики.

История формирования ВПК Израиля

С начала 1970 гг. года военно-промышленный комплекс Израиля приобрел высокую степень сложности, что позволяет производить передовую военную технику, начиная от танков и модификаций реактивных самолётов до высокоточного «умного» оружия – микроэлектроники, ракет «море-море», «воздух-воздух» и т. д. 75-80% объёма военного производства идет на экспорт, которым занимается управление СИБАТ .Также, существует управление отвечающее за закупки (у

национального ВПК и за рубежом) и производству вооружения – МАНХАР. Обе структуры находятся в системе управления министерства обороны. Вся научно-исследовательская деятельность, в большей или меньшей степени связанная с обороной страны, где бы она ни осуществлялась – в израильских университетах, НИИ, КБ, – координируется Министерством обороны страны. В наибольшей степени развито производство ракетного и артиллерийско-стрелкового вооружения, бронетанковой и авиационной техники, а также радиоэлектронного оборудования. Многоотраслевая военная промышленность страны ориентирована на разработку всё более современных и сложных образцов вооружений и военной техники. Упор также делается на разработку и производство высокоточного комплекса вооружений и различной беспилотной техники, как наземной, так и воздушной, которые позволяют увеличивать объёмы экспорта военной продукции. Доходы от экспорта вооружений помогают стимулировать развитие все более новых научных исследований и позволяют Израилю оставаться одной из ведущих стран в области высоких технологий [12].

Если речь заходит об истории формирования ВПК Израиля, прежде всего, стоит отметить вклад одного из главных «отцов основателей» этого государства в создание основ будущей военной промышленности – Давида Бен Гуриона. До основания государства Израиль перед еврейским населением Ишува (еврейская община Палестине) стоял острый вопрос об обеспечении оружием своих военизированных формирований, а в последующем и армию. Сразу же после основания государства был образован концерн «ТААС» («Таасияцваит»), который включал в себя все существовавшие на тот момент производственные мощности способные производить оружие, а именно первый завод по производству стрелкового оружия в г. Гиватаиме. Мощности этого и последующих предприятий позволяли создавать легкое оружие и боеприпасы. К примеру, легендарный автомат «Узи» был создан именно этим концерном, проект в 1949 г. возглавил майор Узиель Галь. Бен Гурион также распорядился вывести из под прямого армейского управления подразделение, которое отвечало за военные НИОКР. Оно получило название «Эмет» и стало отдельным исследовательским органом при министерстве обороны. В 1958 г. «Эмет» был переименован в «Рафаэль», и этот концерн на данный момент является главным производителем военной электроники и ракет в Израиле. В тот самый период Бен Гурион так же сумел основать первое на тот момент в Израиле предприятие по техническому обслуживанию и ремонту импортируемых самолетов, ему было дано название БЕДЕК. На данный момент это предприятие превратилось в самую большую военную корпорацию Израиля – IAI (англ. Israeli Aircraft Industries). Бен Гурион заложил основу для последующего роста ВПК Израиля, по существу созданный им фундамент уже на начальном этапе давал экспортные возможности по поставке вооружений [19]. К примеру, в середине 1950-х гг. Израиль уже продавал оружие в Никарагуа и в Доминиканскую Республику.

С момента основания данных предприятий удалось создать большое количество рабочих мест в рамках ВПК страны, а также привлекать большое количество ученных, которые были задействованы в рамках израильских НИОКР. Молодое государство выделяло огромное количество денег на проекты, которые не всегда были выгодны стране с экономической точки зрения. Израилю выгодней было покупать готовую продукцию военного назначения за рубежом, как это делали военные конкуренты в регионе, но политическое руководство сделало ставку на создание отечественного военно-промышленного комплекса. Начало милитаризации экономики Израиля можно условно отнести к 1967 году. Июньская война 1967 года, называемая Шестидневной, дала импульс «индустриализации» оборонной промышленности. Тогда со всей остротой возникла потребность обеспечения оборонительных сил Израиля передовым вооружением и именно отечественного производства. Произошло это потому, что Франция, будучи в то время основным поставщиком вооружения и военной техники в Израиль, в одностороннем порядке наложила эмбарго на поставки продукции военного назначения в еврейское государство. Это вынудило израильские власти сосредоточить усилия на интенсификации развития отечественной высокотехнологичной военной промышленности.

Преодолев внутренний экономический кризис в 80-е годы прошлого столетия, Израиль стал успешно продвигаться по пути создания новых высоких технологий собственного производства, чему способствовал ряд факторов, среди которых можно выделить высокий образовательный уровень населения, которое было с успехом задействовано на предприятиях военного профиля, а также то обстоятельство, что разработка вооружений осуществлялась в тесном сотрудничестве с представителями военных структур Израиля, которые также участвуют наравне с инженерами и ученными в разработке перспективных вооружений и военной техники (ВиВТ). Данная практика позволяет соединить боевой опыт людей побывавших на поле боя и ученных при разработке конкретных ВиВТ для собственной армии и для экспорта за рубеж [23]. Кроме того, надо констатировать, что правительство Израиля не скупится на финансирование военной составляющей НИОКР, поглощающих примерно 9% всех военных ассигнований страны, что намного больше в сравнении с другими странами (ср.: Турции – 1%, Южной Кореи - 5,4%). Немаловажное значение имеет и то, что Израиль может осуществлять обмен технологиями с передовыми военно-промышленными отраслями в странах Западной Европы и США. Ныне военный сектор Израиля состоит из более 200 государственных и частных компаний.

Если до 1967 г. в военном секторе было занято менее 10 % израильской рабочей силы, к 1980-му году этот показатель вырос до 25%, при том, что половина занятых в промышленности работали в военной сфере, в том числе в вооружённых силах, а 42% от всех государственных расходов на исследования и разработки приходилось именно на военный сектор. Если еще совсем недавно Израиль позиционировали как государство, входящее в десятку основных мировых экспортёров вооружения (за период с 1991 по 1995 год страна экспортировала на мировой рынок вооружения на $1.2 млрд и занимала десятое место), то уже в 2007 году он занял 4-ое место в мире после США, России и Франции, опередив Великобританию и Германию [3]. К 2008 году Израиль экспортировал своё высокотехнологичное оружие более чем в 50 стран и занял 3-ю позицию, вытеснив с неё даже Францию.

В 2011 году Израиль занял 11 место среди экспортеров вооружений [4]. Снижение экспортного потенциала Израиля многие эксперты из министерства обороны страны предвидели ещё в 2010 г. Объёмы экспорта ВиВТ сократились ввиду ряда объективных причин, среди которых назывались урезание оборонных бюджетов западных стран, неблагоприятная дипломатическая ситуация, ограничение на поставку оружия в Китай.

Экспорт израильской продукции военного назначения в 2012 году вырос на 20% по сравнению с предыдущим годом и достиг 7 млрд. долл. несмотря на глобальный экономический кризис, повлиявший на сокращение доходов других крупнейших экспортёров вооружений [16]. В настоящее время разработки израильской оборонной промышленности пользуются повышенным спросом во всём мире; израильская продукция военного назначения поставляется уже примерно в 110 стран. Стоит отметить, что далеко не все заявки иностранных государств удовлетворяются. Так, в 2011 году было подано примерно 30 000 запросов на поставки израильских вооружений в 190 стран мира. Получили отказ порядка 60 стран. Среди них оказалась, например, Турция: в конце 2011 года Министерство Обороны Израиля наложило запрет на поставку любой оборонной продукции в эту страну, проигнорировав интересы израильского концерна ElbitSystems, в портфеле которого уже лежал подписанный контракт на поставку в Турцию систем позволяющих вести разведку в воздухе и на земле. В 2015 году Израиль занял уже 5 строчку в рейтинге мировых экспортеров вооружений продав продукции на сумму 3 млрд долл. Следует сразу отметить, что составление рейтинга мировых экспортеров вооружения ежегодно не совсем корректно, так как зачастую обязательства возложенные на конкретного поставщика продукции военного назначения выполняются в течении нескольких месяцев или зачастую лет и в конкретный год засчитываются только законченные поставки. Обычно для более удобного составления подобного рейтинга используется временной период от 4 до 7 лет. Данный отрезок времени позволяет дать более детальную и полную картину экспорта вооружений конкретной страны.

Экспорт оружия в Израиле в пересчёте

на душу населения – крупнейший в мире и составляет около 17% от общего объёма экспорта страны против 4,5% в США, 5% во Франции, 2,5% в Великобритании [20]. Экспорт вооружений необходим Израилю для выживания отрасли и сохранении тенденции быстрых темпов развития конкретных типов ВиВТ. Доходы от экспорта вооружений финансово обеспечивают научные исследования, являющиеся базисом для разработок и внедрения производства высокотехнологичной военной продукции, что позволяет Израилю сохранять и закреплять свои позиции на мировом рынке вооружений. Успехи в развитии военной отрасли определяют развитие состояния всей экономики государства. В своё время Гендиректор Министерства Иностранных дел Израиля Аллон Лиэль заявил: «Каждые 5-10 лет необходимо находить новых крупных клиентов, при этом не имеет значения, являются ли они представителями демократических или иных режимов» [24]. 75% военной продукции производимой в Израиле идет на экспорт. Данный фактор способствует постоянному финансированию военного сектора, а также «насыщению» деньгами научно-исследовательских центров, где совершенствуется уже созданная техника и разрабатывается новая военная продукция. Благодаря продуманным и своевременным политическим решениям, а также жесткому прагматизму нынешних и предыдущих руководителей страны Израилю удалось создать один из самых современных и наукоемких ВПК в мире. Одним из ключевых преимуществ израильского ВПК является и тот факт, что производимая в стране военная техника проходит постоянную обкатку в многочисленных боевых действиях [13], что очень привлекает военных специалистов разных стран и порой имеет решающее значение при выборе победителя тендеров на поставку вооружений в иные страны.

Влияние США на развитие ВПК Израиля

С началом работы администрации президента Дж. Кеннеди в начале 1960 гг. Израиль постепенно начинает рассматриваться, как стратегический союзник США в регионе. С этого момента США неизменно оказывали и оказывают Израилю самую серьёзную разностороннюю поддержку ввиду схожих стратегических интересов на Ближнем Востоке. Американская военная помощь дала возможность Министерству обороны Израиля сократить госзаказ отечественным производителям военной продукции и перенаправить на экспорт до 80% производимой израильским ВПК продукции. С 2007 года США занимают первое место среди других стран мира по объёмам подписанных с израильскими оборонными предприятиями контрактов на поставки продукции военного назначения. Также, Израиль имеет статус «основного союзника США вне НАТО», этот факт даёт ему привилегии в вопросах импорта американской военной продукции и право на проведение совместных программ разработки вооружений и военной техники, включая участие в поставках своей ПВН за океан, в частности, союзникам США по НАТО [15].

Сотрудничество в военной сфере между двумя странами основывается на широкой и крепкой законодательной базе, начало которой положено в 1952 году и с тех пор она неуклонно расширяется. Хронология основных договоренностей, которые дают основу стратегическому и военному партнерству между США и Израилем, выглядит так:

1952 год. Достигнуто «Соглашение о предоставлении помощи для взаимного укрепления безопасности» (The 1952 Mutual Defense Assistance Agreement), в рамках которого Израиль получал возможность рассчитывать на американскую экономическую и военную помощь. При этом было оговорено, что военно-технические средства, получаемые от США, Израиль вправе использовать только в целях обеспечения внутренней безопасности, а так же исключительно в оборонительных целях.

1975 год. Подписан Меморандум о договоренности, в котором США засвидетельствовали свое намерение продолжать поддерживать израильский ВПК и обороноспособность страны, в том числе и путем поставок новейших вооружений, таких, например, как истребитель F-16, который на тот момент был единственным самолетом 4-го поколения.

1979 год. Меморандум о сотрудничестве в военно-промышленной области, который заложил юридические основы последующего военно-промышленного сотрудничества между двумя странами.

Ноябрь 1981 год. Подписан Меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества в рамках которого ставились цели по защите национальной безопасности обеих стран. В рамках меморандума в 1983 году создана рабочая группа, встречавшаяся дважды в год и реализовывавшая намеченные в Меморандуме программы. К примеру, в 1984 году стартовали совместные военные учения, а в Израиле была создана разветвленная инфраструктура для размещения американских вооружений.

1983 год. Президент США Р. Рейган и премьер-министр Израиля И. Шамир подписали Соглашение, предусматривающее проведение совместных военных операций и учений, обмен разведданными и доступ кораблей 6-го ВМС США к израильским морским портам. Документ также содержал и рад секретных договоренностей, которые не обнародованы до сегодняшнего дня. Соглашение от 1983 года, по существу, создавало крепкий союз между США и Израилем, и этот факт давал понять странам региона, что в случае конфликта на Ближнем Востоке США могут встать на сторону своего стратегического партнёра.

1985 год. Достигнуто Соглашение о свободной торговле.

1986 год. Подписан договор, предусматривающий участие Израиля в секретной программе, в рамках которой Израиль получил 1 млрд долл. на создание собственной противоракетной установки Hetz, которая является самым первым сегментом противоракетной обороны Израиля.

1987 год. Израиль получил статус основного союзника вне НАТО. Данный статус дает возможность проведения совместных исследований военного характера, участие в ряде ограниченных контртеррористических мероприятий, допускает поставку ограниченных видов вооружения, совместное участие в космических проектах.

1988 год. Подписан новый Меморандум о взаимопонимании, расширивший пути сотрудничества в области обороны, а также дипломатии. Обеспечил новый уровень сотрудничества между США и Израилем в области ракетных технологий.

2005 год. Министрами обороны обеих стран подтверждено соглашение о процедуре передачи самых современных технологий и технологий двойного назначения третьим странам.

2016 год. был заключен меморандум, который предполагает выделение Израилю 38 миллиардов долларов в течение десяти лет – с 2019 по 2028 годы. Это крупнейшая сумма, перечисляемая одному государству в рамках военной помощи. Каждый год Израиль будет получать 3,8 млрд долл., а также дополнительно 500 млн. долл. на нужды противоракетной обороны. Статья о ПРО применяется впервые.

Заметно, что прорывными для израильско-американского военно-технического и военно-промышленного сотрудничества были периоды пребывания представителей Республиканской партии на посту президента. Это связано с тем, что республиканцы тесно связаны с израильским лобби в США, а среди их электората большое число приверженцев протестантизма, которые полагают, что скорейшее возвращение иудеев в Землю Обетованную приведет к реализации предсказаний Нового Завета [7; 10]. Более того, израильское лобби по объемам финансирования, организационным возможностям и имиджевым характеристикам является одним из сильнейших «внешних» лобби в США, что позволяет склонять на сторону Израиля политиков двух основных американских партий, выстраивать сложные коалиции для достижения политических целей [9]. Наконец, сказывается общая религиозность американских консерваторов и схожесть их идеологии с базовыми ценностями Израиля – исключительностью, наступательностью, ощущением неустойчивости внешнего окружения [14].

Израиль получает от США беспрецедентные суммы на военные нужды. Перечисления средств Израилю производиться по программе зарубежного военного финансирования (англ. Foreign Military Financing, FMF). Объёмы американской военной помощи Израилю имеют тенденцию к неуклонному возрастанию. Так, если в 2001 г. заокеанская военная помощь составляла 2,4 млрд долл., то в 2007 г. (при президенте Дж. Буше) было принято решение поднять планку военной помощи Израилюдо 2,7 млрд долл [22].За период с 2008-го по 2017 г. была достигнута договоренность о ежегодном перечислении Израилю 2,9-3,1 млрд долл. С 2019 г. по 2028 г.

Израиль будет получать уже 3,8 млрд долл., без учета дополнительных 500 млн долл. ежегодно на строительство многоуровневой системы ПРО на собственной территории.

Военная помощь США Израилю осуществляется в рамках трёх основных программ: Foreign Military Sales («Военные поставки зарубежным странам»), Direct Commercial Sales («Прямые коммерческие поставки») и Excess Defense Articles («Передача зарубежным государствам неиспользуемой военной техники и имущества»). К примеру, в период 2000-2009 гг. США в рамках этих трёх программ оплатили или поставили Израилю 700 млн. единиц оружия и оборудования военного или двойного назначения на сумму около 18 млрд долларов. Основной чертой программы «военных поставок зарубежным странам» является осуществление прямого сотрудничества по линии ВТС между США и другой страной напрямую на уровне правительств. К участию в этой программе допущены в настоящее время порядка 160 стран. По данным Министерства обороны США, в период с 1950 по 2012 г. по данной программе были осуществлены продажи примерно на 30 млрд долл. Первая сделка по продаже Израилю 19 многофункциональных истребителей нового 5-ого поколения F-35 стоимостью в 2,75 млрд долл., состоялась именно в рамках этой программы. Договор был заключен в августе 2010 г., с израильской стороны подписан тогдашним министром обороны Э. Бараком [21]. Полный пакет покупки данных истребителей является самой дорогой сделкой по покупке иностранных вооружений и военной техники Израилем за всю его историю.

Израиль намеревался принять участие в разработке данного проекта еще в начале 2000-х гг., но получил отказ, отчасти мотивированный тем, что Израиль не хотел должным образом инвестировать этот проект. К тому же американцы опасались, что израильская сторона будет настаивать на внесении в модель многочисленных изменений и в целом опасались утечки информации, связанной с некоторыми составляющими данного истребителя. Однако, в 2003 г. Израилю удалось получить сначала статус наблюдателя в этом проекте, а потом и полноправного партнёра, он инвестировал в проект 50 млн. долларов [21]. Сумма эта выглядит довольно таки символичной на фоне, например, 2,7 млрд долл., инвестированных Великобританией.

В 2016 г. Израиль получил первые два самолета из первой партии из 19 данных самолетов, так же в феврале 2015 г. Израиль заключил контракт на покупку еще 14 таких же самолетов общей стоимостью в 3 млрд. долл. Стоит сказать, что данный проект является очень дорогостоящим, а многие партнеры США по НАТО поспешили отказаться от покупки данных истребителей или сократить их количество ввиду дороговизны или просто массового сокращения оборонных бюджетов западных стран. Именно поэтому военное руководство США было заинтересовано в том, чтобы Израиль закупил данные истребители, так как факт покупки Израилем данных самолетов положительно скажется на его спросе у потенциальных покупателей. При этом израильтяне добились того, что будут, по сути, единственной страной в регионе за исключением Турции (члена НАТО), которая будет обладать самолетом 5-го поколения. При этом, при первом контракте предусматривалась опция, которая при увеличении заказа давала Израилю право в виде бонуса установить на самолёты бо́льшее число своих систем и вооружений, в частности, рассматривается вопрос о монтаже на F-35 конформных топливных баков. Израильский самолет получит название F-35I Adir [22].

Государственная программа США «военных поставок зарубежным странам» распространяется и на помощь в разработке проекта «Железный купол». Этот «купол» является нижним рубежом многоуровневой противоракетной системы обороны Израиля и способен обнаруживать, перехватывать и уничтожать ракеты ближнего радиуса действия, запущенные с территории Газы и южной границы Ливана. Система эффективно функционирует при любых погодных условиях, обнаруживает ракеты на дальностях от 4 до 70 км. Разработку системы осуществила компания «Rafael». Ввиду высокой стоимости проекта Израиль надеется на то, что США будут принимать активное участие нем как полноправный партнёр. В ноябре 2010 г. США направили на развитие этого проекта 502 млн долл [21]. В 2015 году США также выделили на увеличение числа батарей данной системы

порядка 400 млн. долл. Между тем, американское военное руководство заинтересованов разработке этих противоракетных систем для собственных нужд. Например, рассматривается возможность использовать данные системы в рамках защиты военно-морских баз США на Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке, поскольку на сегодняшний день это самая эффективная тактическая противоракетная система, которая может защитить большую площадь территории от ракет малой дальности и снарядов, запущенных с самодельных ракетных установок.

Главной особенностью военной помощи США Израилю является тот факт, что Израиль большую часть этой самой помощи обязан тратить именно на приобретение американской военной техники, но порядка 25% имеет право реализовывать в самом Израиле, но только на проекты, одобренные соответствующими органами США [20]. По существу данная опция доступна исключительно Израилю, остальные страны-получатели военной помощи из США не имеют права использовать какую-либо часть военной помощи в рамках программ внутри страны. Так, с помощью США в Израиле были построены две авиабазы, две пехотные учебные военные базы. В 2000 г. на эти объекты было израсходовано более 205 млн. долл. К примеру, в 2000 г. Израилю было позволено потратить 470 млн. долл., у себя в стране и 5 млн. долл., на импорт продукции из Европы. При этом, почти 90% сделок или программных пакетов Израиль заключает с конкретными военными компаниями США и стоимость сделки может быть менее 100 тыс. долл., другим же союзникам США приходится взаимодействовать только с Министерством обороны США и стоимость их сделок обязательно должна превышать 100 тыс. долл [21]. Данная опция позволяет Израилю в критический момент осуществлять закупки снарядов или различных ремонтных инструментов чья стоимость не дотягивает до низшей дозволенной границы стоимости минимального заказа.

Один из самых дискутируемых вопросов в экспертном сообществе - выгодно ли подобное сотрудничество США? Дело в том, что оказывая данную военную помощь Израилю, США субсидируют те сферы американской экономики, которые правительство не может финансировать. Закон не позволяет правительству США оказывать финансовую помощь частному сектору производства, а огромное количество военных предприятий в США имеют частный характер или же частичное государственное участие. Однако такое сотрудничество позволяет этим компаниям хорошо зарабатывать, так как они могут продавать свою продукцию иностранным покупателям, для которых американский товар стоит дороже, чем для покупателей внутри страны. Кроме того, в стране-производителе открываются новые рабочие места, следовательно, сокращается безработица.

Отметим, что США и Израиль не имеют между собой соглашения о взаимопомощи в случае военного конфликта, Следовательно, страны не имеют статуса союзников. Статус же «основного союзника вне НАТО» подразумевает под собой то, что американское правительство получает возможность снабжать такие страны оружием, военными технологиями и специалистами, предоставлять технику в лизинг и заниматься формами военного сотрудничества в упрощенном порядке, не обращая внимания на многие ограничения, содержащиеся в законах, регулирующих американский военный экспорт. Кроме того, компании из страны-союзницы получают право участвовать в тендерах на обслуживание армии США за границей, что недвусмысленно подразумевает появление на территории этих стран американских военных баз. Также, там могут создаваться базы для хранения оружия, продовольствия, топлива. К примеру, в Израиле размещены склады легкого вооружения армии США, которая та может использовать в случае надобности, на деле же эти склады используются Израилем при необходимости. Страна обладающая статусом «основного союзника вне НАТО» не получает никаких юридических или фактических гарантий защиты и помощи в случае ее участия в военном конфликте.

Безусловно, нужно признать, что уровень научно-технической базы у двух стран идентичен, что позволяет им поддерживать наивысший уровень военно-технического сотрудничества. На современном этапе американские компании также заинтересованы в совместных проектах по созданию определённых современных систем вооружений и военной техники, таких

как «Железный купол», «Волшебная палочка» или комплекса активной защиты «Трофи». В ближайшей перспективе военно-политическое руководство обеих стран продолжат делать упор на укрепление уровня взаимодействия в военной отрасли. Представители военных отраслей двух стран в последнее десятилетие уже перешли на новый уровень взаимодействия. Если раньше Израиль закупал определенную военную продукцию в США и на некоторую из них ставил свою аппаратуру, огневые системы, то сейчас помимо обычных закупок военной продукции представители военных секторов двух стран перешли к взаимодействию в общих проектах по созданию сложных и самых современных систем вооружений. Тем самым, Израиль постепенно превращается из просто страны, которая получала определенную военную помощь ежегодно на исключительных условиях, в партнера. Сама по себе военная помощь способствует распространению влияния США на экспорт Израиля в разных регионах мира. Дело в том, что на современном этапе Израиль способен создавать некоторые системы вооружений и технику, идентичные по уровню и качеству американским, тем самым порой создавая конкуренцию на некоторых региональных рынках по продаже военной продукции. Но, самыми «острыми» вопросами в сотрудничестве между двумя странами в военной сфере являются споры о поставках вооружений в "проблемные" для США страны. К примеру, в 2005 г. речь шла о продажах израильского оружия Китаю – ракет класса "воздух-земля" и усовершенствованных беспилотных летательных аппаратов Harpy. Белый дом обратился к правительству Израиля с просьбой сократить полномочия министерства обороны в сфере утверждения контрактов о поставках вооружений. На тот момент израильская компания Elbit была одновременно задействована в модернизации оборудования для китайской армии, а также участвовала в конкурсе по оснащению американского боевого самолета F-22 Raptor. Из-за проблем с Китаем Elbit могла потерять более выгодный американский контракт [18]. А в апреле того же года ответственные лица в США на время понизили партнерский статус Израиля в разработке и производстве новейшего истребителя F-35, также был приостановлен обмен информацией по проекту БПЛА Hunter 2. Кроме того, были заморожены поставки в Израиль американских приборов ночного видения.

Тем самым помимо политического влияния на Израиль США получили определенные рычаги давления на Израиль за счет оказываемой ему безвозмездной военной помощи. Порой данное давление обходится израильскому военному сектору в сумму, превосходящую ежегодную военную помощь США этой стране. Но, в целом можно сделать вывод, что уровень взаимодействия в военной сфере и политике между двумя странами по-прежнему будет сверхвысоким и будет неуклонно расти, охватывая не только предприятия военного сектора, но и различные ведомства, связанные с национальной безопасностью двух стран.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Дилеммы безопасности: американский вариант // Полис. Политические исследования. 1993. № 6. С. 16-28.

2. Антюхова Е.А. «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки // Национални интерес. 2016. Т. 27. № 3. С. 147-167.

3. База данных по мировому импорту вооружений и военной техники в 2004-2014. URL: http://www.armstrade.org/pages/main/sub_year_2012/year_2012.pdf

4. Ежегодный объем мирового экспорта вооружений и военной техники (ВиВТ) в 2006-2013 гг. URL: http://www.armstrade.org/pages/main/sub_year_2013/year_2013.pdf

5. Звягельская И.Д. История государства Израиль. М.: Аспект-Пресс, 2012.

6. Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнёрства 1948 – 2014. Москва: Аспект-Пресс, 2014.

7. Касаткин П.И., Боброва М.В. Развитие концепции "американской гражданской религии" // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3 (46). С. 81-95.

8. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 125-135.

9. Лошкарёв И.Д. Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 238-248.

10. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70-78.

11. Марьясис Д.А., Военно-промышленный комплекс Израиля на рубеже веков // Востоковедный сборник. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. С. 221-240.

12. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91-97.

13. Морозов В.М. Палестино-израильские мирные переговоры 1995-2001 гг. // Востоковедный сборник. Москва, 2002. С. 76-87.

14. Пареньков Д.А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 53-58.

15. Премьер Израиля назвал военную помощь США демонстрацией "великой дружбы" / РИА Новости. URL: https://ria.ru/world/20160915/1476982057.html

16. Статистика трансферта вооружений, 2005-2014. Stockholm International Research Institute. URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/

17. Федорченко А.В. Экономика Израиля. М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2004.

18. Эпштейн А. Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Москва: Институт Ближнего Востока, 2014.

19. Ben Gurion D. Israel: A personal History. New York: Funk and Wagnal, 1971. 378 p.

20. Cordesman A. The Military balance in the Middle East, An Analytic Overview. Military Expenditures and Arms Transfers, Major Arms by country and zone, and qualitative trend. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2004. 431 p.

21. Halim A. Middle East regional arms control and security. Cambridge, Mass.: Schenkman, 1983.98 p.

22. Katz Y. Reported 3-year delay in F-35 program may impact delivery / The Jerusalem Post. URL: http://www.jpost.com/Israel/Article.aspx?id=193801&R=R2

23. Mark C.R. Israeli-United States Relationship. New York: Nova Scince Publishers Inc., 2006.

24. Raviv D. Friends in Deed: Inside the U.S.-Israeli Alliance. NewYork: Hyperion, 1994.

THE INFLUENCE OF US ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF ISRAEL

The article describes the military-industrial complex of the State of Israel: the history of its formation and current state, as well as the influence of the United States on the development of the Israeli military industry. The author considers the main stages of the militarization of Israel, the key point of which is the 1967 war (Six-Day War). From the very beginning of the existence of the young state, the creation of a strong and modern military-industrial complex was a vital goal. Since the early 1960's military ties between Israel and the United States were actively developed. Significant foundation in bilateral relations in the military sphere between the two countries is the legal basis which is strengthened by new treaties and memorandums at the present stage.

Keywords: military-industrial complex, military industry development, the USA "Weapons crisis", Israel.

References

1. Alekseeva T.A. (1993). Dilemmy bezopasnosti: amerikanskij variant [Dilemmas of secutity: American way]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. S, 16-28.

2. Antjuhova E.A. (2016). «Arabskaja vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvah Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki [Arab spring: political crises and conflicts in the Middle East and the Northern African states]. *Nacionalni interes [National interest]*. 27, 3, 147-167.

3. Baza dannyh po mirovomu importu vooruzhenij i voennoj tehniki v 2004-2014 [Database on world-wide weapons sales in 2004-2014]. URL: http://www.armstrade.org/pages/main/sub_year_2012/year_2012.pdf

4. Ezhegodnyj ob'em mirovogo jeksporta vooruzhenij i voennoj tehniki (ViVT) v 2006-2013 [Database on world-wide weapons sales in 2004-2014]. URL: http://www.armstrade.org/pages/main/

sub_year_2013/year_2013.pdf

5. Zvjagel'skaja I.D. (2012). *Istorija gosudarstva Izrail'* [*History of Israeli state*]. Moscow, 2012.

6. Karasova T.A. (2014). *Izrail' i SShA: Osnovnye jetapy stanovlenija strategicheskogo partnjorstva 1948 – 2014* [*Israel and the USA: main stages of stategic parthnership, 1948-2014*]. Moskva: Aspekt-Press.

7. Kasatkin P.I., Bobrova M.V. (2016). Razvitie koncepcii "amerikanskoj grazhdanskoj religii" [Evolution of the American civic religion]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends*]. 14, 3 (46), 81-95.

8. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. (2017). Lichnost' prezidenta kak faktor formirovanija vneshnepoliticheskoj povestki dnja SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [President's personality as a factor in US foreign policy agenda formation: some outcomes of Obama presidency]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 1, 125-135.

9. Loshkariov I.D. (2017). Resursy vlijanija pol'skoj diaspory v SShA na amerikanskuju vneshnjuju politiku [Resources of ethnic lobbying of the US Polish diaspora in the area of foreign policy]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 3 (54), 238-248.

10. Loshkariov I.D. (2017). Jevoljucija ponjatija «diaspora» v politicheskoj nauke [Evolution of "diaspora" notion in political science]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Ethnoscium and intranational culture]*. 4 (106), 70-78.

11. Mar'jasis D.A. (2002). Voenno-promyshlennyj kompleks Izrailja na rubezhe vekov [Military industry in Izrael on the edge of new century]. *Vostokovednyj sbornik [Orienal studies collection]*. Moscow: Institut izuchenija Izrailja i Blizhnego Vostoka, 221-240.

12. Morozov V.M. (2012). Izrail' i sredizemnomorskaja bezopasnost' [Izrael and the Mediterranian security]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends*]. 10, 30, 91-97.

13. Morozov V.M. (2002). Palestino-izrail'skie mirnye peregovory 1995-2001 [Palestinian-Israeli peace negotiations, 1995-2001]. *Vostokovednyj sbornik [Orienal studies collection]*. Moskva, Institut izuchenija Izrailja i Blizhnego Vostoka, 76-87.

14. Paren'kov D.A. (2016). Sohranjaj i vlastvuj: konservatizm v XXII veke [Preserve and rule: conservatism in XXII century]. *Mir cherez 100 let sbornik statej [The world in 100 years]*. Moskva. 53-58.

15. Prem'er Izrailja nazval voennuju pomoshh' SShA demonstraciej "velikoj druzhby" [Israeli premier calls US military assistance "demonstration of great friendship"]/ RIA Novosti. URL: https://ria.ru/world/20160915/1476982057.html

16. Statistika transferta vooruzhenij, 2005-2014 [Weapons transfers statistics, 2005-2014]. Stockholm International Research Institute. URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/

17. Fedorchenko A.V. (2004). *Jekonomika Izrailja* [Economics of Israel]. Moscow: Moskovskij mezhdunarodnyj institut jekonometriki, informatiki, finansov i prava.

18. Jepshtejn A. (2014). *Blizhajshie sojuzniki? Podlinnaja istorija amerikano-izrail'skih otnoshenij [Closest allies& True story of US-Israeli relations*]. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka.

19. Ben Gurion D. (1971). *Israel: A personal History*. New York: Funk and Wagnal. 378 p.

20. Cordesman A. (2004). *The Military balance in the Middle East, An Analytic Overview*. Military Expenditures and Arms Transfers, Major Arms by country and zone, and qualitative trend. Washington: Center for Strategic and International Studies. 431 p.

21. Halim A. (1983). *Middle East regional arms control and security*. Cambridge, Mass.: Schenkman.98 p.

22. Katz Y. *Reported 3-year delay in F-35 program may impact delivery* / The Jerusalem Post. URL: http://www.jpost.com/Israel/Article.aspx?id=193801&R=R2

23. Mark C.R. (2006). *Israeli-United States Relationship*. New York: Nova Scince Publishers Inc..

24. Raviv D. (1994). *Friends in Deed: Inside the U.S.-Israeli Alliance*. NewYork: Hyperion.

Об авторе

Шуминов Натан Заурович – аспирант кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: 3natan@mail.ru

Shuminov Natan Zayrovich – post-graduate student at the Oriental Studies Department Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: 3natan@mail.ru

УДК 903.2.02.(476.4)

Шуткова Н.П., кандидат исторических наук, доцент, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (Беларусь).

ИЗРАЗЦОВЫЕ ПЕЧИ ЗАМКА В СТАРОМ БЫХОВЕ ПО ПЛАНУ 1781 г.

В статье рассматриваются изразцовые печи замка в Старом Быхове по плану 1781 г. Приводятся статистические данные по количеству печей, отапливавших основные каменные постройки и пристройки к ним. В рамках типологической классификации изразцововых печей Могилевского Поднепровья печи замка в Старом Быхове представлены двумя типами. Тип 1 имеет 3 подтипа. План 1781 г. позволяет проследить расположение изразцовых печей в пространстве помещения и относительно других печей.
Ключевые слова: изразцовая печь, конструкция, замок, Старый Быхов, типология, XVIII в., план 1781 г.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-189-198

Изразцы и изразцовые печи являются важным объектом для изучения в современной археологической науке. В древности печь была основным источником тепла в холодное время года. Печи, облицованные пластинчатыми изразцами, как не раз отмечалось исследователями этого вида архитектурно-декоративной керамики, являлись также настоящими произведениями искусства, показателем социального статуса владельца [1, с. 319-348].

В данном русле интересным является рассмотрение изразцовых печей, изображенных на плане 1781 г. (Рис. 1-4), такого памятника архитектуры как замок в Старом Быхове (современный город Быхов, Могилевская область, Беларусь) [2].

Анализ изразцовых печей важен не только для понимания локальных вариантов конструкций печей. Он позволит уменьшить “белое пятно” в изучении изразцовых печей XVIII в. с территории Беларуси, поскольку этим материалам всегда уделяется значительно меньше внимания иследователей, чем хронологически более ранним материалам.

Поперечная развертка профилей замковых построек показывает разнообразие печных конструкций как по ярусности, так и по форме (Рис. 5; Рис. 6).

На втором этаже каменной главной замковой посройки, согласно с планом, небольшая печь отапливала помещение *“A”* (*“залъ, где ныне штатной команды цеіхаузь”*[1]) (Рис. 2; Рис. 5:1-2). Она располагалась почти по середине смежной с помещением *“C”* стеной. На плане есть ее прорисовка (профиль 1´´) (Рис. 5:1-2). Печь достаточно простая па конструкции, не раздзелена на ярусы карнизными изразцами. Дополнительно выделены углы печи, имеющие не прямоугольную форму, что можно считать показателем использования угловых изразцов, а не угловых форм стенных изразцов. Верх печи обрамлен коронками без фигурного завершения или перевернутыми двухчастными карнизами (двухчасный в том значении, что лицевая пластина изделия визуально делится на две части: верхнюю более узкую без дополнительного объема и нижнюю с закруглением пластины; перевернутый используется в следующем значении: традиционно карнизные двухчастные изразцы употреблялись в печном наборе в основании, между ярусами, в случае использования в качестве коронки изразцы ствили узкой плоской частью вниз, чтобы завершение печи выглядело более эффектно). Устье печи по форме близко полуцилиндру.

В помещениях *“C”* (“*покой в которомъ ныне каменданскои канцеляріи караулня*”), *“D”* (“*покои в которомь ныне комендантская канцелярія*”), “E” (“*покои где ныне уездное казначеиство*”), обоих помещениях *“H”* (*“два покоя в которихь ныне уезднои судъ”*), *“K” (“покои в которомь ныне присудствие нижняго земскаго суди”*) показаны прорисовки сразу двух печей в одном помещении (Рис. 2; Рис. 7:1-6). Они значительно отличаются своими размерами. В помещениях *“C”, “D”, “H”* (только в одном), *“K”* конструкции обеих печей были смещены к одному из углов. Причем, наблюдается некоторая закономерность: большая по размерам печь всегда

[1] Все названия помещений в публикации даны согласно названиям, используемым на плане 1781 г.

находилась в самом или почти самом углу помещения, левее от нее располагалась печь меньшая по своим размерам. Близкое их расположение объясняется использованием одного выводного дымового канала. Наличие одновременно двух печей в одном помещении объяснить сложнее. Возможно это обусловлено определенным количества тепла необходимым для обогрева помещения с учетом погодных условий (три варианта использования: топили только маленькую печь; топили только большую печь; топили обе печи одновременно). В помещениях *"E"* и *"H"* (только в одном) печи стояли отдельно, что можно связать с тем, что к каждому из них примыкал вход в башню. Рядом с входом в башню в обоих случаях располагалась большая по размерам печь. Особенностью помещения *"H"*, является наличие отдельного помещения *"O"* (*"сенцы для топленія печй"*) для топки большей по размерам печи (Рис. 2; Рис. 7:2).

На плане есть прорисовка большей по своим размерам печи помещения *"E"* (профиль 3´´) (Рис. 2; Рис. 6:2). Ее конструкцию можно разделить на две условные части. Первая – это топочная часть с устьем и двумя ярусами. Она примыкает к стене помещения. Первый ярус с устьем расположен на своего рода подставке и отделяется от второго яруса карнизными двухчастными изразцами. Завершает второй ярус ряд из карнизных двухчастных перевернутых изразцов, что акцентировано на рисунке. Оба яруса посвоей высоте совпадают с первыми двумя ярусами трехъярусной части печи. Отличает эту часть отсутствие прорисованной основы для печи, между вторым и третьим ярусами карнизные двухчастные изразцы не перевернуты. Третий ярус завершается сочетанием пояскового изразца с двухчастным перепернутым карнизом или сложнопрофилированным карнизом.

Помещения "*L*" (*"покои в которомь ныне писменная земськаго нижняго суда"*), "*N*" (*"два покоя в которыхь ныне дворянская опека"*) отапливались одной печью каждый (Рис. 2; Рис. 7:7). На плане видно, что топочные устья выходят в помещение *"M"* (*"сени"*), причем, они не соединяются в одно. Каждая печь имеет отдельное топочное устье.

Отличается печь помещения "*g*" (*"сени ивооныхь для сходу внизь"*) (Рис. 2; Рис. 7:6). Она могла быть продолжением печи помещения "*H*" (*"два покоя в которихь ныне уезднои судъ"*) из-за наличия общего топочного канала. Однако, значительные ее размеры, а не только выход топочного устья, как в других случаях, позволяет говорить о наличии двух печных конструкций.

В помещениях деревянной пристройки *"Q"* (*"деревянная на каменномь фундаменте на валу связь. Где ныне баталіонная канцелярія"*) насчитывается 2 печи (Рис. 2; Рис. 7:8).

Таким образом, согласно плана 1871 г. второй этаж замка в Старом Быхове отапливали 17 печей и 2 печи были распожены в деревянной пристройке.

Не было изразцовых печей в помещении *"B"* (*"сени"*), *"P"* (*"Гальлерія"*), "*F*" (*"бывшеи костель ныне назначенное присудствие"*), "J" ("*угловая или назывваемая ламборская башня. ныне архивь уезднаго суда*").

Первый этаж каменной главной замковой постройки от второго этажа отличает значительно меньшее количество изразцовых печей (Рис. 1). Их насчитывается всего 7. Две печи разные по конструкции располагались в двух помещениях из пяти под условным обозначением буквой *"R"* (*"покои в коихь нынть баталионнои и.з. 4 и 5. Роть цеихаузы и неболшая пороховая казна содержитца"*) (Рис. 1; Рис. 5:5-6; Рис. 6:3). Первая печь – одноярусная по своей конструкции со скошенным углом (Рис. 5:5-6). Не прорисована подставка для печной конструкции. Верх печи, возможно, был облицован небольшим перевернутым карнизом. Устье печи по форме близко к полуцилиндру. Вторая печь – значитьно более сложная по своей конструкции (Рис. 6:3). Она состоит из подставки для печной конструкции и трех ярусов стенных изразцов, разделенных рядами карнизных изразцов. Верх печи облицован рядом перевернутых карнизных изразцов и ряда коронок над ним. Таким образом, печь – трехъярусная.

По одной печи было в помещениях *"S"* (*"сени"*), *"J"* (*"покои в которомь ныне баталионныхь 1 и 2 роть цеихаузы"*) и одном из помещений под условной буквой *"W"* (*"два покоя в которыхь ныне правиантьснои мага-*

зеинь авотделеннь камендантской буфеть"). Две печи – в одном помещении под условной буквой *"W"*. Оставшиеся помещения печей не имели (Рис. 1).

Крупный комплекс печей прорисован на деревянном на каменном фундаменте плана *"комендантскаго дому"* в помещениях под условной буквой *"o"* (*"деревянная на каменномь фундаменте свясь. Где рителство или есть комендантъ"*) (Рис. 4; Рис. 8:3).

Конструкции печей из помещений под условным обозначением *"p"* (*"деревянная на каменномь фундаменте свясь. ныне во оной комендантскіе службы а в воное подлетерою, а правиантскои магазеинь"*) сложно отнести к комплексу изразцовых печей из-за их формы и очень больших размеров конструкций. Поэтому они рассматриваться не будудт.

Девять печей прорисованы на плане каменного флигеля в его жилых помещениях и одна в помещении над въздными воротами (Рис. 3; Рис. 9). Одна печь из жилого помещения флигеля есть на прорисовке профиля №3 (Рис. 6:1). Для печи характерно то, что топочная камера с большей частью дымоотвода примыкает к стене в углу помещения. Основная часть изразцовой печи отступает от стены помещения. Печь двухъярусная. Она имеет подставку (основу), толщина которой немного больше размеров карнизных изразцов. На основу выложены карнизные двучастные изразцы, которые также делят печь на два прямоугольные яруса. Их перевернутый вариант завершает верх печи, выполняя фунцию коронок.

Не стандартную конструкцию имеет печь из помещения над воротами (прорисовка профиля №4). Печ двухъярусная (Рис. 3; Рис. 5:7-8). На профиле видна основа для печи на которую поставлен ряд карнизных двухчастных изразцов. Затем идет прямоугольный ярус из стенных изразцов с карнизными двухчастными изразцами над ним. Второй ярус имеет сложно профилированную форму с рядом карнизных двухчастных изразцов над ним.

Краткий анализ изразцовых печей плана 1781 г. отражает разнообразие печных конструкций, их расположения в пространстве помещения, количество печей в одном помещении. Согласно с типологической классификацией изразцов Могилевского Поднепровья печи замка в Старом Быхове представлены двумя типами [3, с. 3, 11-14]. На плане отмечены прорисовки печей, которые по форме яруса или всей конструкции приближены к прямоугольнику (тип 1) (Рис. 5:1-6; Рис. 6:1-3), и печей, имевших ярус по форме близкий к цилиндру (тип 2) (Рис. 5:7-8). Тип 1 возможно разделить на 3 подтипа.

Подтип 1 (Рис. 5:1-4). Это печи, имеющие один ярус с прямыми или фигурными углами (в данном случае хорошо прослеживается использование угловых изразцов), устьем по форме близким к полуцилиндру. Отличаются они своими размерами. Особеннность расположения таких печей в том, что ни одна из них не располагалась в самом углу помещения. Печи подипа имеют следующее соотношение: на втором этаже замка насчитывается 8 печей (из 17); на первом – 4 (из 7); в каменном флигиле – 3 (из 10); в деревянной пристройке (одно из помещений "*o*") – 1 (из 5). Остальные постройки печей подтипа 1 не имеют. Таким образом, согласно плана 1781 г. в замке и замковых постройках функционировало 16 изразцовых печей подтипа 1.

Подтип 2 (Рис. 5:5-6). Представлен только одной печью. Она одноярусная, со скошенной боковой стенкой (по форме напоминает ромб, с устьем близким к полуцилиндру. Располагалась печь на первом этаже замка (помещение "R").

Подтип 3 (Рис. 6:1-3). Относятся печи с двумя и более ярусами стенных изразцов, разделенных карнизными изразцами. Топочные устья имели форму близкую к полуцилиндру. Выделены два типа расположения основного "тела" печи и топочной части:

1. оба в одном помещении;
2. основное тело в одном помещении, топочная часть в соседнем.

Следует отметить, что нельзя сделать точный подсчет печей типа 1, подтипа 3, поскольку по своему изображению на плане они подобны изображению печей типа 2. В связи с этим, можно только отметить, что количество печей типа 1, подтипа 3 и, возможно, типа 2 на втором этаже замка составляет 9 (из 17), на первом этаже – 2 (из 7), в каменном флигеле с помещением над въездными воротами – 6 (из 10), деревянной постройке "Q" – 2 (из 2), деревянной пристройке "o" – 3 (из 5) (Рис. 7-9).

Две печи из помещения "*к*" ("*кухня*") каменного флигеля и одного помещения "*o*" очень похожи по двум показателям: близки по форме

к квадрату и расположены по среди помещения, почти в центре двух достаточно больших печных комплексов (Рис. 8:3; Рис. 9:6).

Таким образом, благодаря плану 1781 г. стало возможным не только подсчитать количество печей, отапливавших замок, но и определить их типологию по особенностям конструкции, проследить расположение в пространстве помещения и относительно других печей.

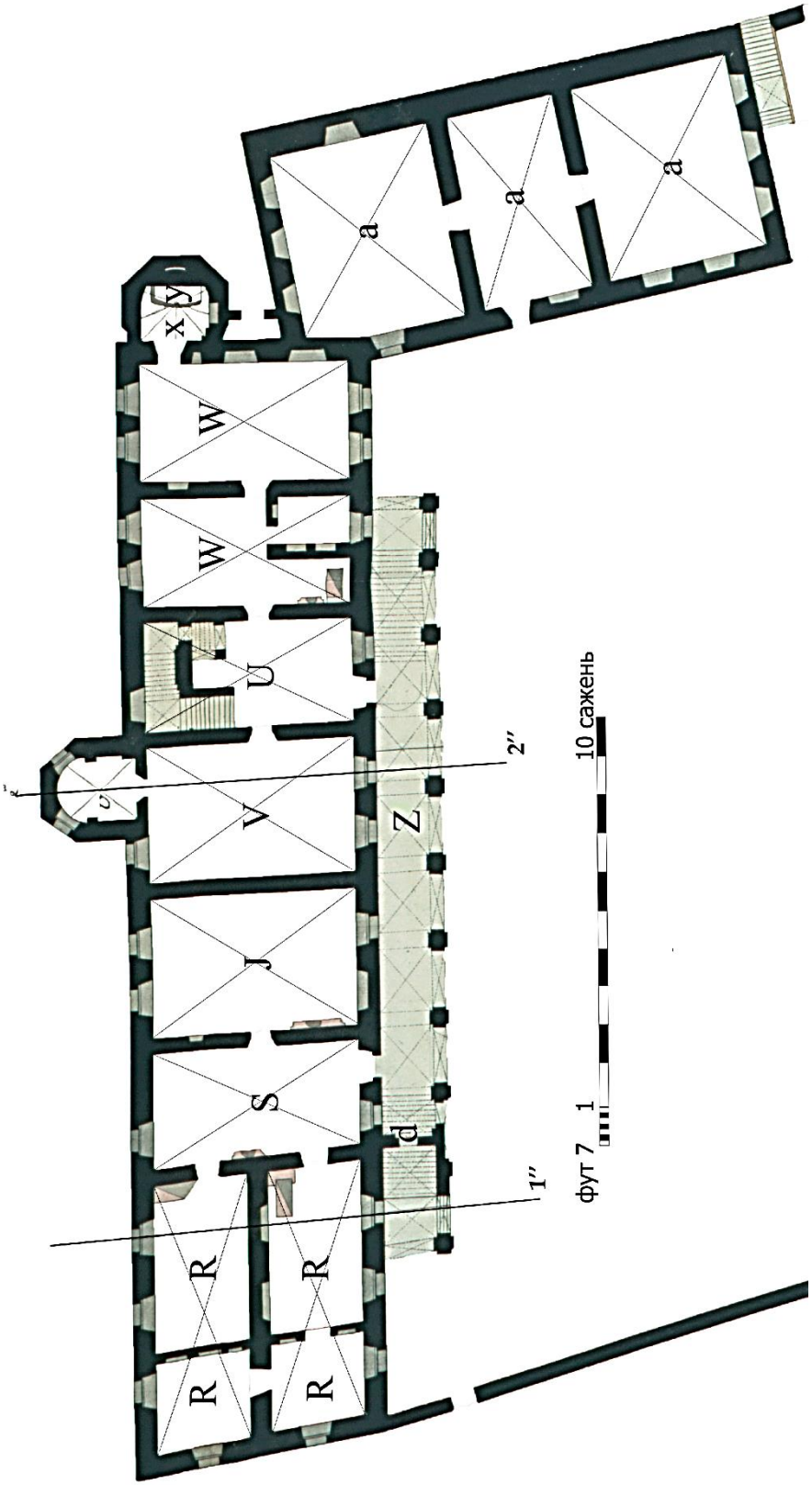


Рис. 1. Первый этаж замка в Старом Быхове (фрагмент плана 1781 г.)

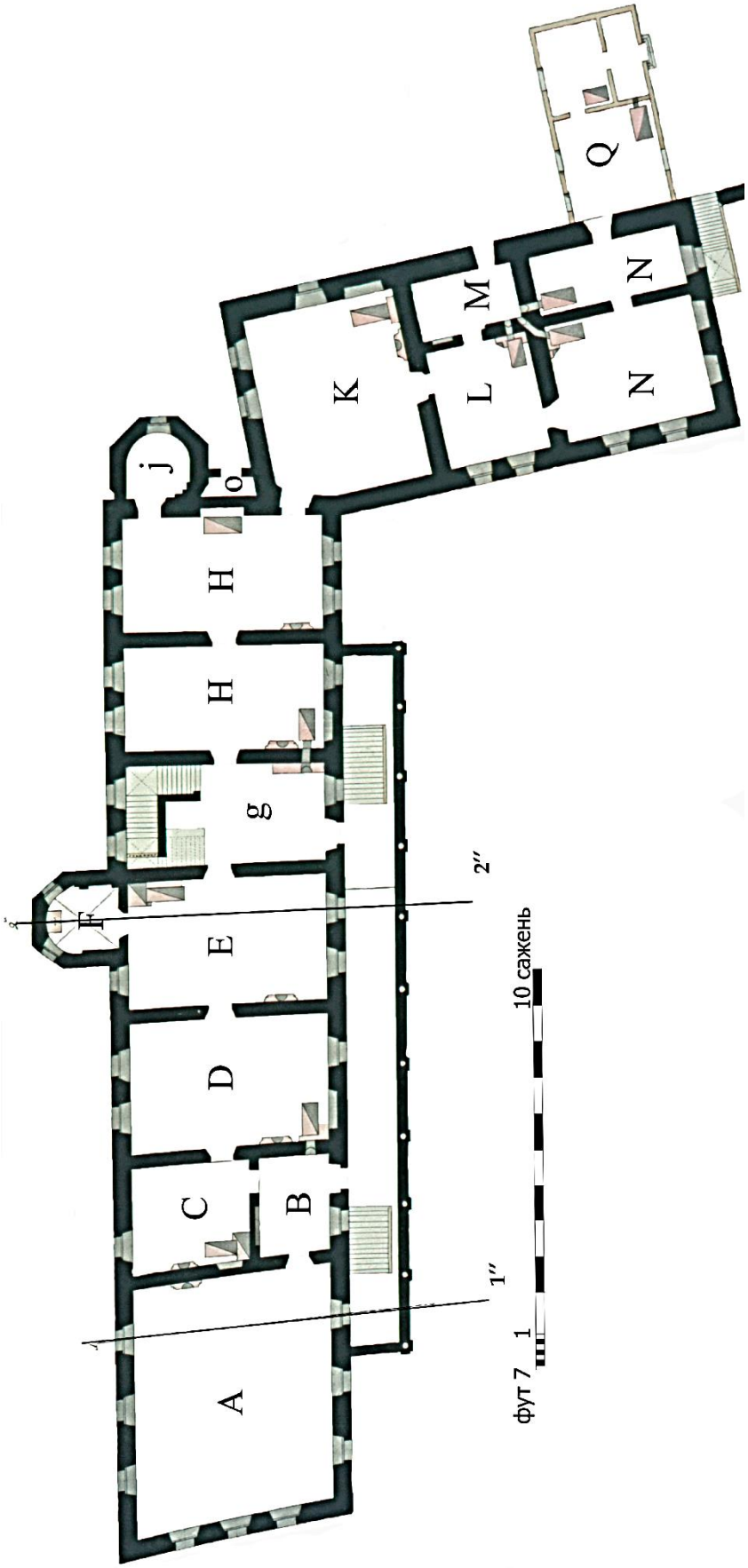


Рис. 2. Второй этаж замка в Старом Быхове (фрагмент плана 1781 г.)

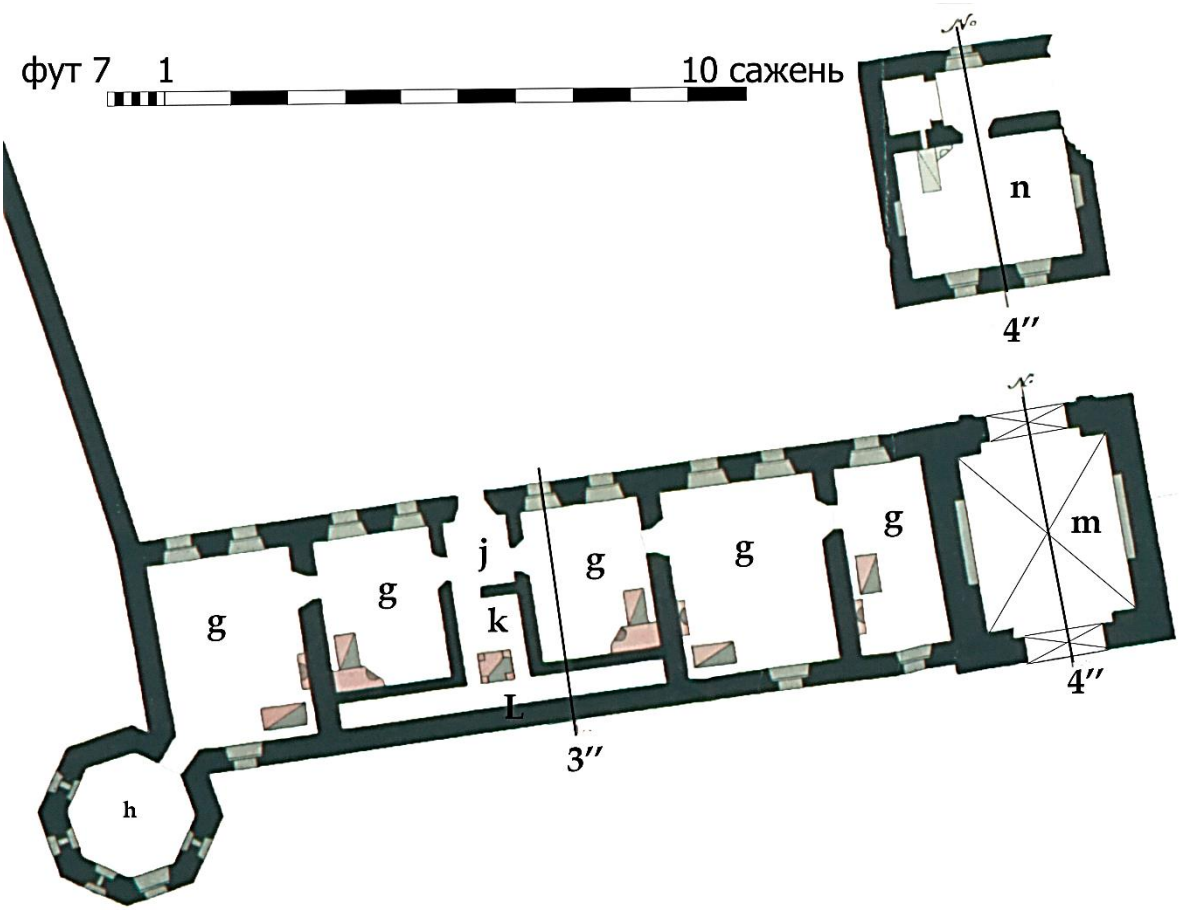


Рис. 3. Флигель (3”) и постройка (4”) между башней и воротами флигеля замка в Старом Быхове (фрагмент плана 1781 г.)

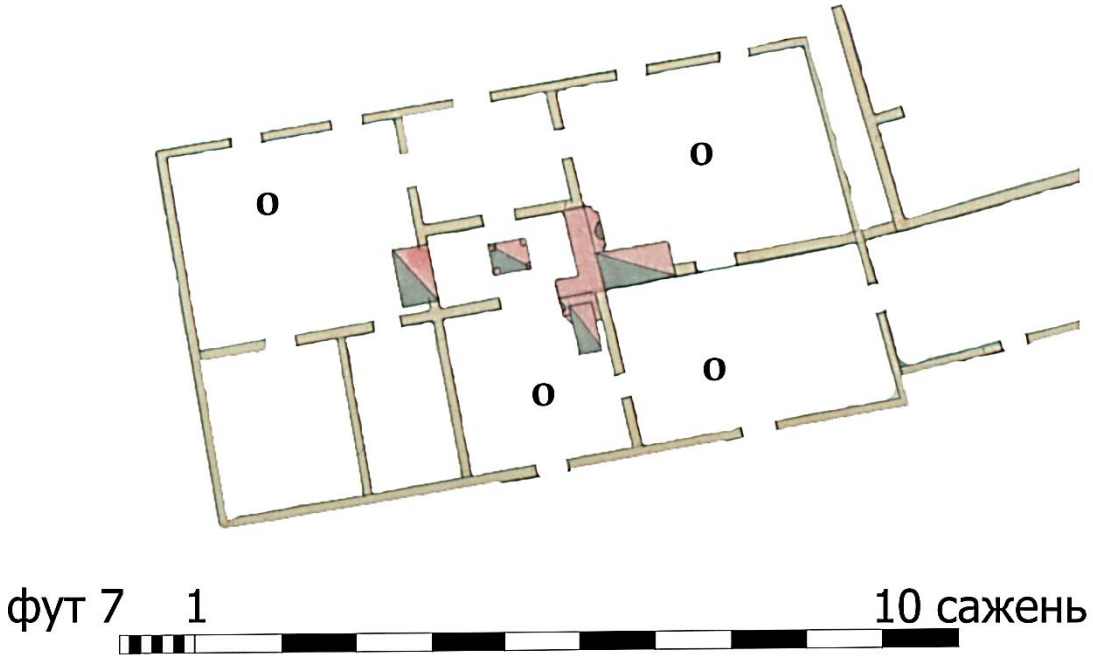


Рис. 4. Деревянноя пристройка к замку в Старом Быхове (фрагмент плана 1781 г.)

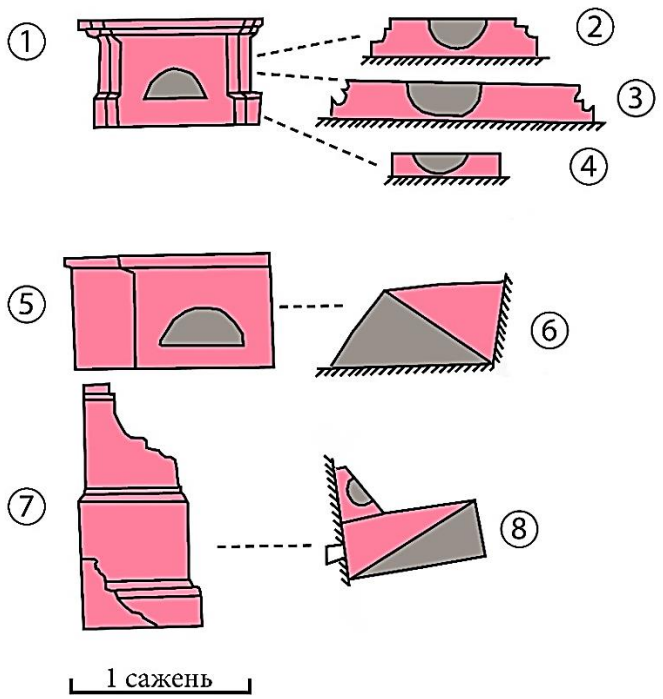


Рис. 5. 1 – конструкция печи из помещения “A”; 2-4 – варианты обозначения печей с конструкцией близкой к №1; 5 – конструкция печи из помещения “R”; 6 – обозначение печи из помещения “R” на плане; 7 – конструкция печи второго этажа въездных ворот; 8 – срез печи второго этажа въездных ворот.

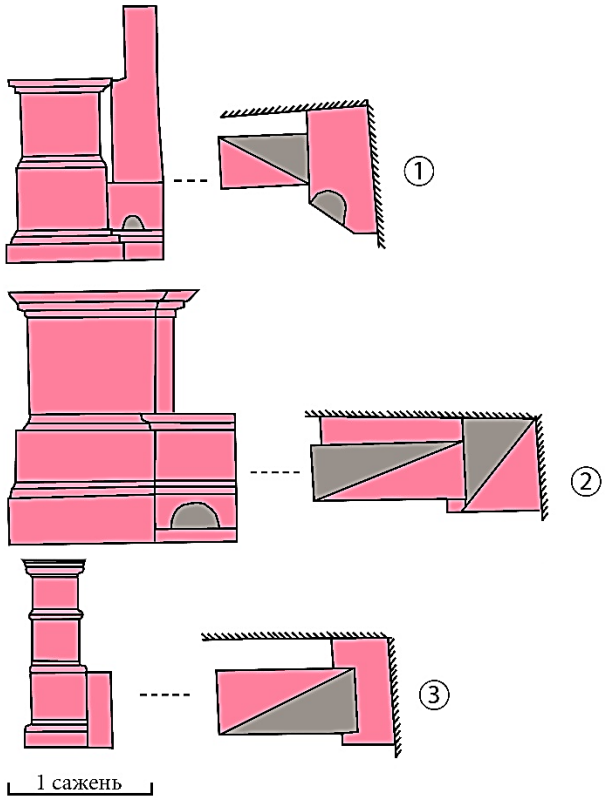


Рис. 6. 1 – конструкция печи из помещения “g” каменного флигеля; 2 – конструкция печи из помещения “E”; 3 – конструкция печи из помещения “R”.

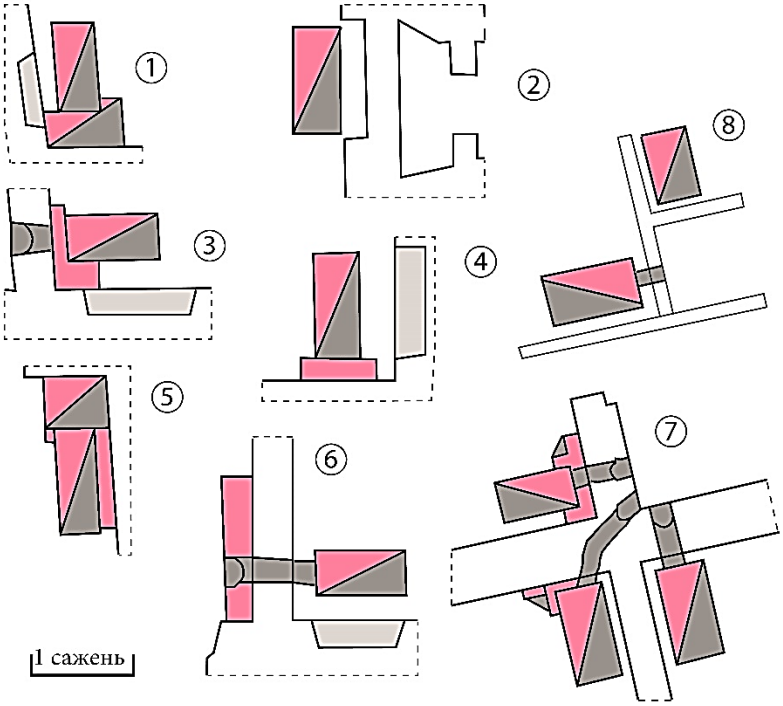


Рис. 7. 1 – срез печи помещения “C”; 2 – срез печи помещения “H”; 3 – срез печи помещения “D”; 4 – срез печи помещения “K”; 5 – срез печи помещения “E”; 6 – срез печи помещения “H”; 7 – срез печи помещений “L” и двух помещений “N”, топочное которых выходит в одно помещение “M”.

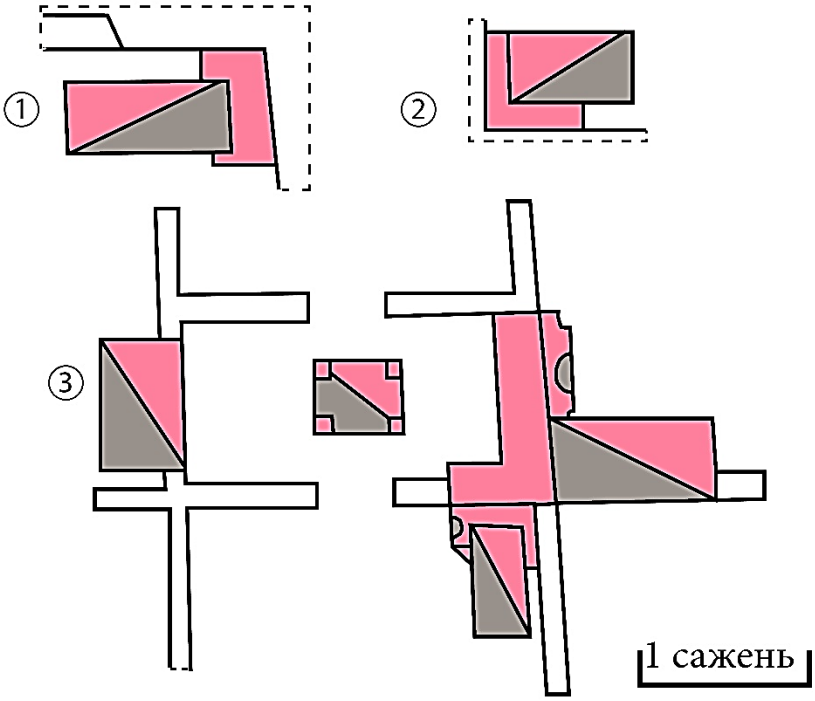


Рис. 8. 1 – срез печи помещения “R”; 2 – срез печи помещения “W”; 3 – срез комплекса печей из помещений “o” деревянной пристройки.

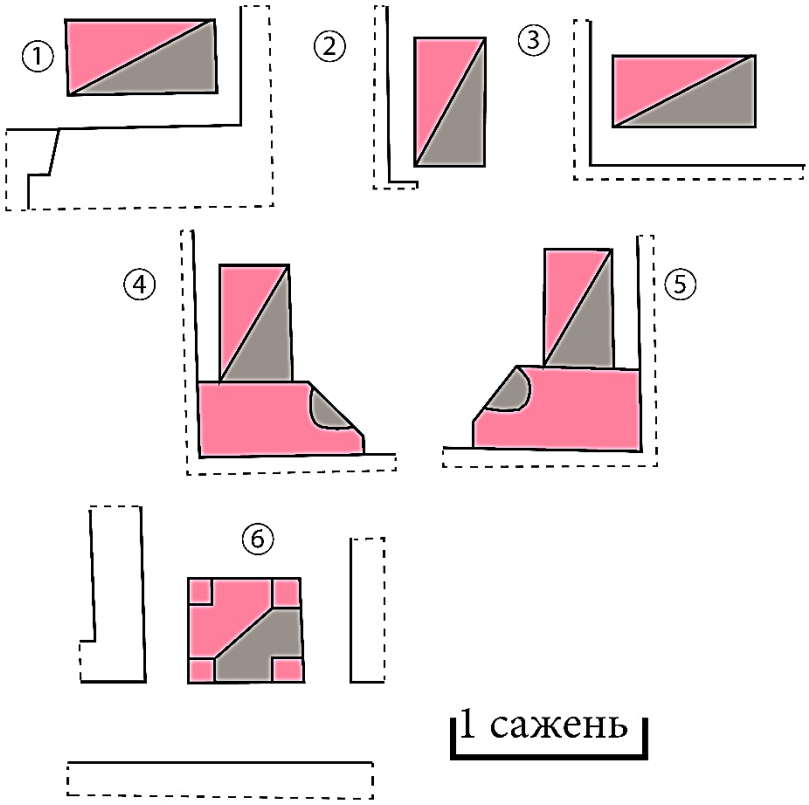


Рис. 9. 1-5 – срез печей помещений “g” каменного флигеля; 2 – срез печи помещения “к” каменного флигеля.

Список литературы

1. Заяц Ю.А. Кафля і кафляныя печы / Археалогія Беларусі: У 4 Т. / Под науч. ред. Лысенко П.Ф. – Т4: Помнікі XIV-XVIII стст. - Мн.: Бел. Навука, 2001. – С. 319-348.

2. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 349, опись 5, дело 218, лист 1.

3. Шуткова Н.П. Изразцовые печные наборы XV – XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья и Посожья (технология изготовления, типология, хронология). Автореф. на соискание ученой степени канд. ист. Наук по специальности 07.00.06 – Археология. / Н.П. Шуткова. Могилев, 2017 – 23 с.

THE TILED STOVES OF THE CASTLE IN OLD BYKHOV ACCORDING TO THE PLAN OF 1781

The article deals with the tiled stoves of the castle in Old Bykhov according to the plan of 1781. The statistical data on the number of the tiled stoves that have heated the main stone buildings and extensions to it are given. Within the typological classification of the tiled stoves of Mogilev Dnieper region, the tiled stoves in Old Bykhov are represented by two types. Type 1 has 3 subtypes. The plan of 1781 allows to trace the arrangement of the tiled stoves in the space of the room and relative to other tiled stoves.

Keywords: tiled stoves, structure, castle, Old Bykhov, typology, XVIII century, plan of 1781

References

1. Zayats YU.A. Kaflya í kaflyanyya pechy / Arkhealogíya Belarusí: U 4 T. / Pod nauch. red. Lysenko P.F. – T4: Pomníkí XIV-XVIII stst. - Mn.: Bel. Navuka, 2001. – S. 319-348.

2. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv. Fond 349, opis' 5, delo 218, list 1.

3. Shutkova N.P. Izraztsovyye pechnyye nabory XV – XVIII vv. s territorii Mogilevskogo Podneprov'ya i Posozh'ya (tekhnologiya izgotovleniya, tipologiya, khronologiya). Avtoref. na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. Nauk po spetsial'nosti 07.00.06 – Arkheologiya. / N.P. Shutkova. Mogilev, 2017 – 23 s.

Об авторе

Шуткова Надежда Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истори, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (Беларусь), E-mail: nadin-shutkova@mail.ru

Shutkova Nadezda Petrovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of world history, Mogilev State A. Kuleshov University (Belarus), E-mail: nadin-shutkova@mail.ru

УДК 330.3

Глушак Н.В., доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Глушак О.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ СФЕРЫ

В настоящей статье развиваются современные научные представления об эконометрической интерпретации инновационной деятельности и формирование когнитивной модели инновационно-инвестиционного процесса. Предложения основаны на сформированном статистическом эксперименте, моделирующем формирование доходности инвестиций в инновационном цикле. Результатом научного анализа определяется когнитивная экономическая модель инновационного процесса.
Ключевые слова: экономика, инновации, инвестиции, когнитивная модель.

Актуальность данного вопроса обусловлена наступлением новой формации – экономики знаний (цифровой экономики, сетевой экономики). Это можно наблюдать и через общее число научных публикаций и открытых дискуссий по данному вопросу. Наиболее полные компиляционные представления об экономике инновационной деятельности представлены в работах А.А. Алексеева, А.И. Грищенкова, К.Э. Свейби, М. Малоне, Г.Г. Азгальдова, Н.Н. Карповой, С.М. Климова, Г.В. Бромберга, Э. Брукинг, Е. Мота, Л. Эдвинссона, М. Малоне, Р. Каплана, Д. Нортона, С.А. Смирнова, С.В. Валдайцева, А. Шермана, E. Rogers и многие другие. Вместе с тем, анализ современных научных взглядов на обсуждаемый вопрос показывает отсутствие академической законченности его обсуждения. В контексте исследуемой проблемы есть ряд сложностей теоретического и практического плана, не позволяющих использовать предлагаемые модели без уточнения и актуализации:

1. Теоретические:

1.1. Предлагаемые переменные не обоснованы через корреляционные отношения, модели не детерминированы по факторам влияния;

1.2. Как правило, в модель включаются показатели только инновационной деятельности, без учёта общих экономических и инвестиционных факторов;

2. Практические:

2.1. Национальные стандарты учёта инновационной деятельности опираются на различные показатели, а согласительные международные подходы (Осло, OECD, WEF) редуцированы по числу переменных до уровня сопоставимости только с 32-мя экономически развитыми странами;

2.2. Российская система учёта инновационной деятельности не включает в себя показатели экономического состояния и инвестиционных перспектив отраслей.

Выражение экономической специфики сектора высоких технологий должно опираться на базовую модель инновационной деятельности, которую и необходимо формализовать в рамках настоящего раздела. Исходя из поставленной цели, следует обозначить следующую последовательность задач:

1. Формализовать исходные переменные, в формах и бланках учёта Федеральной службы государственной статистики и интерпретировать их применительно к единичному инновационному процессу (циклу, деятельности).

2. Сформировать исследовательский эксперимент, направленный на моделирование механизмов формирования доходности инвестиций в инновационной сфере.

3. Разработать когнитивную экономическую модель инновационного процесса как формализованный базис описания переменных и индексов высокотехнологичной сферы.

Итак, переходя к решению задач в рамках статьи следует в начале решить задачу уточнения фаз и переменных инновационного процесса. В этом контексте разовьём предложение, ранее обсуждавшееся многими

учёными, но не нашедшее своего воплощения в законченной модели. «…Инвестиционная деятельность первична по отношению к инновационной практике предприятий» [1]. Инновационный процесс следует рассматривать с позиции портфельного инвестора, который инвариантен наукоемкости или уровня технологичности объекта инвестирования как самостоятельных факторов. В рамках этого положения исследуется экономическое содержание инновационной деятельности. С позиции финансирования объективно выделяются фазы инновационных процессов: пред- инвестиционная и инвестиционная, переход между которыми и рассматривать как трансфер технологии (рисунок 1).

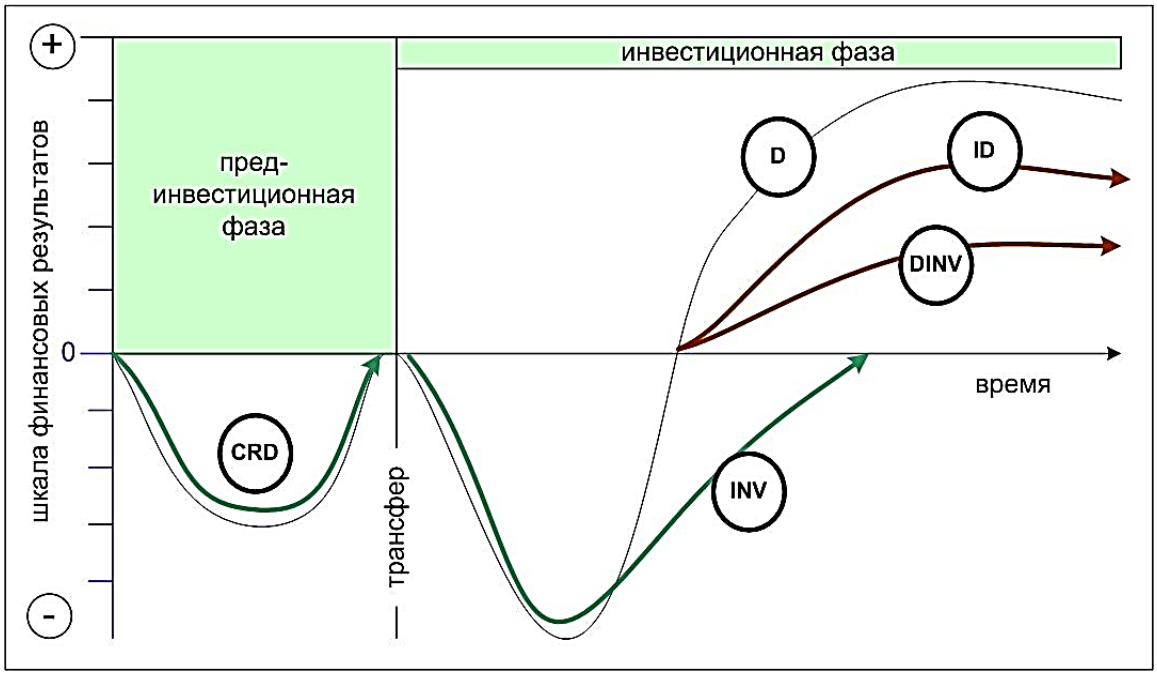


Рис. 1. Логика выделения фаз и переменных инновационного процесса (обозначения по таблице 1)

По объективно наблюдаемым процессам портфельный инвестор, как правило, не финансирует НИОКР (пред- инвестиционная фаза), он вкладывает финансовые активы только в производственное тиражирование и дистрибуцию новшества. При этом затраты на НИОКР (CRD, рисунок 1, таблица 1) могут войти в сумму затрат всего процесса в целом, если они привязаны к конкретному субъекту предпринимательства, а не к фундаментальным исследованиям отрасли в рамках инновационного цикла. То есть, ключевым, целевым показателем экономической деятельности с позиции инвестора определяется «доход от инвестиционной деятельности» (DINV, рисунок 1, таблица 1).

Максимизация данного показателя определяется как цель управления инновационной деятельностью. Очевидно, что в свою очередь эффективность инвестиционного процесса рассматривается на встречном показателе объёма инвестиционного потока (INV), который в совокупности с затратами на НИОКР (CRD), обнаруживается (рисунок 1) как отрицательный денежный поток. Положительный денежный поток, результирующий (DINV), структурируется через вал доходности от реализации продуктов и услуг (D). Причём, важным определяется доля входящего потока, относимая на инновационные продукты и услуги (ID), поскольку именно данный поток формирует конкурентоспособность субъекта предпринимателя.

Предложенная в вышеприведённом контексте логика инновационных процессов, их структура, выраженная 5-ю объективными статистическими показателями (таблица 1) формализует эконометрический базис синтезируемой модели. Возможность его использования в национальной экономике высокотехнологичной сферы обусловлена выраженной логикой переменных и привязкой к в формам и бланкам учёта Федеральной службы государственной статистики, таблица 1. Следует обратить внимание, что 5 введённых базовых переменных

находятся в различных бланках статистического учёта Российской Федерации, то есть 3 переменные формально не относятся к инновационной деятельности. Дальнейший контекст синтеза модели обосновывает правоту в отношении расширения состава переменных инновационной деятельности и позволяет сделать предложение о соответствующем развитии нормативных документов.

Таблица 1.

Переменные инновационно – инвестиционной деятельности

Обозн.	Переменная	Логика переменной	Исходная переменная, в формах и бланках учёта Федеральной службы государственной статистики
CRD	Затраты НИОКР.	Совокупность затрат на научно- исследовательские и опытно-конструкторские (опытно-технологические) работы, включая затраты на приобретение экспериментального и лабораторного оборудования, прямые и косвенные расходы исследовательских коллективов, учреждений и сферы обеспечения научно-изыскательских процессов. Формально это полный круг затрат на формирование инновационных и продуктовых решений.	Выполненный объем работ научными организациями. Раздел ЦБСД: наука и инновации.
ID	Выручка от инновационной деятельности.	Совокупный доход, полученный участниками инновационно – инвестиционного процесса от реализации продуктового нововведения или выпуска старой продукции на базе нового технологического решения (процессные нововведения).	Объем отгруженной инновационной продукции, работ, услуг. Раздел ЦБСД: основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики
D	Выручка.	Валовой доход, полученный субъектами хозяйственной деятельности в рамках выделенной отрасли, включающий выручку от инновационной и инвестиционной деятельности (не структурированное включение).	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей) по «хозяйственным» видам деятельности. Раздел ЦБСД: финансы организаций.
INV	Объем инвестиций.	Совокупные инвестиции субъектов хозяйственной деятельности в рамках выделенной отрасли, включающие затраты на приобретение технологии, оборудования и оснащение процесса, необходимые здания и сооружения, формирование прямых и косвенных затрат первичного цикла (до самоокупаемости), направленные на массовое тиражирование продукции.	Направлено денежных средств по инвестиционной деятельности, всего, тысяча рублей (организации, не относящиеся к субъектам малого предпринимательства, средняя численность работников которых превышает 15 человек). Раздел ЦБСД: финансы организаций.
DINV	Доход от инвестиционной деятельности.	Доход, полученный субъектами хозяйственной деятельности в рамках выделенной отрасли, включающие все виды поступлений от реализации продукции, услуг, вторичной франшизы (продажа патентов), сформированных на базе ресурсов предприятий, приобретённых в результате инвестиционной деятельности.	Поступило денежных средств от инвестиционной деятельности (организации, не относящиеся к субъектам малого предпринимательства, средняя численность работников которых превышает 15 человек). Раздел ЦБСД: финансы организаций.

Переходя ко второй задаче, формируется статистический эксперимент, направленный на моделирование механизмов формирования доходности инвестиций в инновационной сфере. Целью эксперимента являлось определение факторов влияния на целевой показатель доходности инвестиций (DINV). Соответственно, выбрано 28 гипотетических переменных, как традиционно используемых в инвестиционном анализе, мониторинге инновационной деятельности [3], так и синтезированных индексов в рамках обсуждаемой парадигмы о научно-техническом развитии. По данным переменным были получены сопоставимые статистические данные за 2016 год (таблица 3) сгруппированные по видам деятельности (ОКВЭД, понимаемые как отрасли). А индексы рассчитаны (формула 1) по исходному статистическому массиву переменных (таблица 3). Далее к полученному массиву данных был применен метод кросс корреляционного анализа, с целью расчёта коэффициентов корреляции и

детерминации каждой пары переменных и индексов. Полученные значения коэффициентов корреляции (сведённые в таблицу 4) превышающее 0,6 (значимая связь по шкале Чеддока) определены как выражающие взаимосвязи переменных.

Итак, рассмотрим квинтэссенцию эксперимента, наиболее значимые моменты его реализации и полученные эконометрические отношения. Важно отметить, что в отношении 5-ти базовых переменных (таблица 1) показали свою взаимосвязь 6 индексов, принципы эконометрической интерпретации которых представлены в нижеприведённой формуле 1, а логика отражения инвестиционной и инновационной деятельности в таблице 2.

$$\left| \begin{array}{l} IA = INV \div D \\ K = ID \div DINV \\ II = DINV \div INV \\ S = CRD \div D \\ SI = CRD \div ID \\ I = ID \div D \end{array} \right. , \qquad (1)$$

Таблица 2.

Индексы, включённые в исследовательский эксперимент

Обозн.	Индекс	Логика индекса
Стандартные, принятые в инновационно-инвестиционной деятельности.		
IA	Инвестиционная активность	Доля инвестиций (реинвестиций, привлечённых) в выручке хозяйствующего субъекта (объединения), агрегированной исследуемой группы. Демонстрирует активность, стремление к развитию активов, расширению сферы деятельности или влияния на рынок субъекта. Стандартный индекс, часто также интерпретируемый как уровень инвестиционной привлекательности отрасли, сферы размещения капитала.
II	Доход на вложенный капитал	Доход от предпринимательской деятельности в пропорции к объёму инвестиций (investment income), локализованный как их результат. Стандартный показатель эффективности отраслевой или портфельной инвестиционной деятельности.
S	Наукоемкость.	Доля затрат на прикладные (научно-исследовательские и опытно-конструкторские) работы в структуре выручки. Стандартный показатель OECD [10], выражающий необходимый уровень научных исследований для разработки продукта или технологии в рамках конкретных проекта, отрасли или комплекса.
I	Инновационность	Доля инновационной продукции в выручке. Характеризует относительный уровень конкурентоспособности объектов сравнения (для инновационных экономик). Стандартный показатель инновационной практики - принимается как одна из ключевых характеристик на всех уровнях агрегирования.
Индексы, синтезированные автором		
SI	Наукоемкость инновационной деятельности.	Доля затрат на НИОКР относительно выручки от инновационной деятельности. Показатель, впервые предложенный автором в исследовательском эксперименте.
K	Объем инновационной выручки в доходности инвестиций	Доля выручки от инновационной продукции в инвестиционном доходе. Выражает долю инвестиционной выручки, приходящейся на результат от выпуска морально новой продукции или внедрения новых технологий (процессные решения).

Необходимо отметить, что автор синтезировал 2 новых (ранее не использовавшихся) в экономике инновационной деятельности индекса. Хотя их логика вполне очевидна (таблица 2), прокомментируем их аналитические и мониторинговые возможности, тем более что они в дальнейшем показали себя как важные признаки высокотехнологичных отраслей. Первый – индекс наукоемкости инновационной деятельности (SI), выражающий долю затрат на НИОКР в структуре только инновационной доходности. Автором индекс видится более корректным, чем классический – наукоёмкость (S) OECD, в силу соотнесения объективно связанных и однородных переменных – затрат на НИОКР и выручки от инновационной деятельности. Второй – индекс выручки от инновационной продукции в инвестиционном доходе (К). Он характеризует степень использования инвестиционных активов в формировании именно морально новой (инновационной) продукции.

Таблица 3.

Структура исходных первичных данных исследовательского эксперимента

	Первичные переменные (таблица 1), млн. руб.					Индексы (таблица 2)					
	CRD	ID	D	INV	DINV	IA	K	II	S	SI	I
C	97,0	119530,0	4646976,8	3443098,5	2356817,7	74,1%	5,1%	68,5%	0,0021%	0,08%	2,57%
D	37309,4	653625,5	13048933,4	6200867,7	3736807,8	47,5%	17,5%	60,3%	0,2859%	5,71%	5,01%
DA	174,0	88717,7	2530949,4	584086,0	437542,6	23,1%	20,3%	74,9%	0,0069%	0,20%	3,51%
DB	17,9	3013,0	143330,6	12348,4	5626,4	8,6%	53,6%	45,6%	0,0125%	0,59%	2,10%
DE	55,6	7535,9	457616,9	130724,9	71137,0	28,6%	10,6%	54,4%	0,0121%	0,74%	1,65%
DG	833,7	85986,5	967430,9	440600,1	322061,2	45,5%	26,7%	73,1%	0,0862%	0,97%	8,89%
DH	121,8	14915,3	328522,4	52572,7	34831,8	16,0%	42,8%	66,3%	0,0371%	0,82%	4,54%
DI	4,8	11316,5	664008,8	170267,4	115768,7	25,6%	9,8%	68,0%	0,0007%	0,04%	1,70%
DJ	656,4	113481,1	2304135,3	914819,2	609160,4	39,7%	18,6%	66,6%	0,0285%	0,58%	4,93%
DL	13189,1	53561,6	693485,7	75591,9	105761,7	10,9%	50,6%	139,9%	1,9019%	24,62%	7,72%
DM	10663,3	153007,6	1102381,1	358228,0	287363,9	32,5%	53,2%	80,2%	0,9673%	6,97%	13,88%
E	10,1	34406,2	2881912,0	1919515,1	1344952,2	66,6%	2,6%	70,1%	0,0003%	0,03%	1,19%

Таблица 4.

Матрица кросс корреляции переменных и индексов исследования

	ID	D	INV	DINV	IA	K	II	S	SI	I
CRD	0,916**	0,812**	0,713**	0,677*	0,055	0,127	0,184	0,404	0,461	0,319
ID	1,000	0,948**	0,872**	0,843**	0,302	0,122	0,094	0,067	0,123	0,200
D		1,000	0,970**	0,955**	0,478	0,352	0,162	0,086	0,002	0,062
INV			1,000	0,997**	0,632*	0,433	0,191	0,137	0,055	0,127
DINV				1,000	0,674*	0,454	0,176	0,138	0,061	0,131
IA					1,000	0,705**	0,207	0,335	0,346	0,125
K						1,00	0,338	0,584	0,512	0,606*
II							1,000	0,889**	0,896**	0,446
S								1,000	0,972**	0,611*
SI									1,000	0,466
I										1,000

Фактически индекс (К) характеризует вектора, адресацию размещения инвестиций. Его рост вполне может рассматриваться как осознание инвесторами привлекательности высокотехнологичной сферы, а снижение как негативную тенденцию - размещение активов в низкотехнологичном секторе.

Ключевым результатом исследовательского эксперимента автор считает построенную матрицу кросс корреляции переменных и индексов, представленную в таблицу 4. Представленные уровни корреляции демонстрируют взаимосвязь индексов и переменных, совокупность которых может быть интерпретирована через когнитивную экономическую модель инновационно-инвестиционной сферы.

Когнитивная экономическая модель, отражающая детерминированные взаимосвязи, имеет явное сетевое прочтение, интерпретацию. Её визуализация на рисунке 2 построена как отражение детерминированных взаимосвязей, логическая состоятельность каждой из которых проанализирована автором и сведена в таблице 5.

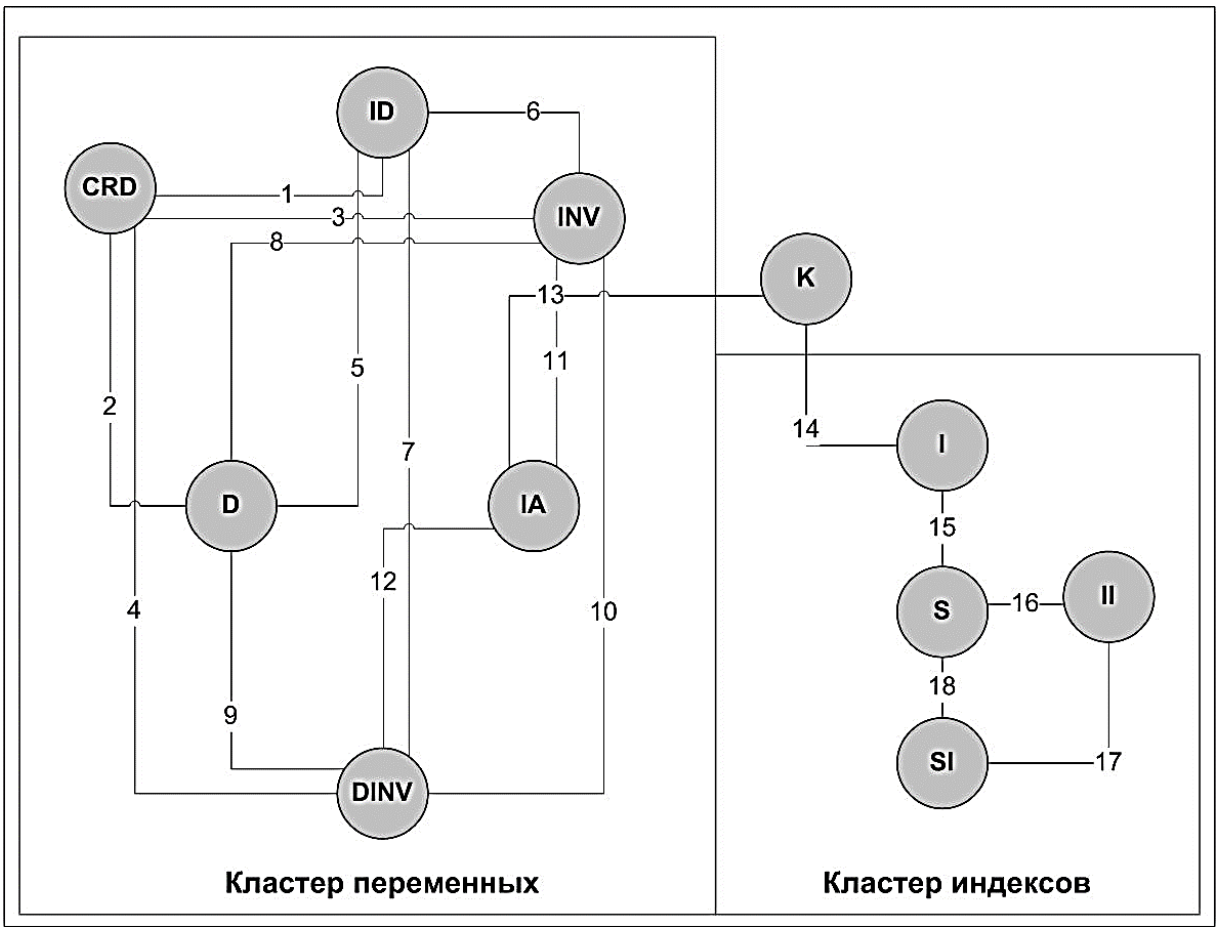


Рис. 2. Когнитивная экономическая модель инновационно- инвестиционной сферы, отражающая детерминированные взаимосвязи (1-18 раскрыто в таблица 5) переменных. Обозначения согласно таблиц 1,2

Таблица 5.

Логика детерминированных взаимосвязей (V) в когнитивной модели факторов инновационно-инвестиционной сферы (рисунок 2)

V	Логика
1.	Взаимосвязь затрат на НИОКР и выручки от инновационной деятельности аксиоматична с академической точки зрения – базовая парадигма инновационного менеджмента. К сожалению, ранее проведённые исследования разными учёными не позволили детерминировать параметрический характер этой взаимосвязи, хотя на уровне закрытых микросистем (предприятий) в отдельных исследований обнаруживалась линейная, экспоненциальная или нормальная взаимосвязи.
2.	Взаимосвязь затрат на НИОКР и общего товарооборота отрасли, предприятия объективна в силу объективности глобального фактора конкурентоспособности – инноваций. «НИОКР как основание и необходимое условие инноваций, единственный источник конкурентоспособности, источник устойчивого дохода в современных условиях» [2]. Данный тезис впервые продекларирован Портером М. в 1992 году [9] и в настоящее время определяется как драйвер-фактор экономического развития, предпосылка, необходимое условие перманентного процесса удержания конкурентоспособности и устойчивого развития рыночными системами (макро-, мезо-, микро).
3.	Связь затрат на НИОКР и инвестиций объективна в силу уже заявленного ключевого фактора конкурентоспособности – инноваций. Отраслевой или портфельный инвестор ориентируется на области знаний, дающих наибольший доход на вложенный капитал. А такие области это инновационно активные, имеющие стратегические программы исследований и видимые научные результаты (объекты интеллектуальной собственности, опытные образцы).
4.	Ключевая логика настоящего исследовательского эксперимента – области знаний, в которые произведены относительно большие затраты на НИОКР, дадут наибольший доход на вложенные инвестиции. Данная взаимосвязь выражает уже сформированный тезис – инвестиции в знания. Технологические области, несущие значимые расходы на НИОКР, выигрывают по норме дохода на капитал. Данный тезис инвариантен технологическому уровню отрасли.
5.	Взаимосвязь очень показательна: товарооборот детерминируется выручкой от инновационной деятельности. Интересно, что в исследованиях 80-х годов (Pamanathan K. [11]) аналогичное исследование не подтвердило взаимосвязи параметров (<0,27 по Пирсону), в отличие от обнаруженной корреляции в настоящем исследовании (0,948**). Значимость дохода от инновационной деятельности в структуре общей выручке субъекта хозяйствования в актуальном

	периоде развития экономических систем и отношений очевидна, уровень инновационности передовых в технологическом плане стран приближается к 70%. Что и определяет высокий уровень корреляционной зависимости товарооборота от доходной инновационной составляющей, обнаруживаемый в структурных отношениях дохода.
6.	Выручка от инновационной деятельности связана с объёмом инвестиций. Как мы определись в последовательности инновационно-инвестиционного процесса ключевым условием трансфера технологии (перехода от НИОКР к производству) является привлечение инвестиций. Именно это определяет объективную связь данных переменных: переход к массовому тиражированию инновационного продукта объективно обусловлен новыми капиталовложениями. То есть, доход от инноваций детерминируется инвестициями [4].
7.	Выручка от инновационной деятельности является частью или полной составляющей дохода от инвестиционной деятельности. Современная инвестиционная деятельность направлена на модернизацию технологии, тиражирование новой продукции, то есть объективно связана только с инновационными процессами. Соответственно, объективна обозначенная взаимосвязь экономических результатов нововведений и финансовых итогов инвестиций. Практически корректным рассуждением является положением, что объем выручки от инновационной деятельности должен быть равен объёму дохода от инвестиций. Это симметричные, равные переменные в условиях инновационной экономики [5].
8.	Выручка от инновационной деятельности является структурной частью общей выручки, что и объективизирует обнаруживаемую корреляционную связь первого и второго. Обнаруживаемая взаимосвязь свидетельствует о росте значения дохода от инноваций в выручке отраслей национальной экономики. Баланс этих переменных отражается в индексе инновационности (I), который не имеет корреляционной связи с этими переменными (0,200; 0,062, соответственно, таблица 4). Это объясняется отсутствием единой нормы баланса для всех исследуемых отраслей, хотя в исследовании отдельных видов деятельности (ОКВЭД) такие чёткие пропорции обнаруживались.
9.	Доход от инвестиционной деятельности является частью общего дохода субъекта хозяйственной деятельности, его структурной составляющей. Обнаруживаемая связь аксиоматична [6] и объективна в рамках современной экономической теории.
10	Доход от инвестиционной деятельности пропорционален объёму инвестиций. Обнаруживаемая нелинейная параметрическая связь данных переменных обусловлена сложившейся практикой инвестиционной деятельности и сформировавшимися нормативами по ставке дисконтирования [8] краткосрочных и среднесрочных инвестиций. Норма на вложенный капитал вполне объективна и поэтому отражается высокой корреляцией по шкале Чеддока (0,997**).
11	Связь между индексом инвестиционной активности и объёмом инвестиций вполне понятна и проявляется как значимая (0,632*). И это обусловлено не только автокорреляцией (инвестиции как переменная входит в индекс, форм. 3), но и объективной общеэкономической логикой. «…Автокатализ вполне объективен – отрасли с высокой инвестиционной активностью вызывают ещё больший приток капитала в ожидании высокой нормы доходности» [1].
12	В продолжение обсуждения взаимосвязи 11, отношения между переменными инвестиционной активности и доходностью инвестиций также объективны в рамках сформулированной логики и принципов современного инвестиционного менеджмента (Swensen D. [12]). Значимая корреляция (0,674*) переменной и индекса выражает линейную экономическую закономерность - рост доходности пропорционален кумулятивной массе инвестиций в отрасли.
13	Детерминированная взаимосвязь между инвестиционной активностью и объемом инновационной выручки в доходности инвестиций (К) рассматривается как «мост» между кластерами переменных и индексов. Интерес к данной связи объективен, она раскрывается через вопрос трансфера технологий – моста между сформированным научно-техническим знанием и производством, массовым тиражированием нововведений. Привлечение капитала в инновационную сферу перекрывает пропасть Мура (Мур, Дж. А. [7]), реализует рост параметра «объем инновационной выручки», увеличивает его структурную пропорцию в инвестиционной доходности. Стремление к 100% роста инновационной выручки в доходе от инвестиций это объективная реальность в условиях инновационной экономики – системы, где конкурентоспособность формируется продуктовыми и технологическими новшествами.
14	Индексы объёма инновационной выручки в доходности инвестиций (К) и инновационностью (I) детерминированы как взаимосвязанные по уровню значимому уровню корреляции - 0,606*. На логическом уровне данная взаимосвязь чётко выражена автокорреляцией по параметру «выручка от инновационной деятельности» (ID), присутствующим в числители обоих индексов. Тут скорее можно рассуждать об эконометрической обиженности формулы 3, чем об экономической, феноменальной взаимосвязи.
15	Инновационность и наукоемкость объективно связанные индексы – уровень корреляции составляет 0,611*. Это (ранее обсуждавшийся в разделе 3.1) главный тренд современного инновационного менеджмента – наибольшая инновационность свойственна именно наукоёмким, высокотехнологичным отраслям. Предпринимательская, инвестиционная активность на среднесрочных и долгосрочных горизонтах сосредотачивается в областях обещающих сверхприбыль, а таковыми мы признаем технологии текущего и перспективного технологических укладов.
16	Связь между наукоемкость и доходом на вложенный капитал детерминируется высоким уровнем корреляции (0,889**). Эта взаимосвязь раскрывается ранее сформулированным положением об инвестиционной привлекательности высокотехнологичного сектора, как раз и имеющего относительно высокий уровень наукоемкости (таблица 3 выделяет технологический уровень, а таблица 4 значения индекса S). Причём эта связь, отчётливо читаемая не может быть объяснена автокорреляцией – в формуле 1 нет пересечений по составляющим переменным. Данная взаимосвязь вполне объективно выражена с экономической точки зрения, институциональных реальностей современного социально-экономического развития. Но связь этого показателя несколько слабее, чем с синтезированным автором индексом наукоемкости инновационной деятельности (обсуждается в последующей позиции 17).
17	Связь между наукоемкость инновационной деятельности (SI) и доходом на вложенный капитал детерминируется более высоким уровнем корреляции (0,896**), чем связь с традиционным академическим индексом наукоемкости

	(16). Именно этим определяется научная значимость синтезированного автором индекса. Проявляемая взаимосвязь наиболее выражена в отношении высокотехнологичного сектора (DL) и в том ещё одно достоинство синтезированного показателя – индикация высоких технологий. В целом, логика обсуждаемой связи отражает современную экономическую закономерность – инвестиционная сверхприбыль возможна только в наукоёмких областях с высокой долей по трансферу научно-исследовательских решений.
18	Детерминируемая связь между индексами наукоемкость и наукоемкость инновационной деятельности проявляется как автокорреляция по общему числителю – затраты на НИОКР (формула 3). Синхронность их трендов это вполне демонстрирует, равно как и уже заявленные преимущества синтезированного индекса наукоемкость инновационной деятельности в рамках объясняющей модели.

Описанное содержание каждой из взаимосвязей (таблица 5) позволяет понять структуру элементов экономической системы, их проявление в инновационно-инвестиционном цикле, процессе.

Итак, полученная автором когнитивная модель экономики инновационного процесса имеет общетеоретическое значение – может рассматриваться как актуальное и развитое представление о структуре факторов формирования доходности инвестиций в сфере нововведений. Её отличие от ранее предложенных подходов заключается в: рассмотрении инноваций с позиции инвестора, то есть описания инновационно-инвестиционного процесса; эконометрической обоснованности (корреляционный анализ) включения переменных и индексов в базу описания; логической и экономико-математической состоятельности не только каждой переменной и индекса, но и их взаимосвязей (таблица 5). Формализованная модель рассматривается как базис, позволяющий детерминировать специфические признаки, экономические характеристики высокотехнологичной сферы.

Список литературы

1. Алексеев А.А. Теория инновационного развития. Научное издание. СПб, СЗТУ, 2004.
2. Ганичев Н.А. Долгосрочное развитие российского высокотехнологичного комплекса в условиях нестабильного роста мировой экономики (модель и прогноз) / Н.А. Ганичев, И.Э. Фролов // Пробл. прогнозирования. - 2010. – N 6. - С. 3-23.
3. Глушак Н.В., Грищенков А.И., Глушак О.В. Разработка методов управления инновациями высокотехнологичного сектора России. Монография. – Брянск: Изд-во «Курсив», 2013.
4. Глушак О.В. Инновационный процесс в промышленном комплексе как актуальный вопрос научного исследования национальной сферы нововведений // Вестник Брянского государственного университета. 2011. - № 3. - С. 140-142.
5. Грищенков А.И., Глушак Н.В., Касаткин В.Е. Разработка методики управления инновационными процессами в рамках сетевой экономики: Монография. Брянск: Издательство «Курсив», 2011.
6. Курс экономической теории: Общие основы экономической теории. Микроэкономика. Макроэкономика. Основы национальной экономики: учебное пособие для студентов вузов / Рук. авт. коллектива и науч. ред. А.В. Сидоровича; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2007.
7. Мур Дж. А.Преодоление пропасти. Маркетинг и продажа хай-тек-товаров массовому потребителю. Оригинал (англ.): «Crossing the Chasm: Marketing and Selling High-Tech Products to Mainstream Cus-tomers» by Geoffrey A. Moore, Издательство: ИД «Вильямс», М: — 2006.
8. Панкова Н.В., Борисоглебская Л.Н., Юдникова Е.С. Модернизация социально-экономического пространства: роль и взаимовлияние глобализации и регионализации как разнонаправленных процессов глобального развития: коллективная монография / Под редакцией Н.В. Панковой, Л.Н. Борисоглебскай, Е.С. Юдниковой. СПб.: Петроцентр, 2010. 272 с.
9. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей конкурентов // Издается по Competitive Strategy: Technigues for Analyzing Industries and Competitors, М.: Издательство Альпина Паблишер, 2011.
10. OECD Science, Technology and Industry Outlook. – OECD, 2017.
11. Pamanathan K. Measurement of Technology at the Firm Level. //Science and Public policu. v.15. 1988.

12. Swensen D. Pioneering Portfolio Management: An Unconventional Approach to Institutional Investment, New York, NY: The Free Press, May 2000.

A COGNITIVE MODEL OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE INNOVATION-INVESTMENT PROCESS HIGH-TECH SECTOR

In the present article modern scientific ideas about econometric interpretation of innovative activity and formation of cognitive model of innovation and investment process are developed. The proposals are based on a statistical experiment that simulates the formation of return on investment in the innovation cycle. The result of the scientific analysis is determined by the cognitive economic model of the innovation process.
Keywords: economy, innovations, investments, cognitive model.

References

1. Alekseev A.A. Teoriya innovatsionnogo razvitiya. Nauchnoe izdanie. SPb, SZTU, 2004.

2. Ganichev N.A. Dolgosrochnoe razvitie rossiyskogo vyisokotehnologichnogo kompleksa v usloviyah nestabilnogo rosta mirovoy ekonomiki (model i prognoz) / N.A. Ganichev, I.E. Frolov // Probl. prognozirovaniya. - 2010. – N 6. - S. 3-23.

3. Glushak N.V., Grischenkov A.I., Glushak O.V. Razrabotka metodov upravleniya innovatsiyami vyisokotehnologichnogo sektora Rossii. Monografiya. – Bryansk: Izd-vo «Kursiv», 2013.

4. Glushak O.V. Innovatsionnyiy protsess v promyishlennom komplekse kak aktualnyiy vopros nauchnogo issledovaniya natsionalnoy sferyi novovvedeniy // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. – № 3. - S. 140-142.

5. Grischenkov A.I., Glushak N.V., Kasatkin V.E. Razrabotka metodiki upravleniya innovatsionnyimi protsessami v ramkah setevoy ekonomiki: Monografiya. – Bryansk: Izdatelstvo «Kursiv», 2011.

6. Kurs ekonomicheskoy teorii: Obschie osnovyi ekonomicheskoy teorii. Mikroekonomika. Makroekonomika. Osnovyi natsionalnoy ekonomiki: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Ruk. avt. kollektiva i nauch. red. A.V. Sidorovicha; MGU im. M.V. Lomonosova. – M.: Izd-vo «Delo i Servis», 2007.

7. Mur Dzh. A.Preodolenie propasti. Marketing i prodazha hay-tek-tovarov massovomu potrebitelyu. Original (angl.): «Crossing the Chasm: Marketing and Selling High-Tech Products to Mainstream Cus-tomers» by Geoffrey A. Moore, Izdatelstvo: ID «Vilyams», M: — 2006.

8. Pankova N.V., Borisoglebskaya L.N., Yudnikova E.S. Modernizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva: rol i vzaimovliyanie globalizatsii i regionalizatsii kak raznonapravlennyih protsessov globalnogo razvitiya: kollektivnaya monografiya / Pod redaktsiey N.V. Pankovoy, L.N. Borisoglebskay, E.S. Yudnikovoy – SPb.: Petrotsentr, 2010. – 272 s.

9. Porter M. Konkurentnaya strategiya. Metodika analiza otrasley konkurentov // Izdaetsya po Competitive Strategy: Technigues for Analyzing Industries and Competitors, M.: Izdatelstvo Alpina Pablisher, 2011.

10. OECD Science, Technology and Industry Outlook. – OECD, 2017.

11. Pamanathan K. Measurement of Technology at the Firm Level. //Science and Public policu. v.15.1988,

12. Swensen D. Pioneering Portfolio Management: An Unconventional Ap-proach to Institutional Investment, New York, NY: The Free Press, May 2000.

Об авторах

Глушак Николай Владимирович – доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: gnw3@yandex.ru
Глушак Ольга Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: owg3@yandex.ru

Glushak Nikolay Vladimirovich – doctor of economic Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: gnw3@yandex.ru
Glushak Olga Vasilievna – candidate of economic Sciences, associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: owg3@yandex.ru

УДК 338.45

Горбов Н.М., доктор экономических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Горбова Т.М., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Погонышева Д.А., доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

БИОАДЕКВАТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕОРИИ ФРАКТАЛОВ

В условиях развития нооэкономики используемые технологии управления социо-эколого-экономическими системами связаны с ростом противоречий между индивидом и государством. Это факт обусловливает потерю работниками способности к самоуправлению, самосовершенствованию, самоактуализации, саморазвитию. Формирование когнитивной экономики актуализирует необходимость использования инновационных технологий в управлении бизнес-процессами. В статье раскрыто понятие «линия жизнедеятельности людей», представляющее собой информационное устройство, настраивающее внутренний мир личности на осознание креативной, инструментальной, вещественной, межличностной-социальной, информационной, экологической сущностей его жизни. Воспроизводство жизнедеятельности общества в ходе актуализации внутренних сил зависит от стратегического управления, ориентированного на формирование естественной энергонасыщенной и энерговоспроизводящей взаимосвязи элементарных и глобальных процессов. Жизнедеятельность личности проявляется в девятисферной среде: социальной, духовной, компетентностной, технико-динамической, материально-предметной,операционно-преобразовательной,продуктово-ценностной, организационно-информационной и энерго-экологической. Авторами обоснован переход к биоадекватному управлению социо-эколого-экономическими системами, реализации оптимальных пространственно-экономических трансформаций в регионе, основанным на теории фракталов. Формирование с учетом фрактальности региональных административно-территориальных единиц обусловливает определение закономерностей организации пространственных систем различной архитектоники, персонифицирующих поляризацию и дифференциацию, предопределяющих аллокацию региона, установление драйверов роста в современной макроэкономической среде.
Ключевые слова: социо-эколого-экономическая система, биоадекватное управление, фракталы

На современном этапе развития экономики знаний существующие технологии управления социо-эколого-экономическими системами приводят к росту противоречий между личностью и государством, что связано с потерей у работников способности к самоуправлению и саморазвитию. От решения этой проблемы зависит экономический рост, аксиологические ориентиры и духовные принципы [1,2]. Понимание текущих проблем развития социо-эколого-экономических систем в условиях усиления вызовов глобальной конкуренции инициирует использование когнитивных технологий их решения, что сдерживается такими факторами, как недостаточность методологической культуры управленцев всех уровней. Ключевым условием ускорения темпов социально-экономического развития выступает рост социальной зрелости общества, включение коллективного разума, применение инновационных управленческих технологий [9].

Природоподобная технология управления социо-эколого-экономическими системами опирается на жизнедеятельностный подход, природосообразную методологию, ноосферную теорию. Суть данной технологии раскрывается в холистической парадигме триединства: природы, человека и общества. Управление нооэкономикой и жизнедеятельностью людей должно быть реализовано по закону равновесия триад в соответствии с организацией человека и окружающего мира. Опираясь на понимание идентичности и синхронности законов самоорганизации в природе, обществе, культуре, психической жизни, на основе фрактального подхода авторами разработаны модели жизнедеятельности человека и биоадекватного управления социо-эколого-экономическими системами, совершенствования административно-территориальных единиц.

В процессе исследования применялись основы биоадекватного управления, фрактальный подход, когнитивное моделирование.

В связи с выделением управления в самостоятельный вид деятельности в экономической науке происходит замена образа со-

цио-эколого-экономического субъекта показателями эффективности функционирования организации, которые строятся на сравнении затрат и результатов, на сопоставлении «входов» и «выходов» [13]. Тем самым значительно уменьшилась знаниевая база для разработки и принятия обоснованных управленческих решений [5].

Жизнедеятельностный подход ориентирует управленца на создание конкурентных возможностей с целью раскрытия интеллектуально-креативного потенциала личности, внутренних сил саморазвития, самосовершенствования, самоактуализации, так как он не предусматривает прямого внешнего воздействия, преобразующегося в давление окружающей среды. Показатели же нужны для выявления «узких мест», чтобы в дальнейшем с помощью биоадекватного управления создать необходимые условия для активизации внутренних сил рыночного субъекта в их преодолении. Воспроизводство жизнедеятельности социума в процессе актуализации внутренних сил обусловлено стратегическим управлением, нацеленным на установление и осмысление естественной энергонасыщенной и энерговоспроизводящей взаимосвязи элементарных и глобальных процессов [6, 7, 8].

Выполненные исследования свидетельствуют, что термины «деятельность» и «жизнедеятельность» не являются идентичными [14, 18]. Деятельность ориентирована на преобразование материи и энергии в продукт. Жизнедеятельность обусловлена циклом процессов, поддерживающих бытие субъекта. В отличие от деятельности, «раскрывающей» индивида, в жизнедеятельности он самосовершенствуется и саморазвивается на креативном уровне в личностном и профессиональном плане, оказывается способным к продуктивному взаимодействию в разнообразных межкультурных и межпрофессиональных сообществах.

Внутренней причиной жизнедеятельности социо-эколого-экономических систем служит мировоззрение людей как фундаментальное качество, внутренний закон жизни человека. Жизнедеятельностный подход к управлению обусловливает познание и понимание управленцем жизнедеятельности исследуемого субъекта как цикла бизнес-процессов, поддерживающих его бытие. Вследствие этого, жизнедеятельность воспринимается управляющим как динамическая целостность. Акт жизнедеятельности в данном случае имеет вид живой голограммы, проявленного насквозь раскручивающегося вихрем шара, пронизанного энергетическими потоками, удерживаемого живыми связями взаимодействия с окружающим миром.

Социум, рыночные субъекты представляют собой жизнедеятельностные системы. Российская модель управления социо-эколого-экономическими системами, по сути, является биоадекватной в силу не утраченной людьми природосообразности цельнодинамического мышления, выступающего основой для решения личностно-профессиональных задач на уровне сверхсознания; приверженности к гуманистической системе ценностей; взаимовыгодного сотрудничества; понимания тесноты взаимосвязи развития мышления и свободы творчества в ноосфере; способности голографического целостного видения окружающей среды, понимания органичной взаимосвязи элементарного и глобального, умственного и физического движения; понимания уникальности российской научной школы предметно-операционного обучения и образования, способствующей формированию жизнедеятельностного творчества [16].

Жизнедеятельность означает человекопотребностное целесообразное воздействие орудием труда на предмет труда, превращаемый в продукт для удовлетворения потребности личности. Символ «линия жизнедеятельности людей» может быть использован в обозначении различного вида деятельности, в т.ч. экономической. Она представляет собой информационное устройство, настраивающее внутренний мир личности на восприятие сущностей (смыслов) жизни: духовной, творческой (креативной, интеллектуальной), инструментальной (физической, технической), ресурсно-предметной, операционно-технологической (преобразовательной), вещественной (продуктивной, результирующей, потребительской), межличностной-социальной, организационной (информационной), экологической.

«Линии жизнедеятельности человека» – схематичное устройство, описывающее жизнедеятельностный переход от появления

потребности индивида до ее удовлетворения. Жизнедеятельность личности проявляется в девятисферной среде: социальной, духовной, компетентностной, технико-динамической, материально-предметной, операционно-преобразовательной, продуктово-ценностной, организационно-информационной и энерго-экологической. В радиальных, диаметральных, треугольных, четырехугольных, линейных, круговых, ромбических и других различных сочетаниях устанавливается и проявляется множество разнообразных систем жизнедеятельностного мира.

Опираясь на инновационную методологию (д.э.н., профессор Н.М. Горбов, к.э.н., доцент Т.М. Горбова), в различных бизнес-структурах возможно вычленить единицы экономической деятельности людей. Первоэлементами выступают разнородные социальная, потребительская, эргономическая, техническая, предметная, технологическая, продукционная и организационная сферы. Разработчики ввели линии и единицы статических и динамических компонентов социо-эколого-экономического процесса как информационных устройств, регистрирующих преобразование ресурсов в продукты для удовлетворения потребности рыночного субъекта. Функционирование бизнес-процессов связано с формированием социально-целевой, социально-эргономической, социально-технической, социально-предметной, социально-технологической, социально-продукционной информации о радиальных системах. Управление социо-эколого-экономическими системами с использованием природоподобных технологий мы называем природоподобным, природосообразным, биоадекватным. [6, 7, 8, 9]

На государственном уровне уподобление единице жизнедеятельности выглядит следующим образом: «Население России (7) целесообразно (1) воздействуя (2) системой технических средств (3) 'на сырьевые материалы (4) превращает их (5) в продукты удовлетворения своих потребностей (6) в информационно - организационном поле (8) энергоинформационного пространства (9)». [6, 7, 8, 9]

Это по сути жизнедеятельностный процесс в 9-сферной среде, характерной для любого территориального уровня, и он управляем на любом уровне через сферные однородные элементы. Структурно - функциональное подобие всех иерархических уровней является условием устойчивости глобальной транспарентной социо-эколого-экономической системы. Важным условием является придание жизнедеятельностному процессу вихревого движения.

В Указе Президента Российской Федерации № 642 «О стратегии научно-технического развития Российской Федерации» от 1 декабря 2016 года отдельным пунктом (22) отмечено: «В долгосрочной перспективе особую актуальность приобретают исследования в области понимания процессов, происходящих в обществе и природе, развития природоподобных технологий, человеко-машинных систем, управления климатом и экосистемами. Возрастает актуальность исследований, связанных с этическими аспектами технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений…На втором этапе реализации настоящей Стратегии (2020-2025 гг.) и в дальнейшей перспективе: а) формируются принципиально новые научно-технологические решения в интересах национальной экономики, основанные в том числе на природоподобных технологиях…» [17].

Современные исследования элементарных и глобальных систем позволяют говорить о сближении процессов, происходящих в сознании, бытии людей и в окружающем мире [10]. Им присущи волновая природа, стохастичность, дискретность, цикличность, вихревое движение, спиралевидность, турбулентность, фрактальность, голографичность, динамичность, имплицитность, аллокация, поляризация, многомерность, системность трансформаций и др.

В.Вульф, обобщая результаты исследований, предложил теорию холодинамики, согласно которой единицей мышления и памяти служит мыслеобраз (холодайн) – трехмерная живая мыслеформа, являющаяся «морфогенетическим» полем [4]. Идеи В. Вульфа нашли подтверждение в концепции Нобелевского лауреата И. Пригожина о необходимых условиях для формирования порядка из хаоса [15].

Широкую известность имеют исследования Б. Мандельброта, выявившего множества, обладающие свойством самоподобия и

названные им фракталами [11]. Фракталом выступает объект, обладающий нетривиальной структурой во всех масштабах, самоподобный, имеющий дробную метрическую размерность. Исследования ученых показывают, что в природе большинство существующих форм представляют собой фракталы. Окружающий мир также фрактален. Очевидно, это самоподобие означает проявление высшей организованности биосферы (мироздания), обнаруженной В.И. Вернадским [3].

Фрактальный подход при управлении социо-эколого-экономических систем опирается на их инвариантность, самоподобие, отражает структурное и семантическое содержание. Методологическим фундаментом фрактальности выступает понятие системы, обладающей такими ключевыми свойствами, как целостность, связность, эмерджентность, сложность, развитие, многомерность, транспарентность и др.

Метафоре фрактала, как саморазвивающейся структуре, присуща масштабная инвариантность на микро-, мезо-и макроуровнях. Примерами фракталов в социо-эколого-экономических системах выступают индивиды, отделы организации, организация, региональная экономика, отрасль, национальная и мировая экономика, функционирующие в условиях нелинейной имплицитной динамики фракталов внутренней и внешней сред.

По данным Брянскстата, объем валового регионального продукта в динамике за три года неуклонно растет. Объем ВРП в 2018 году прогнозируется в объеме 349,57 млрд. рублей, а в 2019 году – 383,46 млрд. рублей. Ведущими видами хозяйственной деятельности являются обрабатывающие производства; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; строительство; транспорт и связь и др. В 2016 году объем производства продукции сельского хозяйства в действующих ценах во всех категориях хозяйств составил 78,3 млрд. рублей, в том числе продукции растениеводства – 34,7 млрд. рублей, продукции животноводства – 43,6 млрд. рублей. Ключевыми факторами роста в регионе в перспективе станут восстановление спроса и активизация инновационной и инвестиционной деятельности рыночных субъектов.

Проведенное нами исследование показывает возможность применения фрактального подхода в управлении региональными социо-эколого-экономическими системами на основе идентификации самоподобных бизнес-структур, моделирования их развития. Формирование с учетом фрактальности административно-территориальных единиц обусловливает выявление закономерностей организации пространственных систем различной архитектоники, персонифицирующих поляризацию и дифференциацию, предопределяющих аллокацию региона, установление драйверов экономического роста в макроэкономическом пространстве. Архитектоника регионального фрактала определяется как институциональными факторами, так и организационно-экономическими. Выявление и использование фрактальных аттракторов позволит успешно преодолеть вызовы глобальной конкуренции, приведет к повышению уровня благосостояния населения.

Биоадекватное управление социо-эколого-экономическими системами в условиях когнитивной экономики обусловливает творческую реализацию личностно-профессионального интеллекта личности. Атрибутивным признаком инновационно-креативного ресурса индивида, обладающей нейро-атомарным сознанием, согласно нашим исследованиям, служит фрактальность. Она проявляется в том, что инновационно-креативный ресурс личности представляет собой вероятностное целостно-динамическое сетевое образование, характеризующееся трансдисциплинарностью, полипрофессионализмом. Индивид, как субъект социо-эколого-экономических систем микро- и мега-уровня, в процессе жизнедеятельности выступает генератором инновационно-креативных ресурсов организации, региональной и мировой экономики [12].

Потребность экономики знаний в специалистах, обладающих методологией биоадекватного управления социо-эколого-экономическими системами на основе нейро-атомарного подхода, обусловливает необходимость адекватной профессиональной подготовки в вузе, так как образование и самообразование, воспитание и самовоспитание, развитие и саморазвитие представляют собой нелинейные самоподобные структуры, функционирующие в соответствии с принципом резонанса.

Фрактальность профессионального образования как самоорганизующейся саморазвивающейся системы раскрывает фрактальную сущность человека в процессе усвоения им социокультурного опыта, обусловливает проектирование адаптивных образовательных траекторий на основе закономерностей теории фракталов, теории самоорганизации, жизнедеятельностного подхода с целью формирования фрактально-голографического природосообразного мышления обучающихся подобно нейро-атомарной матрице.

Разработанная технология биоадекватного управления социо-эколого-экономическими системами в процессе совершенствования пространственно-экономических трансформаций на основе фрактального подхода с учетом функционирования взаимосвязанных и взаимодействующих статических и динамических подсистем в рыночных субъектах позволяет реализовать потенциальную возможность принятия упреждающих управленческих решений.

Исследования показывают, что фрактальность креативной информационно-образовательной среды в вузе создает необходимые условия реализации фрактальной сущности обучающихся, обеспечивает проектирование адаптивных образовательных траекторий на основе закономерностей теории фракталов, жизнедеятельностного подхода с целью формирования фрактально-голографического природосообразного мышления личности подобно нейро-атомарной матрицы. Использование данной методики в креативном информационно-образовательном пространстве обеспечивает продуктивное формирование у будущих инновационно-активных специалистов профессиональных компетенций в области экономики и управления.

Список литературы

1. Анисимов О.С. Методологический словарь для управленцев. Москва, 2004. 390 с.

2. Введение в управление / коллектив авторов под научной редакцией А.Г. Гладышева, В.Н. Иванова, Н.В. Масловой. – Москва: Изд-во Академии наук социальных технологий и местного самоуправления (АНСТиМС), 2002. 560 с.

3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Москва: Айрис-пресс, 2012. 261 с.

4. Вульф В. Холодинамика. Как развивать и управлять своей внутренней личностной силой. [Электронный ресурс] URL: http://polbu.ru/wolf_holodynamics/ch15_i.html (дата обращения: 15.01.2018)

5. Гаврилова Т.А. Кудрявцев Д.В. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальное развитие, управление знаниями. Москва: Инфра-М, 2009. 420 с.

6. Горбов Н.М. Биоадекватное управление: жизнедеятельностный подход, природосообразная методология: Коллективная монография/Н.М. Горбов. Брянск: ООО «Новый проект», 2017.157 с.

7. Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышева Д.А., Рябых Е.С. Методика формирования профессиональных компетенций в области экономики у студентов профессиональных образовательных учреждений с использованием природосообразных технологий на основе нейрокомпьютерных технологий (динамическая модель организации) / Хроники объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование». Москва, 2014. Том 1. № 1 (56). С.51

8.Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышев В.А., Погонышева Д.А. Совершенствование биоадекватного квантового управления на основе использования нейрокомпьютерных технологий//Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 4. С. 509-520

9. Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погонышев В.А., Погонышева Д.А. Биоадекватное управление социо-эколого-экономическими системами на основе фрактального подхода и нейрокомпьютинга//Креативная экономика.2017. Т.11. №10. С. 1067-1076.

10. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/4b6b1ec3d9a61a8204d8fdc520469db8e0daa367/(дата обращения: 15.01.2018)

11.Мандельброт Б. Фракталы и хаос. Множество Мандельброта и другие чудеса. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 392 с.

12. Мельников О.Н., Горелов Н.А. Смена образовательных парадигм как условие креативного развития личности обучающегося и формирования профессиональных компетенций // Креативная экономика. 2013. № 3 (75). С.15-23

13.Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Москва: Дело, 1997. 704 с.

14.Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Мир образования, 2004. 1376 с.

15. Пригожин И. Конец определенности. Ижевск: РХД, 2001.208 с.

16.Прохоров А.П. Русская модель управления. Москва: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. 376 с.

17.Указ Президента Российской Федерации «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Москва, Кремль, 1 декабря 2016 года, № 642

18.Философский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

BIOADEKVATNOE MANAGEMENT OF SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC SYSTEMS USING THEORY OF FRACTALS

In the conditions of development of a nooekonomika the used technologies of management of sotsio-ekologo-economic systems are connected with growth of contradictions between the individual and the state. The fact causes loss by workers of ability to self-government, self-improvement, self-updating, self-development. Formation of cognitive economy staticizes need of use of innovative technologies for management of business processes. In article the concept "line of activity of people" representing the information device which is adjusting inner world of the personality on awareness of creative, tool, material, interpersonal-social, information, ecological entities of his life is opened. Reproduction of activity of society during updating of internal forces depends on the strategic management focused on formation natural of the power sated and power reproducing interrelation of elementary and global processes. Activity of the personality is shown in the devyatisferny environment: social, spiritual, competence-based, technical and dynamic, material and subject, organizational and information and power-ecological. Authors have proved transition to bioadequate management of sotsio-ekologo-economic systems, realization of optimum spatial and economic transformations in the region based on the theory of fractals. Formation taking into account fractality of regional administrative and territorial units causes determination of the regularities of the organization of the spatial systems of various very tectonics personifying polarization and differentiation, predetermining region allocation, establishment of drivers of growth in the modern macroeconomic environment.
Keywords: socio-ecological-economic system, bioadequate management, fractals.

References

1. Anisimov, O.S. (2004). Methodological dictionary for managers. Moscow: Nauka.

2. Introduction to the management / team of authors under the scientific editorship of (2002). /A.G. Gladysheva, V.N. Ivanova, N.V. Maslova. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of Social Technologies and Local Government (ANSTiMS).

3. Vernadsky, V.I. (2012). Biosphere and noosphere. Moscow: Airis-press.

4. Wulf, V. (2012). Holodinamika. How to develop and manage your inner personal power .- http://polbu.ru/wolf_holodynamics/ch15_i.html (date of appeal: 01/15/2018)

5.Gavrilova, T.A., Kudryavtsev, D.V. (2009). Innovative development: economy, intellectual development, knowledge management. Moscow: Infra-M.

6. Gorbov, N.M. (2017). Bio-adequate management: life-activity approach, nature-friendly methodology: Collective monograph. Bryansk: LLC "New Project".

7. Gorbov, N.M., Gorbova, T.M., Pogonysheva, D.A., Ryabykh, E.S. (2014). Methodology for the formation of professional competences in the field of economics for students of professional educational institutions using nature-friendly technologies based on neurocomputer technologies (dynamic model of the organization) / Chronicle of the united fund of electronic resources "Science and Education". Moscow.

8.Gorbov, N.M., Gorbova, T.M., Pogonyshev, V.A., Pogonysheva, D.A. (2017). Improvement of bio-adequate quantum control based on the use of neurocomputer technologies / / Creative economics. T. 11. No. 4.

9. Gorbov, N.M., Gorbova, T.M., Pogonyshev, V.A., Pogonysheva, D.A. (2017). Bio-adequate management of socio-ecological and economic systems based on the fractal approach and neurocomputing // Journal of Creative Economy. T.11. No.10.

10. (2008). The State Program of the Russian Federation "Information Society" (2011-2020). Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 [Electronic

resource] URL. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/4b6b1ec3d9a61a8204d8fdc520469db8e0daa367/ (date of address: 01/15/2018)

11. Mandelbrot, B. (2009). Fractals and chaos. The Mandelbrot Set and Other Miracles / / B. Mandelbrot. Izhevsk: SRC "Regular and chaotic dynamics".

12. Melnikov, O.N., Gorelov, N.A. (2013). The change of educational paradigms as a condition for the creative development of the learner's personality and the formation of professional competences // Journal of Creative Economy. No. 3 (75) .

13. Meskon, M., Albert, M., Hedouri, F. (1997). Fundamentals of Management. Moscow: The Case.

14. Ozhegov, S.I. (2004). Dictionary of the Russian language. Moscow: The World of Education.

15. Prigogin, I. (2001). The End of Certainty. Izhevsk: RHD.

16. Prokhorov, A.P. (2002). Russian model of management. Moscow: ZAO "Magazine Ex-perth".

17. (2016). Ukaz of the President of the Russian Federation "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation". Moscow, Kremlin, December 1, 2016, No. 642

18. (1983). Filosofsky encyclopaedic dictionary. Moscow: Sovetskaya encyclopedia.

Об авторах

Горбов Николай Михайлович – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Горбова Татьяна Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Погонышева Дина Алексеевна – кандидат экономических наук, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой автоматизированных информационных систем и технологий, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Gorbov Nikolay Mikhailovich – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, History and Law, Bryansk State University named after Academician IG. Petrovsky (Russia), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Gorbova Tatiana Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

Pogonisheva Dina Alekseevna – candidate of economic sciences, doctor of pedagogical sciences, professor, head. Department of Automated Information Systems and Technologies, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: sei-bgu@yandex.ru

УДК 336.71: 339.138

Гудименко Г.В., доктор экономических наук, профессор, Орловский государственный университет экономики и торговли (Россия)

ФАКТОРЫ НЕЦЕНОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Сегодня вследствие унификации продуктового предложения коммерческих банков факторы неценовой конкуренции становятся определяющими в развитии финансового сектора экономики. Одним из таких факторов являются мероприятия «теории малых дел», которые всё чаще используются в практике коммерческих банков для продвижения банковских продуктов и повышения имиджа финансовых организаций.

Ключевые слова: коммерческие банки, банковский продукт, неценовая конкуренция, маркетинг, продвижение банковских продуктов и услуг

Для выживания и успешного функционирования коммерческих банков в настоящее время огромную роль приобретают рекламные стратегии, позволяющие сконцентрировать ограниченные ресурсы банка именно на тех направлениях, где может быть получен наибольший эффект. В рейтинге рекламных идей привлечения клиентов российскими банками – самые разнообразные мероприятия, начиная от шахматного турнира, гребли на лодках, до техпомощи на дорогах и поддержки индустриальных проектов.

Банки ежедневно изобретают новые методы продвижения своих продуктов. И если условия предоставления банковских услуг у коммерческих банков практически сравнялись, то рекламные идеи постоянно обновляются. Маркетинговые службы всех банков, продвигающих банковские продукты, предлагают клиентам новые программы, чтобы они пришли именно в этот банк. Безусловно, клиенты обращают внимание на заманчивые акции и дополнительные услуги.

Рекламные акции банков условно можно разделить на две категории:

1) ценовые акции (скидки на услуги банка, сниженные процентные ставки по кредитам, повышенные процентные ставки по вкладам);

2) неценовые акции (розыгрыши ценных призов, получение бонусов, приобретение определённых банковских продуктов).

Все указанные акции направлены на быстрое привлечение новых и стимулирование имеющихся клиентов финансового учреждения, а также на увеличение объёмов продаж банковских продуктов. Узнать об условиях рекламной акции можно не только на листовках и буклетах, раздаваемых промоутерами, но и на официальных сайтах банков. При работе с клиентами возможности ценовой конкуренции кредитно-финансовых институтов ограничены установлением регулируемых Центральным банком ставок процента по вкладам, поэтому сегодня конкуренция в банковском секторе принимает всё более неценовой характер.

Основой неценовой конкуренции является расширение ассортимента и повышение качества банковских продуктов, а также реализация стратегии дифференциации продуктов и услуг с использованием мероприятий по стимулированию сбыта и рекламе [3].

Традиционно банковское дело считается сферой экономики с высоким уровнем дифференциации. В настоящее время в маркетинговых стратегиях коммерческих банков наблюдается смещение акцента в сторону имиджевой рекламы, при этом имидж служит одним из главных факторов неценовой конкуренции [4].

Хороший результат в продвижении банковских продуктов приносит реализация мероприятий в рамках так называемой «Теории малых дел», потому что именно из маленьких фрагментов складываются большие истории. «Теория малых дел» возникла как политическая категория в 80-е годы XIX века в среде народнической интеллигенции. Смысл теории состоял в том, что гражданин и общество оставляют до лучших времен «великие идеи» и «большие дела», а вместо этого действуют каждый на своем месте, реализуя небольшие, но нужные мероприятия [2]. Основные постулаты указанной теории сегодня достаточно активно и успешно используются при разработке и реализации рекламных стратегий коммерческих банков.

Самыми популярными рекламными «малыми» акциями среди коммерческих банков являются акции по кредитным картам. Практически все акции банков, которые рассчитаны на увеличение продаж кредитных карт, предлагают максимально выгодные условия для потребительского кредитования. Банковский продукт, приобретённый во время рекламной акции, заставляет многих людей втягиваться в кредитный оборот, что, несомненно, очень выгодно банкам. По статистике, каждый десятый участник акции становится постоянным клиентом банка, а каждый двадцатый начинает активно использовать кредитные средства, попадая в своеобразную зависимость. При этом, рост числа пользователей услугами коммерческого банка, несомненно, работает на повышение его имиджа.

Среди «малых» акций российских банков: активная помощь социальным организациям и фондам, партнёрство в организации и проведении спортивных мероприятий, программы по безопасности финансовых сбережений, розыгрыши различных призов.

Многие акции банки проводят совместно со своими партнерами, например, акция «Спасибо от Сбербанка», акция «Практичные переводы Contact» нескольких банков и системы переводов Contact, «Лови момент – готовь авто к зиме» - акция для клиентов Локо-банка.

Характерным примером акции из категории «малых дел» является акция Почта-банка «Подари лес другу! Первый в мире проект по посадке деревьев через Интернет» (рис.1).

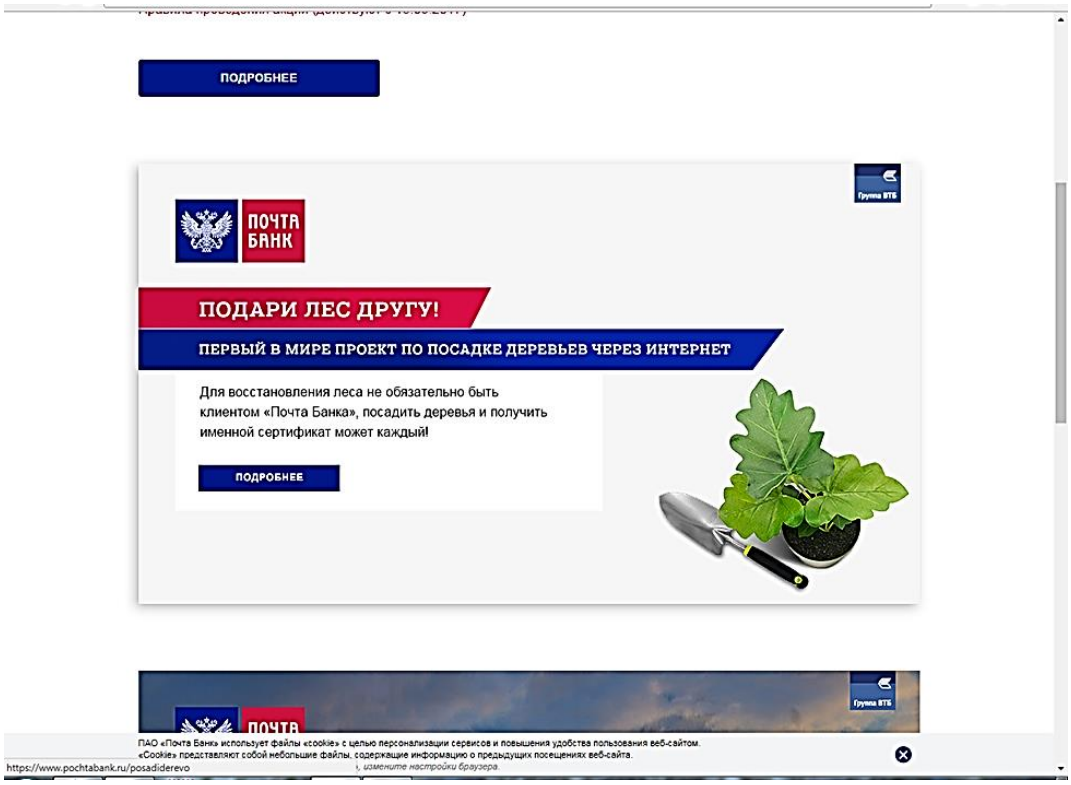


Рис. 1. Скрин рекламной акции «Подари лес другу» Почта-банка

В аннотации акции сказано: «Для восстановления леса не обязательно быть клиентом «Почта Банка», посадить деревья и получить именной сертификат может каждый!», для этого потребители должны выбрать на карте участок и указать количество деревьев, назвать лес своим именем и оплатить восстановление леса. Затем участники акции будут получать от лесничего регулярные отчеты о росте саженцев [5].

В современной экономике встречается значительное количество ярких примеров улучшения имиджа финансовой организации с помощью реализации самостоятельных акций или участия в крупных имиджевых мероприятиях в рамках стратегии неценовой конкуренции. Так, например, «Сбербанк» стал лауреатом премии в области развития связей с общественностью PROBA – IPRA «Golden World Awards», одной из самых престижных

международных наград в области связей с общественностью. Этой наградой было признано формирование нового имиджа Сбербанка как самой открытой и прозрачной компании в России. Несомненно, данная награда стала мощным средством привлечения новых клиентов. Это помогло Сбербанку увеличить их количество и нарастить кредитный портфель, за счёт чего чистый процентный доход банка в 2016г. составил 1 362,8 млрд долларов, увеличившись на 5,2%. При этом кредиты и авансы частным клиентам увеличились на 66,1 млрд рублей [6].

Имидж банка и восприятие его бренда целевой аудиторией – это своеобразная мозаика, каждый из элементов которой важен и нужен [1]. Любая недостающая деталь сразу бросится в глаза и клиентам, и партнерам.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1) неценовая конкуренция основывается на проведении целенаправленной политики дифференциации банковского продукта, включающей мероприятия по продвижению и рекламу;

2) в современных условиях вследствие унификации продуктового предложения коммерческих банков, расширения круга участников рынка, фактор ценовой конкуренции перестает быть определяющим, лидерство банков во все большей степени определяется его имиджем, рекламной стратегией, технологией продаж и коммуникационной поддержкой.

Список литературы

1. Гудименко Г.В. Конкурентные преимущества банков как фактор снижения рисков потребительского кредитования / Г.В.Гудименко, И.П.Новикова // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 1. С. 185-189.

2. Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Социально-гуманистическая парадигма русского народничества // Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. // Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 85-107

3. Зорина В. В. Банковская конкуренция в российской экономике // Молодой ученый. 2015. №18. С. 260-263. URL https://moluch.ru/archive/98/21926/ (дата обращения: 23.02.2018).

4. Коробов Ю.И. Банковская конкуренция: роль, специфика, перспективы развития / Ю.И.Коробов //Современная конкуренция. 2007. № 1 (1). С. 87-93.

5. https://www.pochtabank.ru/posadiderevo - официальный сайт ПАО Почта-банк

6. http://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/Prezentatsiya_MSFO_UE16_RU.pdf - Итоги группы сбербанка по МСФО за 2016г. - официальный сайт ПАО Сбербанк

FACTORS OF NON-SECENNE COMPETITION AS A METHOD FOR FORMING THE IMAGE OF THE COMMERCIAL BANK

Today, due to the unification of the product offer of commercial banks, the factors of non-price competition become decisive in the development of the financial sector of the economy. One of these factors is the "theory of small businesses", which are increasingly used in the practice of commercial banks to promote banking products and enhance the image of financial organizations.

Keywords: commercial banks, bank product, non-price competition, marketing, promotion of banking products and services.

References

1. Gudimenko G.V. Konkurentnye preimushhestva bankov kak faktor snizhenija riskov potrebitel'skogo kreditovanija / G.V.Gudimenko, I.P.Novikova // Obrazovanie i nauka bez granic: fundamental'nye i prikladnye issledovanija. 2016. № 1. S. 185-189.

2. Zhukockij V. D., Zhukockaja Z. R. Social'no-gumanisticheskaja paradigma russkogo narodnichestva // Zhukockij V. D., Zhukockaja Z. R. // Russkaja Reformacija HH veka: stat'i po kul'turosofii sovetizma. M.: Novyj hronograf, 2008. S. 85-107

3. Zorina V. V. Bankovskaja konkurencija v rossijskoj jekonomike // Molodoj uchenyj. — 2015. №18. S. 260-263. URL https://moluch.ru/archive/98/21926/ (data obrashhenija: 23.02.2018).

4. Korobov Ju.I. Bankovskaja konkurencija: rol', specifika, perspektivy razvitija / Ju.I.Korobov //Sovremennaja konkurencija. 2007. № 1 (1). S. 87-93.
5. https://www.pochtabank.ru/posadiderevo - oficial'nyj sajt PAO Pochta-bank
6. http://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/Prezentatsiya_MSFO_UE16_RU.pdf - Itogi gruppy sberbanka po MSFO za 2016g. - oficial'nyj sajt PAO Sberbank

Об авторе

Гудименко Галина Валерьевна – доктор экономических наук, профессор, проректор по молодёжной политике и международному сотрудничеству, Орловский государственный университет экономики и торговли (Россия). E-mail: galinagudimenko@yandex.ru

Gudimenko Galina – Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Youth Policy and International Cooperation, Orel State University of Economics and Trade (Russia). E-mail: galinagudimenko@yandex.ru

УДК 33.331.26

Игольникова И.В. кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Для решения известных проблем сельскохозяйственного сектора экономики России нужно рассматривать вопрос как в комплексе, так и отдельно по различным элементам. Одним из элементов является трудовой потенциал, который в свою очередь также является системой. В статье представлено исследование вопроса воспроизводства трудового потенциала Брянской области как фактора повышения эффективности экономики региона. Исследование построено на рассмотрении доступных статистических данных и анализе приведенных показателей. Комплексное изучение вопроса показывает взаимосвязь представленных факторов. В результате исследования предложены пути решения проблем.

Ключевые слова: экономика сельского хозяйства, воспроизводство, трудовой потенциал, агропромышленный комплекс, эффективность, региональное развитие, развитие, конкурентоспособность, тенденции.

В условиях экономических санкций и нестабильности политической обстановки залогом продовольственной безопасности регионов и страны в целом становится сельское хозяйство. Вопрос обеспечения продовольственной безопасности России напрямую связан с устойчивым воспроизводством трудового и кадрового потенциалов АПК. Сложившиеся диспропорции в уровне и характере обеспеченности трудом аграрноориентированных регионов в настоящее время многие экономичны рассматривают как один из серьезных тормозов дальнейшего наращивания производства продовольствия. Но необходимо учитывать важность и других факторов, например, неравномерный уровень господдержки отрасли, уровень оплаты труда работников, незавершенность реформирования земельных отношений, слабое развитие социальной инфраструктуры села и др.

Эффективность использования трудового потенциала АПК обозначена в реализации стратегии инновационного развития и направлениях повышения конкурентоспособности аграрного сектора. В любой сфере деятельность особое значение приобретает проблема обеспечения квалифицированными кадрами. В агарном секторе экономики системы создание системы воспроизводства квалифицированного трудового потенциала остается приоритетной задачей в условиях импортозамещение.

Именно это и можно рассматривать залогом эффективного развития АПК и регионов.

В качестве ключевых позиций роста конкурентоспособности АПК в регионах РФ можно рассматривать:

- развитие социальной инфраструктуры сельских территорий, именно она во многом отталкивает молодых специалистов;
- повышение уровня и качества жизни сельских жителей, убрать отрыв в размерах оплаты труда;
- повышение качественных характеристик трудового потенциала АПК, рост эффективности использования трудовых ресурсов.

Данные направления позволят привлечь и закрепить на селе высококвалифицированные кадры.

Изучению воспроизводства трудового потенциала посвящены многие публикации последних лет. Несомненный научный интерес представляют работы, в которых поднимаются проблемы подготовки кадров для агропромышленного комплекса (АПК) в рамках модернизации процесса образования.

Неблагоприятная ситуация с обеспеченностью трудом, усугубляемая негативными демографическими трендами, «отталкивает» многих инвесторов, которые в настоящее время пытаются заново освоить и наладить производство в регионах. Многие фермеры среди наиболее значимых факторов, которые препятствуют реализации их инвестиционных проектов в АПК, называют недостаток квалифицированных кадров и молодежи, которых необходимо вовлечь в сельскохозяйственное производство и утерянный опыт.

В настоящее время негативными тенденциями в сельском хозяйстве:

- ухудшилось состояния инфраструктуры сельских территорий;
- сохраняется разрыв уровней жизни села и города;
- ухудшение демографической ситуации;
- сократилась занятость сельского населения;
- уменьшился аграрный рынок труда и одновременно увеличился коэффициент напряженности;
- снизился уровень производственного потенциала;
- продолжается отток профессиональных специалистов, миграционный отток молодого населения в город.

Считаем, что с целью достижения поставленных стратегических целей в отношении развития экономического потенциала АПК необходим системный подход. Системность предполагает последовательная реализация мероприятий по повышению уровня и качества жизни на сельских территориях, рост числа специалистов и квалифицированных рабочих как в АПК, так и в других секторах экономики регионов.

В реализуемых на территории РФ программах основной упор в поддержке делается именно на человеческую составляющую, а именно на увеличение трудового потенциала агропромышленного комплекса регионов. Следовательно, актуальность проблемы воспроизводства трудового потенциала в АПК и определило необходимость ее детального изучения и выбора решения.

В экономической литературе под воспроизводством принято понимать многократно повторяющийся процесс производства. При этом предполагается возобновление какой-либо составляющей, например, трудовой. Под носителями трудового потенциала рассматривают все категории работников с их способностями к труду, т.е. обладатели рабочей силы.

Следовательно, с учетом данных определений можно сделать вывод, что воспроизводство трудового потенциала в узком понимании — это воспроизводство рабочей силы. Воспроизводство трудового потенциала реализуется во взаимосвязи с воспроизводством иных благ, производственных отношений.

Процесс воспроизводства предполагает три взаимосвязанные стадии:

1 стадия формирования,
2 стадия распределения,
3 стадия использования.

Под формированием трудового потенциала можно понимать процесс постоянного возобновления его количественных и качественных характеристик.

Воспроизводство можно также представить как постоянно повторяющийся процесс возобновления заложенных потенций работников, иных групп сельского населения, которыми располагает аграрный сектор определенного региона и которые могут быть реализованы в процессе трудовой деятельности.

Если говорить о трудовом потенциале в сельском хозяйстве, то он скорее интегральная категория, которая определяется совокупностью потенциалов работников всех сельскохозяйственных организаций и их соответствием основным характеристикам производства сельского хозяйства.

При этом трудовой потенциал должен учитывать инновации в сельскохозяйственном производстве и соответствовать новейшим достижениям.

На качественную составляющую трудового потенциала АПК региона оказывают влияние уровень занятости, профессионализм образования, соответствие профессионально-квалификационных характеристик трудового потенциала его использованию, степень удовлетворения условиям труда в регионе.

В АПК особенность процесса воспроизводства трудового потенциала заключается во влиянии таких факторов как исторические, культурные, демографические, природно-климатические, социально-экономические.

Следует также учитывать в процессе управления результаты постадийного исследования показателей следующих факторов и группы показателей можно определить с учетом стадии воспроизводства.

На стадии формирования -демографические показатели, показатели состояния и охраны здоровья; на стадии распределения - показатели миграционного прироста и экономической конъюнктуры в регионе; на стадии использования - показатели темпов прироста трудового потенциала и объем инвестиций в основной капитал.

Сельское население является в большинстве случаев базой трудового потенциала

сельского хозяйства. Поэтому, количественные характеристики трудового потенциала АПК региона тесно связаны с демографическими процессами в данном регионе и близлежащих сельских поселениях.

Считаем, что трудовому потенциалу работников сельского хозяйства присущи характеристики, аналогичные трудовому потенциалу вообще, детерминированные, однако, особенностями мотивации к труду в АПК и отраслевыми особенностями и факторами.

Проанализируем численность постоянного населения Брянской области в сравнении с другими регионами ЦФО (таблица 1).

Таблица 1.

Оценка численности постоянного населения ЦФО (тысяч человек)

	На 1 января 2017 года			В среднем за 2016 год		
	Все население	в том числе:		Все население	в том числе:	
		городское	сельское		городское	сельское
Российская Федерация	146804,4	109032,4	37772,0	146674,5	108844,9	37829,6
Центральный федеральный округ	39209,6	32189,4	7020,2	39157,0	32122,7	7034,3
Белгородская область	1552,9	1045,0	507,9	1551,5	1042,3	509,2
Брянская область	1220,5	855,6	364,9	1223,1	856,3	366,8
Владимирская область	1389,6	1084,7	304,9	1393,4	1086,8	306,6
Воронежская область	2335,4	1572,4	763,0	2334,4	1569,7	764,7
Ивановская область	1023,2	832,6	190,6	1026,5	834,9	191,6
Калужская область	1014,6	771,5	243,1	1012,2	770,1	242,1
Костромская область	648,2	466,1	182,1	649,8	465,9	183,9
Курская область	1122,9	760,0	362,9	1121,5	757,1	364,4
Липецкая область	1156,2	742,2	414,0	1156,2	742,4	413,8
Московская область	7423,5	6063,0	1360,5	7371,1	6017,4	1353,7
Орловская область	754,8	503,6	251,2	757,3	504,8	252,5
Рязанская область	1126,7	807,4	319,3	1128,4	807,4	321,0
Смоленская область	953,2	687,2	266,0	955,9	688,6	267,3
Тамбовская область	1040,3	629,4	410,9	1045,3	630,5	414,8
Тверская область	1296,8	980,9	315,9	1300,8	982,6	318,2
Тульская область	1499,4	1120,9	378,5	1502,9	1123,3	379,6
Ярославская область	1270,7	1038,2	232,5	1271,3	1038,7	232,6
г. Москва	12380,7	12228,7	152,0	12355,4	12203,9	151,5

Брянская область это - индустриально-аграрный регион, с преобладанием предприятий обрабатывающей промышленности. В агропромышленном комплексе Брянской области работают более 400 сельскохозяйственных предприятий, около 243 тыс. личных подсобных хозяйств, более 300 крестьянских (фермерских) хозяйств. В области функционирует 391 организация пищевой и перерабатывающей промышленности, численность работающих в которых составляет 15,7 тыс. человек.

В структуре валового регионального продукта Брянской области в 2016 году сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство составляют 15,4 %. В 2016 году объем производства продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств составил 78,3 млрд. рублей или 108,5 % в сопоставимых ценах к уровню 2015 года.

В 2017 году объем производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий (сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, хозяйства населения) в действующих ценах, по расчётам, составил 87213,5 миллиона рублей или 106,4 процента к 2016 году.

В 2018 году прогнозируется увеличение объемов производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий до 93,1 млрд. рублей, индекс производства продукции сельского хозяйства составит 105,4 % к уровню 2017 года, в том числе по продукции растениеводства – 111,7 % и продукции животноводства – 101,1 %.

В сельскохозяйственном производстве области заняты 30,0 тыс. человек.

В Брянской области на 01.01 2017 года общая численность населения составила 1220530 человек, из них 855644 человек городское население, 364886 сельское население.

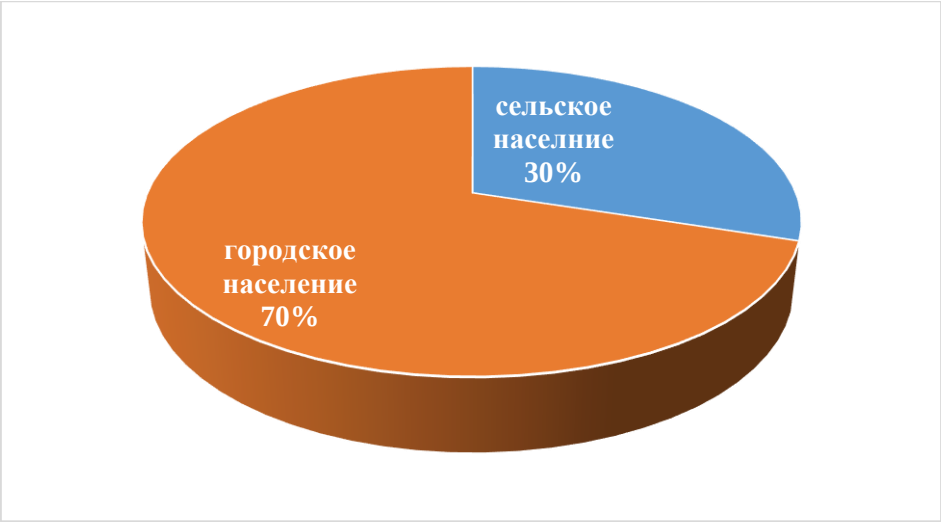


Рис. 1. Структура населения Брянской области, %

Таким образом, 70% населения области – городские жители.

Таблица 2.

Динамика сельского населения

	Численность населения на 1 января 2016 г.; человек	Изменения за 2016 год (+;-)				Численность населения на 1 января 2017 г.; человек
		Общий прирост	в том числе:			
			естественный прирост	миграционный прирост	объем МТП	
Российская Федерация	37887277	-115268	-73933	-36433	-4902	37772009
Центральный федеральный округ	7048366	-28217	-50572	22355	-	7020149
Брянская область	368842	-3956	-3110	-846	-	364886

Проанализируем численность занятых в экономике жителей сельских территорий.

Таблица 3.

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике на сельских территориях Брянской области, %

Сфера деятельности	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
сельское хозяйство	8,6	8,5	8,8	9,1	9,6	10,5	11,1
несельскохозяйственная сфера	91,4	91,5	91,2	90,9	90,4	89,5	88,9

Как следует из таблицы 3, большая часть населения сельских территорий занята в несельскохозяйственной сфере.

Брянская область относится к агроориентированному региону, а, следовательно, проблема воспроизводства трудового потенциала в АПК также злободневная.

Это же подтверждает тот факт, что реализуется подпрограмма «Обеспечение общих условий функционирования сельскохозяйственной отрасли» (2017 - 2020 годы), в которой предусмотрено обеспечение агропромышленного комплекса руководителями и специалистами с высоким уровнем компетентности, рабочими массовых профессий, способными осуществлять эффективную работу в современных условиях, обеспечение притока кадров в отрасль сельского хозяйства и закрепление их на сельских территориях.

Программой предусмотрено, что ежегодно субсидии получат 190 молодых специалистов, которые будут закреплены на сельских территориях.

Таким образом, в регионе предпринимаются меры по воспроизводству и обозначена необходимость этих мероприятий.

Рассмотрим среднюю заработную плату в АПК в регионе.

Таблица 4.

Средняя заработная плата работников в Брянской области

Виды экономической деятельности	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата		Отношение к обще областному уровню средней заработной платы в октябре 2017,%
	Октябрь 2017	Октябрь 2017 в % к октябрю 2016	
Всего	23990,1	106,4	100,0
в том числе:			
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	26042,9	106,0	108,6

Таблица 5.

Средняя начисленная заработная плата работников организаций по занятиям и видам экономической деятельности в 2015 г.

	Руководители	Специалисты высшего уровня	Специалисты	Служащие	Работники	Операторы производственных установок машин, сборщики и водители	Неквалифицированные рабочие
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	39441	25170	21507	16770	17351	24785	16625

Как следует из таблицы 4, уровень заработной платы в АПК региона превышает средний ее размер по региону по всем видам экономической деятельности на 8,6%. При этом отмечается ежегодный рост на 6%.

По данным Брянскстат среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве в 2017 году составила 25,4 тыс. рублей (рост на 7,1%), обрабатывающем производстве - 27,2 тыс. рублей (рост на 11,3%). Номинальная начисленная заработная плата в Брянской области составила 24,4 тыс. рублей и увеличилась по сравнению с 2016 годом на 6%.

Современная экономическая ситуация свидетельствует о том, что решающую роль в развитии аграрного сектора экономики играет не общее количество работающих, а качество специалистов разного уровня. Настоящий этап развития экономики Российской Федерации и ее отраслей характеризуется изменением роли человека в социально-трудовых отношениях. Человеческий ресурс должен выступать движущей силой повышения конкурентоспособности и эффективности экономики региона.

В данных условиях остро встает вопрос о повышении качества рабочей силы. Известно, что к основным характеристикам трудового потенциала относятся возраст, здоровье, личные качества, профессиональная подготовка и способность к непрерывному образованию, стаж работы по данной специальности и т.д.

Большая роль в формировании трудового потенциала АПК Брянской области принадлежит Брянскому государственному аграрному университету. Это исторически сложившейся научно-образовательный комплекс, включающий разветвленную структуру многоступенчатой системы вузовской подготовки, ведущий научные исследования по приоритетным направлениям аграрной науки.

В структуру данного университета входят 4 филиала, осуществляющих подготовку по направления СПО. В БГАУ и его филиалах по состоянию на 1 октября 2016 года обучается 7909 студентов. По программам высшего образования обучается 5078 человек, из них 1721 по очной форме (33,9 %), по очно-заочной форме 129 (2,5%), по заочной форме 3228 (63,6%). За счет средств федерального бюджета обучается 2529 человек или 49,8%, 2549 человек или 50,2% – с полным возмещением затрат.

Как показал анализ, на начало 2017 года из общей численности занятых в отрасли на долю работников, имеющих высшее образование, приходилось всего 23,5%, среднее профессиональное образование – 69,8%.

Среди всех отраслей экономики сельское хозяйство остается отраслью с самым низким удельным весом занятых с высшим и средним профессиональным образованием. В основном это работники, имеющие среднее

и основное общее образование или не имеющие такового. Можно констатировать, что существующий уровень образования в отрасли не соответствует структуре спроса на квалифицированные кадры. На современном этапе развития экономики рынок труда предъявляет к качеству трудовых ресурсов повышенные требования.

Работник любой сферы, в том числе и аграрной, должен последовательно и непрерывно расширять свои знания, совершенствовать мастерство по своей профессии, уметь быстро приспосабливаться к новым условиям хозяйственной деятельности в целях повышения ее эффективности.

Таким образом, анализ факторов, влияющих на состояние трудового потенциала региона на всех стадиях его движения позволило выявить следующее:

1 На стадии производства трудового потенциала сельского хозяйства Брянкой области большое влияние оказали демографические факторы. Длительный период отмечалось естественное снижение (убыль) населения в сельской местности, что привело к суженному воспроизводству рабочей силы и ухудшению качественных характеристик этой рабочей силы.

Необходимо отметить, что миграционные процессы можно рассматривать как с положительной, так и отрицательной точек зрения. С одной стороны, продолжает наблюдаться отток населения с этих территорий в виду отсутствия условия труд и неразвитости инфраструктуры. С другой стороны, за период с 2014 года по настоящее время пополнилось число работников сельского хозяйства за счет мигрантов и тем самым частично компенсировались низкие темпы естественного прироста населения региона и в количественном и качественном отношении.

2 В регионе имеется специализированное высшее учебное заведение, что положительно, так как есть база для повышения квалификационного уровня и инноваций. В нем ведется подготовка по программам высшего образования и среднеспециального.

3 Значительное влияние на стадии распределения трудового потенциала оказал фактор заработной платы. Сложность работ и низкий уровень оплаты привел к оттоку населения их сельских территорий и низкой заинтересованности в сельском хозяйстве. Только в последние 3 года средняя заработная плата работников сельского хозяйства возросла в сравнении со средней в регионе. Как следствие, даже рост зарплаты пока не компенсировал этот отток.

Список литературы

1. Дульзон С.В. Роль аграрного образования в формировании обеспечения кадрами сельского хозяйства // Никоновские чтения № 20-1 (20), 2015 С. 373-375

2. Игольникова И.В. Проблемы управления человеческим капиталом в агропромышленном комплексе региона // Успехи современной науки. 2017. Том 3, № 1, С. 22-26

3. Игольникова И.В., Здоронок А. В. Направления повышения эффективности управления агропромышленным комплексом региона // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2-2 (79-2). С. 227-231

4. Повышение устойчивости сельскохозяйственного развития на основе диверсификации: монография / Н.В. Быковская, Р.Г. Мумладзе, И.В. Усольцев. Москва: Русайнс, 2017. 125 с.

THE LABOR POTENTIAL REPRODUCTION OF THE AGRICULTURE IN THE BRYAN REGION AS A FACTOR OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE REGION ECONOMY

To solve the known problems of the agricultural sector of the Russian economy, it is necessary to consider the issue both in a complex and separately in different elements. One of the elements is the labor potential, which in turn is also a system. The article presents a study of the issue of the reproduction of the labor potential of the Bryansk region as a factor in improving the efficiency of the regional economy. The study is based on consideration of available statistical data and analysis of the given indicators. A comprehensive study of the issue shows the relationship of the factors presented. As a result of the research, ways of solving problems are suggested.

Keywords: economy of agriculture, reproduction, labor potential, agro-industrial complex, efficiency, regional development, development, competitiveness, trends.

References

1 Dul'zon S.V. Rol' agrarnogo obrazovaniya v formirovanii obespecheniya kadrami sel'skogo hozyajstva [The role of agrarian education in the formation of the supply of agricultural personnel] // Nikonovskie chteniya № 20-1 (20), 2015 S. 373-375

2. Igol'nikova I.V. Problemy upravleniya chelovecheskim kapitalom v agropromyshlennom komplekse regiona [Problems of human capital management in the region's agro-industrial complex] // Uspekhi sovremennoj nauki. – 2017. – Tom 3, № 1, - S. 22-26

3. Igol'nikova I.V., Zdoronok A. V. Napravleniya povysheniya ehffektivnosti upravleniya agropromyshlennym kompleksom regiona [Directions of increasing the efficiency of management of the agro-industrial complex of the region] // EHkonomika i predprinimatel'stvo. – 2017. - № 2-2 (79-2). S. 227-231

4. Povyshenie ustojchivosti sel'skohozyajstvennogo razvitiya na osnove diversifikacii: monografiya [Increasing the sustainability of agricultural development through diversification: monograph]/ N.V. Bykovskaya, R.G. Mumladze, I.V. Usol'cev. — Moskva : Rusajns, 2017. — 125 s.

Об авторе

Игольникова Инна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Брянского государственного университета имени академи И.Г. Петровского, (Россия), E-mail: nna-gukova@mail.ru

Igolnikova Inna Vladimirovna - candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Economics and Management of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, (Russia), E-mail: nna-gukova@mail.ru

УДК 336.7

Мандрон В.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)
Зверев А.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)
Мишина М.Ю., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Финансовый рынок относится к тому сегменту экономической системы, который особенно строго регулируется и контролируется государственными органами. Особое внимание государства к вопросам контроля и надзора за деятельностью финансового рынка обусловлено тем, что степень развития его инфраструктуры оказывает непосредственное воздействие на экономическое положение страны. В статье отражены особенности развития инфраструктуры финансового рынка и его роль для национальной экономики. Установлена взаимосвязь между системой регулирования и эффективностью функционирования сегментов финансового рынка. Приводится подробная характеристика составных элементов рынка и анализируется уровень их развития (денежный рынок и рынок капиталов). Отражен механизм государственного регулирования финансового рынка, и выявлена эффективность его регулирования, через систему построения единого мегарегулятора финансового рынка, что позволяет достичь максимального положительного эффекта для всех субъектов экономики. Определены меры и цели пруденциального надзора, а также проведен сравнительный анализ воздействия макропруденциального и микропруденциального надзора на финансовый сектор. Определены регулятивные полномочия Центрального банка РФ в системе регулирования. Выявлены проблемы функционирования финансового рынка на современном этапе и сформулированы выводы о необходимости развития регулятивной инфраструктуры финансового рынка для достижения устойчивого экономического роста.
Ключевые слова: финансовый рынок, система государственного регулирования, мегарегулятор, контроль, надзор, денежный рынок, рынок капитала, участники рынка, Банк России.

Главной составляющей экономики любого государства имеющей рыночный тип строения является эффективная организация всех структурных сегментов финансового рынка.

Развитие национального финансового рынка является одной из самых приоритетных задач деятельности Центробанка, так как ключевой целью его деятельности является аллокация ресурсов. Эффективно развитая инфраструктура финансового рынка способствует увеличению количества его участников и объему совершаемых сделок между ними, совершенствованию деятельности финансовых институтов и появлению новых видов финансовых инструментов и услуг. Все сегменты финансового рынка обеспечивают действие каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и, как следствие, определяет эффективность мер Банка России по достижению целевых показателей.

Методологическая основа исследования представляет собой, как теоретические, так и эмпирические методы, включающие теоретический анализ, синтез, аналогия, научное обобщение, оценка результатов функционирования финансового рынка, в частности системы государственного регулирования и его структуры.

Основные отличительные характеристики макро- и микропруденциального надзора в финансовом секторе отражены на рисунке 1.

В системе контроля, основным направлением стал микропруденциальный надзор (объектом воздействия выступают отдельные финансово-кредитные организации), на данном этапе становления системы регулирования наблюдается отсутствие платформы для полноценной реализации макропруденциального надзора, который на практике приводит к минимизации общесистемных рисков финансового сектора.

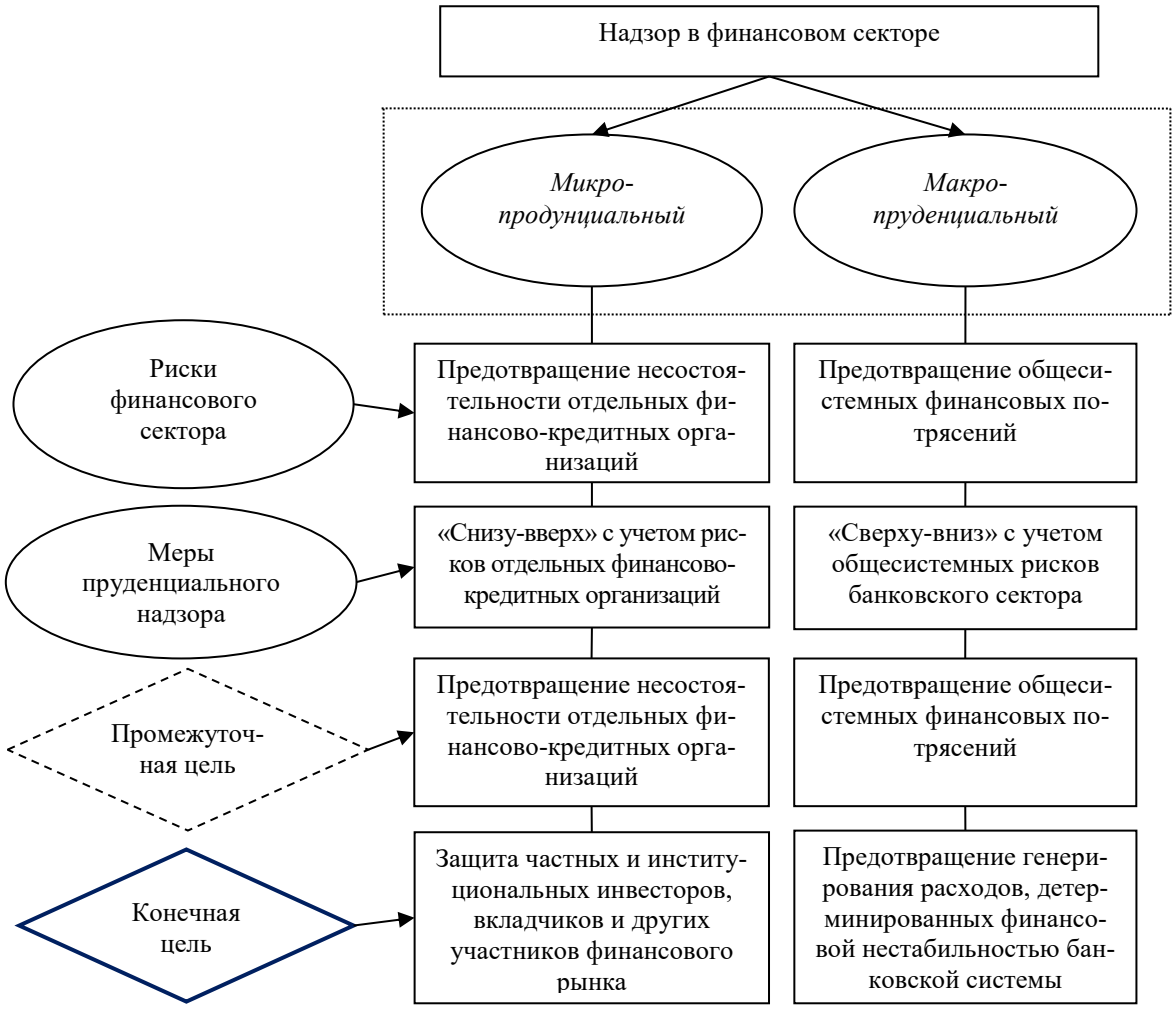


Рис. 1. Сравнительная характеристика надзора в финансовом секторе

В Российской Федерации до 2013 года надзор за деятельностью финансового рынка был распределен между несколькими регулирующими органами, которые обладали определенной долей самостоятельности. Полномочия в области регулирования финансового рынка находились у Правительства, Министерства финансов, Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) и Центрального банка. Основные регулятивные и контрольные полномочия были сосредоточены в руках Центробанка (надзорные действия за банковским сектором и участниками национальной платежной системы); Федеральной службы по финансовым рынкам (надзор и контроль за фондовым рынком, рынком страхования, за деятельностью микрофинансовых организаций, государственными пенсионными фондами и за другими субъектами рынка и финансовыми институтами) [1].

На отдельные подразделения и службы Министерства финансов РФ были возложены полномочия в области контроля за эмиссионным механизмом корпоративных и государственных ценных бумаг [3]. Минтруд РФ осуществлял надзор за деятельностью НПФ (негосударственными пенсионными фондами).

Таким образом, можно определить, что система надзора за финансовым рынком имеет выраженную сегментированность, которая приводит к тому, что действия регуляторов были рассогласованы, и вело к снижению эффективности функционирования всех секторов финансового рынка. С целью укрупнения государственного регулирующего органа было принято решение о создании единого мегарегулятора финансового рынка. Так, 1 сентября 2013 г. в России была упразднена институциональная система регулирования. В связи с этим прекратило свою деятельность ФСФР ответственная за развитие национального фондового рынка, и ее полномочия были полностью переданы Центробанку, и на платформе этого регулятора были созданы подразделения и службы, которые отвечают за все

сектора национального финансового рынка.

В целом Правительство РФ и многие участники финансового рынка положительно оценивают работу мегарегулятора (рис. 2).

На современном этапе вопрос о сегментации и строении финансового рынка остается дискуссионным. Российские и зарубежные авторы занимающиеся исследованиями функционирования финансовых рынков выделяют несколько составляющих входящих в его структуру.

Традиционно для российской и зарубежной практики деление финансового рынка осуществляется в зависимости от срочности финансовых инструментов, и финансовый рынок подразделяется на денежный рынок и капитальный рынок. Денежный рынок обеспечивает привлечение денежных средств на небольшой период, сроком не более одного года, и объектами сделок данного рынка являются краткосрочные инструменты.

1. Совершенствование надзора и обеспечение финансовой стабильности:
- исключение регулятивного арбитража; - эффективный консолидированный надзор за финансовыми группами; - повышение культуры надзора и внедрение лучших практик в небанковском надзоре (в т.ч. применение профессионального суждения); - возможность перехода от формального надзора к риск- ориентированному надзору в отношении небанковских финансовых организаций; - максимальные возможности выявления и предотвращения системных рисков; - полноценная реализацию макропруденциального надзора; - большая оперативность антикризисной политики.

2. Развитие финансовых рынков и создание международного финансового центра:
- ускорение процедуры принятия нормативных актов за счет отсутствия необходимости межведомственных согласований и повышение их качества; - формирование целостной стратегии развития финансового сектора; - устранение дублирования отчетности ФСФР и ЦБ РФ.

3. В части формирования и использования ресурсной базы:
- увеличение ресурсов, позволяющее привлекать и сохранять высококвалифицированный персонал; - максимальная экономия средств федерального бюджета; - создание единого информационного комплекса баз данных ЦБ РФ и ФСФР; - минимизация затрат за счет объединения административно- хозяйственных функций.

Рис. 2. Основные преимущества внедрения единого регулятора финансового рынка на базе Банка России

В свою очередь деление денежного рынка осуществляется на:

- вексельный (дисконтный) рынок;
- рынок евровалют;
- рынок депозитных сертификатов;
- рынок инвестиционных металлов, рынок межбанковских кредитов (МБК).

Таким образом, на денежном рынке основными инструментами являются: казначейские векселя, тратта-вексель оформляемые при коммерческих сделках, банковские депозитные сертификаты и коммерческие ценные бумаги.

Рынок капиталов обеспечивает обращение финансовых инструментов имеющих более длительный срок, и включает инструменты долевого и долгового рынков. По объему совершаемых сделок, количеству участникам и видам инструментов более емкий в отличие от денежного.

В структуру рынка капиталов входят следующие субрынки:

1) Рынок инструментов собственности:
- рынок акций;
- паи фондов.

2) Рынок инструментов займа:

- рынок банковских ссуд;
- рынок инструментов займа (государственных, муниципальных, корпоративных).

Дефиницию «денежные рынки» также применяют для характеристики рынка долговых инструментов со сроком погашения менее одного года. Отличительной чертой денежного рынка является то, что операции с инструментами денежного рынка обычно осуществляются институтами банковского сектора и доверительными управляющими, а сделки совершаются на не организованном (внебиржевом) рынке.

Применяя инструменты денежного рынка, финансово-кредитные организации могут управлять своей ликвидностью, а Национальные банки могут использовать данный рынок для регулирования национальной денежной системы [2].

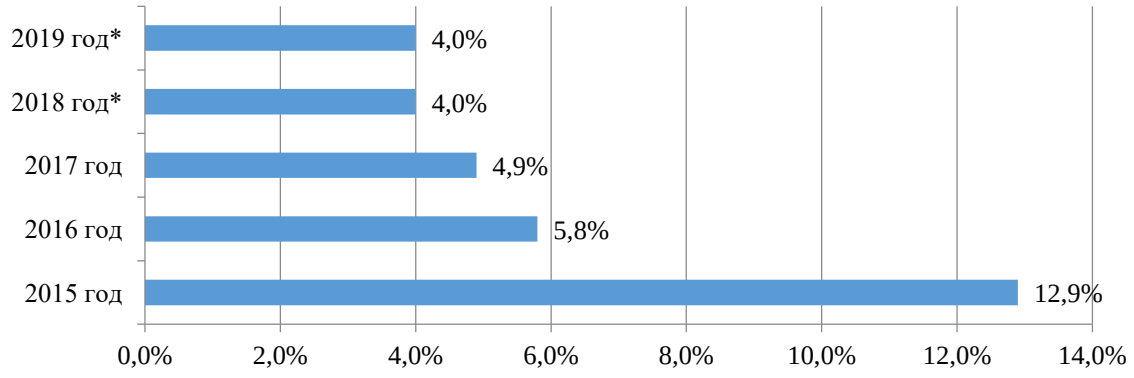
Главными участниками денежных рынков обычно являются: Правительство в лице национального банка (Банка России), местные или федеральные органы исполнительной власти, финансово-кредитные организации и другие институты финансового рынка, а также организации, которые сформировали излишки фондов или имеют дефицит свободных денежных средств. К участникам можно отнести брокеров, которые действуют в качестве посредников, организующих сделки на денежном рынке.

Все выше перечисленные участники финансового рынка могут выступать одновременно как покупателями финансовых инструментов, так и их эмитентами. Одни участники формируют свою прибыль за счёт кредитования по ставке, превышающей ставку, по которой они занимают. Организации-инвесторы могут делать краткосрочные инвестиции на денежном рынке, заимствуя деньги перечисленным выше организациям.

К важным факторам эффективного функционирования экономики является формирование результативного механизма денежно-кредитного воздействия и регулирования, который позволяет через определенные инструменты Центробанка РФ влиять на формирование ресурсной базы и деловую активность кредитных институтов, стабилизации денежного обращения. Денежно-кредитная политика Банка России оказывает прямое воздействие на все экономические процессы. Первое на что влияет уровень инфляции это организация предпринимательской деятельности и уровень жизни населения.

На современном этапе функционирования российской экономической системы, ключевой целью Банка России является управление инфляционными процессами, и удержание ее на уровне не более 4%. Не высокие инфляционные показатели, и возможность прогнозирования инфляционных показателей, дает возможность домашним хозяйствам и организациям проектировать свою деятельность на перспективу, более эффективно управлять своими денежными потоками, а также воздействовать на стабилизацию макропоказателей.

Уменьшение инфляции и ее удержание на уровне 4 % является сложной задачей для финансового регулятора. За последние 15 лет в среднем годовой темп роста цен составлял 10,8 %, а ниже 4 % инфляция снижалась единожды в период с февраля по май 2012 г. [5]. Для сглаживания данной проблемы требуется сохранения умеренно жестких денежно-кредитных условий, которые предоставят возможность инфляции снизиться до запланированных величин и фиксироваться на нем. По состоянию на ноябрь 2017 года уровень инфляции составил – 4,5 % (рис. 3).



* - прогнозные данные

Рис. 3. Динамика и прогнозные данные уровня инфляции

Основным механизмом влияния Банка России на показатели и объемы денежного рынка и рынка капиталов является процентные ставки, и определяющую роль среди параметров играет ключевая ставка, формируя и фиксируя её величину, национальный банк оказывает воздействие на процентные ставки всех финансовых инструментов, а в частности на процентные ставки по гособлигациям, банковские кредиты и депозиты. Ключевая ставка за период с сентября 2013 г. по октябрь 2017 года отражена на рисунке (рис. 4).

С середины 2013 года ключевая ставка является основным инструментом денежно-кредитного воздействия, и по итогам года она составила – 5,5%. В соответствии с данными в 2014 г. изменение ключевой ставки составляло шесть раз в сторону увеличения, и в конце года ее величина составила – 17%.

Целью Центрального банка явилось ограничение влияние инфляционных и девальвационных рисков в связи с ведением санкционных мер протии России, а также с ослаблением денежного, кредитного и валютного рынков. В 2015 г. происходило постепенное снижение ключевой ставки, и по окончанию года она составила – 11%. В 2016 г. ключевая ставка опустилась до 10%, в 2017 г. происходило поэтапное ее снижение, и к октябрю 2017 г. она составила – 8,25% [5].

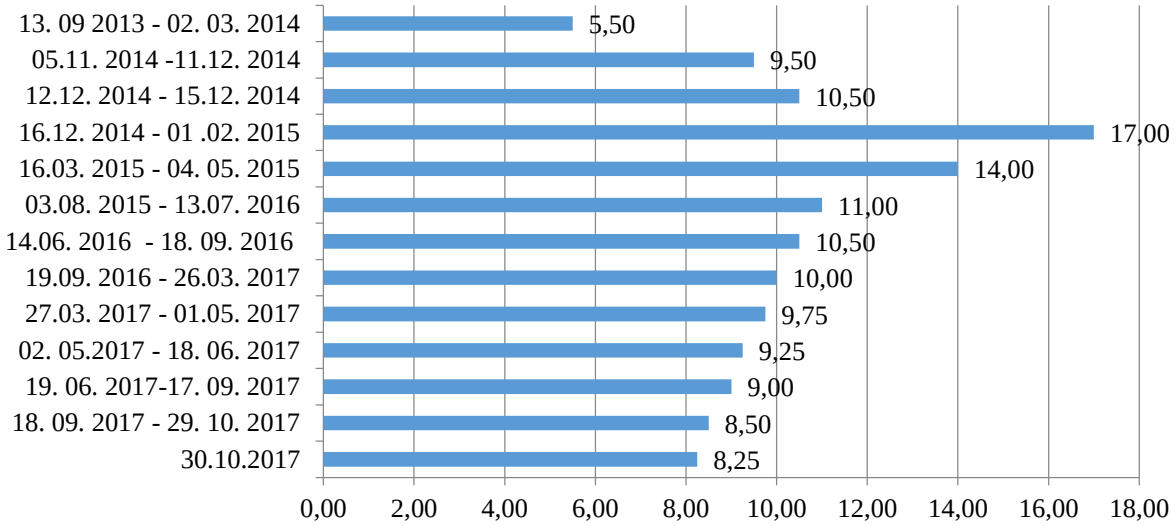


Рис. 4. Динамика ключевой процентной ставки, %

Снижение ставки Центробанком влияет на удешевление займов для кредитных организаций и росту их доходов и резервов, что, влияет на объем количества денег в обращении, и приводит к их росту. Увеличение ключевой ставки влияет на сокращение банковских резервов, и как следствие влечет сокращение денежного предложения.

Повышение процентных ставок приводит к росту сбережений и накоплений, снижению кредитной активности, понижению потребительского спроса на товары и услуги. Понижение процентных ставок, влечет снижение накоплений и повышает доступность на кредитные инструменты.

И как следствие использование данного инструмента Центоробанк влияет непосредственное влияние на потребительский спрос и воздействует на темп экономического развития. Изменение процентных ставок также сказывается на динамике курса национальной валюты, влияющего в первую очередь на цены импортных товаров и на инфляцию в целом.

На укрепление национальной валюты на валютном рынке в 2016 году повлияли следующие факторы:

- повышение мировых цен на нефть,
- приток иностранных портфельных инвестиций;
- эффективны направления денежно-кредитной политики;
- действие умеренно жесткой денежно-кредитной политики Банка России и приток иностранных портфельных инвестиций в российские ценные бумаги.

Также в 2016 году наблюдалось снижение волатильности рубля относительно прошлого года.

За 2008-2017 гг. совокупный объем денежной базы в широком определении увеличился на 166,65% и на 1 января 2018 г. составил 14701,5 млрд. руб. (рис. 5).

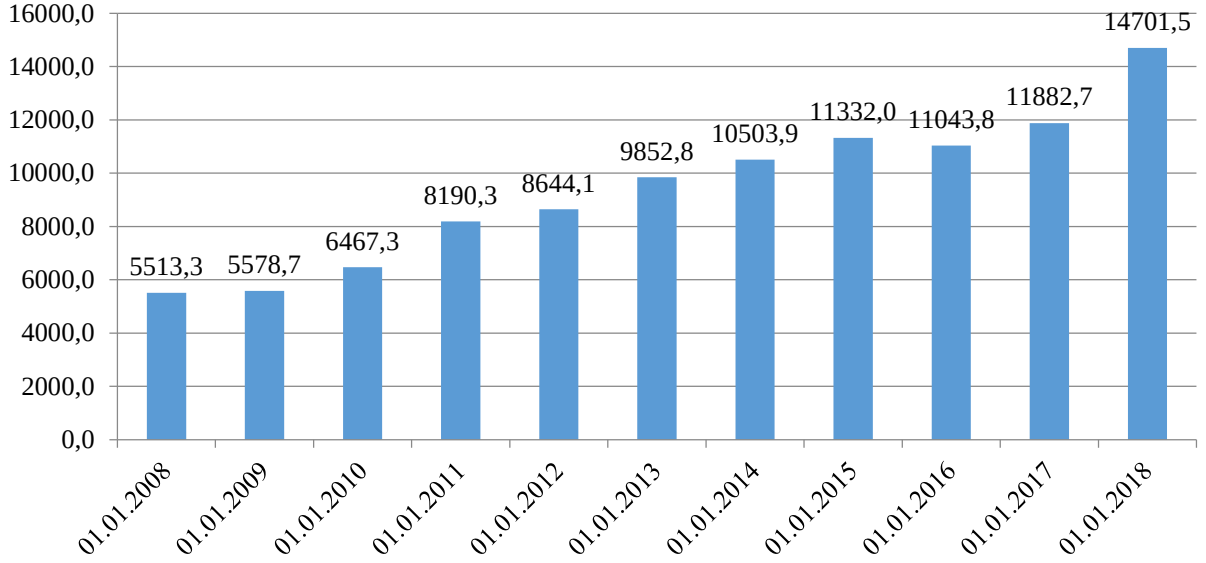


Рис. 5. Динамика денежной базы в широком определении, млрд. руб.

Ключевым фактором роста денежной базы в 2014 г. оставались операции Банка России по предоставлению средств коммерческим банкам. Фактором, способствующим сокращению денежной базы в 2014 г. стали операции Банка России по продаже иностранной валюты на внутреннем рынке. Напомним, что за 2013 г. денежная база увеличилась на 6,6% до 10,5 трлн. руб. [5].

Таким образом, регуляторная и надзорная независимость Банка России как дополнительные преимущества надзора и контроля за финансовым рынком, самостоятельность в реализации своих функций.

Основные функции Банка России на финансовом рынке:

- регистрация новых и дополнительных выпусков эмиссионных ценных бумаг выпускаемых кредитными и некредитными организациями, регистрация и утверждение проспекта эмиссии и отчетов об итогах выпуска;
- лицензирование всех видов профессиональной деятельности на финансовых рынках;
- контроль и надзор за деятельностью кредитных и финансовых некредитных организаций;
- согласование и регистрация документов финансовых некредитных организаций;
- ведение реестров;
- аккредитация организаций, осуществляющих аттестацию специалистов финансового рынка;
- присвоение статуса центрального депозитария;
- рассмотрение дел и составление протоколов о привлечении к административной ответственности лиц, нарушивших законодательство о финансовом рынке;
- иные функции, отнесенные к компетенции Банка России как мегарегулятора финансового рынка.

В связи с появлением у Банка России дополнительных полномочий произошли существенные трансформации в его структуре и органах управления. 10 декабря 2013 года в Центральном аппарате Центрального Банка сформировано девять структурных подразделений, координирующих работу всех сегментов, а в частности банковский и страховой сектор финансового рынка, фондовый рынок. После устранения Службы Банка России по финансовым рынкам ее специалисты перешли в созданные департаменты и подразделения (рис. 6).

Источник: РБК dally

Рис. 6. Структура подразделений Банка России (финансовый сектор)

Получение Банком России полномочий по нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков, будет способствовать повышению стабильности на финансовом рынке, обеспечит повышение конкурентоспособной среды всех сегментов финансового рынка.

Все составные элементы финансового рынка тесно связаны между собой. На рисунке 7 отражена модель инфраструктуры российского финансового рынка.

Основными элементами инфраструктуры современного финансового рынка являются:

- система регулирования финансовым рынком;
- кредитная система и коммерческие банки;
- эмиссионная система;
- биржи их организационно оформленное посредничество;
- организации обслуживающие рынок;
- информационные технологии и агентства массовой информации.

Сформированы и действуют такие инфраструктурные институты, как центральные депозитарии, биржи, депозитарии. Созданы институты коллективных инвестиций (инвестиционные фонды и негосударственные пенсионные фонды).

На финансовом рынке, выделяется понятие профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг; понятие и подходы к регулированию сопоставимы для брокерской, дилерской деятельности и деятельности по управлению ценными бумагами.

Наличие системы страхования вкладов и отсутствие системы компенсации убытков инвесторов на рынке ценных бумаг. Созданы национальные рейтинговые агентства.

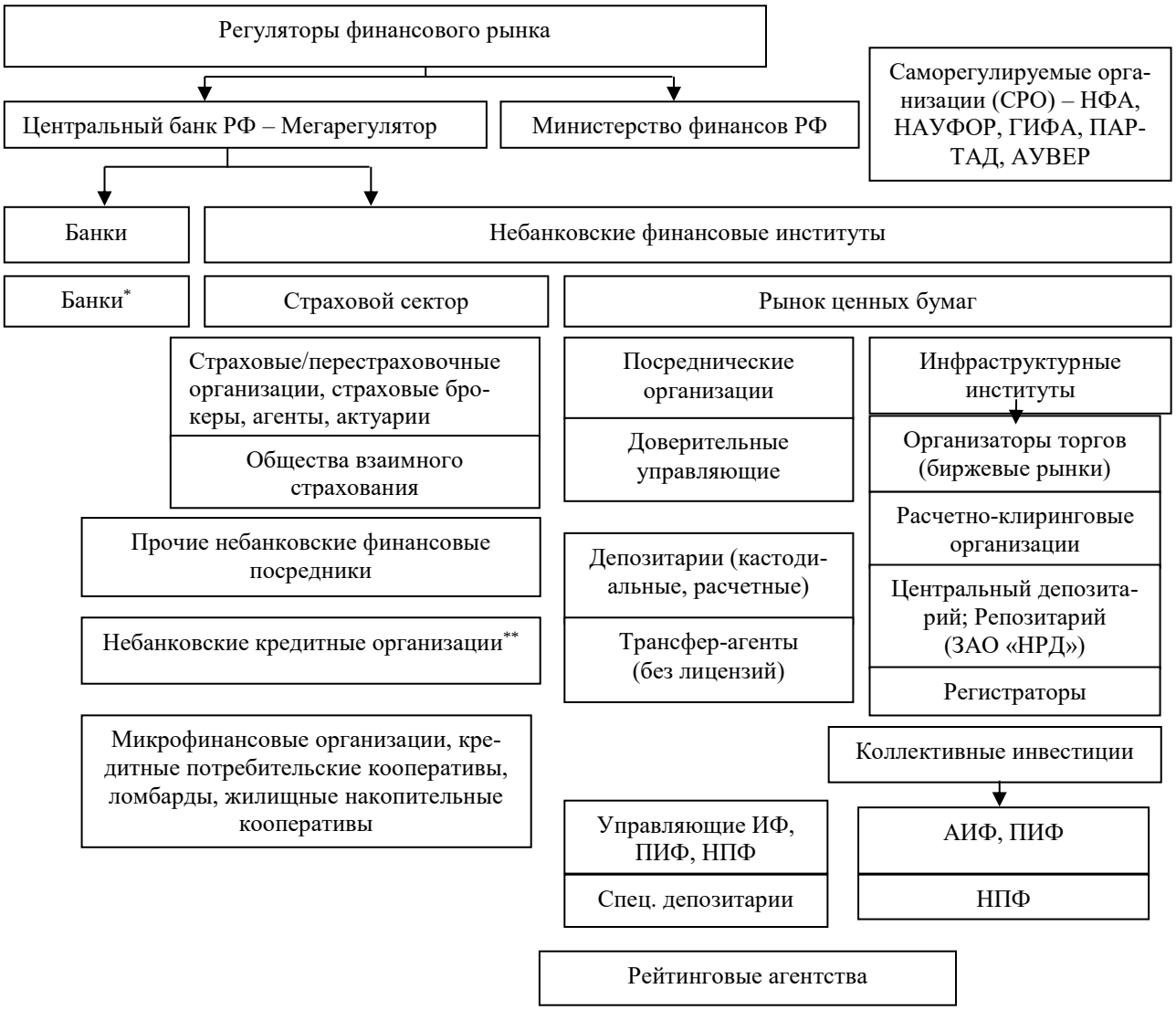


Рис. 7. Модель инфраструктуры финансового рынка России на современном этапе

Главной задачей в повышении конкурентных преимуществ национальной системы финансовых рынков на современном этапе это активная работа по совершенствованию работы государственных регуляторов. Надзор и контроль за финансовым рынком в Российской Федерации формировался поэтапно в условиях трансформации экономической системы и в условиях воздействия экономических и финансовых кризисов на национальную экономику (1994, 1995, 1998, 2008, 2014 гг.), а также из-за влияния других институционально-инфраструктурных дисбалансов. В период развития экономики и становления национальной банковской системы (1999 – 2008, 2013-2014 гг.) осуществлялись и преобразования в системе государственного регулирования финансового рынка.

Актуальным вопросом для российской практики является повышение уровня сформированности и функционирования инфраструктуры финансового рынка, оказывающего услуги, способствующего ускорению и повышению эффективности выпуска и обращения финансовых инструментов и активов.

Список литературы

1. Мандрон В.В., Голышева В.С. Оценка эффективности инструментов денежно-кредитной политики в условиях нестабильности национальной экономики // Научно-методический журнал «Концепт». 2017. № 4 (апрель) [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://ekoncept.ru/2017/170093.htm.

2. Мандрон В.В., Никонец О.Е. Финансовый рынок и устойчивость кредитных организаций: проблемы действующей системы // Вестник НГИЭИ. – 2017. – №3 (70).

3. Министерство финансов Российской Федерации – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: www.minfin.ru

4. Проект Банка России «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов». URL: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016–18.pdf (в редакции от 01.05.2016). 1.

5. Центральный банк Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: www.cbr.ru

FINANCIAL MARKETS IN MODERN RUSSIA: PECULIARITIES OF REGULATION AND DEVELOPMENT TRENDS

The financial market is a segment of the economic system that is particularly strictly regulated and controlled by public authorities. Particular attention of the state to the control and supervision of the financial market is due to the fact that the degree of development of its infrastructure has a direct impact on the economic situation of the country. The article reflects the peculiarities of the financial market infrastructure development and its role for the national economy. The relationship between the regulatory system and the efficiency of the financial market segments is established. A detailed description of the market components is given and the level of their development (money market and capital market) is analyzed. The mechanism of state regulation of the financial market is reflected, and the efficiency of its regulation is revealed, through the system of building a single megaregulator of the financial market, which allows to achieve the maximum positive effect for all subjects of the economy. The measures and objectives of prudential supervision are defined, and a comparative analysis of the impact of macroprudential and microprudential supervision on the financial sector is carried out. Regulatory powers of the Central Bank of the Russian Federation in the system of regulation are defined. The problems of functioning of the financial market at the present stage are revealed and conclusions about the necessity of development of regulatory infrastructure of the financial market for achievement of steady economic growth are formulated.
Keywords: financial market, the system of state regulation, regulator, control, supervision, money market, capital market, market participants, the Bank of Russia.

References

1. Mandron, V.V., Golysheva, V.S. (2017). Ocenka ehffektivnosti instrumentov denezhno-kreditnoj politiki v usloviyah nestabil'nosti nacional'noj ehkonomiki [Assessment of the effectiveness of monetary policy instruments in the conditions of instability of the national economy]. Nauchno-metodicheskij zhurnal «Koncept» http: / / ekoncept.ru/2017/170093.htm Oh.

2. Mandron, V.V., Nikonec, O.E. (2017). Finansovyj rynok i ustojchivost' kreditnyh organizacij: problemy dejstvuyushchej sistemy [Financial market and the stability of credit institutions: problems of the current system]. Vestnik NGIEHI, 3(70).

3. Ministerstvo finansov Rossijskoj Federacii [Ministry of Finance of the Russian Federation]. www.minfin.ru.

4. Proekt Banka Rossii «Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossijskoj Federacii na period 2016–2018 godov» [Bank of Russia project «Main directions of development of the financial market of the Russian Federation for the period 2016-2018»]. http://www.cbr.ru/finmarkets/files/development / on fr_2016-18.pdf.

5. Central'nyj bank Rossijskoj Federacii [Central Bank of the Russian Federation]. www.cbr.ru.

Об авторах

Мандрон Виктория Валериевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия). E-mail: mandron.v@yandex.ru

Зверев Алексей Витальевич – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия). E-mail: zverev28@yandex.ru

Мишина Мария Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия). E-mail: mar-mish@yandex.ru

Mandron Victoria Valerievna – candidate of economic Sciences, associate Professor, Bryansk state University named after I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: andron. v@yandex.ru

Zverev Aleksei Vitalievich – candidate of economic Sciences, associate Professor, Bryansk state University named after I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: zverev28@yandex.ru

Mishina Maria Yuryevna – candidate of economic Sciences, associate Professor, Bryansk state University named after I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: mar-mish@yandex.ru

УДК 657.471

Мельгуй А.Э., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Ермакова Л.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Ковалева Н.Н., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Ковалев А.Ф., кандидат технических наук, доцент, Брянский государственный аграрный университет (Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕТА ЗАТРАТ

В статье раскрывается сущность экологического учета затрат. В настоящее время экологический учет затрат является развивающимся и перспективным направлением эволюции бухгалтерского финансового учета. Одной из проблем экологического бухгалтерского учета является недостаточно разработанная методика учета экологических затрат, что приводит в ряде случаев к их потере в структуре расходов организации. Информация об экологических издержках содержится на счетах финансового бухгалтерского учета, но ее трудно идентифицировать, так как она растворяется в общих информационных потоках и, зачастую, не выделяется на отдельных субсчетах или в аналитических бухгалтерских регистрах. Это значительно снижает информативность бухгалтерских финансовых отчетов. При этом экологические издержки достаточно многообразны и информация о них содержится практически на всех бухгалтерских счетах, аккумулирующих сведения о затратах экономического субъекта.
Ключевые слова: экологический учет; система субсчетов, аккумулирующих информацию об экологических издержках; экологическая отчетность; экологический анализ; учетно-аналитическое обеспечение; классификация экологических затрат; управленческая деятельность; финансирование экологической деятельности.

При проведении научного исследования применялись теоретический (аксиоматический, гипотетический, общелогические (синтез, анализ, дедукция, индукция) методы) и эмпирический (методы наблюдения, описания, сравнения) уровни познания. Также в исследовании использовались элементы метода бухгалтерского учета: документирование, оценка, счета, двойная запись, баланс и отчетность.

В современном мире экологический учет затрат в рамках бухгалтерского учета занимает развивающуюся нишу. Так как проблемы экологического учета затрагивают экологию, экономику, окружающую среду, общество и, конечно же, бухгалтерский управленческий учет. За рубежом, начиная с 70-х годов прошлого века, и по сей день, проводятся исследования в данном направлении.

Основными пользователями экологического учета затрат, как правило, являются сами организации и их работники. Но ситуация меняется с каждым днем, в том числе и в системе экологического учета, так как расширяется круг его пользователей.

На сегодняшний момент признается использование и применение традиционных методов учета (финансового и управленческого) по формированию информации о затратах как в системе учета, так и в отчетности организации. А вот, что касается экологического учета, то на современном развитии национальной учетной системы, он не регламентирован на законодательном уровне и еще только начинается его становление.

При этом, крупные корпорации испытывают острую нехватку информации об экологических затратах в своей деятельности. Так как экономические и нормативные аспекты экологического учета и отчетности являются непроработанным участком учетно-аналитического обеспечения управленческой деятельности.

Данные факты говорят об отсутствии апробированных методик формирования экологических затрат, так как на современном этапе развития национальной бухгалтерской системы вопросы экологического учета затрат остаются нерешенными: отсутствует единая классификация затрат в экологическом учете, методики их учета и формирование информации о затратах экологического учета в системе управления экономическим субъектом.

Расходы на охрану окружающей среды для промышленных организаций (сокраще-

ние загрязнения, переработка отходов, мониторинг, налоговые и страховые сборы) растут с каждым годом, так как принимаются более жесткие экологические нормы. В системе управленческого учета эти экологические расходы отнесены к общим накладным расходам, в результате чего руководство не знает о масштабах экологических расходов и не предпринимает никаких усилий для того, чтобы их сократить.

Определяя, оценивая и распределяя экологические затраты, система экологического учета позволяет руководству определить возможности для экономии затрат. Например, экономии можно добиться путем замены токсичных органических растворителей нетоксичными аналогами, что исключит высокие растущие затраты, обработку опасных отходов и другие издержки, связанные с использованием токсичных материалов [6].

Часто встречается ситуация, когда на 20 % производственной деятельности приходится 80 % экологических издержек, и экологические затраты распределяются по накладным счетам, совместно используемым всеми линейками выпускаемых продуктов. Продукты с низкими экологическими затратами субсидируют те, которые сопряжены с высокими затратами. Это приводит к неправильному ценообразованию продукта, что снижает его прибыльность.

Относительно простое применение системы экологического учета, которое может дать большую экономию затрат, заключается в управлении отходами, поскольку затраты на обработку и «удаление» отходов относительно легко определить и распределить на конкретные продукты. Другие экологические издержки, включая издержки, связанные с соблюдением нормативных требований, судебные издержки, ущерб корпоративному имиджу и экологическим обязательствам и рискам, труднее поддаются оценке. Но наибольшая часть всех экологических издержек приходится на стоимость приобретения материалов в непродуктовом производстве и может составлять до 10-100 раз больше затрат на утилизацию в зависимости от вида бизнеса.

Счета финансового учета включают большую часть этих расходов, но агрегируются таким образом, что нельзя определить конкретные экологические издержки. Вместе с тем имеются данные о том, что некоторые экологические обязательства и риски, которые, в принципе, должны охватывать управленческую отчетность, часто не отражаются, например, расходы по очистке загрязненных земель. Система экологического учета будет способствовать созданию более полных бухгалтерских финансовых отчетов [8].

Экологические затраты – это лишь небольшая доля всех затрат предприятия, которые необходимо учитывать для принятия правильных управленческих решений. Экологические затраты являются частью комплексной системы материальных и финансовых потоков всей организации, а не отдельным видом затрат.

К экологическим затратам в той или иной мере можно отнести следующие виды:

1) Организация подготовительных работ в экономических субъектах, специализирующихся на добычи полезных ископаемых:

- возведение сооружений, предохраняющих атмосферный воздух от вредных и загрязняющих его взбросов;

- возведение сооружений, обеспечивающих очистку сточных вод;

- внедрение в хозяйственную деятельность оборудования, обеспечивающего обезвреживание и переработку производственных и потребительских отходов;

- осуществление деятельности, связанной с защитой и восстановлением почвы, а также подземных и поверхностных вод;

- внедрение в хозяйственную деятельность технологий, обеспечивающих защиту окружающей среды от различных видов физического воздействия (вибрации, шума и т.д.):

- внедрение в хозяйственную деятельность технологий, обеспечивающих защиту окружающей среды от радиации;

- разработка и внедрение в хозяйственную практику новых и эффективных образцов природоохранного оборудования и сооружений.

Таким образом, к экологическим затратам, относится часть капитальных вложений, непосредственно связанных с экологией. В том числе и объекты капитального строительства. Как правило, все капитальные вложения организаций в незавершенное строительство, сооружения, незаконченные операции по приобретению основных средств, не-

материальных и других внеоборотных активов отражаются на счете 08 «Вложения во внеоборотные активы».

В системе субсчетов, отрываемых в развитие этого счета, нужно обособить информацию о капитальных вложениях в объекты недвижимости, направленные на улучшение экологических последствий от хозяйственной деятельности предприятия. Это даст возможность менеджменту экономического субъекта анализировать информацию о капитальных затратах, связанных с экологическими проектами, и представляющих собой затраты на строительство и реконструкцию объектов, снижающих влияние на экологию от деятельности предприятия, а также на выполнение проектно-изыскательских, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ экологической направленности [1].

При таком построении бухгалтерского учета пользователи финансовой отчетности получат более четкое представление о том, какая часть имеющихся на балансе активов относится к экологии и может приносить экономические выгоды не явно, а опосредованно, за счет использования сообща с другим имуществом.

2) Затраты, имеющие некапитальный характер и направленные на повышение экологической чистоты выпускаемой продукции, в том числе на переработку или утилизацию вредных и экологически опасных отходов производства, и улучшение средозащитных параметров организации производственных процессов и совершенствование технологии производства.

3) Затраты, осуществляемые в связи с необходимостью обслуживания природоохранного процесса и соблюдения экологических требований, в том числе его обеспечение материальными и финансовыми ресурсами, оплатой труда персонала, задействованного в этой сфере, финансированием ремонтных работ зданий и оборудования, обеспечивающего экологическую безопасность производственных процессов.

4) Затраты направленные на организацию управленческих мероприятий по обеспечению экологической безопасности хозяйственной деятельности экономического субъекта.

5) Затраты, связанные с необходимостью профессиональной подготовки и переподготовки персонала, задействованного в сфере обеспечения экологической безопасности производственных процессов, а также с наймом высококвалифицированных работников, специализирующихся в данной сфере управленческой деятельности.

6) Расходы, связанные с отчислениями в соответствии с нормами действующего законодательства во внебюджетные фонды по социальному страхованию и обеспечению.

7) Амортизационные отчисления по основным средствам и нематериальным активам, относящимся к природоохранной деятельности экономического субъекта.

8) Оплата арендных обязательств по эксплуатации имущества, используемого для защиты окружающей среды (например, арендная плата за использование специальных транспортных средств).

9) Расходы на рекламу по продвижению продукции с повышенными экологическими характеристиками.

10) Издержки, связанные с уплатой в бюджет налогов и сборов возникшие в связи с соблюдением экологических норм (например, налог на имущество, уплачиваемый за оборудование, которое используется для соблюдения норм экологического законодательства).

11) Непроизводительные затраты, которые имеют отношение к обеспечению безопасности окружающей среды от вредных промышленных производств.

12) Прочие издержки, связанные с мероприятиями по минимизации вредного воздействия производственных процессов на окружающую среду и экологическое состояние территорий, находящихся в непосредственной близости с промышленным производством.

Таким образом, необходимо учитывать затраты по содержанию и эксплуатации объектов, связанных с экологической деятельностью, в составе соответствующих статей расходов по обычным видам деятельности:

- материальные расходы;
- расходы на оплату труда;
- отчисления во внебюджетные фонды по социальному страхованию и обеспечению;
- амортизация основных средств;
- прочие.

Расходы, связанные с природоохранными мероприятиями и поддержанием приемлемого уровня экологического состояния примыкающих к производству территорий, учитываются совместно с другими текущими расходами на производство экономического субъекта на синтетических счетах 20 «Основное производство», 25 «Общепроизводственные расходы», 26 «Общехозяйственные расходы». При этом, если эти расходы носят существенный характер, то их стоит выделять в отдельную статью «Экологические мероприятия» в формах бухгалтерской отчетности. При несущественности данных расходов, достаточно раскрыть информацию о них в пояснительной записке к бухгалтерской отчетности [3].

С точки зрения изменений, вносимых в организацию учетно-аналитической работы, обеспечивающих потребность менеджмента в информации по эколого-социальной деятельности экономического субъекта, важно эффективно организовать аналитический учет затрат, с тем уровнем детализации рабочего плана счетов, который полностью удовлетворит потребности руководства предприятия в получении необходимой информации по экологическим издержкам.

Выделение в учете экологических затрат связано также с решением проблемы упорядочения и распределения их между отдельными видами продукции, изделий или операций. На данный момент времени экологические затраты распределяются вместе со всеми затратами, в которых они сокрыты. Соответственно, в большинстве случаев база распределения затрат в организации не имеет никакой экономически обоснованной связи с экологическими расходами. Так как большая часть экологических расходов включена в общепроизводственные и общехозяйственные расходы и распределяется, как правило, пропорционально заработной плате производственных рабочих. Но ведь затраты на экологические мероприятия зависят от объёма, токсичности и сложности обезвреживания отходов, образующихся при производстве тех или иных изделий, а не от трудоемкости производственных рабочих. Впоследствии полностью искажаются пропорции, а это отрицательно сказывается на осуществлении внутрипроизводственного расчета, а также на ценообразовании [2].

Исходя из стандартного Плана счетов, каждая организация может уточнять содержание приведенных в нем субсчетов, исключать и объединять их, а также вводить дополнительные субсчета.

Не стоит в плане учета и контроля экологических издержек придерживаться котлового метода учета затрат, а следует так организовать систему аналитического учета, которая будет способна группировать все текущие расходы, связанные с мероприятиями по экологической деятельности экономического субъекта, по их видам и месту возникновения.

Также необходимо учитывать то, что обособление в учетных регистрах расходов, которые связаны с платежами за сверхнормативные сбросы, выбросы загрязняющих веществ в окружающую среду, способствует получению необходимых данных для регистрации в бухгалтерской системе постоянных разниц, что предусмотрено требованиями ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций». Информационные потоки о штрафных санкциях и выплатах по искам за нарушение экологического законодательства аккумулируются на счете 91 «Прочие доходы и расходы».

Учетно-аналитическая работа по регистрации финансирования мероприятий, связанных с экологической деятельностью зависит от источников, осуществляющих это финансирование. При организации контрольных мероприятий за расходованием средств, выделяемых на экологические цели, необходимо ежемесячно или ежеквартально формировать отчет о расходовании средств на экологические цели по установленной в организации форме, в которой будет отражаться следующая информация:

- сведения о вложенных в экологические проекты собственных средствах. Это актуально в ситуациях, если собственник экономического субъекта принял решение о финансировании природоохранных мероприятий за счет собственных средств компании. Такие расходы учитываются по общим правилам признания расходов, которые регламентирует ПБУ 10/99 «Расходы организации»;

- сведения о вложенных в экологические проекты государственных средствах. Такая информация выделяется в тех случаях, если

экономический субъект получает государственное финансирование на реализацию экологических проектов. Государственное финансирование выделяется на мероприятия по осуществлению экологического контроля, сбору и утилизации промышленных и бытовых отходов, очистку сточных вод, на прикладные научные исследования, связанные с охраной окружающей среды, мероприятия по охране объектов растительного и животного мира и среды их обитания, и т.д. Учетно-аналитическая работа по раскрытию информации о получении и использовании таких средств ведется в соответствии с требованиями ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи»;

- сведения о вложенных в экологические проекты заемных средств. Когда для финансирования экологических проектов привлекаются заемные средства, будь то кредиты банков или займы от юридических и физических лиц, в регистрации такой информации задействованы счета 66 «Краткосрочные кредиты и займы» (если долговые обязательства не превышают 12 месяцев) и 67 «Долгосрочные кредиты и займы» (если долговые обязательства превышают 12 месяцев). К указанным синтетическим счетам необходимо открыть отдельные субсчета и аналитические счета, которые позволят обособить учетную информацию с детализацией по видам кредитов и займов, полученных на природоохранные мероприятия.

Раскрытие информации о расходах, которые связаны с реализацией природоохранных мероприятий и освоением средств, полученных в результате предоставленных займов и кредитов, производится на основании положений бухгалтерского стандарта ПБУ 15/2008 «Учет расходов по займам и кредитам». При этом учетно-аналитической службе экономического субъекта необходимо организовать обособленный учет и дополнительное раскрытие информации о заемных средствах, которые получены для реализации мероприятий, связанных с экологической деятельностью.

Существенной проблемой является то, что вся формируемая информация о проводимых экономическим субъектом природоохранных мероприятиях подлежит предоставлению только в статистические государственные органы. Данная информация не подлежит обязательному аудиту. Законодательство не предусматривает ее обязательную публикацию, а, следовательно, эта информация практически не является публичной и не доходит до заинтересованных пользователей [5].

Практически учетная информация об экологической деятельности экономического субъекта аккумулируется в единственном документе статистической отчетности по форме 4-ОС «Сведения о текущих затратах на охрану окружающей среды и экологических платежах». В ней отражаются затраты предприятия, связанные:

- с охраной атмосферного воздуха и предотвращением изменения климата;
- со сбором и очисткой сточных вод;
- с защитой и реабилитацией земель, поверхностных и подземных вод;
- с защитой окружающей среды от шумового, вибрационного и других видов физического воздействия;
- с сохранением биоразнообразия и охраной природных территорий;
- с обеспечением радиационной безопасности окружающей среды;
- с научно-исследовательской деятельностью и разработками по снижению негативных антропогенных воздействий на окружающую среду;
- с другими направлениями деятельности в сфере охраны окружающей среды.

При этом сведения в этой статистической форме должны быть представлены в двух вариантах: «по плану» и «фактически». И большинство экономических субъектов не имеет возможности предоставить в статистические органы достоверные сведения. Так как экологические затраты в системе бухгалтерского учета не выделяются и в бухгалтерской отчетности отражаются в совокупности с другими расходами. Поэтому в этой форме статистической отчетности очень часто предоставляются заведомо недостоверные данные [7].

В данном случае, отсутствие достоверного, качественного и прозрачного отражения информации о расходах и результатах природоохранной деятельности экономических субъектов снижает уровень материальной ответственности и нивелирует материальную заинтересованность трудовых коллективов и отдельных работников в обеспечении экологической безопасности производственных процес-

сов. Это затрудняет анализ экономической эффективности природоохранных мероприятий. Кроме того, в статистическом отчете не приводятся сведения об экологических обязательствах экономических субъектов, а присутствует информация только о фактически осуществленных капитальных вложениях на мероприятия по охране и рациональному использованию природных ресурсов, а также о текущих расходах на природоохранные мероприятия. Развитие этой сферы учетно-аналитической работы предполагает выделение в отдельную категорию такого важного понятия, как экологические обязательства экономического субъекта. На современном этапе развития учетной науки важно обозначить методические подходы к определению зависимости экономического и финансового положения экономического субъекта от экологического состояния региона, определению размера природоохранных затрат предприятия в зависимости от количества потребляемых природных ресурсов и уровня осуществляемого предприятием загрязнения окружающей среды.

На современном этапе развития бухгалтерского учета, традиционно используемые аналитические инструменты обработки отчетных бухгалтерских данных не позволяют обеспечить достоверность аналитических выкладок по реализуемым экологическим стратегиям и определить уровень их эффективности после внедрения в хозяйственную деятельность экономического субъекта запланированных мероприятий. При этом одной из основополагающих функций экологического учета является планирование природоохранных мероприятий. Тут главным является измеримость целей и задач экологических мероприятий, и их соответствие реализуемой экономическим субъектом экологической политики. Она должна быть направлена на соблюдение экологического законодательства, способна предотвращать загрязнение биоресурсов в результате хозяйственной деятельности экономического субъекта и минимизировать вредные воздействия на окружающую среду [4].

При формировании экологической программы аналитические службы экономического субъекта должны ее структурировать в соответствии с предполагаемыми экологическими целями и задачами, которые необходимо решить. Экологическая программа должна включать:

- перечень предполагаемых экологических мероприятий;
- обоснование предполагаемых результатов;
- характеристики, обосновывающие достижение контрольных показателей;
- необходимые для достижения поставленной цели материальные ресурсы;
- намеченные сроки выполнения экологических проектов;
- определение персональной ответственности при реализации экологических целей в рамках осуществляемых экономическим субъектом мероприятий.

В 2011 году принят нормативный акт: Письмо Минфина РФ № ПЗ-7/2011 «О бухгалтерском учете, формировании и раскрытии в бухгалтерской отчетности информации об экологической деятельности организации», который разъясняет отдельные правовые нормы, связанные с учетом, формированием и раскрытием в финансовой отчетности информации о природоохранной деятельности экономического субъекта. Но этот нормативный акт в экономических субъектах при разработке учетной политики и составлении бухгалтерских отчетов практически не используется.

Однако производственная практика свидетельствует о том, что крупные экономические субъекты не могут обойтись без разработки нормообразующих показателей природопотребления, которые отражают величину максимально допустимой антропогенной нагрузки на природные системы и определяют размер природоохранных затрат на компенсацию экологического ущерба и другие экологические нормативы.

При этом мы не настаиваем на образовании новой экологической подсистемы бухгалтерского учета, которая, в принципе, не нужна и влечет дополнительные расходы на содержание учетно-аналитических служб экономического субъекта. Необходимо доработать действующую систему финансового учета и выделить с помощью существующих методов из общих затрат предприятия затраты, связанные с природоохранными функциями. В настоящее время экологические затраты не являются отдельным объектом

учета и «растворяются» в общем потоке информации, связанной с обработкой и классификацией затрат экономического субъекта, возникающих при осуществлении его хозяйственной деятельности.

Важным фактором совершенствования учетно-аналитической работы крупных предприятий является экологизация материального производства и формирование необходимой для менеджмента бухгалтерской информации, с учетом воздействия производственных процессов на окружающую природную среду.

Сведения, содержащиеся в формах статистической отчетности, связанные с экологической деятельностью промышленных предприятий, будут достоверны только в том случае, если они будут коррелировать с данными, сформированными и обособленными в системе бухгалтерского финансового или управленческого учета.

При этом проблемными участками являются:

- идентификация природных ресурсов как учетных объектов;
- обособленное формирование информации в учетных регистрах об обязательствах по охране и восстановлению окружающей среды;
- раскрытие информации об экологической деятельности в финансовой отчетности;
- методы оценки природных ресурсов при принятии их к учету.

На современном этапе развития национальной учетно-аналитической системы, проблемам экологии уделяется мало внимания и современные бухгалтерские регистры не способны предоставить полную и достоверную информацию в этой части осуществления хозяйственной деятельности экономических субъектов.

Список литературы

1. Дедова О.В., Мельгуй А.Э., Ермакова Л.В. Обеспечение учетной информацией системы управления организацией // Бюллетень науки и практики. 2017. № 5 (18). С. 202-210.

2. Ермакова Л.В., Гудкова О.В., Мельгуй А.Э. Основные направления организации управленческого учета на предприятии // Экономика, предпринимательство и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 315-320.

3. Ермакова Л.В., Дворецкая Ю.А., Ковалева Н.Н. Модель оптимизации финансово-учетной системы предприятия // Экономика. Социология. Право. 2017. № 2 (6). С. 29-35.

4. Катков Ю.Н., Дедова О.В., Кузнецова О.Н., Ковалева Н.Н., Ермакова Л.В. Методологические и практические подходы к обеспечению устойчивости сельскохозяйственных организаций // Вестник АПК Ставрополья. 2017. № 2 (26). С. 207-213.

5. Ковалева Н.Н. Отдельные аспекты организации бухгалтерского экологического учета на сельскохозяйственных предприятиях // Бухучет в сельском хозяйстве. 2012. № 6. С. 20-25.

6. Ковалева Н.Н., Александров Д.В. Социально - экономическое развитие региона в контексте экономической безопасности. В сборнике: Современные концепции развития науки Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Сукиасян Асатур Альбертович. 2017. С. 71-75.

7. Ковалева Н.Н., Дедова О.В. Учетно-аналитические инструменты признания затрат на производство продукции (работ, услуг) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2016. № 3. С. 13-18.

8. Кузнецова О.Н., Мельгуй А.Э., Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А. Механизм управления бухгалтерскими рисками в аграрных формированиях // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2017. № 5 (60). С. 73-79.

TOPICAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL COST ACCOUNTING

The article reveals the essence of environmental cost accounting. Currently, environmental cost accounting is a developing and promising direction in the evolution of financial accounting. One of the problems of environmental accounting is the insufficiently developed method of accounting for environmental costs, which in some cases leads to their loss in the structure of expenses of the organization. Information about the ecological costs contained on accounts financial accounting, but it is difficult to identify, as it dissolves in the General information flows and are often not allocated to separate

subaccounts, or in the analytical accounting registers. This significantly reduces the information content of financial statements. At the same time, environmental costs are quite diverse and information about them is contained in almost all accounting accounts, accumulating information about the costs of the economic entity.
Keywords: environmental accounting; system of sub-accounts, accumulating information on environmental costs; environmental reporting; environmental analysis; accounting and analytical support; classification of environmental costs; management; financing of environmental activities.

References

1. Dedova, O.V., Melgoui, A.E., Ermakova, L.V. (2017) Ensuring rekening inligting van Bestuurstelsel [Bulletin van Wetenskap en praktyk] №. 5 (18). C. 202-210.

2. Ermakova L.V., Gudkova, O.V., Melgoui, A.E. (2016) Hoof rigtings die organisasie van bestuur Rekeningkunde in die onderneming [Ekonomie, besigheid en Wet] t. 6. № 3. C. 315-320.

3. Ermakova, L.V., Dvoretskaya, Y.A., Kovaleva, N.N. (2017) Model van optimalisering van finansiële en rekeningkundige stelsel van Enterprise [Ekonomie. Sosiologie. Reg] № 2 (6). C. 29-35.

4. Katkov, Y. N., Dedova, O.V., Kuznetsova, O.N., Kovaleva, N.N., Ermakova, L.V. (2017) Metodologiese en praktiese benaderings om te verseker die volhoubaarheid van die landbou organisasies [Herald van die AGROINDUSTRIAL-KOMPLEKS van Stavropol] №. 2 (26). C. 207-213.

5. Kovaleva, N.N. (2012) Sekere aspekte van die organisasie van rekeningkundige van omgewings Rekeningkunde in landbou ondernemings [Rekenpligtige in landbou] №. 6. C. 20-25.

6. Kovaleva, N.N. Alexandrov, D.V. (2017) Sosio-ekonomiese ontwikkeling van die streek in die konteks van ekonomiese sekuriteit. In hierdie uitgawe: moderne konsepte van ontwikkeling van die wetenskap versameling van artikels van die internasionale wetenskaplik-praktiese konferensie. Editor-in-Chief Sukiasyan Asatur Albertovich. 71-75.

7. Kovalyova, N.N., Dedova, O.V. (2016) Rekeningkundige en analitiese gereedskap erkenning van uitgawes vir produksie van goedere (werke, dienste) [Herald van die Dagestan State University. Reeks 2: Sosiale Wetenskappe] № 3. C. 13-18.

8. Kuznetsova, O.N., Melgoui, A.E., Kovaleva, N.N., Dvoretskaya, Y.A. (2017) Rekeningkundige risiko bestuur meganisme in agrariese formasies [Landbou wetenskap Euro-noord-oos] №. 5 (60). C. 73-79.

Об авторах

Мельгуй Андрей Эдуардович – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: mae1089@yandex.ru
Ермакова Людмила Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: tkdtkd@yandex.ru
Ковалева Наталья Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kovaleva-nat@yandex.ru
Ковалев Александр Федорович – кандидат технических наук, доцент, Брянский государственный аграрный университет (Россия) E-mail: kovalev-alex441@yandex.ru

Melgui Andrei Eduardovich – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: mae1089@yandex.ru
Ermakova Ludmila Vladimirovna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: tkdtkd@yandex.ru
Kovaleva Natalya Nikolaevna – Ph. D. (Econ.), associate Professor, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: kovaleva-nat@yandex.ru
Kovalev Aleksandr Fyodorovich – candidate of technical Sciences, associate Professor, Bryansk state agricultural University (Russia) E-mail: kovalev-alex441@yandex.ru

УДК 342.95

Артамонов А.Н., кандидат юридических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ НОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД

В связи с участившимися случаями нарушения законодательства о государственных наградах целью данной статьи является исследование нормативного правового регулирования юридической ответственности за незаконное ношение государственных наград Российской Федерации и наград субъектов Российской Федерации. Проанализированы нормы действующего законодательства, правоприменительная практика и судебная статистика. Выявлены особенности привлечения к ответственности по делам данной категории. Особое внимание уделено причинам латентности деликтов, связанных с незаконным ношением государственных наград и наград субъектов Российской Федерации. Высказано мнение об ужесточении штрафных санкций за незаконное ношение государственных наград.

Ключевые слова: государственные награды, административное правонарушение, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, латентность.

Участившиеся в последние годы случаи появления так называемых «лжеветеранов» и «псевдоафганцев», «липовых» орденоносцев и «ряженых» казаков с наградными «иконостасами» на груди ставят вопрос об их привлечении к ответственности за нарушения норм законодательства о государственных наградах. Так как эти деяния не подпадают под действие норм статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации - «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград»[1], то в обществе складывается снисходительное отношение к подобного рода явлениям. Между тем, современное российское законодательство предусматривает различные виды юридической ответственности за незаконное ношение государственных наград. Частью 1 статьи 17.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за ношение ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию, знака отличия Российской Федерации, РСФСР, СССР, орденских лент или лент медалей на планках лицом, не имеющим на то права [2]. Данное правонарушение влечет за собой наказание в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей с конфискацией государственной награды. Диспозиция части 2 указанной статьи направлена на предотвращение неуважительного отношения к государственным наградам и предусматривает административную ответственность за учреждение или изготовление знаков, имеющих схожее название или внешнее сходство с ними. В качестве санкции предусматривается наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей с конфискацией знаков; на должностных лиц – от четырех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией знаков; на юридических лиц – от восьмидесяти пяти тысяч до ста тысяч рублей с конфискацией знаков.

В силу разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, субъекты Российской Федерации самостоятельно осуществляют правовое регулирование в области регионального наградного законодательства [11, с.158]. Они же вправе устанавливать меры административной ответственности и за различные нарушения в данной области. Проведенный анализ законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях показал, что в 25 из них предусмотрена административная ответственность за различные нарушения наградного законодательства, причем чаще всего такие нормы устанавливаются в законах республик, входящих в состав Российской Федерации. В настоящее время соответствующие санкции предусмотрены в законах 13 республик и 9 областей; по одному закону в краях, автономных округах, автономной области и городах

федерального значения.

Региональное законодательство более разнообразно в конструкциях составов административных правонарушений в данной сфере. Наряду с такими стандартными формулировками, как «незаконное изготовление или ношение государственных наград Республики Алтай» (ст.49 Закона Республики Алтай от 10.11.2015 № 69-РЗ «Об административных правонарушениях в Республике Алтай» [3] или «незаконное ношение, учреждение, изготовление наград Московской области» (ст.2.6 Кодекса Московской области об административных правонарушениях от 04.05.2016 № 37/2016-ОЗ»[4], в законах субъектов Российской Федерации существуют и иные составы административных правонарушений. Так, например, в ч. 3 ст. 28 Закона Удмуртской Республики от 13.10.2011 № 57- РЗ «Об установлении административной ответственности за отдельные виды правонарушений» предусмотрена ответственность за подделку, умышленную порчу или уничтожение государственных наград Удмуртской Республики [5]. В ч. 3 ст. 8 Закона Забайкальского края от 24.06.2009 № 198-ЗЗК «Об административных правонарушениях» установлена ответственность должностных лиц за необоснованное представление к наградам »[6].

Далеко не однородны размеры штрафных санкций за нарушения регионального законодательства о государственных наградах. В большинстве субъектов РФ они значительно ниже, чем санкция ст.17.11 КоАП РФ: в Чувашской Республике административный штраф от 100 до 300 рублей (ст. 4 Закона Чувашской Республики от 23.07.2003 № 22 «Об административных правонарушениях в Чувашской Республике») [7]; в Кемеровской области административный штраф в размере от 300 до 500 рублей (ст. 45 Закона Кемеровской области от 16.06.2006 № 89-ОЗ «Об административных правонарушениях в Кемеровской области») [8]. Однако есть и примеры обратного свойства. Согласно ч. 2 ст. 14.11 Кодекса г. Москвы об административных правонарушениях незаконное использование (ношение) наград, нагрудных знаков к почетным званиям города Москвы и атрибутов к ним влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц - от десяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей»[9].

Несмотря на неоднократные скандальные публикации в средствах массовой информации о «липовых» орденоносцах»[12, 13], судебная практика применения административной ответственности за незаконное ношение государственных наград чрезвычайна скупа. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2014 год в суды общей юрисдикции поступило к производству всего 91 дело по статьям 17.11 и 17.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Причем подавляющее большинство из них, это дела, связанные с незаконным ношением форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов (ст. 17.12 КоАП РФ).

Сам самой напрашивается вывод о тотальной латентности данной категории правонарушений. Чаще всего эти правонарушения имеют искусственную латентность, которая, в отличие от естественной, характеризуется тем, что правонарушение обнаруживается, но о нем никуда не сообщается, т. к. по разным причинам лицо, обнаружившее деяние, не считает его противоправным (в силу юридической безграмотности, фактического не осознания деяния и т.д.). Серьезное влияние на латентность, применительно к данной категории правонарушений, оказывает не только сложившееся в обществе естественное уважение к ветеранам Великой Отечественной войны и прочих боевых действий, но и укоренившееся в России чинопочитание, трепет и робость перед людьми в лампасах и погонах. Не каждый полицейский отважится проверить у седого старика, обвешанного орденами и медалями, документы, подтверждающие факт законности государственных наград. Но даже если такое и случается, то соответствующих документов (наградных удостоверений, орденских книжек и т.п.) у «орденоносца» при себе чаще всего не бывает, так как законодательство не обязывает их носить с собой, а применять какие-либо иные меры процессуального обеспечения не позволяют нормы Ко-

декса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Еще одним, немаловажным обстоятельством, является сложная наградная система Российской Федерации, в которой, наряду с федеральными государственными наградами, присутствуют и негосударственные награды: ведомственные, региональные, муниципальные; кроме того, сохраняют свой статус и награды бывшего СССР.

Отдельно следует упомянуть о наградах и знаках различных общественных организаций, которые могут быть сходны до степени смешения с государственными наградами. В качестве примера можно привести известное дело о ликвидации общероссийской общественной организации «Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка» (АБОП). По заключению Геральдического совета при президенте РФ, АБОП вопреки законодательству в области наградной и геральдической политики было учреждено 73 ордена, медали, нагрудных знаков, имеющие сходство с государственными»[14]. Награды вручались российским и иностранным гражданам, зачастую представляемые им как государственные, в массовом порядке. Всего наградами АБОП и Национального комитета общественных наград, учрежденного академией, с 2000 г. по 2008 г. были награждены более 40 тыс. человек. Понятно, что вряд ли среди сотрудников полиции, уполномоченных на составление административных протоколов по ст. 17.11 КоАП РФ, найдется много специалисты в области фалеристики, способных разобраться в тонкостях отечественной наградной системы.

Парадоксально, но в отдельных случаях избежать наказания за незаконное ношение государственных наград позволяют нормы КоАП РФ. По общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ, при совершении лицом двух и более административных правонарушений административное наказание назначается за каждое совершенное административное правонарушение. Однако, согласно ч.2 ст. 4.4 КоАП РФ, при совершении лицом одного деяния, содержащего составы административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статей) настоящего Кодекса и рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же судье, органу, должностному лицу, административное наказание назначается в пределах санкции, предусматривающей назначение лицу, совершившему указанное действие (бездействие), более строгого административного наказания. Таким образом, при совершении одним лицом одновременно двух сходных административных правонарушений - незаконное ношение государственных наград (ст.17.11 КоАП РФ) и незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов (ст. 17.12 КоАП РФ), оба они, в соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ, будут рассмотрены мировым судьей. Согласно ч.2 и ч.3 ст.4.4 КоАП РФ правоприменитель должен назначить наказание в пределах более строгой санкции, каковой является административное наказание по ст. 17.12 КоАП, так как оно не предусматривает такого вида административного наказания, как предупреждение, в отличие от санкции ч.1 ст. 17.11 КоАП РФ.

Как говорилось выше, действующее законодательство предусматривает и иные виды юридической ответственности за противоправные действия в данной сфере. В соответствии с ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ за незаконное ношение государственных наград военнослужащие и лица, имеющие специальные звания привлекаются не к административной, а к дисциплинарной ответственности. Практика свидетельствует, что подобные проступки расцениваются на государственной службе как грубые и влекут за собой дисциплинарную ответственность вплоть до увольнения. В качестве примера может служить Определение Конституционного Суда РФ от 22.10.2008 № 538-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронцова Алексея Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «м» части седьмой статьи 19 Закона Российской Федерации «О милиции» [10]. Как следует из жалобы, А.В. Воронцов был уволен из органов внутренних дел с 1 августа 2003 года за совершение проступка, порочащего честь сотрудника милиции. Поводом для увольнения послужило заключение по результатам служебной проверки по факту незаконного ношения им государственных наград.

Таким образом, несмотря на наличие запретов, имеющиеся факты незаконного ношения государственных наград, в подавляющем большинстве случаев, остаются пока без соответствующей правовой оценки. Помимо несовершенства самого административно-деликтного законодательства – незначительные санкции, отсутствие наказания за незаконное ношение ведомственных наград и т.д., этому способствует высокий уровень латентности подобного рода противоправных деяний. Однако исключать данный состав из КоАП РФ не целесообразно, поскольку незаконное ношение государственных наград не только оскорбляет чувства граждан Российской Федерации, в том числе участников Великой Отечественной войны и боевых действий, но и может повлечь за собой совершения других правонарушений и преступлений (мошенничества, присвоения полномочий должностного лица и т. п.). Нам остается только присоединиться к инициативе депутатов Законодательного собрания Ярославской области. Ими в декабре 2017 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, согласно которому из ч. 1 ст. 17.11 КоАП РФ предлагается исключить такой вид альтернативного административного наказания как предупреждение и многократно увеличить административный штраф за незаконного ношения государственных наград [15]. Полагаем, что только в этом случае оживет одна из «мертвых» статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и наказание неотвратимо настигнет многочисленных самозванцев и мошенников, обесценивающих подвиги настоящих героев нашей страны.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Закон Республики Алтай от 10.11.2015 № 69-РЗ «Об административных правонарушениях в Республике Алтай» (с изменениями на 06.07.2017) // Сборник законодательства Республики Алтай. 2015. № 128(134).

4. «Кодекс Московской области об административных правонарушениях» от 04.05.2016 № 37/2016-ОЗ (с изменениями на 26. 12. 2017) // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2016.№ 91.

5. Закон Удмуртской Республики от 13.10.2011 № 57-РЗ «Об установлении административной ответственности за отдельные виды правонарушений» (с изменениями на 19.06.2017) // Собрание законодательства Удмуртской Республики. 2011. № 38.

6. Закон Забайкальского края от 24.06.2009 № 198-ЗЗК «Об административных правонарушениях» (с изменениями на 05.10.2017) // Забайкальский рабочий. 06. 07.2009. №№ 123-124.

7. Закон Чувашской Республики от 23.07.2003 № 22 «Об административных правонарушениях в Чувашской Республике» (в ред. от 25. 03. 2017) // Республика. 14.04.2005. № 14.

8. Закон Кемеровской области от 16.06.2006 № 89-ОЗ «Об административных правонарушениях в Кемеровской области» (с изменениями на 24.07.2017) // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2006. № 55.

9. Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс г. Москвы об административных правонарушениях» (с изменениями на 20. 09. 2017) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 69.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 22.10.2008 N 538-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронцова Алексея Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «м» части седьмой статьи 19 Закона Российской Федерации «О милиции» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ARB; n=79521#0 (дата обращения: 11.01.2017).

11. Белоцеркович Д.В. Государственные награды субъектов Российской Федерации (система наград и порядок наградного производства) // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2015. № 6(80).

12. Бойко А. Как лжеветераны оказались на трибуне во время парада Победы // Комсомольская правда [Электронный ресурс] // URL: http://www.nnov.kp.ru/daily/25885/2847161/(дата обращения: 11.01.2017).

13. Любимчик Андропова наконец попал под уголовное дело // Взгляд деловая газета [Электронный ресурс] // URL: http://www.vz.ru/politics/2016/7/5/819721.print.html (дата обращения: 11.01.2017).

14. Львов А. Лже-генералы навешали всему миру орденов // Комсомольская правда. 6 декабря. 2008 .

15. Чернявская Е. Административный штраф за незаконное ношение государственных наград может многократно возрасти // ГАРАНТ. РУ. Информационно-правовой портал. [Электронный ресурс] // http://www.garant.ru/news/1152421//(дата обращения: 12.01.2017).

TO THE QUESTION OF RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL CARRYING OF THE STATE AWARDS

In connection with the become frequent cases of violation of the legislation on state awards the purpose of this article is research of legal regulation of legal responsibility for the illegal wearing of state awards of the Russian Federation and awards of the constituent entities of the Russian Federation. Analyzed the current legislation, law enforcement practice and judicial statistics. The features of accountability in cases of such category. Special attention is paid to reasons of latency of offences related to illegal wearing of state decorations and awards of the constituent entities of the Russian Federation. Suggested to toughen penalties for illegal carrying of the state awards.
Keywords: national awards, administrative offence, administrative responsibility, disciplinary responsibility, the latency.

References

1. (1996). Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.12.2017) [Collection of legislation of the Russian Federation]. No 25. St. 2954.

2. (2001). Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniiakh» ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 31.12.2017) [Collection of legislation of the Russian Federation]. No 1 (ch. 1). St. 1.

3. (2015). Zakon Respubliki Altai ot 10.11.2015 № 69-RZ «Ob administrativnykh pravonarusheniiakh v Respublike Altai» (s izmeneniiami na 06.07.2017) [Collection of legislation of the Russian Federation]. No 128 (134)

4. (2016). Kodeks Moskovskoi oblasti ob administrativnykh pravonarusheniiakh ot 04.05.2016 № 37/2016-OZ (s izmeneniiami na 26. 12. 2017) [Daily news of Moscow regionEzhednevnye Novosti. Podmoskov'e]. No 91.

5. (2011). Zakon Udmurtskoi Respubliki ot 13.10.2011 № 57-RZ «Ob ustanovlenii administrativnoi otvetstvennosti za otdel'nye vidy pravonarushenii» (s izmeneniiami na 19.06.2017) [Collection of legislation of the Udmurt Republic]. No 38.

6. (2009). Zakon Zabaikal'skogo kraia ot 24.06.2009 № 198-ZZK «Ob administrativnykh pravonarusheniiakh» (s izmeneniiami na 05.10.2017) [Zabaikalsky worker. 06. 07.2009.] No 123-124.

7. (2003). Zakon Chuvashskoi Respubliki ot 23.07.2003 № 22 «Ob administrativnykh pravonarusheniiakh v Chuvashskoi Respublike» (v red. ot 25. 03. 2017) [Republic. 14.04.2005]. No 14.

8. (2006). Zakon Kemerovskoi oblasti ot 16.06.2006 № 89-OZ «Ob administrativnykh pravonarusheniiakh v Kemerovskoi oblasti» (s izmeneniiami na 24.07.2017) [Legislative Bulletin of the Council of people's deputies of Kemerovo region]. No 55.

9. (2007). Zakon g. Moskvy ot 21.11.2007 № 45 «Kodeks g. Moskvy ob administrativnykh pravonarusheniiakh» (s izmeneniiami na 20. 09. 2017) [Bulletin of the Mayor and Government of MoscowVestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy]. No 69.

10. (2008). Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.10.2008 N 538-O-O «Ob otkaze v priniatii k rassmotreniiu zhaloby grazhdanina Vorontsova Alekseia Valer'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom «m» chasti sed'moi stat'i 19 Zakona Rossiiskoi Federatsii «O militsii» 11 January, 2017 from http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base= ARB; n= 795 21#0.

11. Belotserkovich, D.V. (2015). Gosudarstvennye nagrady sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (sistema nagrad i poriadok nagradnogo proizvodstva) [Journal of Kabardian state University of Economics and law],6,4-8.

12. Boiko, A. (2012). Kak lzheveterany okazalis' na tribune vo vremia parada Pobedy [Komsomolskaya Pravda]. 11 January, 2017 from http://www.nnov.kp.ru/daily/25885/2847161/.

13. (2016). Liubimchik Andropova nakonets popal pod ugolovnoe delo [View business newspaper] 11 January, 2017 from http://www.vz.ru/politics/2016/7/5/819721.print.html.

14. L'vov, A. (2008) Lzhe-generaly naveshali vsemu miru ordenov [Komsomolskaya Pravda]. 12,5.

15. (2017). Cherniavskaia, E. Administrativnyi shtraf za nezakonnoe noshenie gosudarstvennykh nagrad mozhet mnogokratno vozrasti 12 January, 2017 from http://www.garant.ru/news/1152421.

Об авторе

Артамонов Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexeiartamonow@yandex.ru

Artamonov Alexey Nikolaevich – candidate of legal Sciences, associate Professor, head of chair of state legal disciplines, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: alexeiartamonow@yandex.ru

УДК 349.41

Горбачев А.Н., кандидат юридических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ: ОПЫТ ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ ГВИНЕИ

В статье анализируется законодательство Республики Экваториальная Гвинея, регулирующее отношения лесопользования. Для этого исследуется, прежде всего, текст Закона «О лесопользовании и управлении лесами», в котором определяется правовой механизм лесопользования в целом. В данном законе закрепляется деление лесных земель на производственную область и область сохранения или защиты. Также в предмет исследования входит текст Закона «Об окружающей среде в Республике Экваториальная Гвинея», устанавливающий, прежде всего, общие требования по охране лесов как одного из компонентов в составе окружающей среды. Данный закон также определяет специальные требования к использованию лесов, во-первых, в целях сохранения биологического разнообразия, во-вторых, в целях охраны атмосферного воздуха. Вопросы использования лесов для сохранения водных объектов регулируются Законом «О водах и побережьях в Республике Экваториальная Гвинея». В данном законе определяется правовой режим лесной зоны, которая призвана защищать земли, на которых находятся источники питьевого водоснабжения. В нем закрепляются требования по восстановлению защитных лесов, примыкающих к береговой линии водных объектов. Также Закон о водах и побережьях определяет особенности лесопользования в прибрежных зонах, в пределах которых деятельность по лесоразведению и лесовосстановлению отнесена к числу приоритетных видов деятельности. Следует подчеркнуть, что законодательство Экваториальной Гвинеи о лесопользовании основывается на принципах устойчивого развития.

Ключевые слова: Республика Экваториальная Гвинея, лесопользование, окружающая среда, устойчивое развитие, биологическое разнообразие.

Республика Экваториальная Гвинея не относится к числу крупных государств. Так, она занимает 162-е место в мире по численности населения [5]. В то же время, Экваториальная Гвинея, как и Российская Федерация, обладает значительными запасами углеводородного сырья. В силу этого она является, в отличие от Российской Федерации, одним из четырнадцати членов Организации стран - экспортёров нефти (ОПЕК) [16], а также, наряду с Российской Федерацией – одним из двенадцати постоянных участников Форума стран - экспортёров газа (GECF) [11]. Наличие значительных запасов углеводородного сырья в сочетании с небольшой численностью населения позволяет Республике Экваториальная Гвинея занимать первое место среди африканских стран по валовому внутреннему продукту (ВВП) на душу населения [8].

Помимо вышеизложенного, можно провести еще одну параллель между нашими государствами применительно к обладанию значительными природными ресурсами, но уже не в абсолютном, а в относительном значении. Так, Российская Федерация относится к числу крупнейших экспортеров лесной продукции, около 66% ее территории занимают земли лесного фонда [4]. Экваториальная Гвинея в силу небольшой площади к числу крупнейших экспортеров лесной продукции не относится, однако в процентном отношении по количеству лесных земель существенно опережает Российскую Федерацию. Так, в «Интерактивном лесном атласе Республики Экваториальная Гвинея» указывается: «В 2013 году в Экваториальной Гвинее 98% покрывали леса и было 2% нелесных земель (например, урбанизированные зоны и поверхностные воды)» [7]. Здесь также необходимо учитывать тот факт, что добыча углеводородного сырья в Экваториальной Гвинее осуществляется на континентальном шельфе, т.е. земли для соответствующих целей недропользования не предоставляются. В такой ситуации можно говорить о тождестве для данного государства юридических понятий «правовое регулирование лесопользования» и «правовое регулирование землепользования в целом».

Обращаясь к анализу правовых основ лесопользования в Экваториальной Гвинее, следует указать на то, что независимым государством она стала 12 октября 1968 г. До этого территория современной Республики Экваториальная Гвинея входила в состав так называемой Испанской Гвинеи (с 1959 г. - заморских провинций Испании под названием

«Экваториальный регион Испании»). Соответственно правовая система Экваториальной Гвинеи производна от правовой системы Королевства Испания. В свою очередь, следует указать, что последняя относится к так называемой романо-германской (континентальной) правовой системе [См.: 6, с. 3; 2, с. 32 и др.], для которой характерно признание главным источником права нормотворчества, осуществляемого государством. По этому поводу М.И. Абдуллаев отмечает: «В настоящее время в странах континентального права основным источником права считается закон… В системе законодательства высшую юридическую силу имеет конституция» [1, с. 371].

Исходя из этого, правовые основы лесопользования в Экваториальной Гвинее определяются в ее Конституции (Основном законе) [12]. Согласно статье 6 Основного закона Экваториальной Гвинеи, государство, в числе прочего, «обеспечивает сохранение природы». В этой связи следует отметить, что ранее в Конституции Экваториальной Гвинеи по данному поводу говорилось также следующее: «Развитие и сохранение определяются как два неразделимых компонента, которые должны сочетаться таким образом, чтобы благосостояние, к которому стремится страна, было бы продолжительным» [9].

Что касается законодательства, регулирующего лесопользование в Экваториальной Гвинее, прежде всего следует упомянуть Закон 1/1997 «О лесопользовании и управлении лесами» [13]. В то же время, регулированию соответствующих отношений в значительной степени посвящен Закон 7/2003 «Об окружающей среде в Республике Экваториальная Гвинея» [14]. Эти законы были приняты после того, как Экваториальная Гвинея 29 ноября 1994 г. присоединилась к Декларации Рио-де-Жанейро (1992), положения которой направлены главным образом на обеспечение устойчивого использования компонентов природной среды и справедливого участия и справедливого распределения выгод, связанных с использованием природных ресурсов. Крисантос Обама в своем исследовании «Лесное законодательство и законодательство об окружающей среде Экваториальной Гвинеи: плюрализм и межведомственные конфликты» отмечает: «Для правительства это явилось определяющим критерием и основанием для пересмотра политики развития страны в то время. Поэтому концепция окружающей среды стала частью стратегических приоритетов правительства с точки зрения устойчивого развития» [18, с. 3].

Ключевым моментом в этой связи следует признать следующие нормы Закона «О лесопользовании и управлении лесами». Во-первых, согласно абз. 2 ст. 4, лесные земли, покрытые или не покрытые естественными лесами, дикой растительностью или восстановленными лесами, созданными человеком на лесных землях, составляют Национальный лесной заповедник. Во-вторых, в соответствии со ст. 5, Национальный лесной заповедник имеет характер постоянного, неотчуждаемого и является общественным достоянием; поэтому ни частично, ни полностью он не может быть частной собственностью, и управлять им необходимо в соответствии с концепцией устойчивого развития.

При этом следует учитывать специфику использования в данном контексте термина «заповедник», поскольку, согласно действующему на момент написания настоящей статьи российскому законодательству об особо охраняемых природных территориях, придание такой территории статуса государственного природного заповедника означает, что окружающая среда в нем должна сохраняться в естественном состоянии. Для обеспечения реализации этого требования любая деятельность, противоречащая режиму особой охраны территории заповедника, полностью запрещается, Здесь необходимо подчеркнуть, что статьей 10 Закона Экваториальной Гвинеи «О лесопользовании и управлении лесами» установлено следующее: «Согласно конечной цели его использования, Национальный лесной заповедник, основываясь на технических исследованиях и интересах Нации, может быть разделен на производственную область и область сохранения или защиты». Соответственно, в пределах первой области основной целью лесопользования является производство древесины и иных лесных ресурсов.

Однако в специальной литературе по поводу вышеприведенных норм Закона о лесопользовании и управлении лесами отмеча-

ется: «Ряд законоположений укрепит правовые и политические рамки для лучшей защиты лесных экосистем в гармонии с их социально-экономическим развитием» [17, с. 7]. Имеется в виду то обстоятельство, что к использованию лесов в производственной области законом также предъявляются требования по их охране в процессе использования. Так, управление лесами осуществляется в соответствии с принципом устойчивого производства, с целью обеспечения их восстановления. Применительно к производственной области используется одна из трех базовых систем, согласно которой управление лесами ориентировано на возмещение извлеченных объемов древесины и их обогащение. Восстановление лесов может быть произведено путем как полного, так и частичного восстановления, создания плантаций восстановления и улучшения и управления естественным восстановлением (ст. 47 Закона о лесопользовании и управлении лесами). Важнейшей организационно-правовой мерой в этой сфере является Национальный план управления, лесовосстановления и сохранения лесов (ст. 48 Закона о лесопользовании и управлении лесами).

Здесь следует напомнить, что, хотя Закон «О лесопользовании и управлении лесами» и составляет в силу своего предназначения основу правового регулирования отношений лесопользования, нормы, так или иначе регулирующие указанные отношения, содержатся и в других законах. Среди таковых прежде всего необходимо назвать уже упомянутый выше Закон «Об окружающей среде в Республике Экваториальная Гвинея». Важная роль данного нормативного акта в рассматриваемом аспекте отмечается в специальной литературе. Так, К.Обама, несмотря на критическую в целом направленность своего исследования, подчеркивает: «Следует отметить, что Закон об окружающей среде и Закон о лесопользовании и управлении лесами устанавливают рамки для их действия на основе одних и тех же принципов Основного закона Экваториальной Гвинеи. Поэтому они являются законами, в которых разделяется озабоченность сложившейся ситуацией, их общие положения схожи и служат достижению одних и тех же целей. Кроме того, Закон об охране окружающей среды конкретно устанавливает его основные цели для достижения высокой степени сохранения и защиты национальной окружающей среды и создания системы административного вмешательства в экологические отношения, хотя в значительной степени повторяет те же действия и те же принципы, что и Закон о лесопользовании и управлении лесами в отношении сохранения биоразнообразия» [18, с. 6 - 7].

Разумеется, предмет двух вышеупомянутых законов различен и, в то же время, тождественен. При этом нормы, посвященные регулированию отношений, связанных только с лесами, в Законе об окружающей среде ожидаемо являются исключением. Прежде всего, к таковым относится норма-принцип п. 2 ст. 18, согласно которой осуществление государственного управления в лесном хозяйстве направлено на защиту, восстановление, улучшение и упорядоченное использование лесов, независимо от их принадлежности, а техническое управление ими должно соответствовать их юридическим, экологическим, лесным и социально-экономическим характеристикам, преобладанию в любом случае публичного интереса над частным.

Применительно к охране атмосферного воздуха нормы п. 2 ст. 86 устанавливают, что в рамках своей компетенции государственная администрация и местные органы в сотрудничестве с неправительственными организациями и публичными или частными юридическими лицами и гражданами, принимают меры, необходимые для поддержания качества и чистоты атмосферного воздуха, особенно – по сохранению и созданию лесных насаждений и зеленых зон. Такие меры, которые обязательны для любой публичной и частной деятельности, не влекут ухудшения остальных компонентов окружающей среды или нарушения экологического равновесия.

Также Закон об окружающей среде предусматривает комплекс мер по охране дикой флоры и фауны. Так, согласно п. 4 ст. 34, запрещается убивать, причинять вред или беспокойство диким животным, отнесенным к особо охраняемым, или преднамеренно создавать для них помехи, включая их отлов и сбор яиц или птенцов, так же как повреждение или уничтожение растительности. При этом

норма п. 1 ст. 36 предусматривает, что данные запреты не применяются в отношении видов диких животных и растений, не отнесенных к особо охраняемым, когда применяются меры, предусмотренные специальным регулированием в законодательстве о лесах (а также охоте и континентальном рыболовстве).

К числу законов, определяющих правовой режим лесопользования в Экваториальной Гвинее, относится также Закон 3/2007 «О водах и побережьях в Республике Экваториальная Гвинея» [15]. Что касается правового режима внутренних вод, п. 2 ст. 49 Закона о водах и побережьях содержит важную ному, согласно которой объявляется заповедником, находящимся в государственной собственности, лесная зона, которая защищает или должна защищать земли, на которых происходит фильтрация питьевой воды, а также места расположения гидрографических бассейнов, водохранилищ, различных источников или природных водотоков, содержащих питьевую воду.

Глава VI «Сохранение деревьев во избежание уменьшения количества воды» содержит нормы, закрепляющие соответствующие меры. Так, согласно ст. 105 Закона о водах и побережьях, во избежание сокращения запасов воды, происходящего при вырубке лесов, все национальные органы наделены полномочиями с помощью имеющихся в их распоряжении средств для обеспечения строгого соблюдения правовых положений, касающихся сохранения деревьев, особенно тех, которые находятся на берегах рек и у их истоков. В соответствии со ст. 106, владельцы земель, пересекаемых реками, ручьями или тех, на которых расположены источники воды, если расположенные на них защитные леса были повреждены или уничтожены, обязаны высаживать деревья на берегах таких рек, ручьев или источников, на расстоянии не более чем пяти метров от береговой линии, по всей длине водного объекта в пределах принадлежащих им земель. Норма ст. 107 запрещает уничтожать, как в государственных, так и в частных лесах, деревья, расположенные менее чем в шестидесяти метрах от источников, находящихся на возвышенностях, и менее чем в пятидесяти метрах от источников, находящихся на равнинах. Согласно ст. 108, нарушение положений предыдущих статей обязывает правонарушителя восстановить уничтоженные деревья в дополнение к уплате штрафа.

Ряд норм Закона о водах и побережьях посвящен особенностям лесопользования в прибрежных зонах. Так, согласно ст. 134 данного закона, определяющей содержание соответствующего термина, компонентами, составляющими прибрежную зону, являются, в том числе, живые и неживые природные ресурсы, находящиеся в этой области, включая защитные леса. Согласно ст. 150 Закона о водах и побережьях, прибрежная зона остается преимущественно незанятой, в ней разрешается только осуществление такой деятельности или размещение таких объектов, которые по самой своей природе не допускают какого-либо другого местоположения, включая деятельность по лесоразведению и лесовосстановлению.

При этом, несмотря на достаточно развитое законодательство, определяющее правовой режим лесопользования в Экваториальной Гвинее, следует указать на наличие в нем определенных пробелов. Так, Диосдадо Обианг Мбомио в своем исследовании «Правовое положение сектора лесов и окружающей среды Экваториальной Гвинеи: применение, плюрализм и межведомственные конфликты» к числу основных проблем в исследуемой сфере относит отсутствие специального законодательства, касающегося недревесных лесных ресурсов в Экваториальной Гвинее [См.: 19, с. 19, 32].

В свою очередь, Д-р Хосе Мба Аворо в работе «Исследование по оценке потребностей в развитии лесного хозяйства», говоря о проблемах применения лесного законодательства и процессе его совершенствования, отмечает: «Законодательство неизвестно многим важным субъектам, вовлеченным в процесс лесопользования (сообществам, лесным концессионерам, должностным лицам и охранникам) из-за отсутствия информационных и просветительских программ и действий по этому вопросу» [10, с. 12].

В этой связи следует подчеркнуть, что российские ученые указывают на существование аналогичных проблем в нашем обществе. Так, М.М. Бринчук, ссылаясь на данные природоохранительных органов, свидетельствующие о низком уровне эколого-правовой культуры, с одной стороны, должностных

лиц специально уполномоченных органов, с другой – руководства хозяйствующих субъектов-природопользователей, подчеркивает: «Речь идет о круге лиц, которые уполномочены принимать экологически значимые решения. Если они не знают законодательства, которое должны исполнять, то наивно ожидать, что принимаемые ими решения будут экологически обоснованными» [3, с. 23].

Таким образом, основным законом в сфере правового регулирования лесопользования в Экваториальной Гвинее является Закон «О лесопользовании и управлении лесами». Кроме того, существенную роль играют законы «Об окружающей среде в Республике Экваториальная Гвинея» и «О водах и побережьях в Республике Экваториальная Гвинея». В совокупности нормы данных законов регламентируют использование как эксплуатационных лесов для получения древесины, так и защитных лесов с целью сохранения биологического разнообразия, охраны атмосферного воздуха и водных объектов.

Список литературы

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. М.: Магистр-Пресс, 2004. 410 с.

2. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2015. 304 с.

3. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. М.: ЭКСМО, 2010. 670 с.

4. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации. Сведения о наличии и распределении земель по категориям и формам собственности на 01.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 15.01.2018)

5. Оценка (прогноз) Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН на 1 июля 2017 года: Total Population - Both Sexes. De facto population in a country, area or region as of 1 July of the year indicated. Figures are presented in thousands. (Medium fertility, 2015-2100).xls // Population Division Download Files [Электронный ресурс]. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/ (дата обращения: 15.01.2018)

6. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы Западной Европы / Под ред. В.И. Лафитского. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. Т. 2. 768 с.

7. Atlas Forestal Interactivo de la República de Guinea Ecuatorial [Электронный ресурс]. URL: https://www.wri.org/sites/default/files/interactive_forest_atlas_of_equatorial_guinea.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

8. CIA. «The World Factbook» [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ek.html (дата обращения: 15.01.2018)

9. Document de Perspectiva - República de Guinea Ecuatorial [Электронный ресурс]. URL: http://www.fao.org/docrep/004/AB581S/AB581S04.htm (дата обращения: 15.01.2018)

10. Dr. José Mba Avoro. Estudio sobre evaluación de las necesidades en materia de formación forestal. Malabo, agosto de 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://pfbc-cbfp.org/tl_files/archive/formation/guinea.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

11. GECF Country List [Электронный ресурс]. URL: https://www.gecf.org/countries/country-list.aspx (дата обращения: 15.01.2018)

12. Ley Fundamental de Guinea Ecuatorial. Nuevo texto de la Constitución de Guinea Ecuatorial, promulgada oficialmente el 16 de febrero de 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.guineaecuatorialpress.com/imgdb/2012/LEYFUNDAMENTALREFORMADA.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

13. La ley numero 1/1997, de fecha 18 de Febrero, sobre el Uso y Manejo de los Bosques [Электронный ресурс]. URL: https://leydeguinea.files.wordpress.com/2014/08/052_-boletc3adn-oficial-del-estado-uso-y-manejo-de-los-bosques.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

14. La Ley numero 7/2003, de fecha 27 de Noviembre, Reguladora del Medio Ambiente en Guinea Ecuatorial [Электронный ресурс]. URL: http://www.vertic.org/media/National

%20Legislation/Equatorial_Guinea/GQ_Ley_7-2003_Medio_Ambiente.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

15. Ley numero 3/2007, de fecha 23 de Julio, Reguladora de Aguas y Costas en la Republica de Guinea Ecuatorial [Электронный ресурс]. URL: http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/eqg159926.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

16. Member Countries [Электронный ресурс]. URL: http://www.opec.org/opec_web/en/about_us/25.htm (дата обращения: 15.01.2018)

17. Nguema, J. y Pavageau, C. 2013 Adaptación y atenuación en Guinea Ecuatorial: actores y procesos políticos. Documento de Trabajo 106. CIFOR, Bogor, Indonesia. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cifor.org/publications/pdf_files/WPapers/WP106CIFOR.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

18. Obama C. 2008. Las leyes del sector bosque-medio ambiente de Guinea Ecuatorial: pluralismo y conflictos interinstitucionales. Amigos de la naturaleza y el desarrollo de guinea ecuatorial (ANDEGE), Bata - Guinea Ecuatorial [Электронный ресурс]. URL: http://carpe.umd.edu/Documents/2008/Analysis_conflicting_conservation_laws-policies_EG_FY08.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

19. Obiang M.D. 2008. Situación legal del sector bosque-medio ambiente de Guinea Ecuatorial: Aplicabilidad, pluralismo y conflictos interinstitucionales. Amigos de la naturaleza y el desarrollo de guinea ecuatorial (ANDEGE), Bata - Guinea Ecuatorial [Электронный ресурс]. URL: http://carpe.umd.edu/Documents/2008/Anayisis_conflicting_conservation_laws-policies_EG_part2_FY08.pdf (дата обращения: 15.01.2018)

LEGAL REGULATION OF THE USE OF FORESTS: EXPERIENCE OF EQUATORIAL GUINEA

The article analyzes the legislation of the Republic of Equatorial Guinea, which regulates forest use relations. For this purpose, the text of the Law on forest use and forest management, in which the legal mechanism of forest management as a whole is determined, is examined first of all. This law fixes the division of forest lands into a production area and the area of conservation or protection. Also, the subject of the study is the text of the Law on the Environment in the Republic of Equatorial Guinea, which sets out, above all, the general requirements for the protection of forests as a component of the environment. This law also defines specific requirements for the use of forests, first, in order to conserve biological diversity, and secondly, for the protection of atmospheric air. The use of forests for the conservation of water bodies is regulated by the Law on Waters and Shores in the Republic of Equatorial Guinea. This law defines the legal regime of the forest zone, which is designed to protect the land on which there are sources of drinking water supply. It establishes the requirements for the restoration of protective forests adjacent to the shoreline of water bodies. Also, the Law on Waters and Shores defines the features of forest management in coastal zones, within which afforestation and reforestation activities are classified as priority activities. It should be emphasized that the legislation of Equatorial Guinea on forest management is based on the principles of sustainable development.

Keywords: Republic of Equatorial Guinea, forest management, environment, sustainable development, biological diversity.

References

1. Abdulaev, M.I. (2004). Teorija gosudarstva i prava: Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij [Theory of State and Law: A Textbook for Higher Educational Institutions]. Moscow: Magistr-Press. 410 p.

2. Bezrukov, A.V. (2015). Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnoe posobie [The Constitutional Law of Russia: Tutorial]. Moscow: Yustitsinform. 304 p.

3. Brinchuk, M.M. (2010). Jekologicheskoe pravo: uchebnik [Environmental law: a textbook]. Moscow: EKSMO. 670 p.

4. Gosudarstvennyj (nacional'nyj) doklad o sostojanii i ispol'zovanii zemel' v Rossijskoj Federacii. Svedenija o nalichii i raspredelenii zemel' po kategorijam i formam sobstvennosti na 01.01.2017 [State (national) report on the status and use of land in the Russian Federation. Information on the availability and distribution of land by categories and forms of ownership as of 01/01/2017]. Retrieved 15 January, 2018 from https://rosreestr.ru

5. Total Population - Both Sexes. De facto population in a country, area or region as of 1 July of the year indicated. Figures are presented in thousands. (Medium fertility, 2015-2100).xls // Population Division Download Files. Retrieved 15 January, 2018 from https://esa.un.org

6. Sravnitel'noe pravovedenie: nacional'nye pravovye sistemy. Pravovye sistemy Zapadnoj

Evropy [Comparative law: national legal systems. Legal systems of Western Europe] / Ed. V.I. Lafitsky. M.: ILSL, CONTRACT, 2012. T. 2. 768 p.

7. Atlas Forestal Interactivo de la República de Guinea Ecuatorial Retrieved 15 January, 2018 from https://www.wri.org

8. CIA. «The World Factbook». Retrieved 15 January, 2018 from https://www.cia.gov

9. Document de Perspectiva - República de Guinea Ecuatorial. Retrieved 15 January, 2018 from http://www.fao.org

10. Dr. José Mba Avoro. Estudio sobre evaluación de las necesidades en materia de formación forestal. Malabo, agosto de 2002. Retrieved 15 January, 2018 from http://pfbc-cbfp.org

11. GECF Country List. Retrieved 15 January, 2018 from http://www.gecf.org

12. Ley Fundamental de Guinea Ecuatorial. Nuevo texto de la Constitución de Guinea Ecuatorial, promulgada oficialmente el 16 de febrero de 2012. Retrieved 15 January, 2018 from http://www.guineaecuatorialpress.com

13. La ley numero 1/1997, de fecha 18 de Febrero, sobre el Uso y Manejo de los Bosques. Retrieved 15 January, 2018 from https://leydeguinea.files.wordpress.com

14. La Ley numero 7/2003, de fecha 27 de Noviembre, Reguladora del Medio Ambiente en Guinea Ecuatorial. Retrieved 15 January, 2018 from http://www.vertic.org

15. Ley numero 3/2007, de fecha 23 de Julio, Reguladora de Aguas y Costas en la Republica de Guinea Ecuatorial. Retrieved 15 January, 2018 from http://extwprlegs1.fao.org

16. Member Countries. Retrieved 15 January, 2018 from http://www.opec.org

17. Nguema, J. y Pavageau, C. 2013 Adaptación y atenuación en Guinea Ecuatorial: actores y procesos políticos. Documento de Trabajo 106. CIFOR, Bogor, Indonesia. Retrieved 15 January, 2018 from http://www.cifor.org

18. Obama, C. 2008. Las leyes del sector bosque-medio ambiente de Guinea Ecuatorial: pluralismo y conflictos interinstitucionales. Amigos de la naturaleza y el desarrollo de guinea ecuatorial (ANDEGE), Bata - Guinea Ecuatorial. Retrieved 15 January, 2018 from http://carpe.umd.edu

19. Obiang, M.D. 2008. Situación legal del sector bosque-medio ambiente de Guinea Ecuatorial: Aplicabilidad, pluralismo y conflictos interinstitucionales. Amigos de la naturaleza y el desarrollo de guinea ecuatorial (ANDEGE), Bata - Guinea Ecuatorial. Retrieved 15 January, 2018 from http://carpe.umd.edu

Об авторе

Горбачев Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: angorbachev@rambler.ru

Gorbachev Aleksandr Nikolayevich – candidate of Law, Associate Professor, Head of department of land, labor and environmental law of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: angorbachev@rambler.ru

УДК 343.9

Родина Т.Ю., помощник судьи Советского районного суда г. Брянска.

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуется понятие эффективности информационных систем, обеспечивающих работу расследования преступлений. Ставится вопрос об определении критериев её эффективности. Выявляются такие из них, которые не могут быть использованы для оценки эффективного функционирования ИС криминалистического толка, поскольку они не измеряются количественно, и, как следствие, не могут сравнивать различные информационные системы. По этой причине, несмотря на достойный уровень обеспеченности правоохранительных органов современной компьютерной техникой, различными информационными системами, основные показатели работы следственных органов, такие как снижение уровня преступности, количество раскрываемых преступлений, не претерпели соразмерных существенных изменений. Для оценки и сравнения систем используют такие критерии как эффективность, надежность, стабильность, измеримость, оптимальность. Критерий эффективности информационных систем характеризуется во-первых, возможностью измерить эффективность системы, во-вторых, способностью выражаться определённым числом, в третьих, определением эффективности с высокой точностью и без существенных затрат. И если все информационные системы, задействованные в следственной деятельности, проанализировать с точки зрения приведённых условий, то можно с уверенностью констатировать, что критерии оценки их эффективности отсутствуют. Информация в любой сфере деятельности преследует конкретные цели, которые направлены на улучшение того или иного процесса. Следовательно, те показатели, которые с помощью информации избраны для улучшения, и станут критериями эффективности информационных систем, обеспечивающих работу расследования преступлений.

Ключевые слова: оценка эффективности, требования общего характера, критерии эффективности информационной системы, измеримость.

Информационные системы, обеспечивающие работу расследования преступлений, вовлечены в процесс создания новых видов ИС, в процесс их совершенствования. Всё это обуславливает необходимость оценки эффективности их использования по критерию соответствия таких услуг нуждам обслуживаемого процесса, а также с точки зрения целесообразности израсходованных средств. Однако большой значимости данному вопросу отечественная криминалистика не придавала. Велико число исследователей, которые касались вопроса использования информационных технологий и систем для целей расследования, и как следствие, раскрытия преступлений. Освещали лишь в общих чертах эффективность применения данных технологий, указывая на желательность и пользу их применения в следственной деятельности.

Все информационные процессы, указанные в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, включены в информационное обеспечение. Ряд учёных полагает, что усовершенствование всех этих процессов должно привести к улучшению всего информационного обеспечения. Р.А. Усманов эффективное информационное обеспечение ставил в зависимость о того, насколько полно была собрана информация, на высоком ли уровне находится её обработка, достаточна ли надежность хранения, оперативность выдачи необходимой криминалистической информации, требуемой для расследования преступлений [5, с.129].

Р.С. Белкин указывал в своих работах зависимость информационного обеспечения процесса доказывания и ОРД от достаточности информации, строгой систематизации данных по учёту от того, насколько информация является актуальной для определенного этапа следственной деятельности. Тем самым автор расширил дополнительно перечень условий двумя важными требованиями: 1. учётные данные должны быть актуальными, 2. учётные данные должны быть чётко систематизированы [1, с.384].

Р.Е. Демина дополняет перечень критериев эффективности криминалистической деятельности следующими факторами: правовой статус, системность[3, с.98-99, 163-164] .

Однако, многие вышеуказанные условия эффективности функционирования информационных систем криминалистического толка, без умаления их значимости, не могут быть использованы как критерии эффективности информационного обеспечения следственной деятельности по следующим при-

чинам. Такие условия как: качество обработки, полнота сбора и надежность хранения – это требования общего характера. Они не измеряются количественно, а, следовательно, не могут оценивать эффективность информационного обеспечения. Они не могут сравнивать различные информационные системы. Все вышеуказанные критерии позволяют улучшить функционирование собственно информационных систем. Но они не влияют на результативность процессов, например, предварительного расследования. Невозможно точно оценить эффективность используемых информационных систем, а также выработать меры, чтобы её повысить.

В последние годы уровень обеспеченности правоохранительных органов современной компьютерной техникой, программными продуктами, информационными системами различного назначения значительно вырос. Целью указанной деятельности всегда было повышение эффективности работы правоохранительных органов, в частности, при расследовании преступлений. Однако, на сегодняшний день отсутствуют сведения о том, насколько эксплуатируемая информационная система изменила показатели эффективности тех направлений, которые она обслуживает. Значит, несмотря на значительные материальные вложения, существенно не снизился уровень преступности в РФ, не увеличилась кардинальным образом раскрываемость преступлений, не улучшилось качество предварительного следствия, не увеличился «выход» уголовных дел, не сократились сроки следствия.

Даже если положительная динамика наблюдается в последнее время, нет научного обоснования того, что это заслуга внедрённых информационных систем. Поскольку на это оказывают влияние многие иные факторы: уровень правового сознания, опыт в расследовании уголовных дел и иные.

Всё сказанное не умаляет значения существующих в правоохранительных органах, в частности, в следственных подразделениях информационных систем. Однако полезный эффект от их использования не имеет показателей, которые характеризуют работу следственных органов, а, следовательно, не может учитываться.

Всё это является результатом системного просчёта, который был допущен в стадии проектирования ИС, поскольку критерий эффективности определяется и устанавливается при определении задач информатизации различных областей. Определять критерии эффективности на стадии разработки информационных систем – это общепринятое правило в иностранных государствах. К примеру, в США была выпущена система СОСОИ, в результате чего, число преступников, которые скрывались от следствия и в последствии были задержаны, возросло в 7 раз [2, с.56-57].

Однако, ни одна российская информационная система, задействованная на сегодняшний день для информационного обеспечения предварительного следствия, не может быть оценена аналогично. Такие криминалистические учёты как ЭКЦ, ГИАЦ МВД РФ также нельзя оценить в указанных величинах. Нельзя определить их эффективность с позиции их использования при раскрытии и расследовании преступлений.

Не отвечает на вопросы о достаточности, о качестве общее число идентифицированных регистрационных объектов, взятых за отчётные периоды. Для этого нужны такие объективные критерии, которые позволят оценить эффективность информационных систем. Не вызывает сомнений недостаточность проработки в криминалистике вопроса о том, насколько эффективно информационное обеспечение предварительного следствия. Восполнив этот пробел, возможно усовершенствовать концепцию информатизации следственной деятельности; изучить возможности; детализировать и классифицировать применение ИТ в криминалистической науке. Разрешение указанного вопроса приводит к необходимости использования специально разработанного для разрешения таких проблем понятийного аппарата и подходов системного анализа.

В системном анализе для того, чтобы оценить и сравнить системы, пользуются следующими критериями: эффективность, надежность, стабильность, измеримость, оптимальность.

Измеримость – это способность системы измерять свои характеристики, эффективность – это умение решить проблему с по-

мощью данной системы; это то, с каким фактическим результатом достигнута цель. Указанный критерий эффективности информационной системы характеризуется следующим образом. Важный признак заключается в возможности измерить эффективность системы. Вторая количественная характеристика означает способность выражаться однозначно определённым числом. Третья не менее важная характеристика – это эффективность в статистическом смысле, то есть определение с высокой точностью без существенных затрат, без потери времени. Также критерий эффективности должен быть достаточно полным, простым, иметь физический смысл.

Если все задействованные в информационном обеспечении процесса доказывания и оперативно-розыскной деятельности информационные системы проанализировать с точки зрения приведённых условий, то можно с уверенностью констатировать, что критерии оценки их эффективности отсутствуют. Может быть в этом и кроется причина того, что в предварительном следствии очень плохо «приживаются» информационные системы, криминалистические учёты имеют низкую востребованность? Как такое могло получиться, почему у задействованных информационных систем отсутствует чёткий критерий эффективности? И если вообще можно оценить их эффективность, то с помощью чего?

Информатизация в любой сфере деятельности преследует конкретные цели, результатом такого внедрения всегда является прогнозируемое и достижимое улучшение того или иного процесса. Например, снижение затрат, экономия времени и иных измеримых показателей, которые имеют прямое непосредственное отношение в его эффективности.

Следовательно, те показатели, которые с помощью информатизации избраны для улучшения, и станут критериями эффективности информационных систем. Их динамические показатели отразят уровень достижения запланированного результата. Такие цели достижимы только при условии использования проблемно-ориентированного подхода к информатизации всех этапов следственной деятельности. Его отсутствие неизбежно влечёт проблемы последующего внедрения разработанных информационных систем на практике.

Внедрение и эксплуатирование современных технологий во всех областях, в том числе и в следственной деятельности, ставится в зависимость от того, есть ли актуальная проблема, нуждающаяся в разрешении с помощью новых технологий. Использование возможностей без имеющейся проблемы ведёт к бесполезной трате ресурсов. Использование возможностей при существующей проблеме, но при её игнорировании может вылиться в углубление и обострение проблемы. Данное теоретическое положение подтверждается опытом зарубежных стран. на первом этапе создания и внедрения машинных систем управления в США, провело к большому проценту неудач. причиной тому стало отсутствие в тот период проблемно-ориентированного подхода [4,с.14-15].

Указанный подход используется при создании любой информационной системы. Первым этапов проектирования баз данных любого типа является анализ предметной области – те есть той сферы деятельности, которая подлежит информатизации. Он оканчивается построением информационной структуры – концептуальной схемы будущей ИС. Для этого проводится анализ запросов пользователей, выборка информационных объектов, определение их характеристик, и, на основе всего формируется предметная область. Видится, что эффективность автоматизированных информационных систем, которые создаются для нужд информационного обеспечения следственных органов, на стадии проектирования может быть обеспечена именно при использовании данного подхода. Анализ предметной области должен основываться на постановке конкретных задач, а именно: сокращение сроков следствия, раскрываемость преступлений, организация соответствующего контроля за расследованием. В зависимости от разрешаемой задачи, требования пользователя к новой системе также будут различаться.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Третье издание, дополненное. М.: «Закон и право», 2001. 425 с.
2. Гусаков А.Н. Криминалистика США. Теория и практика ее применения. Екатеринбург, 1993. 314 с.
3. Демина Р.Е. Проблемы криминалистической регистрации и её использования в расследовании преступлений: Дисс. канд. юр. наук. Саратов, 2001. 215 с.
4. Никаноров С.П. Системный анализ: этапы развития методологии решения проблем в США // Проектирование организаций: от системного анализа к концептуальному. М.: «Концепт», 2001. 115 с.
5. Усманов Р.А. теория и практика использования криминалистической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений. Монография. Челябинск. 2006. 268 с.

PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF THE USE OF INFORMATION SYSTEMS IN INVESTIGATIVE ACTIVITIES

The article explores the concept of the effectiveness of information systems that provide the work of investigating crimes. The question is raised about determining the criteria for its effectiveness. Identified are those of them that can not be used to assess the effective functioning of the IC forensic science, since they are not measured quantitatively, and as a result, can not compare different information systems. For this reason, despite the decent level of security of law enforcement agencies with modern computer equipment, various information systems, the main indicators of the work of the investigative authorities, such as reducing the level of crime, the number of crimes disclosed, have not undergone commensurate substantial changes. To evaluate and compare systems use such criteria as efficiency, reliability, stability, measurability, optimality. The criterion of the effectiveness of information systems is characterized, firstly, by the ability to measure the effectiveness of the system, secondly, by the ability to express a certain number, in the third, the definition of efficiency with high accuracy and without significant costs. And if all information systems involved in investigative activities are analyzed from the point of view of the conditions given, then it can be stated with certainty that there are no criteria for evaluating their effectiveness. Information in any field of activity has specific goals that are aimed at improving one or another process. Consequently, those indicators that, with the help of information selected for improvement, will become the criteria for the effectiveness of information systems that support the work of investigating crimes.

Keywords: efficiency evaluation, general requirements, efficiency criteria of the information system, measurability.

References

1. Belkin, P.C. (2001). Kyrs kriminalistiki [Course of criminalistics]. 3-e izd.,dop. Moskva: Zakon i pravo.
2. Gysakov, A.N. (1990) Kriminalistika SSHA. Teoriya i praktika eyo primeneniya [Forensic science of the USA. Theory and practice of its application]. Ekaterinbyrg.
3. Demina, R.E. (2001). Problemi kriminalisticheskoy registratsii i eyo ispolzovaniya v rassledovanii prestypleniy: dis…kand yur. nayk. Saratov. 215s.
4. Nikanorov, S.P. (2001). Sistemniy analiz: etapi razvitiya metodologii resheniya problem v SSHA // Proektirovanie organizatsiy: ot sistemnogo analiza k kontseptyalnomy [System analysis: stages of development of the methodology for solving problems in the US // Design organizations: from system analysis to conceptual]. Moskva: Kontsept.
5. Ysmanov, R.A. (2006). Teoriya i praktika ispolzovaniya kriminalisticheskoy informatsii v protsese raskritiya i rassledovaniya prestypleniy [Theory and practice of using forensic information in the process of disclosure and investigation of crimes]. Monografiya. Chelyabinsk.

Об авторе

Родина Татьяна Юрьевна – помощник судьи Советского районного суда г. Брянска, E-mail: rodina1803@rambler.ru

Rodina Tatyana Yurievna - assistant to the judge of the Sovetskiy District Court of Bryansk, E-mail: rodina1803@rambler.ru

УДК 930.25

Шувалова М.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР

В статье рассматривается исторический процесс становления и формирования законодательства РСФСР. При исследовании и анализе данного аспекта были использованы различные исторические научные методы: проблемно-хронологический, метод исторических параллелей, ретроспективный, структурно-системный, метод актуализации, а также метод историографического анализа литературы и историко-правовой метод. На основе проведенного анализа автор выделяет закономерности исторического развития государства в общем, и законодательства в частности, дает характеристику правоприменительной деятельности РСФСР. Изучение истории развития уголовного процесса имеет огромное значение, так как является прямым следствием многовекового генезиса права России. Бесспорно, исторический анализ развития уголовно-процессуального законодательства, в том числе регламентирующего участие педагога при производстве по уголовным делам обогащает историческую и процессуальную науки выявлением обстоятельств, которые послужили основанием для изменения и усовершенствования законодательства в части гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также поспособствовали возникновению новых вариантов правового регулирования, регламентирующего участие педагога, что, безусловно, помогает оценить достоинства и недостатки каждого варианта, а также их преемственность и целесообразность заимствования исторического опыта. Знаменательным и важным событием в развитии уголовно-процессуального права, становятся реформационные изменения, связанные с Октябрьской революцией 1917 года. В связи с принятием Конституции в 1918 году и формированием совершенно нового типа государства формируется советское право, в том числе нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие участие сведущих лиц. Уголовно-процессуальными кодексами РСФСР 1922 и 1923 гг. участие педагогов в уголовном судопроизводстве хоть и не предусматривалось, педагоги все равно зачастую привлекались к участию в допросах. Бесспорно, образование СССР способствовало формированию единой доктрины в области процесса доказывания, что непосредственно сказывается и на уголовном процессе по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

Ключевые слова: история, РСФСР, Октябрьская революция, советское законодательство, правовые нормы, уголовный процесс.

В 2017 году мы отметили 100-летие Октябрьской революции, которая явилась переломным моментом не только для Отечественной истории, но и всемирной. При всей дискуссионности данного события, можно смело утверждать, что попытка построения справедливого социалистического строя коренным образом изменила не только исторический путь развития России, но и оказало огромное влияние на другие страны. С 1918 года до 1996 год данное событие отмечалось как Всенародный праздник, именованный, как Годовщина Великой Октябрьской Революции, а до 2005 года 7 ноября – оставался выходным днем. Однако с 1996 года Указом президента был переименован в День примирения и согласия.

Безусловно, Октябрьская революция способствовала развитию и становлению новой государственности, а значит принципиально новому законодательству. Наибольший интерес представляет история развития советского уголовно-процессуального законодательства. Сразу необходимо подчеркнуть, что особенностью рассматриваемого периода является особый тип уголовного судопроизводства – социалистический, который был направлен на защиту интересов большинства населения – интересов трудящихся. Вместе с тем следует иметь ввиду, что при этом советский уголовный процесс представлял смешанную форму. А именно – проявление принципа состязательности и иных процессуальных принципов параллельно граничил с ограничением гласности судебного процесса и неравным положением следователя и обвиняемого по осуществлению процесса доказывания.

При исследовании и анализе исторического развития института защиты прав и свобод несовершеннолетних, как одного из аспектов становления законодательства РСФСР были использованы различные исторические научные методы:

— проблемно-хронологический, который позволил изучить генезис советского законодательства в его последовательном развитии.

— метод исторических параллелей позволил обобщить прежний исторический опыт защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в его сопоставлении с современным законодательством.

— ретроспективный метод, заключающийся в последовательном анализе исторических этапов становления РСФСР с целью более полного выявления причин принятия и совершенствования советского законодательства.

—структурно-системный метод, подразумевающий последовательный анализ истории становления РСФСР и рассмотрение структурных связей между вышеназванным аспектом и законодательством РСФСР, а также отдельных отраслей права.

—метод актуализации, позволивший определить ценность полученных научных знаний для последующего совершенствования Отечественного законодательства.

— метод историографического анализа литературы, способствовал более детальному и углубленному изучению развития законодательства РСФСР в частности развитию и укреплению советского государства в общем.

— историко-правовой метод позволил проанализировать такие исторические источники, как Декреты 1917-1918 гг., Руководящие начала 1919 года, УПК РСФСР 1923 года и УПК РСФСР 1960 года. В результате чего автором были сделаны нетривиальные выводы об исторических закономерностях рассматриваемого исторического периода.

Итак, чтобы четко понимать процесс исторического развития уголовного судопроизводства, который напрямую зависел от периодов становления социалистического строя. Необходимо выделить этапы развития послереволюционной науки уголовного процесса. Первый этап развития, начавшийся после 1917 года характеризовался в первую очередь борьбой за право на существование социалистического государства. Стоит отметить, что первые ростки нового права происходили путем принятия различных правовых актов. В связи с данной спецификой законодательные акты зачастую назывались абсолютно по-разному: декреты, декларации, обращения, воззвания, постановления.

Именно к вышеназванному этапу можно отнести декреты советской власти о суде 1917-1918 годов, в которых содержались первые уголовно-правовые нормы, так в соответствии с Декретом о земле от 26 октября 1917 года любая порча конфискованного имущества, которое принадлежало отныне всему народу являлась тяжким преступлением [1, с.171]. 2 декабря 1919 года были изданы «Руководящие начала» по уголовному праву РСФСР, в котором не только определялись задачи нового пролетарского уголовного законодательства и устанавливался перечень наказаний, но и регламентировался возраст с которого несовершеннолетние являлись субъектами преступлений и несли уголовную ответственность за противоправные действия. Согласно данному источнику права физическое лицо, достигшее 14 лет, совершившее преступление и при этом действующее «с разумением» привлекалось к уголовной ответственности. Что же касается несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, но совершивших противоправное деяние к ним не применялось уголовное наказание, однако при этом применялись принудительные воспитательные меры воздействия [2, с.144]. Нельзя не согласиться с мнением, что именно «Руководящие начала» заложили основы новой системы, которая согласно Конституции 1918 года раскрывала социально-классовую сущность правовых норм в условиях перехода к социализму [3, с.467]. Стоит сразу подчеркнуть, что Конституция РСФСР 1918 года носила идеологизированный характер, опиралась на первые декреты, принятые до середины 1918 года. И уже в 1924 году была принята Конституция СССР, главной причиной ее принятие являлось образование СССР (Союза Советских Социалистических республик).

Что касается непосредственно «Руководящий начал», то несмотря на все достоинства они не могли заменить полноценный Уголовно-процессуальный кодекс (далее УПК), поэтому систематизация права имела огромное значение для РСФСР. Так как одним из главных признаков любого государства является наличие структурированной правовой системы.

Начиная с 1918 по 1919 года нормы права стали носить более систематизированный характер. Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на Гражданскую войну и ин-

тервенцию продолжался процесс развития советского законодательства. Хотя военная обстановка оказывала влияние на нормотворческую деятельность молодого государства. Невозможно не отметить, что пробелы, существовавшие в праве, восполнялись революционным правосознанием. Советское уголовное право в рассматриваемый период развивалось по нескольким направлениям, обуславливающим закономерностями происходящих процессов: пресечение контрреволюционных деяний, дезертирства, должностных преступлений и различного рода спекуляций; а также началось постепенная кодификация норм.

Уже 25 мая 1922 года был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который был заменен через год УПК РСФСР от 15 февраля 1923 года. [4, с.567]. В соответствии со ст. 38 УПК РСФСР 1923 года уголовное дело о преступлении, совершенном несовершеннолетним не достигшим 16 лет должно быть передано в комиссию несовершеннолетних. Отдельное внимание уделено определению возраста несовершеннолетнего при отсутствии надлежащих документов, так согласно ст.141 УПК РСФСР 1923 года если нет возможности идентифицировать возраст несовершеннолетнего, необходимо медицинское освидетельствование [5]. Уголовно-процессуальными кодексами РСФСР 1922 и 1923 годов участие педагогов в уголовном судопроизводстве хоть и не было прописано, данные сведущие лица зачастую привлекались к участию в допросах. Вышеназванный кодекс действовал на протяжении практически четырех десятилетий. И только 25 декабря 1958 года были разработаны и утверждены Основы уголовного судопроизводства союза ССР и союзных республик, с помощью которых устанавливались общие принципы уголовного процесса в СССР. На модернизацию советского уголовного процесса оказала влияние, в первую очередь внутриполитическая обстановка, заключающаяся в демократизации общественной и государственной жизни. Таким образом, изменения, произошедшие в культурной и общественно-экономической жизни, отразились в создании новых законотворческих решениях. Немалую роль в данных процессах сыграло вступление в должность Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н.С. в 1953 году, и параллельно в 1958 году вступление его же в должность Председателя Совета Министров.

Возвращаясь к вопросу о содержании Основ уголовного судопроизводства союза ССР и союзных республик можно констатировать, что именно данный закон закрепил принцип на некоторое расширение процессуальный гарантий и более надежную охрану прав личности в уголовном процессе. Что касается несовершеннолетних, то единственное упоминание о данной категории лиц вышеупомянутого Закона содержится в ст. 22, согласно которому по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также лицам, которые в силу психических и физических недостатков не могут самостоятельно осуществлять защиту, защитник допускается к участию с момента предъявления обвинения [6]. Рекомендация о необходимости участия педагога содержалась в методический указаниях об организации прокурорского надзора по делам несовершеннолетних, утвержденных заместителем Генерального прокурора СССР 5 января 1957 года [7, с.50], что наглядно демонстрирует гуманизацию уголовного судопроизводства и усилению по охране прав и законных интересов несовершеннолетних. В Приказе Генпрокуратуры СССР от 14 июля 1956 № 83 «Об усилении прокурорского надзора по делам о несовершеннолетних» при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о ликвидации беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних дается рекомендация по точному исполнению законов, законностью задержания и привода несовершеннолетних, за законностью и обоснованностью направления несовершеннолетних в воспитательные колонии по решению судебных органов либо комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей. При этом в состав комиссии обязательно должны входить также педагоги [8, с.60].

Принятый в 1960 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР воспроизвел и развил положения Основ уголовного судопроизводства по процессуальным гарантиям личности. Важно заметить, что в УПК РСФСР 1960 года предусматривались дополнительные гарантии законности и объективности при производстве уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц. Впервые

происходит законодательное закрепление процессуальной фигуры – педагог, о чем свидетельствуют статьи 159, 285, 397 УПК РСФСР 1960 года. В которых указывается участие педагога в допросах несовершеннолетних обвиняемых и свидетелей. Согласно ст. 397 УПК РСФСР 1960 года участие педагога во время проведения допроса несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого остается на усмотрение следователя или прокурора либо по ходатайству защитника, таким образом не является обязательным и носит лишь рекомендательный характер. Также установлены четкие возрастные рамки несовершеннолетнего, при которых возможно привлечение педагога - это не достигшие 16 лет или достигшие, но признанные умственно отсталыми. Однако, что касается несовершеннолетних свидетелей в возрасте до 14 лет, то здесь участие педагога является обязательным, согласно статье 159 УПК РСФСР 1960 в возрасте от 14 лет до 16 лет по усмотрению следователя также может быть вызван педагог. Аналогичные требования по участию педагога, касающиеся порядка допроса несовершеннолетнего свидетеля в процессе судебного следствия содержатся в статье 285 УПК РСФСР [9]. Данный шаг стал важным в совершенствовании процессуальных гарантий несовершеннолетних.

Бесспорно, образование СССР способствовало формированию единой доктрины в уголовно-процессуальном праве. Подводя итог можно утверждать, что исторический анализ особенностей уголовного процесса в период социалистического строя, безусловно, обогащает историческую и процессуальную науки с помощью выявления обстоятельств, исторических изменений, которые послужили причиной изменения законодательства и явились предпосылкой к изменению законодательства, возникновению новых вариантов правового регулирования, что позволяет оценить достоинства и избежать недостатков каждого варианта, их преемственность, определяя целесообразность заимствования исторического опыта. Кроме этого, проанализировав исторический путь развития процессуальных гарантий несовершеннолетних участников судопроизводства, можно сделать вывод о том, что современное уголовно-процессуальное право во многом является преемником, следствием многолетних преобразований уголовного процесса, а также заслугой целых поколений ученых процессуалистов и, в общем, правоведов. Также генезис Отечественного законодательства демонстрирует путь преобразования от архаичности в подходах понимания защиты прав и свобод личности в уголовном процессе до публичного состязательного права.

Появление в уголовном процессе по преступлениям, с участием несовершеннолетних педагога – очень положительная динамика генезиса развития уголовного судопроизводства. Которая указывает на тенденцию гуманности уголовного процесса, а также появлению дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов не достигших совершеннолетия лиц.

Проведенный анализ убедительно подтверждает, что становление законодательства РСФСР обусловлено историческими закономерностями периода образования и развития Советского Социалистического государства.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории академии наук СССР. М.: Политиздат, 1957. 272 с.

2. Толстая А.И История государства и права России: Учебник для вузов. М.: Юстицинформ, Омега-Л, 2010. 320 с.

3. Курс уголовного права: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Общая часть. М.: Юрлитинформ, 2009. 624 с.

4. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954гг. /Под ред. Голунского С.А. М.: Госюриздат, 1955. 635 с.

5. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения 27.09.2017).

6. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» Ведомости ВС СССР, 1959, N 1, ст. 15 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения 19.10.2017).

7. Газиянц Л. Л. Недостатки судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних // Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 48-53.

8. Приказ Генпрокуратуры СССР от 14.07.1956 № 83 «Об усилении прокурорского надзора по делам о несовершеннолетних» Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. С. 59—62.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) Ведомости ВС РСФСР, 1960, № 40, ст. 592.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MINORS: THE ESTABLISHMENT OF THE LEGISLATION OF THE RSFSR

The article discusses the historical process of development of the legislation of the Russian Federation. The study and analysis of this aspect has been used in various scientific historical methods: problem - chronological method, historical Parallels, a retrospective, structural system, method of updating and method of historiographical analysis of the literature and the historical-legal method. On the basis of the conducted analysis the Author reveals the regularities of the historical development of the state in General and legislation in particular, gives a description of law enforcement in the Russian Federation. The study of the history of the development of the criminal process is of great importance, since it is a direct consequence of the centuries-old genesis of the law of Russia. Undoubtedly, the historical analysis of the development of criminal procedural legislation, including regulating the participation of a teacher in criminal proceedings, enriches historical and procedural science by identifying circumstances that served as the basis for changing and improving legislation in terms of guaranteeing the protection of the rights and legitimate interests of minors, and also contributed emergence of new options for legal regulation, regulating the participation of the teacher, which certainly helps appreciate the advantages and disadvantages of each option, as well as their continuity and appropriateness of borrowing historical experience. A significant and important event in the development of criminal procedural law is the reformation changes associated with the October Revolution of 1917. In connection with the adoption of the Constitution in 1918 and the formation of a completely new type of state, Soviet law is being formed, including the norms of the criminal procedural legislation regulating the participation of knowledgeable persons. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1922 and 1923. the participation of teachers in criminal proceedings, although not provided, teachers were still often involved in interrogation. Undoubtedly, the formation of the USSR contributed to the formation of a unified doctrine in the field of the process of proof, which directly affects the criminal process in cases of crimes committed by minors.
Keywords: history, Russia, October revolution, Soviet law, legal norms of the criminal process.

References

1. Dekretyi Sovetskoy vlasti. Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii akademii nauk SSSR. M.: Politizdat, 1957. 272 s.

2. Tolstaya A.I Istoriya gosudarstva i prava Rossii: Uchebnik dlya vuzov. [History of state and law of Russia]M.: Yustitsinform, Omega-L, 2010. 320 s.

3. Kurs ugolovnogo prava: Uchebnik dlya vuzov [The course of criminal law] / Pod red. N.F. Kuznetsovoy, I.M. Tyazhkovoy. T. 1: Obschaya chast. M.: Yurlitinform, 2009. 624 s.

4. Istoriya zakonodatelstva SSSR i RSFSR po ugolovnomu protsessu i organizatsii suda i prokuraturyi. 1917-1954gg. /Pod red. Golunskogo S.A. M.: Gosyurizdat, 1955. 635 s.

5. Postanovlenie VTsIK ot 15.02.1923 «Ob utverzhdenii Ugolovno-Protsessualnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» [Elektronnyiy resurs]. URL: http://www.consultant.ru. (data obrascheniya 27.09.2017).

6. Zakon SSSR ot 25.12.1958 «Ob utverzhdenii Osnov ugolovnogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznyih respublik» Vedomosti VS SSSR, 1959, N 1, st. 15 [Elektronnyiy resurs]. URL: http://www.consultant.ru. (data obrascheniya 19.10.2017).

7. Gaziyants L. L. Nedostatki sudebnoy praktiki po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih[Shortcomings of court practice on cases on crimes of minors] // Sotsialisticheskaya zakonnost. 1956. # 5. S. 48-53.

8. Prikaz Genprokuraturyi SSSR ot 14.07.1956 # 83 «Ob usilenii prokurorskogo nadzora po delam o nesovershennoletnih» Sbornik deystvuyuschih prikazov i instruktsiy Generalnogo prokurora

SSSR. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literaturyi, 1958. S. 59—62.

9. Ugolovno-protsessualnyiy kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 29.12.2001, s izm. ot 26.11.2002) (s izm. i dop., vstupayuschimi v silu s 01.07.2002) Vedomosti VS RSFSR, 1960, # 40, st. 592.

Об авторе

Шувалова Мария Александровна – аспирант Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского; преподаватель Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, E-mail: masgribanova@yandex.ru

Shuvalova Maria Alexandrovna – postgraduate student of the Bryansk state University I.G. Petrovskogo; lecturer at military Institute of railway troops and military communications, E-mail: masgribanova@yandex.ru

УДК 346.13

Шушканов П.А., кандидат юридических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ) ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются актуальные для процессов реформирования гражданского законодательства вопросы совершенствования структуры источников хозяйственного (предпринимательского) права. В частности, рассматривается вопрос о возможности принятия в Российской Федерации самостоятельного Хозяйственного кодекса без нарушения пандектных основ построения системы частного права. Автор рассматривает как положительные перспективы принятия подобного акта, так и возможные негативные последствия для системы гражданского законодательства.
Ключевые слова: гражданское право, частное право, хозяйственные отношения, кодификация.

Законодательство, регулирующее правоотношения частного характера, является в России устоявшимся и следующим в своем развитии определенным принципам построения своей структуры и кодификации. Вопросы о возможности принятия тех или иных кодексов частноправового характера остались в прошлом и достаточно редко поднимаются в научной среде [2]. Законодатель ушел от идеи принятия отдельного Кодекса интеллектуальной собственности, заменив его на соответствующую часть Гражданского кодекса РФ (в противном случае правоприменитель мог бы столкнуться с коллизиями общих норм двух частноправовых кодексов), не поднимается вопросов о необходимости Торгового кодекса (гражданское право в России устоялось как отрасль пандектного типа, не предусматривающего дуализма частного права и менять данный порядок не имеет смысла ни с точки зрения науки, ни практики). Однако, актуальность одного из вопросов, возникавших на заре формирования нового гражданского законодательства России все еще является актуальным и часто возникает в научных публикациях - вопрос о возможности принятия Хозяйственного кодекса и его действия параллельно с существующим ГК РФ.

Здесь следует сразу отметить два момента. Во-первых, Хозяйственный кодекс, предлагаемый некоторыми авторами [1], не представляет собой аналога торгового кодекса из гражданского права стран с институционной системой частного права, где существует дуализм частноправовых норм. Здесь имеется в виду кодификация специального законодательства, регулирующего предпринимательские правоотношения, то есть, принятие своего рода предпринимательского кодекса. И, во-вторых, речь не идет о принятии конкурирующего правового акта (как, например, на Украине, где нормы Гражданского кодекса противоречат нормам Хозяйственного кодекса), а о дополнительном специальном кодифицированном акте, имеющем вторичное значение по отношению к ГК РФ. Такие аналоги существуют. Например, Торговый кодекс Германии не имеет самостоятельного значения без Гражданского уложения, поскольку, как и России, германия входит в число стран с пандектной системой частного права, предполагающей монизм.

Проблема кодификации предпринимательских правоотношений сродни проблеме кодификации интеллектуальной собственности, существовавшей в конце 90-х г.г., когда в законодательстве насчитывалось порядка нескольких десятков разрозненных нормативных актов, при этом, не противоречащих друг другу, но выстроенных с систему. Ученые того времени предлагали не трогать существующий порядок регулирования исключительных прав и оставить систему нормативных актов без изменений и без кодификации. Нечто подобное существует и сейчас, только правовых актов, регулирующих предпринимательские правоотношения в разы больше, а сфера их регулирования существенно шире. С одной стороны, существующая база правового регулирования предпринимательских отношений является объемной и жизнеспособной, в течение долгих лет регулируя отношения в огромных областях экономики. С другой стороны, в некоторых вопросах унификация и устранение коллизий, а так же принятие единых общих норм не были бы лишними.

Не секрет, что многие специальные законы уже давно переросли свои корни в ГК РФ и зачастую прямо противоречат им. ГК РФ уже не может регулировать все вопросы относительно создания и деятельности хозяйствующих субъектов, банкротства, лицензирования и т.п. В то же время, специальные акты, развиваясь самостоятельно, нуждаются в некой унификации, а не простому следованию правилу приоритета специальной нормы над общей. Так уже назрела необходимость единого акта о коммерческих юридических лицах, включающего в себя и порядок создания данных организаций, и развернутое регулирование отдельных видов организационно-правовых форм, вопросы ликвидации коммерческих организаций. Сейчас эти правоотношения регулируются десятком отдельных нормативных актов. Конечно, ничего страшного в этом нет, однако, существует два неоспоримых преимущества кодификации. Во первых, кодифицированный акт намного проще совершенствовать, вносить изменения и дополнения, не порождая новых коллизий. Во вторых, единообразие общих норм, вынесенных в основные положения закона, позволяют устранить недостатки и пробелы правового регулирования, свести "к общему знаменателю" многие аспекты нормативного регулирования. Так. например, вынеся в основные положения нормы об уставе организации, отдельных органах структуры управления, общие принципы ликвидации, такие понятия, как "пай", "учредитель", "аффилированное лицо", "ликвидатор" и проч., мы закладываем единые основы для организации деятельности всех форм коммерческих организаций от ООО до отдельных форм корпоративных объединений (консорциумы, синдикаты, холдинги). И это только в случае кодификации законодательства о юридических лицах (коммерческих, либо корпоративных). Хозяйственный кодекс предполагает еще более широкий спектр регулирования отношений. Это и вопросы деятельности индивидуальных предпринимателей и их банкротства, и вопросы лицензирования деятельности, бухгалтерского учета, отдельных видов хозяйственной деятельности, не предусмотренной ГК РФ (рекламной, аутсерсинговой). Кодекс может включить в себя правовое регулирование оборота ценных бумаг, объединив в едином акте разрозннные нормы (например, законов о рынке ценных бумаг и об акционерных обществах).

Отдельного регулирования требуют вопросы объектов хозяйственных правоотношений. Общественные отношения уже давно вышли за рамки перечня объектов гражданских прав, предусмотренного ГК РФ. В частности, это касается валютного контроля, цифровых технологий. Новые объекты и отношения требуют правового регулирования, которое осуществляется сейчас только на основе аналогии закона и права и путем установления прямых запретов.

По нашему мнению, предлагаемый Хозяйственный кодекс должен содержать следующие разделы: 1.Общие положения; 2.Субъекты предпринимательской деятельности; 3.Объекты хозяйственного оборота и ценные бумаги; 4.Лицензирование хозяйственной деятельности; 5.Государственное регулирование хозяйственной деятельности; 6.Хозяйственные обязательства; 7.Международное регулирование хозяйственной деятельности; 8.Переходные положения. Отдельно заметим, что раздел 2 «Субъекты предпринимательской деятельности» должен содержать главы об организационно-правовых формах хозяйствующих субъектов, создании, реорганизации и ликвидации субъектов предпринимательской деятельности.

Напомним, что Хозяйственный кодекс должен иметь вторичное значение по отношению к Гражданскому кодексу РФ, следовательно, разделы о субъектах и объектах хозяйственного оборота должны не противоречить гражданскому законодательству, а дополнять соответствующие главы ГК РФ. В то же время Хозяйственный кодекс РФ в перспективе следует признать специальным актом по отношению к Гражданскому кодексу в целях устранения возможных противоречий между ними правилом приоритета действия нормативных актов.

Теперь поговорим о негативных последствиях принятия Хозяйственного кодекса.

Первая проблема является сугубо научной и теоретической. Хозяйственный кодекс, даже в его вторичном по отношению к ГК РФ значении, будет рассматриваться как прямое нарушение основ пандектного построения российского частного права. По устоявшимся

правилам, при монизме частного права, гражданское право является единым, но семейное выделяется в отдельную ветвь законодательства и даже в отдельную отрасль права. При дуализме гражданское и хозяйственное (предпринимательское) право разделены, но семейное – неотъемлемая часть гражданского. Принятие Хозяйственного кодекса заставит многих ученых (а за ними и законодателя) пересмотреть основы формирования гражданского законодательства и частного права, что приведет к существенному изменению его структуры.

Вторая проблема носит практический характер. Изменение или даже отмена специального нормативного акта – процедура гораздо более простая, чем внесение изменений в кодифицированный акт без существенного перестроения его структуры.

Тем не менее, перспективы принятия Хозяйственного кодекса гораздо более конструктивны и полезны для развития частного права, чем сохранение действующей системы разрозненных актов.

Список литературы

1. Суханов Е.А., Яковлев В.Ф. «Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности» // «ЭЖ-Юрист». - 2006. - № 19.

2. Дойников В. О проекте предпринимательского (хозяйственного) кодекса М.,2007, 560с.

ABOUT PROSPECTS OF PERFECTION OF LEGAL REGULATION OF ECONOMIC (BUSINESS) RELATIONS

The article considers relevant for the reform processes of the civil law issues of improving the structure of sources of economic (entrepreneurial) law. In particular, we consider the possibility of adoption in the Russian Federation independent of the commercial code without violating pantechnik the foundations of the system of private law. The author considers as positive the prospects for the adoption of such act, and possible negative impact on the system of civil law.
Keywords: civil law, private law, economic relations, codification.

References

1. Sukhanov E. A., Yakovlev V. F. "Codification of legislation on intellectual property" // "Ezh-Yurist". - 2006. - No. 19.

2. Doinikov, V. About the project of the entrepreneurial (economic) code M.,2007, 560c.

Об авторе

Шушканов Павел Александрович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: izekkil@yandex.ru

Shushkanov Pavel Aleksandrovich – candidate of juridical Sciences, head of the chair of civil disciplines at Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: izekkil@yandex.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;
08.00.00 – экономические науки;
12.00.00 – юридические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. <u>В начале статьи указываются:</u>

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1см.)

3. <u>После текста статьи размещаются</u>:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учереждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы <u>не допускаются</u>. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- ***Введение*** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);

- ***Методы*** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);

- ***Результаты*** (представляются фактические результаты исследования);

-***Обсуждение*** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- ***Заключение*** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

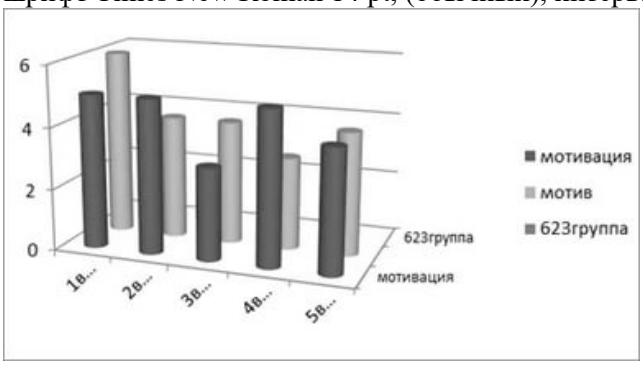


Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru
Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (35) 2018.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 21.03.2018.
Дата выхода журнала в свет: 30.03.2018.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 34,0. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**